

Борис Акунин

ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ НА ДУБЕ ТОМ

Викистория российского
государства

Борис Акунин

ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ НА ДУБЕ ТОМ

Викистория
российского государства

BAbook
2025

Эта книга является лаконичной версией 10-томной «Истории российского государства» с изложением авторской концепции и общей логики общественно-политических процессов. Во всяком случае, представляет собой попытку эту логику обнаружить. Последние две главы посвящены периодам, не охваченным десяти томником: СССР от расцвета до распада и эпоха, начавшаяся с 1991 года.

Про эту книгу

Самый известный стихотворный текст русской литературы, запев к пушкинской поэме «Руслан и Людмила», начинается со строк:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том,
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом.
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит...

В этих хрестоматийных строках, описывающих зачарованный мир русской сказки, содержится – мое личное открытие – и код к пониманию всей российской истории. «Дуб зеленый» – это Россия, а «златая цепь» – сковывающая страну неизбежность, из-за которой российская история столь фатально циклична: влево – и снова вправо, влево – и снова вправо. «Кот ученый», ясное дело, – российский Историк. В реакционные времена он идет направо и говорит страшную сказку о том, что судьба России – Величие, в либеральные времена заводит сладостную

песнь о том, что Россия рождена для Свободы. Сама Россия тоже качает листвой по направлению ветра попеременно то влево, то вправо, но дуб при этом остается на том же самом месте, скованный всё той же цепью.

Меня много лет удручала и повергала в горестное недоумение безысходная маятникообразность этого движения – то, что за периодами либерализации всегда, неизбежно следовало возвращение к затягиванию цепей. В этом ощущалась мистическая обреченность. Ученые коты-историки, и «левые», и «правые», чего-то самого главного мне про Россию не объясняли.

В конце концов я решил, что попробую найти объяснение сам – напишу собственную историю России. И поскольку я кот не очень ученый, обойдусь без песен и сказок, а честно и простодушно, безо всяких предварительных установок и идеологических (пред)убеждений реконструирую весь ход истории российского государства, от самых его истоков. Руководствоваться я буду лишь двумя правилами: во-первых, попытаюсь разобраться, что факт, а что легенда или пропаганда; во-вторых, не стану подстраивать изложение под заранее выработанную концепцию. Пусть она

возникнет сама, в ходе этого длинного путешествия.

Оно растянулось больше чем на десятилетие и превратилось в десять довольно толстых томов «Истории российского государства». Концепция сформировалась не сразу, а лишь на третьем томе, когда забрезжил некий свет, постепенно всё более яркий. Не могу с категоричностью утверждать, что мое понимание главной проблемы российского государства верно, но мне самому эта трактовка вполне убедительно объясняет эволюцию страны. Покажется ли мое толкование убедительным читателю, я не знаю.

Книга представляет собой лаконичный вариант моего многотомного эссе, его сжатую компиляцию с использованием фрагментов полного текста. Это уже не поиск концепции, а ее обоснование – выстраивание логической цепочки. Вероятно, мое сочинение следует отнести к поп-жанру *making sense of history*. Именно это я и пытаюсь сделать: проникнуться надеждой, что в истории человечества есть некий сюжет и смысл, что исторический процесс, представляя собой соединение случайного и неслучайного, все же

следует пускай не прямолинейной, но более или менее логичной траекторией.

Чтобы логика не тонула в деталях, я построил книгу по принципу «Википедии» или же, если придерживаться русского колорита, по принципу матрешки: внутри основного текста спрятаны дополнительные. Каждая глава делится на два раздела. Первый так и называется: «Основное», второй называется «Подробности». Если вас интересует лишь моя концепция, довольно будет прочитать только первые разделы книги – это можно сделать за один час. Однако в сухом и лаконичном тексте, описывающем лишь самую суть данной эпохи, выделены некоторые фразы, имена или слова, к каждому из которых в разделе «Подробности» привязан отдельный рассказ. По замыслу автора, книгу лучше всего читать так: сначала про то, что произошло, а затем про то, как это происходило. Если же вам захочется погрузиться в тот или иной исторический период глубже, прочтите соответствующий том моей стайерской «Истории российского государства».

Завершается книга приложением «Портретная галерея» – тоже своего рода вики-справочником.

Одной из самых интересных тем в изучении истории мне кажется вопрос о роли личности. Каково соотношение объективного и субъективного, неизбежного и случайного в событиях, изменивших мир? Чего может и чего не может достичь один человек, пытающийся переделать действительность?

Российская история в этом смысле особенно познавательна, потому что сложившаяся здесь государственная конструкция в силу чрезвычайной централизованности управления всегда очень зависела от личных качеств правителя. Абсолютные монархии и тоталитарные диктаторские режимы, разумеется, существовали и в других странах, но первые давно канули в историю, а вторые обычно заканчиваются со смертью тирана, в России же определяющая роль человека, находящегося на самом верху властной вертикали, из века в век является константой. Русский – единственный из известных мне языков, где само слово «государство» происходит от слова «государь».

Подобно тому, как Светоний когда-то составил биографический сборник «Двенадцать цезарей», я выбрал тринадцать «цезарей», сыгравших

наиболее важную роль в российской истории: один великий князь, один царь, пять императоров, одна императрица, два «вождя» и три президента. Я попытался проанализировать, как личные черты каждого из них повлияли на судьбу целой страны. Нехорошее число 13 в моем «новом Светонии» сложилось не для пущей зловещести, а случайно. Это не просто биографические портреты тринадцати людей, это тринадцать разных типов властителей и тринадцать разных типов властвования.

Что ж, как говорится в зачине древнейшей русской летописи «Повесть временных лет»: «Се начнем повесть сию».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава нулевая. ПРЕДЫСТОРИЯ.....21

ОСНОВНОЕ 21

ПОДРОБНОСТИ 35

Рюрик 35

Отряды викингов..... 36

Чингисхан 38

Чингисханово войско 42

Поход к Западному Морю..... 46

Великое Княжество Литовское 49

Торговый Новгород..... 52

Разрыв с Ордой 56

Конец Новгородской республики..... 66

Глава первая. ПЕРВОЕ ГОСУДАРСТВО

И ПЕРВЫЕ ГОСУДАРИ

ОСНОВНОЕ 70

ПОДРОБНОСТИ 86

Покорение удельных княжеств 86

«Юрьев день» 88

Византийская принцесса 89

Василий III 91

Конец автономий	93
Отношения Василия III с татарскими ханствами.....	95
Войны Василия III с Литвой	99
Царский титул	100
Земский собор	102
Завоевание Казани и Астрахани	103
Война с Ливонским орденом	105
Польская война	108
Репрессии Ивана Грозного	112
Борис Годунов	114
Колонизация Сибири	116

Глава вторая. ВТОРОЕ ГОСУДАРСТВО

ОСНОВНОЕ	119
ПОДРОБНОСТИ	134
Царевич Дмитрий.....	134
Семь царей за восемь лет	135
Крестьянская война.....	137
Интервенция.....	139
Романовы	141
Патриарх Филарет	143
Война с Польшей 1632–1634 гг.	144
Боярин Морозов	146
Патриарх Никон	147
Артамон Матвеев	149

Казачество	151
Два столичных бунта	153
Гражданская война	157
Церковная реформа.....	160
Присоединение Украины	163
Войны тишайшего царя.....	169
Движение к океану	174
Соборное Уложение	177
Патриарх Иоаким	179
Стрельцы	180
«Вечный мир»	182
Договор с Китаем.....	183
Крымские кампании	184
Переворот 1689 года	186
Голицынский проект.....	188

Глава третья. ПЕТР ВЕЛИКИЙ, или РЕСТАВРАЦИЯ

ОСНОВНОЕ	190
ПОДРОБНОСТИ	207
Бессмысленность Азовских походов.....	207
Сюрприз Карла XII.....	208
Нарвская конфузия	210
Битва близ Полтавы	211
Король-сумасброд.....	212
Засидевшийся гость	214

Среднеазиатский поход	216
Персидский поход	218
Петровская регламентация.....	219
Закрепощение дворянства.....	222
Новая столица	224
«Воронежский флот»	227
Строительство каналов	228
Фрагментарная европеизация.....	230

Глава четвертая. ОТ САМОДЕРЖАВНОЙ ИМПЕРИИ К САМОДЕРЖАВНО-ДВОРЯНСКОЙ

ОСНОВНОЕ	233
ПОДРОБНОСТИ	253
Малозначительные монархи	253
Феномен переворотов.....	254
Фавориты правительниц	259
«Русские и немцы»	263
Войны императрицы Анны.....	266
«Слово и дело».....	269
Императорский двор	272
Елизаветинская стабильность	274
Участие России в Семилетней войне	277
Новая династия	280
Двойное убийство Петра III	281
Екатерина II: формирование личности	283

Турецкая война 1768–1774	285
Захват Крымского ханства.....	286
Турецкая война 1787–1791	287
Реформа армии	288
Шведская война 1788–1790.....	290
Первый раздел Польши	292
Второй раздел Польши	293
Наказ императрицы.....	294
Уложенная Комиссия	296
Пугачевское восстание	299
Зарождение нового сословия.....	305
Национальные «вопросы».....	307
Гонения против башкиров и калмыков.....	310
Заговор 1801 года	312
Война с Францией	314
Отношения с Англией	316
Отношения Павла с дворянством.....	318

Глава пятая. ПЕРВАЯ СВЕРХДЕРЖАВА

ОСНОВНОЕ	321
ПОДРОБНОСТИ	341
Благонамеренный Александр.....	341
Негласный Комитет	342
Война с Францией (1805–1807)	345
Аракчеев	347

Сперанский.....	348
Персидская война (1804–1813).....	351
Шведская война (1808–1809).....	352
Турецкая война (1806–1812).....	354
Александр и Наполеон.....	357
Гибель Великой Армии.....	359
«Эпоха Затемнения».....	361
Тайные общества.....	363
Попытка переворота.....	365
Война с Персией (1826–1828).....	366
Турецкая война (1828–1829).....	368
Революции в Европе.....	371
Польское восстание.....	372
Новая революционная волна.....	375
Осада Севастополя.....	377
Николаевская реакция.....	380
Николаевская экономика.....	382

Глава шестая. РЕФОРМЫ И КОНТРРЕФОРМЫ

ОСНОВНОЕ.....	385
ПОДРОБНОСТИ.....	402
Окружение Царя-Освободителя.....	402
Феномен гласности.....	405
Освобождение крестьян.....	407
Судебная реформа.....	409

Земская и Городская реформы	412
Военная реформа	415
Кавказская война	417
Польское восстание	420
Завоевание Средней Азии.....	423
Балканская война	425
Сан-Стефанский и Берлинский договоры.....	428
Ненадежные союзники	430
«Хождение в народ».....	434
Вера Засулич	436
Охота на царя	437
Александр III.....	439
Победоносцев.....	441
Контрреформистская деятельность.....	442
Большая Игра.....	445
Союз с Германией и Австрией	448
Альянс с Францией	449
«Кухаркины дети» и «скопление девиц»	451
Община	453

Глава седьмая. ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ

ОСНОВНОЕ	455
ПОДРОБНОСТИ	473
«Бессмысленные надежды»	473
Вторая волна терроризма.....	474

Либералы переходят от слов к делу	476
Эсеры	478
Эсдеки	480
Проект «Желтороссия».....	482
Русско-японская война	484
Первая русская революция.....	486
Портсмутский мир.....	490
Политические партии	491
Государственная Дума	494
Столыпинская реформа	497
Конец реформатора-«государственника»	499
Балканские войны	502
1914.....	503
1915.....	506
1916.....	507
«Распутинщина»	510
Падение самодержавия	512

Глава восьмая. ВОСКРЕШЕНИЕ ИМПЕРИИ

ОСНОВНОЕ	516
ПОДРОБНОСТИ	537
Колонии провозглашают независимость.....	537
Низовая революция.....	538
«Приказ № 1».....	539
Партия большевиков	540

Ленин	542
Троцкий	544
Июльский мятеж левых	545
Августовский мятеж правых	547
Октябрьский переворот	549
Брестский мир	551
«Диктатура пролетариата»	553
«Военный коммунизм»	555
«Красный террор»	557
Первый этап Гражданской войны	559
Второй этап Гражданской войны	562
Третий этап Гражданской войны.....	564
Завершающий этап Гражданской войны.....	565
Новая экономическая политика (НЭП).....	567
Антибольшевистские народные восстания	569
Иосиф Сталин	570
Попытки экспорта революции.....	572
Переход к монокрации	575
Создание СССР	577
Паспортизация и прописка	578
Колхозная система	580
Сталин – живой бог	581
Деаграризация.....	582
Индустриализация	586

Массовый террор	587
Подготовка к большой войне.....	592
Советско-германский пакт	594
Финская война	595
План «Барбаросса»	597
Кампания 1941 года.....	599
Кампании 1942–1944 гг.	601
Последний этап войны.....	604
«Лендлиз»	606
Встречи на высшем уровне	608
Потсдамская система.....	610

Глава девятая. ВТОРАЯ СВЕРХДЕРЖАВА

ОСНОВНОЕ	613
ПОДРОБНОСТИ	636
«План Маршалла»	636
Потери СССР в войне.....	636
«Холодная война».....	637
Корейская война	640
Вьетнамская война	641
Афганская война	642
Берлинский кризис	644
Карибский кризис	645
Космическое соперничество	647
Гонка вооружений	649

Главный враг – Югославия.....	651
Государственный антисемитизм.....	652
Расправа с «ближним кругом».....	654
Смерть Сталина	655
Лаврентий Берия	656
«Номенклатура».....	658
Никита Хрущев.....	660
Хрущевский «волюнтаризм» и его последствия	662
Леонид Брежнев	665
Геронтократия.....	667
Власть как объект анекдотов	668
Нефтегазовый фактор	669
Возрождение Общества	671
Михаил Горбачев	673
Конец афганской оккупации	674
Конец Холодной войны	676
«Осень народов».....	677
«Гласность»	679
Возрождение парламентаризма	681
Парламентская оппозиция.....	684
Межэтнические конфликты	686
Бессилие силовых методов.....	687
Неудавшийся переворот	689
Глава последняя. НЕДОПИСАННАЯ	692

ТРИНАДЦАТЬ ПРАВИТЕЛЕЙ. Портретная галерея

Иван III, или Рационалист у власти	718
Иван Грозный, или Психотик у власти.....	730
Петр I, или Гипердинамист у власти.....	744
Екатерина II, или Реалистка у власти.....	757
Александр I, или Идеалист у власти	770
Николай I, или Фельдфебель у власти.....	783
Александр II, или Флегматик у власти.....	796
Николай II, или Фаталист у власти	804
Ленин, или Теоретик у власти	817
Сталин, или Прагматик у власти.....	831
Горбачев, или Миопик у власти	842
Ельцин, или Импульсив у власти	856
Путин, или Спецслужбист у власти	869

Глава нулевая

ПРЕДЫСТОРИЯ

ОСНОВНОЕ

В российских школах детей учат, что государство, в котором они живут, было основано **князем Рюриком** в 862 году. Это утверждение, мягко говоря, неточно. Государство, прямым потомком и наследником которого является нынешняя Российская Федерация, возникло намного позже, в середине XV века, и создано оно совсем другим историческим деятелем. События предшествующих шести столетий являются лишь предысторией российской государственности. Она произошла от двух корней – киевского и татаро-монгольского, причем определяющим стал не первый элемент, а второй.

Древняя Киевская Русь связана с последующей Россией всего двумя нитями, о которых будет сказано ниже. Это раннегосударственное образование прекратило свое существование задолго до того, как образовалась Московская Русь.

Что представляло собой великое княжество Киевское? Почему оно появилось, достигло могущества, а затем ослабело и распалось?

Как чаще всего бывает в истории, главная причина всех этих событий экономическая.

В VIII-IX веках арабская экспансия нарушила морские торговые маршруты, связывавшие центр тогдашней христианской цивилизации Константинополь с Западной Европой. Купцам пришлось найти другой путь, кружной и трудный: от Черного моря по рекам до Балтики и далее северными морями на запад. «Путь из варяг в греки» (верней было бы его назвать «из грек в варяги») стал частью главной коммерческой трассы, шедшей по контуру всей Европы. На востоке он проходил сначала через степные, затем через лесные области равнины, населенной языческими славянскими племенами. На севере главным пунктом этого маршрута был Новгород, на юге – Киев.

Древнерусское государство возникло, когда новгородский правитель Хельги (в славянской летописи Олег) соединил под своей властью оба конца, сделав столицей Киев. Наследники Олега разбогатели на обслуживании транзита: брали пошлину с караванов, а взамен обеспечивали безопасность трассы, чинили корабли, предоставляли тягловую силу для речных волоков и,

разумеется, пускали в оборот собственные товары.

Прибыль была столь велика, что киевские государи смогли содержать большое войско и подчинили своей власти обширные земли. Наивысшего расцвета русское государство достигло в XI веке.

Слово «русский» первоначально означало совсем не то, что сегодня. «Русью» называли не восточных славян, а бродячие **отряды викингов**. По-видимому, это искаженное скандинавское «ропсмен», то есть «гребцы» – варяжские дружины чаще всего совершали свои походы на весельных ладьях. Иногда пришельцы захватывали какую-то территорию и оседали на ней, иногда нанимались к местному правителю в качестве боевой дружины. В обоих случаях выходцы с севера через несколько поколений перемешивались с местными жителями. Такое происходило в самых разных концах Европы, произошло это и в Киеве. В раннерусской аристократии преобладали скандинавские имена: Ингварь-Игорь, Свендислейф-Святослав, Свенельд, Рогнеда, Рогволд и так далее.

Упадок Киева начался, когда ослабели арабы и восстановилась средиземноморская торговля, более оперативная и выгодная, чем медленный днепровский путь. К тому же пришла в упадок Византийская империя, появились новые участники и новые направления международного товарного обмена.

Доходы киевских правителей очень сократились. Великие князья уже не могли удерживать под своим контролем дальние области, и те стали одна за другой обособляться. Государство рассыпалось. Его погубило вовсе не татаро-монгольское нашествие тринадцатого века, а изменение экономической конъюнктуры в двенадцатом.

К моменту великого вторжения держава, некогда занимавшая почти всю Восточную Европу, превратилась в лоскутное одеяло, состоявшее из полусотни средних, маленьких и крошечных княжеств.

Как уже было сказано, от Киевской Руси будущая Россия унаследует только два элемента, но оба очень важны: это религия и правящая династия.

Христианизация раннеевропейских государств (а Русь тогда была частью европейского цивилизационного процесса) происходила повсеместно и объяснялась не столько духовными, сколько политическими мотивами.

Централизация государственной власти требовала и централизации религиозных верований. Представление о том, что наверху только один Бог, а внизу только один Государь, идеологически укрепляло монархию. Примерно в те же годы христианство приняли норвежский, датский, польский, венгерский короли. Перестало устраивать многобожие и киевских властителей.

В древней летописи «Повесть временных лет» описано, как киевский князь Владимир Красно Солнышко (правил ок. 978–1015) долго выбирал, к какой монотеистской церкви ему бы примкнуть – к иудейской хазарской, к магометанской, к римской или к византийской, и выбрал последнюю как наиболее достойную. Это, конечно, выдумка летописца. Никаких колебаний в конце X века у киевского правителя быть не могло. Его держава была периферией византийского мира. Константинополь давал странам, принимавшим греческую веру, всяческие привилегии. Хорошие

отношения с Империей сулили князю-христианину большие выгоды.

В 988 году Владимир символически крестил свою столицу, то есть насильно загнал горожан в воду, и греческий священник произнес над мокрыми перепуганными киевлянами какие-то заклинания, размахивая непонятной крестовиной. Истинная христианизация обширной страны растянется на несколько веков, постепенно вытесняя языческие верования и долгое время уживаясь с ними. И тем не менее великий поворот свершился. То, что Русь приняла именно византийский вариант христианства, сыграет в истории будущей России важное значение.

В государственном смысле главное отличие римского христианства от константинопольского заключалось в том, что католическая церковь считала себя выше земных государей и временами диктовала им свою волю, православная же по сложившейся византийской традиции была верной соратницей базилевса, его помощницей. Такою станет и российская церковь, которая будет всегда служить интересам государства.

Другим наследием Киевской Руси была династия Рюриковичей, одна из ветвей которой

в середине XII века обособилась на севере, где возникло сильное Владимиро-Суздальское княжество. Оно-то позднее и станет ядром русского государства. И окончательно разорили Киев вовсе не степняки, а владимирский князь Андрей Боголюбский, который в 1169 году напал на «мать городов русских» и так опустошил великий город, что тот утратил былое политическое и экономическое значение. Все московские, а затем российские монархи вплоть до пресечения династии в конце XVI века являлись прямыми потомками младшего брата и наследника Боголюбского – владимирского князя Всеволода Большое Гнездо (правил 1176–1212).

Однако от разрыва с Киевом до создания русского государства было еще далеко. Сначала будущей стране предстояло пройти через долгую эпоху «азиатизации», стать частью азиатской державы.

Великая евразийская Степь, простиравшаяся на тысячи километров от Маньчжурии до Карпатских гор, с незапамятных времен насылала на Европу нашествия. За три века своей истории Киевская Русь пережила два крупных столкновения

со Степью: сначала с ордами печенегов, потом с ордами половцев. В обоих случаях государство хоть и с трудом, но устояло. Новое нашествие, произошедшее в 1237 году, застало распавшуюся страну в период ее максимального ослабления. При этом удар с востока был невиданной прежде мощи. На Европу двигался не кочевой народ, следующий за своими стадами, и не племя, вытолкнутое с родных пастбищ более сильными соперниками, а воинская империя, ставившая своей задачей покорение всего мира, имевшая превосходную армию и созданная выдающимся вождем. Шансов выдержать такой натиск у русских княжеств не было.

Летопись, рассказывающая о монгольском нашествии, называется «Слово о погибели русской земли». В той же похоронной тональности описывают захват Руси и большинство российских историков. На самом же деле произошло нечто обратное: приход азиатских завоевателей запустил исторический процесс, который приведет к рождению России. В государственном смысле страна станет преемницей Орды, воспользовавшись монгольским опытом и конструктивными

принципами, разработанными **великим вождем Чингисханом**.

Что это были за принципы?

Чингисхан изобрел государство нового типа. Главная идея заключалась в том, что вся политическая воля должна быть сосредоточена в одной точке – в ханской ставке. Жители, снизу доверху, должны были состоять на службе у государства: князья, воины, простолюдины – все без исключения. Государство объявлялось высшей ценностью. В территориально-организационном смысле страна представляла собой стройную пирамиду: делилась на области-тумены, выставлявшие для похода десять тысяч бойцов; тумены состояли из «тысяч», «тысячи» из «сотен», «сотни» из «десятков». Вся структура даже в мирное время представляла собой армию, основанную на строгом единоначалии и коллективной ответственности. Все рычаги власти сходились к вершине – фигуре великого хана. Он и только он принимал решения, поэтому его особа считалась священной, ничто не могло быть выше воли государя. Законы существовали лишь для подданных, правителя они сковывать не могли. Ханский указ всегда был выше закона.

Эти четыре основополагающих принципа – сверхцентрализованность власти, «жизнь как служба государству», сакральность монарха и условность законов – обеспечивали хорошую управляемость, высокую способность к мобилизации и устойчивость к потрясениям. Прежде существовало множество тиранических режимов, но ни в одном из них механизм управления и мобилизации не был доведен до столь простой и прочной логичности. К тому же, как правило, это бывали диктатуры персональные, распадавшиеся с исчезновением властителя, а государство «ордынского типа» (буду называть его так) задумывалось как модель долговечная. Более эффективной государственной системы в ту эпоху на земле не существовало, да и в будущем сравнимые аналоги возникнут нескоро. (Следующий пример жестко контролируемого государства – сёгунат Токугава в Японии появится четыре с половиной века спустя).

Точно так же превосходило по своим боевым качествам все тогдашние армии **Чингисханово войско**, хорошо организованное и высокоманевренное.

Необходимым элементом всякой растущей империи является Высшая Цель, некая сверхъидея. Она у Чингисхана имелась: создать державу, которая будет простираться от океана до океана и соберет под своей эгидой все народы. Само имя «Чингисхан» означало «Океанический государь». Правитель умер, когда его власть распространилась на огромную территорию от Тихого океана до Каспия, а двигаться дальше великий хан завещал своим преемникам.

Вливая в свои ряды покоренные племена, которые тоже начинали жить по «ордынским» принципам, разбухшая монгольская армия (в которой собственно монголы теперь составляли меньшинство) в 1236 году затеяла большой **поход к Западному Морю** (Атлантическому океану). Первым объектом завоевания на этом пути оказались слабые русские княжества. Без особенного труда преодолев плохо организованное сопротивление, монгольская волна покатила дальше и, вероятно, дошла бы до края континента, поскольку равного по силам противника не было и в Западной Европе, но в 1242 году до главнокомандующего Бату, Чингисханова внука, дошла весть, что в далекой Монголии грядут

выборы нового императора, великого хана, и войско повернуло обратно. Бату хотел участвовать в борьбе за престол.

В результате нашествия бывшая Русь оказалась поделена на три большие зоны, каждой из которых предстояло идти собственным историческим путем.

Западная часть – современные Украина и Беларусь – остались за пределами ордынского управления. Через некоторое время там возникнет обширное феодальное государство **Великое Княжество Литовское**. Северо-западная территория, главным городом которой был **торговый Новгород**, хоть и признавала власть Орды, платя ей дань, но сохранила автономию. Весь восток стал административной единицей азиатской империи.

Орде было удобней управлять этой территорией и собирать с нее налоги не напрямую, а через местного управляющего, каковым поочередно становился кто-то из русских князей, получавший от хана особый ярлык на «великое княжение». В XIV веке в силу стечения более или менее случайных обстоятельств это звание чаще всего стали получать правители маленького москов-

ского княжества, расположенного во Владимиро-Суздальской земле. Значительная часть дани, которую собирала Москва, прилипала к рукам ее князей. Используя этот ресурс, а также свое положение главного ордынского приказчика, московские правители присоединяли все новые и новые земли. К середине XV века, когда азиатская империя раскололась на фрагменты и ослабела, оказалось, что приказчик богаче хозяина.

В конце концов великий князь Иван III отказался платить Орде дань и перестал признавать ее верховенство. Так и возникло самостоятельное российское государство. В первый период своего существования оно сохраняло прежнее название: Великое Княжество Московское.

Формальный **разрыв с Ордой** произошел в 1480 году, но фактически новое большое централизованное государство возникло чуть ранее – когда Москва после упорной борьбы **присоединила к своим владениям Новгородскую республику**.

Таким образом создателем и основателем российского государства является великий князь московский Иван Васильевич III, пришед-

шийся полумифическому Рюрику потомком в восемнадцатом колене.

О том, как этот человек построил свое государство, будет рассказано в следующей главе.

ПОДРОБНОСТИ

Рюрик

Рюрик вполне может быть фигурой не реальной, а легендарной, да и основателем киевского государства он не являлся. Правители, провозгласившие его своим родоначальником, придали этому имени значение, которого оно никак не заслуживало.

По одной из версий, довольно правдоподобной, летописным Рюриком мог быть датский хёвдинг, то есть военный вождь Рёрик (Hrørek) Ютландский, который в середине IX века весьма активно разбойничал в западных морях от Англии до Германии, а затем вдруг исчез из европейских анналов. Возможно, он перебрался в восточную Балтику, в район самого старого русского города с обманчивым названием Новгород. Если так, то ничего эпохального на Новгородчине Рюрик не совершил – лишь основал династию. Всю работу проделали другие викинги, его соратники. Рюрик умер раньше, чем они двинулись на юго-восток.

Отряды викингов

Военные походы и набеги скандинавских разбойников, вошедших в историю под названием норманнов, или викингов, или варягов, начались в VIII веке – вероятно, из-за того, что скудная северная природа не могла обеспечить жителям пропитание. Приходилось кормиться в иных краях. Поскольку иные края находились за морями, дружины отправлялись в путь на лодках. Со временем этот «отхожий промысел» сделался традиционным. Викинги стали превосходными мореплавателями. Их прочные корабли-лангскипы могли пересечь океан, а легкие лодки-сnekкары были приспособлены для речных походов с неизбежными волоками. Грабя прибрежные города, викинги добирались до Средиземноморья, колонизовали Исландию и Гренландию. Их ладьи можно было встретить на Каспии и у берегов Северной Америки.

Эти разбойничьи дружины славились своей боевой выучкой, так что их охотно нанимали на службу и византийские императоры, и богатые города – вроде торгового Новгорода. Так выходило проще и дешевле, чем содержать собственное войско. Обычно конунг (князь) или хёвдинг

заключал с местными старейшинами «ряд» (договор) на 12 месяцев. В одной из саг упомянута стандартная оплата: по одной гривне (примерно 200 гр серебра) за воина в год плюс полное содержание.

Однако иногда получалось, что наемники захватывали власть и становились хозяевами. Очевидно это произошло и на Новгородчине.

Последовательность событий, приведших к созданию киевского княжества, «дедушки» русского государства, была такая.

В конце 850-х годов двое воевод, Аскольд и Дир (есть версия, что это был один человек – Аскольд по прозвищу Дир, «Зверь»), по-видимому, отколовшись от новгородской базы, отправились по рекам в сторону Черного моря и по пути захватили Киев, где и остались. Еще двадцать лет спустя по их следам отправился преемник Рюрика хёвдинг Хельги-Олег, напал на Аскольда-Дира и забрал Киев себе, сохранив при этом контроль над Новгородом. Цепь замкнулась, «товаропровод» из Константинополя в Балтику бесперебойно заработал, и возникло киевское государство, которое со временем, пройдя

через несколько перерождений, станет одним из истоков российского.

Чингисхан

Второй родоначальник российской государственности был фигурой совсем иного масштаба, чем бенефициар транзитной торговли Хельги – деятелем из «высшей лиги» преобразователей мировой истории. Таковых, пожалуй, всего четверо, и все они завоеватели: Александр Македонский, Мухаммед, Бонапарт, Чингисхан.

Судьба последнего наглядней всего демонстрирует максимум того, как личность может повлиять на большую историю.

Начну однако не с субъективного фактора, а с объективных закономерностей.

Великая Степь, где обитали народы, кочевой образ жизни которых превращал целые этносы в мобильные полувоинские сообщества, постоянно обрушивала на сопредельные края волны экспансии. Китай отгородился от нашествий великой стеной (которая его в конце концов не уберезет), но на западе никаких оборонительных барьеров не было. Разрозненная Европа сначала после падения Римской империи, а позднее

после ослабления Византийской представляла собой довольно легкую добычу. В прежние времена азиатские волны не раз прокатывались по континенту, не станет последним нашествием и монгольское (за ним последует османское, которое сокрушит Византию и завоюет Балканы). Русь, самый восточный и весьма утлый форпост европейского мира, имела мало шансов устоять перед Степью.

Личный фактор проявился в двух обстоятельствах. Во-первых, в том, что из всех многочисленных народов Степи (в том числе гораздо более крупных) в XII веке завоевание осуществили именно монголы. И во-вторых, в том, что они не просто завоевали множество стран, а создали государственную систему нового типа – «океаническую империю», которая распространила свою власть на бóльшую часть Евразии. При тогдашних медленных коммуникациях, при невероятном этническом и религиозном многообразии покоренных народов это поистине поразительное свершение.

Сила чингисхановской модели состояла еще и в том, что государство не придавало этническим и религиозным различиям особенного

значения. Достаточно было исполнять волю хана, платить налоги и выставлять предписанное число воинов, которые вливались в монгольское войско и обучались воевать по-монгольски.

К моменту нападения на русские земли степная армия давно уже перестала быть монгольской. Основную ее часть составляли тюркские, болгарские, среднеазиатские воины.

О жизни создателя империи Чингисхана известно довольно многое. Если оставить в стороне явные легенды, достоверными можно считать следующие сведения.

Родился Темучин, будущий Чингисхан, по мнению большинства историков, в 1162 году. Его отец, мелкий племенной вождь, погиб в борьбе с врагами, и детство мальчика было полно тягот. Его восхождение началось с самого низа и было небыстрым.

На первом этапе требовалось объединить монгольские племена, вечно враждовавшие между собой. Эту задачу новый лидер осуществил лишь в 1206 году, после двадцатилетней борьбы. На великом курултае его провозгласили великим ханом, и он принял новое имя: Океанический Государь.

С этого момента начинается второй, экспансионистский период.

Чингисхан прожил еще двадцать лет, и за это время успел покорить колоссальные пространства: Тангутское царство, северный Китай и Среднюю Азию.

Разумеется, с точки зрения общечеловеческой морали Чингисхан был массовым убийцей и мегазлодеем. Его холодная, расчетливая жестокость поражала воображение современников даже в те немилосердные времена. Он правил через устрашение, не жалея ни своих, ни чужих. Однажды, когда воины одного из монгольских родов явились к месту назначенного сбора с опозданием, хан велел умертвить всех до последнего человека. После этого в армии опозданий не бывало. Вторгаясь в очередную страну, завоеватель приказывал поголовно уничтожить население первого же города, который отказался сдаваться – и очень часто остальные города открывали ворота без боя.

В летописи «Сокровенное сказание монголов» есть эпизод, где хан спрашивает приближенных, в чем «наслаждение и ликование» человека? И сам отвечает на этот вопрос: «Наслаждение

и ликование человека состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его из корня, взять то, что он имеет, заставить вопить слугителей его, заставить течь слезы по лицу и носу их, сидеть на их приятно идущих жирных мерилах, любоваться розовыми щеками их жен и целовать, и сладкие их алые губы сосать». Примерно тех же воззрений придерживались все великие завоеватели, но Чингисхан плюс к тому был еще и визионером. Он был одержим мечтой о создании Единого Мира. В эпоху всеобщей разобщенности и беззакония, когда властвовала грубая сила, идеалом земного устройства представлялась империя, охватывающая весь мир, управляемая одной волей и защищенная от потрясений.

Чингисханово войско

Как многие кочевые народы, выросшие в седле, монголы были нацией всадников. Их низкорослые, выносливые, неприхотливые лошади умели сами обеспечивать себя кормом. Они ели даже палую листву, зимой разгребали копытами снег и добирались до сухой травы. Каждый воин держал два, а то и три таких коня, пересаживаясь

с одного на другого. Это позволяло войску совершать переходы невиданной стремительности. Вполне обычным темпом продвижения были броски по 120 километров в день.

Поскольку жизнь монголов проходила в постоянной войне с соседними племенами, каждый с детства обучался владению оружием. Особенно хорошо монголы пускали стрелы. Они изобрели самый дальнобойный и меткий лук в истории. Компактный, с двойным изгибом, он требовал не просто особых навыков, но еще и специальной разработки мышц, зато разил на расстояние до 400 метров. Начальная скорость стрелы составляла 80 метров в секунду, так что железный наколечник пробивал кольчуги. У воина было при себе два лука и два колчана. В бою конница вначале засыпала врага тучей стрел – нередко этого хватало, чтобы обратить неприятеля в бегство, а если он оказывался стойким, монголы откатывались назад, продолжая стрелять, и, когда ряды преследующего противника смешаются, наносили контрудар.

Обозами передовые отряды себя не обременяли. Если становилось совсем нечем кормить-

ся, воин надрезал своей лошади вену и пил кровь, а потом зашивал рану иголкой.

Случаев малодушия практически не бывало. Установленный Чингисханом порядок предписывал за бегство одного воина казнить весь десяток.

Очень большое значение Чингисхан придавал обучению и подготовке. В долгом походе из числа покоренных народов рекрутировались пополнения. Продвигаясь вперед, монгольская армия обычно не сокращалась, а наоборот разрасталась за счет притока новых бойцов. Новобранцев растворяли среди ветеранов и учили монгольскому бою. Национальной дискриминации не существовало. На командные должности выдвигались самые способные, то есть в армии действовал – редкость для средневековья – принцип меритократии.

Превосходные тактические данные сочетались с революционным оперативным искусством.

Силы вторжения следовали единому плану, но наступали не единой массой, а разделялись на большие и малые отряды, охватывая обширную территорию. Возникало ощущение, что монголы

вездесущи, что они повсюду. Передовые разъезды убивали всех встречных, чтобы весть о прорыве не дошла до вражеского командования.

Важным элементом стратегии была, как выразились бы сегодня, психологическая война. Слухи о том, что монголы щадят сдающихся, но поголовно истребляют непокорных, опережали движение армии и порождали панику. Кому-то из пленных завоеватели обязательно позволяли убежать – чтобы беглец рассказал своим о последствиях строптивости.

Террор был полезен не только для быстрой победы, но и для обеспечения покорности завоеванного народа в будущем. Память о массовых убийствах сохранялась надолго.

Русские летописные сведения о размерах монгольского войска, которое якобы насчитывало триста тысяч и даже полмиллиона сабель, сильно преувеличены – у страха глаза велики. Известно, что в год смерти Чингисхана (1227) все воинские силы империи составляли 130 тысяч воинов, и в дальних походах, конечно, участвовала лишь часть армии, несколько десятков тысяч человек. Но для русских княжеств, не способных объединить свои невеликие людские

ресурсы и действовавших разобщенно, это все равно была неодолимая машина.

Поход к Западному Морю

Судьба Руси решилась в шести тысячах километрах от ее рубежей – в нововыстроенной столице монгольской империи Каракоруме, где в 1235 году второй великий хан Угэдей собрал соратников на съезд-курултай, чтобы решить, какую сторону света теперь завоевывать. То, что завоевывать кого-то обязательно нужно, сомнению не подвергалось. Необходимость экспансии была определена и «океанической» доктриной Чингисхана, и экономической нуждой: империя была военная, собственным хозяйством существовать не могла и обходиться без трофейной добычи не умела.

Поспорили, куда ударить: на юг, по китайскому царству Сун и Корею; на юго-запад, по Ближнему Востоку (Персия была уже завоевана) – или на северо-запад, через волжскую Булгарию и Русь на Европу, к «Западному Морю».

В результате постановили вести войну на всех трех направлениях – вот как уверены были монголы в своем боевом превосходстве.

Разросшаяся империя к этому времени была административно поделена на четыре «улуса», вице-королевства – по числу старших сыновей Чингисхана. Весь северо-восточный сегмент был приписан к «Улусу Джучи», первенца великого завоевателя. Поскольку Джучи к этому времени уже умер, поход к Западному Морю возглавил его наследник Бату-хан.

Таким образом в армию «Батыя», как называют его русские летописи, должна была войти примерно треть монгольского войска – вряд ли больше 40 тысяч всадников.

Выступив весной 1236 года, осенью Бату без труда захватил Булгарию и на целый год задержался там, обучая пополнение и собирая разведывательные данные о русских землях.

Наступление началось на исходе 1237 года, зимой. Холодов и снега монголы не боялись, а по замерзшим рекам передвигаться было быстрее, чем тратить время на переправы.

Маленькие русские государства пали одно за другим. Самый сильный из князей, владимиро-суздальский Юрий Всеволодович, сумел собрать довольно большую рать и вывел ее в поле, но в сражении на реке Сити (4 марта 1238 г.) был

окружен, его войско «побегоша» и всё полегло. Отрубленную голову Юрия принесли Батыю в качестве трофея.

Затем боевые действия приостановились из-за весенней распутицы и таяния рек.

Соппротивление всё же было очень упорным, особенно при осаде крепостей (одна из них, Козельск продержалась целых семь недель), и монгольское войско сильно поредело. Поэтому Батумувел армию на степные пастбища, чтобы обучить новых воинов перед вторым этапом кампании – главным. Подготовка растянулась на полтора года.

Теперь удар был направлен на юго-запад. Пройдя через земли современной Украины и разорив по пути Киев, в 1240 году монголы вторглись вглубь Европы.

Одним крылом они обрушились на Венгрию, другим на Польшу. Весной 1241 года в сражении при Лигнице (Силезия) наголову разгромили рыцарское войско саксонского герцога Генриха Благочестивого, чья голова тоже была принесена хану.

В Европе началась паника, римский папа Григорий IX объявил крестовый поход против

«тартар», германский император Фридрих II повсюду искал союзников, но объединения не получилось бы, потому что папы с императорами люто враждовали, и монголы, конечно, дошли бы до Атлантики – но весть о смерти великого хана Угэдея, доставленная через четыре месяца после события, побудила Бату-хана прекратить поход.

Европа от монгольского завоевания спаслась, Русь – нет.

Великое Княжество Литовское

После нашествия русские земли оказались разделены на три большие зоны: северо-восточная была полностью подконтрольна Орде и стала частью Улуса Джучи; Новгородчина была обложена данью, но сохранила автономию; западная половина бывшего киевского государства фактически осталась независимой, хоть номинально и признала верховенство хана. Поначалу казалось, что Русь уцелела, просто ее центр переместился в Галицко-Волынский регион, где в середине XIII века успешно собирал земли князь Даниил Романович из династии Рюриковичей, даже принявший титул «русского короля». Однако эта держава оказалась непрочной, и вскоре

возникло новое сильное государство, уже неславянского корня.

Литовские племена, жившие на безопасном отдалении от Орды, объединились в результате деятельности двух энергичных вождей: сначала Миндаугаса (правил 1236–1263), а затем, после периода междоусобицы, Гедиминаса (1316–1341). При последнем великое княжество Литовское стало быстро расти. Динамичная держава расширялась прежде всего за счет бывших русских княжеств, которые не оказывали сколько-нибудь серьезного сопротивления, тем более что завоеватели вовсе не были угнетателями. Гедиминас не вмешивался во внутреннюю жизнь новых областей, не покушался ни на обычаи, ни на религию (литовцы в ту эпоху еще были язычниками) – лишь назначал своих наместников. Оставшаяся немонгольской часть Руси стала литовской. При Гедиминасе эта участь постигла территорию нынешней Беларуси и почти всей правобережной Украины вместе с Киевом, а в дальнейшем великое княжество Литовское станет крупнейшей страной Европы, растянувшись от Балтийского до Черного моря.

Во второй половине XIV и первой половине XV веков, когда Золотая Орда, преемница Улуса Джучи, ослабела, а Москва еще не поднялась, Литва была самой мощной державой региона. При этом, несмотря на литовскую династию, это была по преимуществу русская (не в нынешнем, а в тогдашнем смысле термина) страна: подавляющая часть населения говорила на русском языке, исповедовала русскую веру, придерживалась русских обычаев. Высшая знать состояла из породнившихся Гедиминовичей и Рюриковичей, бояре и служивые были в основном русской крови, многие этнические литовцы перешли в православие. Историки иногда называют великое княжество Литовское той эпохи «второй Русью» или «другой Русью».

Когда Золотая Орда перестала быть грозной, Литва начала активно вмешиваться в жизнь восточной Руси, пытаясь отторгнуть у нее земли и даже завоевать ее. Будущее русское (то есть объединяющее все русскоязычные земли) государство скорее всего образовалось бы с центром не в Москве, а в Вильно – если бы в конце четырнадцатого века литовская династия не воцарилась в Польше. Эта уния была необходима для

противостояния общему врагу, Тевтонскому ордену. Литовская аристократия стала переходить в католичество и полонизироваться. Через некоторое время Русь останется только одна – на востоке. В середине пятнадцатого столетия там появится сильный, целеустремленный правитель Иван III, который окончательно уведет зарождающееся национальное государство на «московский» путь.

Через сто лет после Ивана III, на очередном витке соперничества между двумя лагерями, западному соседу удастся взять временный реванш – посадить на московский трон своего монарха, но польско-литовское владычество на Руси не удержится. К этому времени Русь уже прочно «москвизируется».

Торговый Новгород

Новгородскую республику историки и в особенности литераторы часто идеализировали, плененные красивым словом «республика». На самом деле это была не демократия, а олигократия, управлявшаяся несколькими богатыми родами. Исторически форма самоуправления, называемая «вечевой», восходит к древним, еще

доваряжским временам. На всенародном собрании, именуемом «вечем», славянские общины решали все самые важные вопросы. Во всех других частях Руси вече сначала ослабело, потесненное княжеской властью, а затем и вовсе исчезло, но в Новгороде и соседнем Пскове, которые были сильны не военной, а экономической мощью, вечевая протодемократическая модель сохранялась в течение нескольких веков. В период раздробленности, когда остальная Русь скудела и раскалывалась, республика, наоборот, усиливалась и росла, постепенно распространив свою власть на весь север великой равнины. Этому способствовало географическое положение: удобство морских коммуникаций с европейскими рынками и отдаленность от Степи – монголы так и не добрались до Новгорода через труднопроходимые леса и болота.

В автономном, полунезависимом состоянии Новгород просуществовал триста лет – с распада великого княжества Киевского до триумфа великого княжества Московского, то есть с середины XII до середины XV века.

После захирения «Пути из варяг в греки» новгородская боярско-купеческая элита перестала

нуждаться в дальних «великих князьях», а у тех не хватало сил удерживать богатую и могущественную область, способную за себя постоять.

В период монгольского владычества, когда основная часть страны попала под власть Золотой Орды, а западные земли одна за другой вошли в литовскую державу, Новгородчина в культурном, политическом, да и этническом смысле оставалась единственным очагом беспримесной «русскости».

Однако полностью обособиться Новгород не мог, что в конце концов и стало причиной его падения. Новгородцы мало развивали сельское хозяйство – суровый климат и скудные почвы делали этот труд слишком невыгодным по сравнению с торговлей или пушным промыслом. Проще и дешевле было закупать хлеб у восточных соседей. Зависимость от привозного продовольствия крепко привязывала северо-запад к остальной Руси, прежде всего владимирской. Хлебная торговля имела своим следствием и то, что в Новгороде всегда существовала сильная «владимирская» (а затем – «московская») партия.

Официально республика именovala себя «Господин Великий Новгород». Его население

делилось на три сословия – аристократию («бояре»), средний класс («житьи люди», то есть домовладельцы) и плебс («черные люди»), при этом все свободные граждане по закону обладали равными правами, за исключением «холопов», попадавших в кабалу за долги.

Военных вождей – они получали титул князя новгородского – республика приглашала (и изгоняла) по приговору веча. Это был не государь, а «наемный работник». За первый век своего существования республика поменяла князей 48 раз, обычно со скандалом.

Главу церкви, архиепископа, в Новгород тоже назначали только с согласия веча.

Городом и его обширными владениями управлял Совет Господ, в который входили самые знатные и богатые горожане. Исполнительной властью руководил посадник, торговыми делами ведал тысяцкий. Того и другого избирали. Но идеализировать новгородские выборы не следует. Борьба за власть обычно шла между олигархическими группировками, которые при помощи демагогии и подкупа манипулировали народной массой. На вече одерживала верх та сторона, которая умела лучше организовать

своих сторонников и не гнушалась прямым насилием. Эта система ослабляла республику и подведет ее в решающий момент, когда придется сражаться за независимость с крепким, порядыньски устроенным режимом Ивана III Московского.

Разрыв с Ордой

Придуманная и построенная Чингисханом империя обладала одним дефектом. Как всякая система, централизованная до полной монархии, она целиком зависела от личных качеств человека, в руки которого сходились все властные нити. Требовались поистине выдающиеся способности, чтобы справляться со столь непомерной задачей, а при наследственной, монархической системе управления шансы на то, что каждый раз на престоле будет оказываться такой же самородок, как великий основатель империи, крайне малы. Не произошло этого и с «Океанической империей». Преемники великого человека оказались мельче и зауряднее своего пращура.

Сильная держава по инерции еще какое-то время росла – благодаря тому, что сохраняла согласованность и имела превосходную армию.

Монголы завершили завоевание Китая и покорили весь Ближний Восток. Пика могущества держава достигла при великом хане Хубилае (1260–1294), но затем огромные дистанции и бездарность верховных правителей привели к тому, что империя начала дробиться.

Сначала она разделилась на четыре больших ханства, по территории прежних улусов. Они превратились в самостоятельные государства. Великий хан, основавший новую китайскую династию Юань, сидел в далеком Пекине. Ему вполне хватало власти над богатой, густонаселенной Поднебесной. В центральной Азии возникло Чагатайское ханство (по имени Чагатая, второго сына Чингисхана). На территории Ирана, Ирака, западной Турции правили потомки предводителя ближневосточного похода хана Хулагу, именовавшие себя ильханами («повелителями народов»). А бывший улус Джучи контролировал огромное пространство от Сибири до литовских рубежей. Это государственное образование называлось Дешт-и-Кипчак, Ханство Кипчаков, ибо большинство населявших его народов были кипчакского (тюркского) корня. Монгольский элемент был столь малочислен, что вскоре главным языком

стал татарский, то есть тюркский. Столица находилась в географическом центре страны – в Нижнем Поволжье.

При хане Узбеке (1313–1341), чей парчовый шатер поражал современников своим золотым сиянием, страну прозвали «Золотая Орда». Но во второй половине XIV века началась затяжная борьба за власть, которую русские летописи называют «Великой Замятней», и с этого момента внутренние раздоры уже почти не прекращаются, отягощаемые войнами с соседними ханствами, где тоже шло постоянное брожение. Смертельный удар по Золотой Орде нанес великий среднеазиатский завоеватель Тимур, разгромивший ханство в 1395 году. В течение последующих десятилетий единое государство распалось на несколько частей: Сибирское ханство, Ногайское ханство, Казахское ханство, Астраханское ханство, Крымское ханство, Казанское ханство и Большая Орда. С русскими землями соседствовали два последних государства, находившиеся во враждебных отношениях между собой – не в последнюю очередь из-за того, что оспаривали право собирать дань с Руси.

Оба ханства считали себя хозяевами русских земель, но ими не управляли. Дело в том, что период полного подчинения монголам, так называемое «Иго» давно ушел в прошлое. Оно, собственно, не так долго и длилось, всего три десятилетия, до 1266 года, когда на престол взошел внук Батыя хан Менгу-Тимур. Летопись пишет, что с этого момента «бысть ослаба Руси от насилия бесермен». В Орде перестают относиться к Руси как к зоне постоянного грабежа, решают, что выгоднее перевести ее в статус «дойной коровы». Из оккупированной территории Русь превращается в протекторат. Взимание дани отныне поручается не татарским эмиссарам-баскакам, а местным правителям. Великий князь исполнял функцию «ответственного за Русь» и налогового агента всех русских областей. Таким образом получилось, что толчок к объединению Руси дали татары.

Поначалу ханы поочередно давали ярлык разным княжествам, следуя древнему принципу «разделяй и властвуй». Обычно соперничали между собой два самых сильных региона – Тверской и Владимирский. В последнем окреп и разбогател один из уделов, Московский.

Городок Москва превратился в политический центр зарождающегося русского государства благодаря соединению случайных и неслучайных факторов.

В XIII веке эта пограничная крепостца Владимирщины имела столь мало ценности, что ее обычно отдавали самым младшим сыновьям Владимиро-Суздальского князя. Таким был и Даниил Александрович, ничем не примечательный отпрыск прославленного Александра Невского. В русской истории Александр Ярославич Невский знаменит тем, что защитил Новгород от шведского и немецкого нашествий, но главным историческим достижением этого князя была дипломатия: именно Невский сумел перевести русско-ордынские отношения из «грабительской» стадии в упорядоченно-податную.

Возвышение Москвы началось с того, что захудалому князьку Даниилу Александровичу в 1302 году по наследству досталось соседнее удельное владение (Переяславль-Залесский), в результате чего княжество перестало быть карликовым. Несколько последующих правителей, люди оборотистые и рачительные, прибрали к рукам еще несколько областей. Москва быстро

пошла вверх после того, когда ее князь впервые получил от татар великокняжеский ярлык (Иван Калита в 1328 году).

То, что именно московские князья оказались удачливей и ловчей других, безусловно историческая случайность. Но были и объективные факторы, по которым Москва имела хорошие шансы на первенство по сравнению с соперниками – Тверью или Рязанью.

Город был очень выгодно расположен. Во-первых, не граничил с опасными соседями, прикрытый от татарских набегов рязанским и нижегородским княжествами, а от литовцев – княжеством смоленским. Враги часто сюда не добирались. Во-вторых, Москва находилась на пересечении трех важных торговых путей: речного от Волги к Новгороду, «великой владимирской дороги» и южного маршрута к Чернигову и Киеву.

Относительная безопасность помогала хозяйствовать, а кроме того в тихий край из менее спокойных регионов переселялись знатные люди со своими крестьянами. Постепенно княжество становится самой населенной областью Руси, а Москва – большим городом.

Огромное значение имело то, что во второй четверти XIV века сюда перенес свою резиденцию митрополит, глава русской церкви. Из разоренного Киева во Владимир митрополиты переезжали еще раньше, но в Москве было и спокойней, и зажиточней.

В это время ни страны, ни тем более государства Русь не существовало. Единственной структурой, хоть как-то организационно соединявшей разрозненные русскоязычные области, была церковь. Поэтому ее общественная, духовная и политическая роль чрезвычайно возросла. Только церковь, собственно говоря, и поддерживала идею некоей собирательной «русскости».

Вот почему местонахождение митрополичьей кафедры имело такую важность. Дав прибежище митрополитам, московские князья получили огромное преимущество – увеличили свой авторитет за счет церковного.

Интересы митрополитов полностью совпадали с интересами московских правителей: совместить границы земной и церковной юрисдикции. Сыграла свою роль и византийская традиция, согласно которой пастырь должен помогать кесарю.

И все же главным фактором усиления Москвы было положение ордынского сборщика дани. Татарский ярлык позволял дать послабление союзникам и прижать соперников, обрушить на неугодных гнев хана, а также оставить часть собранного себе. Иван Данилович Калита (1325–1340) прикупал новые земли, принимал к себе в вассалы мелких князьков и бояр с их вотчинами. В начале правления Калиты в княжестве было только четыре города, к концу – уже десять, и Москва вышла на первую позицию.

Когда в Орде началась «замятня», князь Дмитрий Иванович (1359–1389) перестал платить дань и повел себя как независимый государь. Результатом этого бунта стала война 1378–1381 годов. Вначале Дмитрий собрал сильную рать и в сражении на Куликовом поле, близ реки Дон, разгромил войско временного правителя Орды безродного авантюриста Мамая (победитель вошел в историю с именем Дмитрий Донской). Но это лишь помогло сопернику Мамая хану Тохтамышу взять верх в междоусобице. Тохтамыш отправился на Русь с карательной экспедицией. Справиться с объединенной Ордой русским землям было пока не под силу, тем более

что часть враждебных Москве князей примкнула к татарам. Хан разорил Москву, заставил Донского присягнуть на верность, выплатить долги по старой дани и впредь платить больше. Попытка освобождения провалилась.

Однако, как уже говорилось, через несколько десятилетий Золотая Орда стала разваливаться на куски, а на Руси шел обратный процесс: Москва постепенно, в упорной борьбе, одолевала другие княжества и делалась всё сильнее.

Последней победой Орды – уже не Золотой, а Казанской – стало пленение московского князя Василия Васильевича в 1445 году. Тот выкупился на свободу за огромные деньги. Из-за дележа этой добычи казанская верхушка передралась, и там началась новая междоусобица. Василий немедленно вновь прекратил платить дань, и с этого момента Русь подчиняться татарам окончательно перестала.

То, что формально вассальная зависимость сохранялась еще очень долго – до конца правления Василия и потом первые 18 лет правления Ивана III, объяснялось причиной сугубо прагматической. Московские князья не торопились объявлять себя самостоятельными государями, потому

что продолжали исправно собирать «татарскую дань» со всех русских земель – и целиком оставляли ее себе. Эта ситуация протянулась бы и дольше, если бы Орда – на сей раз не Казанская, а Большая – сама не обострила ситуацию.

В 1480 году хан Ахмад потребовал уплаты хотя бы части накопившегося долга, получил отказ и пошел на Русь войной, заручившись поддержкой Литвы. Момент казался удачным – против Ивана III взбунтовались его младшие братья. Но он сумел устранить обе второстепенные угрозы. Братьев подкупил, на Литву натравил крымских татар, и Большой Орде пришлось сойтись один на один с сильным московским войском.

Хоть и имея численное преимущество, осторожный Иван не стал испытывать военную удачу, а просто преградил татарам путь. Те нападать тоже поостереглись. Всю осень две армии маневрировали вдоль реки Угры и вели мелкие стычки. Потом у татар кончилась провизия, и они ушли, да не восвояси, а ударили по Литве – в отместку за то, что она не исполнила своих обязательств перед Ахмад-ханом. Таким образом Иван одержал безо всяких потерь двойную победу – и над

Ордой, и над Литвой. Он был мастер стравливать врагов между собой.

Татаро-монгольское владычество над Русью завершилось довольно просто и буднично, без героических побед.

Конец Новгородской республики

Это событие в истории создания российского государства важнее, чем формальный выход Москвы из ордынской вассальной зависимости. Новгородская республика (и соседствовавшая с ней Псковская республика, гораздо меньшего размера и значения) почти два с половиной столетия, с момента монгольского завоевания, представляли собой «третью Русь», развивавшуюся собственным путем – не московским и не литовским. Справиться с Литвой в XV веке Москве было не под силу, но без устранения новгородско-псковской альтернативы великие князья не смогли бы создать прочного государства.

В первый период своего долгого правления расчетливый и методичный Иван III главные усилия сконцентрировал на «новгородской проблеме». В противостоянии двух разных систем общественно-государственного устройства «ор-

дынская технология» оказалась эффективней «олигархической». Новгородская верхушка была дезорганизована, любое решение принималось небыстро – а Москва управлялась по чингисхановским принципам военного лагеря: государь приказывал – и все исполняли его волю.

Покорение Новгорода делилось на несколько стратегических этапов, причем Иван Васильевич проявил феноменальную гибкость.

Сначала он попробовал привести к власти в республике «московскую партию», чье благополучие зависело от торговли с востоком. Но у противоположной «западной партии» появился сильный лидер, вдова посадника Марфа Борецкая – редкий случай, когда важную роль в ранней русской истории сыграла женщина. Марфа завела переговоры с польско-литовским королем Казимиром IV о присоединении Новгорода при сохранении самоуправления.

Этого Иван допустить не мог и прибег к силе оружия. Сначала он отделил от Новгорода соседний Псков, сыграв на противоречиях между двумя купеческими республиками. Затем в сражении на реке Шелони (1471) привычная к битвам московская рать разгромила новгородскую.

Однако Новгород был хорошо укреплен и богат, поэтому торопиться великий князь не стал. Он заключил весьма милостивый мир и потратил еще шесть лет на усиление своего влияния в Новгороде. Когда же решил, что почва созрела, явился под стены города с войском и потребовал, чтобы новгородцы отказались от всех своих привилегий – стали такой же частью страны, как все другие области. Сил для сопротивления у новгородцев уже не было, а кроме того на стороне Ивана выступила церковь.

Город покорился. Знаменитый вечевой колокол, по зову которого площадь собиралась для обсуждения важных решений, был символически отправлен в ссылку. В начале 1478 года республика прекратила свое существование.

Но Ивану было нужно, чтобы дух новгородской вольности навсегда ушел в прошлое. Через короткое время, обвинив новгородскую элиту в заговоре, государь вновь вернулся с войском и теперь уже произвел жестокую расправу: казнил множество бояр и богатых купцов, заменил архиепископа, но этим не удовлетворился, а переселил во внутренние русские области семь тысяч семей – примерно половину городского населе-

ния. Вот теперь былой Новгород в самом деле закончился.

Чтобы искоренить предпринимательский дух, несовместимый с покорностью, Иван даже пожертвовал богатейшей новгородской торговлей: изгнал всех иностранных купцов. Он строил государство, в котором стабильность и управляемость ценились важнее прибылей.

Глава первая

ПЕРВОЕ ГОСУДАРСТВО И ПЕРВЫЕ ГОСУДАРИ

ОСНОВНОЕ

Государство, появившееся на карте в 1480 году, с момента провозглашения независимости от Орды, впоследствии неоднократно меняло название, постоянно то расширялось, то сжималось, капитально перестраивалось, и всё же сохранило свою изначальную основу, свои несущие опоры. Всякий раз, когда разрушалась или ослабевала любая из них, государство переживало кризис и затем вновь восстанавливало прежний фундамент. В этом не было ни роковой обреченности, ни чьей-то злой воли – срабатывали объективные причины. Вот главный вывод, к которому я пришел, разбираясь в логике российской истории.

На первый взгляд может показаться невероятной натяжкой, что Российская Федерация XXI века или Советский Союз XX века придерживаются тех же базовых законов существования, что Великое княжество Московское XV века, но

ничего такого уж диковинного здесь нет. Базис английской государственности сложился в семнадцатом веке, швейцарская кантональная система и вовсе восходит к тринадцатому.

Основополагающие принципы России как государства действительно позаимствованы у «Океанической империи», созданной Чингисханом. Великий хан придумал модель государства, которое вберет в себя множество очень разных народов, верований, жизненных укладов и будет держать всё это разномастное множество вместе, управляемое одной волей из одного пункта.

Этим идеалом, по-видимому, и руководствовался Иван III. В ту эпоху иных удачных примеров государственного строительства вокруг Руси и не существовало. Западная Европа была раздроблена; в Польско-Литовском государстве постоянно возникали трения между слабой королевской властью и сильными магнатами; былой образец для подражания Византия только что рухнула под напором турок-османов.

В руины превратилась и некогда великая монгольская империя, но это объяснялось лишь тем, что она нарушила свои изначальные принципы.

Напомню, что таковых было четыре.

- Управление сверхцентрализовано. Все сколько-нибудь существенные решения принимаются только носителем верховной власти.
- Всё население служит государству. Государство – сверхидея, оно превыше всего.
- Покорны государству и законы, которые обязательны для низов, но не для власти. «Правовое государство» принципиально невозможно.
- Фигура Государя сакральна, любые его решения священны.

Подрыв любой из этих несущих колонн неминуемо влечет за собой обрушение всей конструкции.

Иван Васильевич Московский планомерно и основательно возводил и укреплял все четыре опоры. Судьба отвела ему для этого достаточно времени – он правил с 1462 до 1505 года.

Когда Иван III унаследовал престол, в раздробленности пребывала не только Русь, но и само княжество Московское делилось на так называемые удельные княжества, личные владения младших членов правящего семейства. Главе рода они подчинялись не всегда. Многими вольностями обладали и феодалы-бояре, имев-

шие право перейти со всеми своими землями и людьми к другому князю. Миграция крупных землевладельцев от сюзерена к сюзерену происходила не только внутри Руси – «отойти» можно было и в соседнюю Литву, сохраняя при этом язык и религию.

Главным направлением политики Ивана во всё время его правления была борьба с децентрализацией и удельностью. Государь последовательно, одно за другим, **присоединял независимые от Москвы княжества**, а княжества внутренние, вассальные, лишал самостоятельности или вовсе ликвидировал, не давая поблажки даже близким родственникам.

К концу долгого правления Ивана процесс централизации был близок к завершению.

Вторая задача – поставить на службу государству всё население страны – приняла форму **закрепощения**, то есть прикрепления каждого обитателя Руси к определенному месту жительства и установленному кругу обязанностей. Обычно под этим термином имеют в виду введение крепостного права для крестьян, но личной свободы лишались все жители, причем начал Иван не снизу, а сверху.

Прежде всего он лишил права на «отъезд», то есть на смену подданства высшую аристократию. Он ввел практику «крестоцелования», принесения присяги на верность великому князю. Отныне попытка уехать в иные края считалась изменой и жестоко каралась. При этом знатный человек сохранил возможность перейти от «малого князя» на службу к государю – это правило просуществует до тех пор, пока удельные княжества окончательно не исчезнут.

Лишились права переезжать без разрешения «посадские», то есть горожане – при немногочисленности и малонаселенности городов осуществить этот запрет было нетрудно. Гораздо сложнее было проконтролировать основную массу народа, крестьян, которые привыкли уходить в другие места при всяком ухудшении жизни: бежали от неурожая, военной угрозы, несправедливого господина. Существовало своего рода соперничество между крупными землевладельцами – кто переманит к себе больше хлебопашцев. Этой мобильности Иван положил конец. Ему нужно было, чтобы крестьяне тоже служили государству – добывали для него продовольствие и платили подати там, где предписано.

Полностью запретить переселение крестьян было нереально – просто из-за невозможности отслеживать на русских просторах передвижения 95% населения. Поэтому Иван поступил хитро: он оставил двухнедельное «окошко» в самом конце осени, так называемый **«Юрьев день»**, когда крестьянин мог легально уйти от одного помещика к другому. Миграция не прекратилась полностью, но стала контролируемой.

Еще одним важным нововведением было форсированное развитие особого служилого сословия – дворянства, которому отводилась роль главной опоры централизованной монархии.

Регулярной армии тогда не существовало. У великого князя имелась относительно небольшая дружина, к которой во время войны присоединялись отряды удельных князей и бояр. Для нужд централизованного государства такая система не годилась, а сохранение личных дружин у «малых князей» и бояр было чревато мятежами.

Европейские государства предпочитали пользоваться услугами наемников, вербуя их на время войны, а затем распуская. Иван III поступил умнее. Он выделил в пользование каждому воину участок земли с крестьянами, чтобы

дворянин по зову являлся на службу полностью снаряженным, а если надел был велик, то с несколькими «боевыми холопами». В сущности, это была не армия, а воинское ополчение, которое мобилизовалось точно так же, как было заведено еще Чингисханом. В мирное же время дворяне являлись местными администраторами, державшими в покорности своих крестьян и собиравшими с них подати.

При этом надел выделялся не в собственность, а во временное пользование, на время службы. Дворянина «помещали на кормление», делали *помещиком*. Крестьяне тоже служили государству: помимо выплаты податей казне они отдавали дворянину часть урожая, чтобы воин мог экипироваться.

Созданный Иваном III уклад отличался от европейских абсолютных монархий именно этой чертой: нигде больше принцип тотальной и обязательной «государевой службы» не был доведен до такой завершенности.

Обычно при возникновении нового государства одним из первых шагов становится выработка законов, по которым будет существовать страна. Иван III эту сферу деятельности приори-

тетной явно не считал. До законотворчества руки у него дошли лишь в последний период правления. При этом «Судебник» 1497 года имел не столько общегосударственное, сколько практическое значение. Большая страна теперь почти повсеместно управлялась по-новому: не князьями, а присланными из Москвы наместниками. Деления на исполнительную и судебную власть не существовало, наместник являлся и судьей. Нужно было снабдить этих чиновников единой инструкцией. При этом сам государь, разумеется, вершил расправу по своему усмотрению, не обращая внимания на собственные законы.

Согласно Судебнику, два типа преступлений считались самыми тяжкими: святотатство и измена, то есть преступление против государя приравнивалось к преступлению против Господа.

Возвеличивание особы монарха было важным элементом государственной политики. Иван Васильевич поднимал свой престиж шаг за шагом пока не превратился в земного бога.

Когда Иван сел на московский престол, никакой сакральностью персону великого князя не обладала. Ближние бояре вели себя с государем

вольно. Ни пышного двора, ни придворного церемониала практически не существовало.

В конце же правления государь вознесся столь высоко, что всю страну стали называть «государством», то есть личной вотчиной государя. Вошел в употребление титул «самодержец», точный перевод греческого «автократор», как называли себя константинопольские императоры. Этим Иван демонстрировал, что является их преемником и наследником – ради этого он **сочетался браком с византийской принцессой**. Подражая базилевсам, государь завел придворные звания и ритуалы. Каждое его появление на людях обставлялось как торжественное действо.

Дистанция между правителем и всеми остальными подчеркивалась еще и тем, что даже ближайшее окружение государя, высшая знать, отныне унижалась. Родовитый боярин и даже князь-Рюрикович, обращаясь к самодержцу, должны были называть себя уничижительно: «Васька», «Ивашка», «Никишка» и присовокуплять, что они-де «холопы великого государя». Это было прямое следование ордынской традиции, где татарские вельможи простирались ниц перед великим ханом и тоже считались всего лишь его

холопами. В невольников, в рабов государя и государства превратилась вся страна, от последнего крестьянина до сановника.

Задействовав все «ордынские» рычаги управления, Иван III получил возможность решать масштабные задачи и брался за них поочередно, с впечатляющей обстоятельностью.

Правление великого князя можно разделить на три периода: «Новгородский» (подчинение Новгородчины), «Татарский» (избавление от ордынского влияния) и «Литовский». Про первые два этапа я уже рассказывал, к началу 1480-х годов эти задачи были исполнены. Теперь окрепшая и очень расширившаяся держава поставила перед собой цель, которая будет достигнута еще очень нескоро: объединить под властью Москвы все православные русскоязычные земли.

Иван III стал именовать себя «государем всея Руси», то есть в том числе и Руси «литовской». Однако и польский король среди прочих своих титулов называл себя «великим князем литовским и русским». Началось противостояние двух больших соседних держав, которое растянется на триста лет.

В конце правления Ивана III сформировалась и идеология, обосновывавшая его геополитические притязания. В 1492 году (по русскому летоисчислению это был особенный год, 7000-ый от сотворения мира) митрополит московский Зосима опубликовал сочинение, в котором прославлял Ивана как «нового царя Константина», а Москву – как новый Константинополь. Миссией Москвы объявлялось соединение православных народов. Речь шла в первую очередь о западнорусских, украинских и белорусских землях.

Иван III успел дважды повоевать с литовцами и отхватить довольно большой кусок территории, но это был лишь первый шаг. Преемники великого правителя продолжают попытки экспансии в западном направлении.

Самодержавие, то есть предельно монархический формат государственной власти, очень упрощает пересказ исторических событий. Личность правителя определяет специфику всей эпохи. Следующие московские государи – сын, внук и правнук Ивана – великими уже не были и столь же подробного рассказа не заслуживают.

Наследник основателя **Василий III** (1505–1533) был человеком весьма посредственных способностей. Точно так же, ни шатко ни валко, шли дела и у страны. Деяния второго русского государя можно пересказать одним предложением: **Василий III уничтожил остатки местных автономий, весьма неудачно вел татарские дела и продолжил воевать с Литвой** за пограничные земли – с меньшим успехом, чем родитель.

Когда Василий Иванович умер и государем был провозглашен его трехлетний сын, в Москве и вовсе наступило безвременье. У власти сменяли друг друга боярские клики, озабоченные не государственными делами, а собственным обогащением. Затем подрос и на семнадцатом году жизни начал править самостоятельно Иван Васильевич IV, вошедший в историю под прозвищем Иван Грозный (1533–1584).

Историки, литераторы и кинематографисты уделяли этому деятелю намного больше внимания, чем его полному тезке Ивану III (который тоже был Васильевич и тоже Грозный), но их историческое значение несопоставимо. Первый Грозный построил государство, второй Грозный подорвал его силы.

Иван IV интересен как наглядный пример того, насколько опасна зависимость «ордынской» модели государства от личности правителя. Если психически заболевает он, начинает сходить с ума вся страна.

По-видимому именно душевным недугом объясняется то, что долгое царствование Грозного (а **он стал первым московским царем**) четко делится на две половины. В 1564 году у царя, который и раньше иногда впадал в припадки болезненной подозрительности и ярости, случился нервный срыв, после чего его внутренняя и внешняя политика приняла саморазрушительный характер.

А между тем перечень свершений молодого царя Ивана выглядит впечатляюще. В 1550 году он учредил **Земский собор** – съезд представителей дворянства и купечества; провел реформу правительства – учредил «приказы», прообраз министерств; **присоединил Казанское и Астраханское ханства; одержал военную победу над западным соседом, Ливонским орденом.** Успешно поначалу шла и **новая польская война.**

Но с 34-летнего возраста Иван начал совершать очень странные поступки. Он разделил

страну на две части, оставив себе несколько самых богатых областей – так называемую «Опричнину». Вторую половину, «Земщину», он как бы отдал под управление боярам. Но все рычаги власти остались у Грозного, который периодически впадал в припадки параноидальной подозрительности и устраивал **массовые репрессии**. Иногда объектом царского гнева становились целые местности – например, в 1570 году царь обрушил свой гнев на несчастный Новгород, где его слуги-«опричники» умертвили тысячи людей и разрушили бóльшую часть домов. Бывший богатейший город Руси после этого погрома уже не поднимется.

Шайки опричников, черных всадников с отрубленными собачьими головами и метлами у седла («государевы псы, выметающие измену»), терроризировали и разоряли селения. Страна нищала.

Скверно пошли и военные дела. Не покончив с Польшей, Грозный затеял ссору с Швецией, да еще рассорился с крымским ханством. Удары обрушились на Русь с трех сторон. Шведы разгромили царское войско, крымский хан Девлет-Гирей спалил Москву и угнал в рабство несметное

количество пленных, поляки вторглись на русскую территорию. Со всеми тремя врагами в конце концов пришлось заключать невыгодный мир.

Незадолго до смерти во время очередного припадка Иван убил своего старшего сына, и наследником стал следующий сын Федор. Он, как и отец, был психически нездоров, но по крайней мере кроток нравом. После буйнопомешанного царя тихопомешанный был для страны огромным облегчением. Правительство возглавлял брат царицы **боярин Борис Годунов**, человек умный и оборотистый, и в конце XVI века Русь понемногу стала залечивать раны.

В эти годы произошло два больших события.

В 1589 году Москва добилась у главы православной церкви патриарха Константинопольского права иметь собственного патриарха – это был важный шаг на пути к «Третьему Риму». Еще существенней в исторической перспективе была начавшаяся **колонизация зауральских просторов** – процесс, который растянется на полтора столетия.

Казалось, крепко выстроенная государственная конструкция оправилась после ущерба, причиненного сумасбродствами Ивана IV, но

в 1598 году рухнула одна из четырех несущих колонн классической «ордынскости». Пресеклась династия Рюриковичей. Царь Федор скончался бездетным, и сакральность высшей власти развеялась. Первое русское государство закачалось. Вскоре оно разрушится.

ПОДРОБНОСТИ

Покорение удельных княжеств

С проблемой удельных территорий, вроде бы подчиненных Москве, но при этом автономных, Ивану III пришлось провозиться дольше, чем с независимыми княжествами. Главная трудность заключалась в том, что пришлось вести наступление на ближайших родственников и естественных союзников. Эти внутрисемейные раздоры неминуемо ослабляли державу, но государство, которое последовательно возводил Иван, не могло существовать по «федеративному» принципу. С этой точки зрения каждое удельное княжество было нарывом на теле государства, и государь «выдавливал» их, не гнушаясь средствами.

По завещанию Василия Темного, составленному согласно древним русским традициям, младшим сыновьям было выделено по собственному владению: Юрий Васильевич «сел» в Дмитрове, Андрей Васильевич – в Угличе, Борис Васильевич – в Волоке-Ламском, Андрей Васильевич Меньшой (тогда бывало, что родные братья получали одинаковое имя, если рождались в день того же святого) – в Вологде. Еще имелся

двоюродный дядя Михаил Андреевич, княживший в Верее и Белоозере.

Проблем Ивану не создавал только Юрий Дмитриевский, который не обзавелся потомством и очень кстати рано умер. Иван забрал Дмитров себе, но это привело к конфликту с остальными братьями – обычай требовал с ними поделиться.

Дело было в 1472 году, в напряженное время, когда Новгород еще не был окончательно побежден, поэтому Иван пошел на уступки: наследством поделился, но при условии, что это последний раздел – впредь все выморочные земли будут доставаться великому князю. Согласившись на это, братья отказались от очень важного династического права.

Через семь лет возникла новая ссора. Братья помогли Ивану добить Новгород, но не получили своей доли новгородских земель. Двое, Андрей Углицкий и Борис Волоцкий, взбунтовались. Момент для мятежа был выбран очень удачно: у великого князя возник конфликт одновременно с Большой Ордой и с Литвой. Восстание в тылу поставило Ивана в очень тяжелое положение.

Он поступил с обычной для него гибкостью. Дал обоим братьям то, чего они хотели, и раздор

закончился. Потом Иван обезопасил польско-литовское направление, натравив на соседей крымцев, без труда одолел оставшегося в одиночестве Ахмад-хана и лишь после этого взялся за строптивых братьев. Андрея Большого он заманил в гости, арестовал и сгноил в тюрьме. Это вероломство вызвало такой ропот, что второй смутяин, Борис Волоцкий, тоже вызванный в Москву, подобной участи избежал. Иван позволил ему тихо досидеть до конца жизни в своем Волоколамске, но запретил сыновьям Бориса вступать в брак – и область перешла к Москве позднее, просто по наследству.

Андрей Меньшой скончался бездетным, оставив все свои владения старшему брату. Для аннексии Вереи и Белоозера Иван провернул совсем уж коварную интригу (о ней рассказано в «Портретной галерее»).

«Удельная» эпоха заканчивалась.

«Юрьев день»

День чтимого в Московии Святого Георгия (в русском произношении Гюргия или Юрия) приходился по юлианскому календарю на 26 ноября и звался «Юрий Осенний». К этому времени

работы по сбору урожая уже заканчивались, и уход крестьян наносил меньше ущерба помещику.

Уйти разрешалось в двухнедельный промежуток до и после Юрьева дня, но сделать это было не так-то просто. Мало того, что крестьянин должен был внести все недоимки, но ему еще и полагалось выплатить помещику «пожилое» – нечто вроде благодарности за приют, весьма немалую сумму.

И всё же по сравнению с другими сословиями у крестьян оставался хоть какой-то зазор для свободы. Все ступени социальной пирамиды, расположенные выше, были закрепощены строже. Иван III строил систему обязательной государственной службы не снизу вверх, а сверху вниз. До окончательного закрепощения крестьянской массы власть доберется лишь век спустя.

Византийская принцесса

Киевские Рюриковичи часто сочетались браком с иноземными принцессами. Потом Русь стала частью Азии, а русские князья обмельчали и перестали считаться в Европе выгодными

женихами. К тому же политические интересы требовали от Рюриковичей союза с ближними соседями – русскими или литовскими князьями. На тверской княжне женили подростком и Ивана, но к тому времени, когда он овдовел, достойной великого государя невесты рядом уже не было, остальные князья перестали быть московскому владыке ровней.

Новую супругу Иван подобрал с таким расчетом, чтобы этот брак вознес его еще выше.

Кандидатка нашлась очень далеко, в Риме, куда эмигрировали отпрыски побежденной турками византийской династии Палеологов.

С европейской точки зрения невеста была незавидная – ни богатства, ни владений, но и правитель далекой, неведомой Московии тоже не выглядел блестящей партией. Римский папа, при дворе которого прозябала Зоя Палеолог, в свои 24 года по тогдашним понятиям уже считавшаяся старой девой, дал согласие на брак лишь потому, что рассчитывал обрести нового союзника против турок.

Но Ивану в его положении было не до турок – он в то время еще не избавился от татар. Поэтому

принцессу он в жены взял, а оправдывать надежды понтифика и не подумал.

В далеком путешествии римскую гречанку сопровождал кардинал, водрузивший на экипаже католический крест. Но на подъезде к Москве крест велели убрать, Зою переименовали в Софью, сделали вид, будто она никогда не отказывалась от отцовской православной веры, и быстро спровадили папского посланника обратно.

Теперь с некоторой натяжкой Иван III мог считаться наследником византийских базилевсов. Этой линии – что Москва является преемницей вовсе не Орды, а Империи – будут держаться и последующие русские монархи.

Василий III

Василий Иванович (1479–1533), в отличие от великого отца, личными и семейными делами интересовался больше, чем государственными. Главной драмой его жизни было отсутствие наследника.

Отец попробовал найти ему иноземную принцессу, но из этого ничего не вышло – соседние государи не желали отдавать своих дочерей за «схизматика». Тогда Иван III поступил с присущей

ему практичностью: раз уж не получается найти «статусную» невесту, женил сына подешевле – на девушке из малозначительного рода Сабуровых, чтоб не тратиться на дорогие подарки. Зато кандидатку выбирали в ходе своеобразного конкурса красоты, даже с медицинским осмотром, который произвели тогдашние гинекологи, повивальные бабки. Впоследствии обычай царских матримониальных смотрин станет в Московии традицией, но первый опыт оказался неудачен. Из бабок вышли плохие диагносты – великая княгиня Соломония потомства не произвела. Разводиться с женами на Руси было не заведено, оставалось только молиться и совершать паломничества по святым местам. Вероятно, по смерти Василия престол перешел бы к брату, но в пожилом (по тогдашним представлениям) возрасте 46 лет государь влюбился в красавицу Елену Глинскую, из рода литовских перебежчиков. Историк Николай Карамзин высказывает не вполне патриотичное предположение: «Может быть, Елена, воспитанная в знатном Владетельном доме и в обычаях Немецких, ... имела более приятности в уме, нежели тогдашние юные Россиянки, научаемые единственно целомудрию и

кротким, смиренным добродетелям их пола». Под воздействием поздней страсти Василий расторг-таки брак, сослав бесплодную Соломонию в монастырь, – создал полезный прецедент для последующих монархов.

Наследник не сразу, но родился – когда Василий был уже на шестом десятке. Три года спустя правитель умер, повергнув государство, основанное на тотальной монархии, в кризис – на упомянутое выше безвременье.

Таким образом, и в семейно-династическом смысле Василий III оказался нехорош: наследника на свет в конце концов произвел, но преемственность власти не обеспечил.

Конец автономий

Правя страной, Василий III держался отцовских заветов.

Он еще выше поднял сакральность верховной власти, держа приближенных в трепете. Имперский посол Сигизмунд фон Герберштейн, дважды побывавший в Московии, сетовал на запуганность русских вельмож, которые на всякий вопрос отвечают заученной формулой : «Про то ведают Бог и Государь».

По отцовскому примеру Василий обходился и с родней. Ивану III всё же пришлось выделить младшим сыновьям пусть небольшие, но собственные владения – поступить иначе означало бы сломать древнюю традицию. Но все эти территории находились поблизости от Москвы, где присмотр за удельными князьями был проще. Жениться братьям Василий запретил, чтобы по их смерти все земли вернулись в великокняжеское владение. Юрий Дмитровский, Дмитрий Углицкий и Семен Калужский не разочаровали государя – умерли нестарыми и потомства не оставили. Зажился на свете лишь Андрей Старицкий, которому старший брат позволил-таки жениться, когда сам наконец обзавелся наследником. (Потом сын Василия добьет и род князей Старицких).

Уничтожил государь и последний островок относительной автономии – Псковскую республику. В отличие от Новгорода этот рудимент вечевой демократии просуществовал еще несколько десятилетий, ибо всегда был послушен Москве. Псков управлялся назначенными из столицы наместниками, вел себя тихо, и всё же нарушал своим существованием стройность новой государственной системы. В 1509 году Василий

назначил туда сурового правителя, кажется, еще и специально поручив ему всячески тиранить горожан. Когда же псковитяне прислали всеподданнейшую жалобу на чинимый произвол, государь повелел всем недовольным приехать: он-де каждого рассудит по справедливости. Обрадованные горожане собрали большую делегацию, которая по прибытии вся была арестована. Так при помощи коварства Василий изолировал всех активных протестантов. Но этим он не удовлетворился, а по отцовскому рецепту, примененному в Новгороде, еще и выселил несколько тысяч псковских семейств: всё высшее и среднее сословие. Освободившиеся земли были розданы московским служилым людям.

Отношения Василия III с татарскими ханствами

Во внешней политике московский самодержец не имел возможности действовать столь же бесконтрольно, и на этом фронте дела у него шли негладко. Стратегическими и дипломатическими талантами Василий не отличался.

Сопредельных татарских государств было три: Большая Орда, ханство Казанское и ханство

Крымское. Иван III руководствовался принципом «разделяй и властвуй». С Большой Ордой он воевал и в конце концов уничтожил ее чужими руками (в 1502 году); Казанское ханство сделал своим сателлитом; с Крымом поддерживал союзнические отношения.

Преемник вновь превратил татарский фактор в грозную проблему.

Казань вышла из-под московского диктата и начала грабить пограничные области. Василий попробовал наказать хана Мухаммед-Эмина, но потерпел поражение. В конце концов противники замирились, но на восточных рубежах стало неспокойно.

Еще хуже вышло на юге. Крымское ханство привыкло жить набегами на соседей. При Иване объектом нападения обычно были литовские земли. Но Василий поспешил на подарки, а Сигизмунд Литовский, наоборот, был щедр. К тому же после военных неудач в войне с казанцами сильно упал престиж московского войска.

Крымцы сначала грабили лишь русское пограничье, небольшими набегами, но, не получая серьезного отпора, осмелели. В 1516 и 1517 годах они совершили крупные грабительские походы,

а в 1521 году объединились с Казанью (где трон занял брат крымского хана), и произошла настоящая катастрофа.

Мехмед-Гирей Крымский и Сахиб-Гирей Казанский разбили московское войско в сражении под Коломной и пошли прямо на Москву. Великий князь бежал из столицы. Возведенные его отцом крепкие каменные стены спасли город – у татар не было осадных орудий, но они не торопились уходить, разоряя окрестные земли. Василию пришлось заплатить выкуп и подписать грамоту, в которой он признавал себя крымским данником. Лишь после этого победители повернули обратно, уводя сотни тысяч невольников. Горше всего был урон чести: государь «Третьего Рима» признал себя подданным крымского хана, который, в свою очередь, был вассалом турецкого султана!

От международного позора Василия спасла находчивость одного из русских воевод. Этот занятый эпизод заслуживает рассказа.

На обратном пути татары хотели войти в Рязань, но командир гарнизона Иван Симский-Хабар запер ворота. Хан Мехмед-Гирей потребовал покорности: ведь перед ним склонился сам

великий князь. Воевода ответил, что не поверит, пока не увидит этот документ собственными глазами. Ему прислали грамоту. Тогда воевода ее разорвал, а по татарам открыл пальбу из пушек. Хану пришлось уйти, у него кончалось продовольствие. Акт постыдной капитуляции так и не увидел света.

Но с этого момента Москве пришлось постоянно держать на южной границе значительные силы и тратиться на строительство крепостей. Раз проложив дорогу к богатой добыче, крымцы будут возвращаться вновь и вновь.

Чтобы обезопасить себя с восточной стороны, Василий создал оборонительный оплот и на казанском направлении: построил на реке Суре большую крепость с сильным гарнизоном. Однако военные походы против волжского ханства были неудачны. Оно осталось для Москвы проблемой.

Осложнения на «татарских фронтах» приводили к распылению ресурсов и мешали Москве вести борьбу с Литвой, где дела тоже шли неважно.

Войны Василия III с Литвой

Продолжая начатые отцом попытки распространить власть Москвы на все православные земли, второй правитель российского государства враждовал с Литвой. В начале правления, в 1506 году, когда умер польско-литовский король Александр, Василий даже предложил себя в великие князья литовские, но это наивное притязание, конечно, было отвергнуто: литовскую аристократию не прельщала судьба «государевых холопов», в условиях польской унии жилось намного привольней.

Тогда Василий стал добиваться своего военными средствами.

Первый удобный повод представился в 1508 году, когда против нового короля Сигизмунда I взбунтовался магнат Михаил Глинский (на чьей племяннице потом женится Василий). Москва немедленно поддержала мятеж, прислала свои войска, но получила отпор, и пришлось уйти ни с чем.

Через четыре года, когда у Сигизмунда I вновь возникли сложности (на сей раз с германскими соседями), Василий III опять этим воспользовался. Он отправил войско под стены Смо-

ленска, чтобы взять этот стратегически важный город, от которого дед великого князя Василий II в 1449 году отказался «на вечные времена». После долгой осады Смоленск, не получив помощи от занятого другими бедами короля, сдался. Но это был единственный успех, которого сумел добиться московский государь.

Уже в следующем 1514 году его армия потерпела сокрушительное поражение в битве под Оршей. После долгих переговоров в 1522 году было подписано перемирие, по которому Смоленск остался за Москвой, но взамен Василий отказывался от притязаний на «всю Русь», то есть обменял журавля в небе на синицу в руках. Грандиозные усилия и траты дали очень скромный результат.

Царский титул

Быть «великим князем» вполне устраивало Ивана III и Василия III, но к тому времени, когда шестнадцатилетний Иван IV взял власть в свои руки, этот титул сильно померк. Главный соперник Сигизмунд I был в первую очередь королем польским, а великим князем литовским лишь во вторую. Титул «короля» в Москве тоже казался

недостаточно солидным: у тех же поляков короля избирали, то есть он был монарх не волей Божьей, а волей своих подданных.

Юный честолюбец Иван выбрал титул, соответствовавший идее о создании «третьего Рима», то есть третьей империи (после римской и византийской). Рыхлая Германская империя на Руси считалась ненастоящей, а используемое немцами слово «император» подмоченным. Иван решил: он будет цесарем. Русские произносили это слово как «царь».

В январе 1547 года Иван IV торжественно «венчался на царство», водрузив на голову так называемую «шапку Мономаха». По преданию этот драгоценный головной убор, не похожий на европейские королевские короны, киевскому правителю Владимиру Всеволодовичу в XII веке прислал из Царьграда тесть – базилевс Константин Мономах. Символическое значение этого жеста казалось современникам очевидным: отныне Москва официально становится преемницей византийской империи.

Получилось и в самом деле символично. Как установлено историками, красивая шапка была не византийского, а татарского происхождения.

Ее в знак милости прислал своему московскому вассалу совсем другой император, великий хан Узбек (1313–1341). Так что венец был выбран совершенно правильно: в грядущие века цари будут восстанавливать границы не византийской, а ордынской империи.

Земский собор

Институт «земских соборов», просуществовавший в Московском царстве до конца семнадцатого века, являлся не протопарламентом и даже не совещательным съездом сословных представителей вроде французских Генеральных Штатов или испанских кортесов. Царь не «совещался» с делегатами, а информировал их о больших государственных решениях и в лучшем случае выслушивал их верноподданные петиции. И всё же это был важный, чуть ли не единственный канал «обратной связи» – напрямую от сословий к монарху, минуя его обычное многослойное окружение.

Сведения о самом первом соборе туманны, историки даже спорят, когда в точности он состоялся – в 1549 году или в 1550. Неизвестен и состав участников. Кажется, в их число входили

представители местных властей. Программа и ход съезда тоже нигде не зарегистрированы. Скорее всего собравшимся разъясняли правила государственной жизни, изложенные в новом Судебнике, который однако был обнародован на более авторитетном церковном соборе, год спустя. Власть удельных князей этим документом окончательно упразднялась, укреплялось положение дворянства, вводились элементы народного представительства в гражданском судопроизводстве. Дальнейшая эволюция, вернее сказать деградация общественно-государственного устройства в царствование Ивана IV лишила земские соборы какого-либо значения. Однако позднее, в семнадцатом веке, когда возникнет «второе» государство, менее монархичное, чем «первое», соборы будут играть довольно существенную роль.

Завоевание Казани и Астрахани

За время междоусобицы (можно назвать детские годы Ивана IV и так), восточный сосед, ханство Казанское, стало союзником Крыма, враждебного Москве. Едва взяв бразды правления, юный царь попытался решить «казанскую

проблему», но первые военные походы были неудачны. Однако через несколько лет окрепшая царская власть сумела укрепить и армию, Казань же, наоборот, ослабела из-за внутренних раздоров. Тем не менее война 1552 года оказалась трудной.

Осада Казани была долгой и кровавой, защитники упорно сражались. Штурм разделился на два этапа. Уже после прорыва внутрь города битва прервалась и начались переговоры. Но сдалась лишь ханская семья, остальные казанцы капитулировать отказались и все погибли. Если верить летописи, в живых остались только женщины и дети.

В ту пору Иван еще не был «грозным». Пленного хана Едигер-Магмета он принял с почетом, а с завоеванным народом поступил по тогдашним меркам «ласково»: казней не устраивал, насильно обращать в христианство не стал, но по новгородско-псковскому «рецепту» вывел большинство татар из Казани, заменив их русскими переселенцами.

После захвата средневожского региона у Москвы появилась возможность расшириться дальше на юг – к Каспийскому морю. Места там

были пустынные, сами по себе не слишком богатые, зато открывался выгоднейший торговый путь в Персию и Среднюю Азию. На следующий год после Казанского похода представился и удобный случай: посланцы степной Ногайской орды предложили царю совместный поход против Астраханского ханства, запиравшего выход к Каспию.

Ханство было совсем слабым и согласилось принять московское подданство без войны, однако Ивану этого показалось мало. В 1556 году он посадил в Астрахани свой гарнизон и присоединил всю нижнюю Волгу к своей державе.

После этого интересы царя переместились на запад. Скоро ему станет не до средней и нижней Волги. Результатом этих завоеваний воспользуются уже преемники Ивана IV. Казань станет плацдармом для движения к Уралу и далее, в Сибирь; через Астрахань, еще очень нескоро, российская империя поведет экспансию в кавказском и среднеазиатском направлениях.

Война с Ливонским орденом

После опустошения Новгорода страна осталась практически без европейской торговли.

Сухопутные маршруты шли через территорию Литвы, почти всегда враждебной. Морская же торговля требовала доступа к Балтике.

Там находились земли Ливонского ордена, находившегося в упадке и не способного себя защитить. Проблема, однако, была не военного, а геополитического свойства: три балтийские державы – Польша, Дания и Швеция – не позволили бы Московскому царству забрать эту лакомую добычу себе.

Но во второй половине 1550-х годов – как раз когда у Ивана IV развязались руки на востоке – очень удобная ситуация сложилась и на западе. Польшей правил никчемный Сигизмунд-Август (1548–1572), испортивший отношения со своими магнатами и разоривший казну. Кристиан III Датский был стар и недужен. Шведский Густав I тоже одряхлел, а его наследник был психически нездоров. К тому же в 1554 году Московия и Швеция немного повоевали из-за пограничных земель, и шведы увидели, что Русь теперь сильна. Были основания полагать, что с этой стороны проблем тоже не возникнет.

В начале 1558 года московская рать вторглась в Ливонию, захватила несколько городов

и крепостей. Вели себя завоеватели умеренно, местное население не притесняли, и важный город Дерпт сдался без сопротивления.

Ландмейстер (правитель) Ордена Готхард Кетлер пытался давать отпор, но сил у него было мало.

В ходе второй кампании 1559 года русские заняли остальную часть Ливонии, а в 1560 году вынудили к сдаче последний оплот рыцарей, крепость Феллин (современный Вильянди).

Лишь теперь другие балтийские державы зашевелились, обеспокоенные московскими успехами и желающие получить свою долю орденских земель. Дания предъявила претензии на остров Эзель (Сааремаа), Швеция потребовала Эстляндию, Литва приняла под свое покровительство Лифляндию. Ландмейстер Кетлер стал вассалом польского короля в качестве герцога Курляндского.

Если бы Иван согласился на этот раздел, удовлетвовавшись завоеванным выходом к морю, война завершилась бы блестящим успехом. Но царь пошел на конфликт с польским королем, рассчитывая в ходе новой войны захватить еще и литовские земли.

Польская война

Соперник и в самом деле был несилен, так что надежды Ивана IV поначалу казались осуществимыми.

В 1561 году русские без труда отбили нападение литовского войска на Ливонию, весь следующий год потратили на подготовку к вторжению, и в 1563 году двинулись на ключевой город Полоцк. Это редкий для тогдашней эпохи случай, когда численный состав московской армии известен в точности, без преувеличений. Царю удалось собрать почти 60 тысяч воинов – для европейских кампаний XVI столетия цифра редкая. Крепость капитулировала. У Ивана опять появилась возможность заключить выгодный мир, но царь потребовал невозможного: чтобы Сигизмунд-Август отдал все православные области, включая даже далекий Киев. Запрос был совершенно нереалистичен.

Следующий 1564 год начался с поражения. От чрезмерной самоуверенности царь разделил свое войско на две части, и гетман Радзивилл наголову разгромил одну из них, после чего другой пришлось поспешно ретироваться.

Очевидно, это неожиданное фиаско стало одной из причин душевной болезни Ивана зимой 1564–1565 гг. Если же введение опричного режима объяснять не психическим заболеванием царя, а рациональными мотивами (как делали многие историки), они могли быть следующими: поняв, что война будет затяжной и долгой, правитель решил устранить возможность внутренней оппозиции традиционным для всякой диктатуры методом – через террор. Для имитации всенародной поддержки, совсем по-современному, он даже созвал Земский собор: спросил у «лучших людей», воевать дальше или нет. Незадолго перед тем Москву потрясла первая волна массовых казней, поэтому возражать никто не осмелился. Собор попросил государя «стоять крепко».

Безумие вышло на новый виток, когда, не справившись с Польшей, Грозный затеял воевать еще и с Швецией. Заключив хрупкое перемирие с Сигизмундом-Августом, в 1572 году он напал на шведскую Эстляндию. Расчет был на то, что король Юхан III увяз в войне с датчанами и на два фронта сражаться не сможет.

Юхан и не стал этого делать. С Данией он помирился, ударил всеми силами по русским,

и началась еще одна долгая, разорительная война. Русь была разграблена Опричниной, обнищала от военных расходов и царских сумасбродств, а Иван пустился в совсем уже отчаянную авантюру. Царю стало известно, что в занятой поляками южной Ливонии слабые гарнизоны, и он, разорвав перемирие, вторгся на эту территорию.

Теперь пришлось иметь дело с польско-шведским альянсом. В 1578 году союзное войско разбило московскую рать в сражении под Венденом (нынешний латвийский Цесис), и с этого момента русские уже только оборонялись. Ресурсов для наступательных операций у Ивана IV больше не будет.

А между тем главный враг и соперник польско-литовское государство очень укрепилось. В 1569 году две его части окончательно объединились, создав Речь Посполитую (буквально «Общее Дело»), а в 1576 году у монолитной державы появился сильный правитель – Стефан Баторий, опытный воин и одаренный полководец.

Упрочив свою власть в стране, Баторий в 1579 году повел войско на восток. Он взял Полоцк, главный русский трофей прошлой войны, и

на следующий год вторгся на собственно русскую территорию – захватил Великие Луки.

Целью третьей кампании Батория должны были стать глубинные русские земли. К этому времени Иван Грозный уже очень хотел мира, соглашался отказаться от всех своих завоеваний, даже от царского титула: «А если государь ваш не велел нашего государя царем писать, то и государь наш для покоя христианского не велит себя царем писать», говорилось в московской грамоте. Иван просил лишь оставить ему порт Нарва, чтобы сохранить возможность балтийской торговли. Баторий ответил отказом, да еще потребовал огромную контрибуцию.

Третий польский поход был нацелен на Псков. Падение этой твердыни стало бы для Московии настоящей катастрофой. Но орешек оказался крепким. Гарнизон стойко выдержал многомесячную осаду, хоть не получил от Ивана никакой поддержки. Эта героическая оборона спасла Русь от полного поражения. У короля кончились деньги оплачивать наемников, и он согласился на переговоры.

Иван ухватился за предложение, подписал договор, по которому отказывался и от Ливонии,

и от Полоцка. В следующем 1583 году царь заключил мир с Швецией, так и не получив морского порта. Гигантские жертвы и затраты четвертьвековой войны оказались напрасными.

Репрессии Ивана Грозного

Даже в те суровые времена кровавые вакханалии Ивана IV потрясали воображение современников.

Иван был жесток и в юности. Пишут, что в детстве он забавлялся тем, что бросал с теремной крыши собак и кошек, а на улице для потехи затапывал конскими копытами прохожих. К тому же он был вспыльчив, а во второй половине жизни подвержен приступам неконтролируемой ярости. Были ему присущи и садистские наклонности – царь упивался видом страданий.

Наверняка в описаниях Ивановых зверств есть преувеличения – как это всегда бывает. Рассказы о казнях грозного московского царя сохранились главным образом в изложении иностранцев, часто писавших понаслышке – русские в те времена записок не вели. Но есть своего рода самопризнание – «Синодик», составленный Иваном для поминания жертв. Царь был набожен

и, как водится у психически нездоровых людей, припадки возбуждения (когда он лил кровь) сменялись у него периодами депрессии (когда он калялся). Всех замученных и убитых Иван, конечно, записать не мог. В конце жуткого документа сказано: «Помяни, господи, и прочих, в опритчину избитенных всякого возраста, мужеска полу и женска, их же имена Сам веши, Владыко». Царские записи «для памяти» выглядят деловито: такого-то числа «отделано 369 человек», такого-то числа «26 человек ручным усечением живот свой скончаша», совсем лаконичное «псковичи з женами и з детми 30 человек» и так далее.

Было несколько волн террора, перемежавшихся относительными затишьями. Кровь лилась потоками в 1565 году, в 1568, в 1569, в 1570–1571, в 1575 (когда царь расправился с самими опричниками).

Авторы, ищущие в репрессиях Грозного рациональную составляющую (как было принято у советских историков), писали, что царь последовательно уничтожал боярскую, церковную, региональную оппозицию, «чистил чистильщиков» и прочее. Известно, что грозный диктатор Сталин высоко чтит Ивана IV и лишь сетовал, что тот

«недорезал» бояр. Однако, если проследить за ходом событий, видно, что никакой логики в репрессиях не прослеживалось. Чем меньше Иван встречал реального противодействия (а его и вначале не было – максимум робкие жалобы), тем суровей становились казни, царь будто распалялся от собственного всевластия.

Немец Альберт Шлихтинг, семь лет вблизи наблюдавший придворную жизнь, пишет: «При дворе тирана не безопасно заговорить с кем-нибудь. Скажет ли кто-нибудь громко или тихо, буркнет что-нибудь, посмеется или поморщится, станет веселым или печальным, сейчас же возникает обвинение, что ты заодно с его врагами или замышляешь против него что-либо преступное».

Не только двор, но и вся страна будто окоченели от ужаса.

Борис Годунов

При недееспособном царе Федоре управление страной всё равно осуществлялось в единовластном режиме, просто правил не монарх, а главный министр (можно назвать полномочия Годунова и так). Сложившейся системы это никак не меняло, сакральность государя сохранялась,

а кто именно наверху принимает решения, народу было все равно. Необычным было лишь то, что власть оказалась в руках у человека весьма скромного происхождения. Мы даже не знаем, когда точно родился Борис Федорович Годунов – то ли в 1551 году, то ли в 1552.

В прежние, доопричные времена у отпрыска мелкого дворянского рода не было бы шансов подняться столь высоко – все места близ государя предназначались для боярства. Но в турбулентные времена Ивановой паранойи возник новый «социальный лифт» – опричнина. На нем Годунов и поднялся. Первым шагом вверх для него стала женитьба на дочери страшного человека Малюты Скуратова, главного опричного палача, пользовавшегося доверием царя. Чистка, устроенная Грозным в 1575 году среди опричной верхушки, подняла Бориса еще выше, а венцом его придворных успехов стал брак второго царского сына Федора на годуновской сестре Ирине. Казалось, событие это было малозначительным, никто не предполагал, что нездоровый царевич может стать государем. Тем не менее по статусу царского свойственника Борису Годунову полагалось боярское звание, и он вошел в эшелон

высшей аристократии. Потом, после драматичной смерти старшего царевича Ивана Ивановича, Федор сделался наследником. Когда по смерти Ивана Грозного при нездоровом царе создавался совет опекунов (то есть регентов), брат царицы не мог в него не войти.

После этого интригами, а возможно и убийствами (это не доказано, но вполне вероятно), Борис избавился от других регентов и к 1587 году сосредоточил в своих руках все властные полномочия. У него даже было особое, небывалое прежде титулование: «царский шурин и правитель».

Колонизация Сибири

Если экспансия Москвы на запад шла с большим трудом, требуя войн с соседними державами, то движение в восточном направлении происходило само собой, почти без усилий со стороны государства и с минимальными затратами. После падения Казанского ханства в той стороне оставалось только одно государственное образование, очень слабое – Сибирское ханство, осколок бывшего Улуса Джучи.

Освоение лесных просторов Приуралья, богатых главным тогдашним ресурсом, пушниной, вели не великокняжеские воеводы, а предприимчивые купцы-промышленники. Они снаряжали экспедиции за собственный счет. Это были сугубо коммерческие предприятия. Вооруженный отряд продвигался на восток, ставил на новом месте крепость, и она превращалась в центр, куда со всей округи доставляли меха – как собственные охотники, так и обложенные «пушной данью» местные племена. Потом следовал следующий бросок на восток, и еще, и еще. В конце концов эта ползучая промышленная экспансия добралась до Урала.

Снаряженная в 1582 году экспедиция атамана Ермака продвинулась еще дальше, за Уральскую гряду, и нанесла поражение войску сибирского хана Кучума. Известно, что отряд состоял всего из 540 человек, но для тех пустынных краев, да еще при огнестрельном оружии, это была грозная сила. У Эрнана Кортеса, завоевавшего Мексиканскую империю, людей было не больше.

Дальше Ермак не двинулся, завоевательных планов у него не было, а царь Иван в далекой

Москве самоуправной инициативой был недоволен – боялся, что вдобавок к западным и южным проблемам прибавится восточная. Не получив серьезной подмоги, Ермак пал в бою с татарами, остатки его отряда вернулись обратно.

Но при Годунове великое движение на восток развернулось уже на государственном уровне. Почти каждый год за Урал отправлялся очередной воевода с войсками, имея задание построить крепость или заложить город, который затем становился центром русского влияния. Татарские царевичи один за другим переходили на московскую службу, и Сибирское ханство прекратило свое существование.

При Годунове были основаны города Тюмень, Тобольск, Томск, Нарым. Пушнина становилась всё более прибыльной статьёй русского экспорта, а Сибирь превратилась в один из главных наполнителей царской казны.

Глава вторая

ВТОРОЕ ГОСУДАРСТВО

ОСНОВНОЕ

При недееспособном монархе Федоре Иоанновиче государство «ордынской» архитектуры существовало и даже развивалось, поскольку все четыре несущие опоры не нарушились, но с пресечением династии (1598) высшая власть утратила одну из них – свой полубожественный ореол. Государство немного постояло на трех оставшихся колоннах, но при первом же потрясении, не особенно сильном, с грохотом рассыпалось.

Правление Бориса Годунова (1587–1605) наглядно продемонстрировало, что без сакральности система делается хрупкой. Пока Борис был фактическим правителем, а царь Федор – живой иконой, дела у страны шли неплохо, особенно по сравнению с ужасной эпохой Ивана Грозного. Как пишет историк Костомаров: «Состояние народа при Борисе было лучше, чем при Грозном, уже потому, что хуже времен последнего мало можно найти в истории».

Годунов залечивал раны разоренной, терроризированной страны. Для своей эпохи он был милосерден: врагов не казнил, а отправлял в монастырь или в ссылку. Строил города и крепости, покровительствовал торговле, начал – как уже говорилось – целенаправленно осваивать просторы Сибири, что увеличило доходы казны.

В 1598 году, когда скончался Федор, в управлении государством, казалось бы, ничто не изменилось. Правительство осталось тем же. Но монархия не может существовать без монарха. Очевидных же наследников династия не оставила. Есть основания подозревать Бориса в том, что он этому посодействовал. В 1591 году при весьма смутных обстоятельствах трагически погиб младший сын Ивана Грозного восьмилетний царевич Дмитрий; несколько ранее столь же внезапно скончалась восьмилетняя Мария, правнучка Ивана III; ходили зловещие слухи и про смерть маленькой Феодосии, единственной дочери царя Федора. Во всех случаях вина Годунова осталась недоказанной. Но если он действительно расчищал себе путь к престолу, убивая детей, то судьба (а также непонимание законов

«ордынского» государства) жестоко наказала Бориса.

В 1598 году он стал царем очень легко, поскольку все рычаги находились в его руках. Пригодился институт Земских соборов, давно заброшенный и ржавевший без употребления. В Москву созвали представителей духовенства, дворянства, городов. Годунов изображал скромность, долго отказывался, но в конце концов, умоляемый придворными и патриархом, под крики собравшейся на площади толпы согласился возложить на себя венец.

Но одно дело царь, избранный Богом, и совсем другое – царь, избранный толпой на площади. Мысль о том, что если толпа «крикнула» царя, то она же может его и сместить, прочно поселится в умах столичных жителей и сыграет важную роль в последующих событиях. Да и на протяжении всего семнадцатого века «Площадь», то есть воля московской народной массы, будет серьезным фактором русской политической жизни.

Как уже говорилось, Борис был очень недурным правителем, но священного трепета ни у аристократии, ни у народа он не вызывал. В 1601 г.

на Русь обрушилась беда – три года подряд выдались неурожайными. Начался голод, сотни тысяч людей умирали. Надо отдать Борису должное. Он делал, что мог: раздавал нуждающимся хлеб и деньги, обеспечивал заработком, но в трудные времена люди всегда винят в своих несчастьях верховную власть, а «ненастоящего» царя винить было проще. В конце концов катастрофа была преодолена, но хаос, начавшийся в 1604 году, заварился на дрожжах общественной сумятицы предыдущего трехлетия. Тогда множество крестьян, холопов, обнищавших мелких дворян потянулись с голодного севера на хлебный юго-запад, где скопилось много неприкаянных мужчин. Там-то в 1604 году и объявился сын Грозного, чудесно спасшийся от годуновских убийц **царевич Дмитрий**. Это событие было подобно искре, попавшей в порох.

В прежние времена, при почтительном отношении к царской власти, такого произойти не могло бы. Теперь же главным оружием претендента стал именно ореол «Божьего права» против сомнительного «площадного права» царя Бориса. В самый разгар противостояния московский правитель вдруг умер. Его 16-летний

наследник, скоропалительно провозглашенный царем, тем более ни у кого не вызывал священного трепета. Судьба гражданской войны решилась, когда царская армия перешла под знамена Дмитрия, «законного наследника» династии Рюриковичей. Не устояв на трех колоннах, в 1605 году первое русское государство, просуществовавшее менее полутора веков, развалилось.

Следующее десятилетие вошло в историю под названием Смуты. Худшее, что может произойти со страной – распад государства и погружение в тотальный хаос – в российской истории случилось дважды: в начале XVII века и в начале XX. Причина оба раза была одна и та же – ослабление «ордынского» фундамента, обеспечивающего прочность конструкции. Поводом же становилось некое потрясение: в первом случае появление претендента на престол, во втором – неудачная война.

Когда система управляется из одной точки, только по вертикали, поломка этого простого механизма приводит к нарушению всех административных связей. Мятежи, волнения, попытки обособиться от деградировавшего центра охватывают всю большую страну. За восемь лет

(1605–1613) в Московском царстве **сменились семь царей**, причем двое из них правили одновременно, враждуя между собой. Произошла **большая крестьянская война**. Страна с двух направлений, западного и северного, подверглась **интервенции – польской и шведской**. На некоторое время Русь даже утратила независимость, покорившись польской короне. Казалось, в давнем соперничестве «первой» и «второй» Руси победу одержала Русь литовская, а не московская.

Но именно это тяжелейшее испытание доказало, что к началу семнадцатого века Россия (которую тогда еще так не называли) уже была настоящей страной, а не просто вотчиной какого-то монарха, объединенной лишь его властью. Монарха не стало, не стало государства, а страна выжила и продемонстрировала свою жизнеспособность.

Две силы сохранили и возродили Россию: православная церковь и земское (то есть провинциальное) общество.

Церковь вдохновляла и идеологически обосновывала национальное сопротивление, апеллируя прежде всего к религиозному чувству.

Провинция в отличие от капитулировавшей столицы не желала подчиняться иноземному правителю. Там, в русской глубинке, зародилось движение, которое в конце концов восстановило единство страны. Главным двигателем этого процесса стали провинциальное дворянство и купечество, более всего заинтересованные в существовании национального государства.

В 1612 году народная армия под руководством князя Дмитрия Пожарского, одаренного полководца, и простолюдина Кузьмы Минина, энергичного организатора, отбила у поляков Москву, а в следующем году Земский Собор избрал нового русского царя – шестнадцатилетнего Михаила из боярского **рода Романовых**. Кандидат был слабый, даже беспомощный, но в выборе сыграли роль три фактора. Во-первых, из того же рода была первая жена Ивана Грозного, что до некоторой степени олицетворяло династическую преемственность (более близких царских родственников не нашлось); во-вторых, Михаил был сыном высокочтимого **патриарха Филарета**, главы православной церкви и символа антипольского сопротивления. В-третьих, царь-подросток ни одну из соперничающих

группировок не пугал, и стороны смогли прийти к компромиссу.

Результатом Смуты стала реставрация московского царства, но оно существенно изменилось, поэтому я буду называть эту конструкцию «Вторым русским государством». Новая система была гораздо менее логичной и прочной, она не продержится и столетия.

Принцип жесткого централизма, утвержденный Иваном III, в изменившихся условиях сохранять было невозможно. Царь был слишком слаб, священным ореолом династия обзавестись не успела, а силы, приведшие Романовых к власти – церковь, боярство, дворянство, земщина – наоборот, обладали значительным влиянием.

При первых Романовых – Михаиле I, Алексее I, Федоре III – российское государство утратило прежние «ордынские» основы и не обрело новых. Власть государя, продолжавшего именоваться самодержцем, на самом деле самодержавной не была. Большую роль в управлении государством играла вновь усилившаяся боярская дума, увеличилось значение земских соборов, а особенную важность обрела фигура патриарха. Дважды глава церкви становился фактическим

правителем страны, оттеснив царя на второе место.

При этом ослабление центральной власти не привело к оживлению частной инициативы – страна по-прежнему оставалась слишком несвободной. Основная часть населения, крестьянство, в семнадцатом веке была окончательно порабощена. Административный произвол при слабо разработанных законах мешал развитию торговли и промышленности. Горожане были бедны и бесправны, «третьего сословия» из них не возникло. В ту самую эпоху, когда многие европейские страны начали промышленно, политически и технологически развиваться, Россия словно застыла на месте и с каждым десятилетием отставала всё больше.

Весь семнадцатый век прошел в войнах, чаще всего неудачных, и в мятежах, от которых шаталось всё некрепкое государство.

Слабость царской власти кроме объективных причин объяснялась еще и субъективными: три первых монарха династии были людьми неяркими.

Михаил Первый (1613–1645) находился сначала в тени властной матери царицы Марфы и ее

родни, затем из польского плена вернулся его отец-патриарх и стал государствовать вместо сына. Лишь последние двенадцать лет Михаил правил самостоятельно, ничем особенным себя не проявив. Единственным большим событием этого царствования была новая **война с Польшей в 1632–1634 гг.**, закончившаяся разгромом русской армии и непочетным миром.

Наследовавший престол Алексей I (1645–1676) был не даровитей отца. В историю он вошел под скромным прозвищем Тишайшего. Подлинная власть почти всё время принадлежала кому-то из царского окружения: сначала воспитателю царевича **боярину Морозову**, потом амбициозному **патриарху Никону**, в последние годы большим влиянием пользовался боярин **Артамон Матвеев**.

Царствование Алексея богато событиями, но большинство из них произошли помимо его воли.

Разбуженная еще Годуновым «площадь» держала Кремль в постоянном напряжении – авторитет царской власти оставался невысоким. Недовольное закрепощением крестьянство постоянно клокотало. Потенциально опасным элементом было и **казачество**, особая приграничная

стража, заведенная государством для охраны южных рубежей – казенных средств на содержание там регулярной армии у небогатого государства не хватало. При соединении казачьего мятежа с крестьянским происходил мощный взрыв. В середине семнадцатого столетия страну потрясли **два столичных бунта** (в 1648 и 1662 гг.) и **большая гражданская война 1670–1671 гг.**

При Алексее (но не по его инициативе) церковь затеяла **реформу**, продиктованную не религиозными, а политическими соображениями. Это привело русское общество к духовно-идеологическому кризису, а православие к расколу.

Воспользовавшись ослаблением польско-литовского государства, Москва **захватила обширную, густонаселенную левобережную Украину.** Завоевание далось очень нелегко и привело к **тяжелым войнам** – не только с Речью Посполитой, но и с Швецией, а кроме того еще с Турцией, тоже претендовавшей на украинские земли. Так началось долгое российско-турецкое противостояние, один из главных очагов европейской напряженности вплоть до двадцатого века.

Продолжалось **колониционное движение через просторы Сибири**, достигшее естественных пределов – Тихого океана и границы с китайской империей.

В 1649 году страна наконец обзавелась более или менее развернутым сводом законов – было утверждено **Соборное Уложение**. В условиях нарушившейся монархии прежняя система управления через царские указы уже не работала. Требовались единые правила, которыми могли руководствоваться местные власти, не дожидаясь указаний из далекого и вялого центра.

В короткое царствование болезненного Федора Алексеевича (1676–1682) государством управляла Боярская дума, огромным влиянием пользовался **патриарх Иоаким**. Царь умер на двадцать первом году жизни, не оставив наследника. В результате борьбы между соперничающими группировками престол заняли сразу два царя: старший Иван, шестнадцати лет, психически нездоровый, и десятилетний Петр, но правительницей объявили их сестру двадцатипятилетнюю царевну Софью, приведенную к власти **столичным стрельцким гарнизоном**, который в эту

турбулентную пору вел себя наподобие римских преторианцев или турецких янычар.

Эпоха Софьи (1682–1689) интересна в нескольких отношениях.

Во-первых, самой фигурой правительницы. Для не просто патриархального, а весьма мизогинного московского общества, где женщин было принято держать взаперти, возникла ситуация почти небывалая. Ранее дважды случалось, что на вершине власти оказывались женщины (мать малолетнего Ивана IV и мать юного Михаила), но впервые представительница «слабого пола» вела себя не как регентша, а как государыня. Когда оба царя подросли и женились, что тогда приравнялось к совершеннолетию, Софья и не подумала уходить. Это была сильная, властная, смелая женщина, не скрывавшая близости со своим фаворитом Василием Голицыным, что для Руси было скандально и неслыханно.

Во-вторых, Софья и Голицын, один из самых просвещенных людей страны, хорошо понимали, что по старинке государство существовать не может, что необходима модернизация, нужны реформы европейского образца. Поскольку мос-

том в Европу являлась Речь Посполитая, правительство Софьи резко изменило вектор московской политики, двести лет враждебной западному соседу. В 1686 году с Польшей был подписан «**Вечный мир**», и Москва обязалась присоединиться к антитурецкой коалиции, что делало Россию частью большого европейского альянса.

В исторической перспективе самым значительным событием этого периода, пожалуй, является **договор с Китаем**, впервые установивший отношения с великим восточным соседом.

Софья решительно и успешно справилась со стрелецкой проблемой, расшатывавшей государство. Но сомнительная легитимность и пол правительницы делали ее положение непрочным. Оно еще больше пошатнулось после **двух неудачных крымских кампаний**, устроенных во исполнение союзнических обязательств перед Польшей. Архаичная русская армия была явно не готова к большим и сложным походам.

Знатные люди, недовольные Софьей и ее любимцем, группировались вокруг двора младшего царя Петра Алексеевича, будущего Петра Великого. В 1689 году разразился кризис. Есть **несколько версий случившегося**, но кто бы ни был

инициатором конфликта, дело закончилось тем, что сторонники Софьи один за другим перебежали в противоположный лагерь, и царица лишилась власти.

Многие историки сегодня считают, что русская европеизация была бы проведена и Софьей, причем рассудительный Голицын не заплатил бы за реформы такую дорогую цену, как Петр. Кроме того, судя по сохранившимся сведениям **о голицынской программе**, есть основания полагать, что в результате этих преобразований Россия могла бы стать по-настоящему европейской страной, а не ограничилась бы возведением европейского фасада.

Но Софья и ее министр проиграли, победила партия юного Петра, и обновленное им государство, по счету третье, перестраивалось по принципу «назад, в прошлое!».

ПОДРОБНОСТИ

Царевич Дмитрий

Один из самых загадочных и поразительных сюжетов всей русской истории – судьба авантюриста, выдавшего себя за царского сына, который погиб в восьмилетнем возрасте. Ясно лишь одно – что это был самозванец. Согласно наиболее распространенной версии им был беглый московский монах Григорий Отрепьев, однако есть убедительные причины сомневаться в этом факте.

Достоверно известно лишь, что в 1603 году в Литве объявился некий юноша, назвавшийся царевичем Дмитрием Иоанновичем. Некоторое время он кочевал с места на место, пока не обзавелся покровителем в лице сандомирского старосты (губернатора) Мнишека. Тот помог «царевичу» собрать добровольцев из числа мелкой шляхты, охочей до приключений, и этот невеликий контингент, всего полторы тысячи сабель, в августе 1604 года вторгся в русские владения. Там отряд превратился в изрядное войско, пополнившись за счет казаков и скопившихся в тех краях беглецов. Весть о том, что наконец вернул-

ся «настоящий царь», не чета Борису, а также красивая сказка о чудодейственном спасении сыграли роль мощной «пиар-кампании», которая в конце концов и обеспечила Лжедмитрию победу. Войдя в Москву, он венчался на царство и в течение года правил, не встречая противодействия.

Погубило молодого проходимца неосмотрительное поведение. Он женился на католичке, дочери Мнишека, что русским людям не понравилось; привел в Москву поляков, которые бесчинствовали и настраивали против себя горожан; главное же – так и не сумел обзавестись поддержкой среди местной аристократии. Внутри боярства возник заговор, и в мае 1606 года произошел военный переворот. Царя убили прямо в Кремле, после отчаянного сопротивления, а поляков перебили.

После небольшого затишья смута разразилась с новой, еще большей силой.

Семь царей за восемь лет

Смена государей представляла собой такую стремительную чехарду, что от бывшего ореола царской власти не осталось и следа.

Итак, сначала на троне сидел сомнительный Годунов, умерший в апреле 1605 года.

Потом два месяца царем считался его сын Федор II (убит в результате дворцового переворота).

Год правил Дмитрий I (убит и посмертно ошельмован: мертвое тело искромсали, проволокли по земле на веревке, сожгли и пеплом выпалили из пушки).

Царем стал боярский ставленник Василий II (или Василий IV, если считать по князьям московским), из знатного рода Шуйских. Но почти сразу же опять объявился Дмитрий, якобы вновь чудом спасшийся. Новому самозванцу, вошедшему в историю под именем Лжедмитрия II, покорилась добрая половина русских земель. Претендент со своим войском дошел до самой Москвы, встал около нее лагерем, и долгое время, целых два года, в центре страны было двоевластие, а на периферии безвластие. Бояре, дворяне и духовенство переходили то к одному царю, то к другому. В конце концов Василия свергли и постригли в монахи собственные приближенные, а Лжедмитрия II убили его же сообщники. Теперь Москва осталась вовсе без царя, и править стала Семи-

боярщина, слабая хунта из семи бояр. Это правительство капитулировало перед Польшей, согласилось признать царем Владислава, сына короля Сигизмунда III. В 1610-1613 годах государем православного «Третьего Рима» был иноземец и иноверец царь Владислав I. (И долгое время уже после того, как поляков изгнали, Владислав продолжал именовать себя государем всея Руси).

Неудивительно, что Михаил Романов, царь №7, не вызывал у народа никакого благоговения. Блеск царского звания очень сильно потускнел. Восстановится он нескоро.

Крестьянская война

Самый хаотичный и кровавый этап Смуты начался как эпизод в эстафете самозванцев.

Непрочное положение московского царя Василия и безвластие в регионах побуждали всякого рода авантюристов ловить рыбу в мутной воде. Один из таких проходимцев, Михаил Молчанов, беглый придворный первого самозванца, нашел прибежище в Самборе, оплоте Мнишеков, и тоже стал выдавать себя за спасшегося Дмитрия. Однако идти войной на Москву он побоялся и отправил вместо себя назначенного им воеводу

Ивана Болотникова. После этого сам Молчанов канул в безвестность, но Болотников оказался вождем боевитым и энергичным. Он сумел собрать немалое войско, в которое стекались главным образом крестьяне, обозленные лишениями и помещичьим произволом. Из похода монархического (пускай монарх был фальшивым и даже мертвым) движение переросло в широкую народную войну. Летом 1606 года Болотников несколько раз бился с московским войском. Сначала терпел поражения, но тем не менее, все время пополняя свои ряды крестьянами, шел вперед и осенью близ Москвы одержал крупную победу. Столица должна была вот-вот пасть, но здесь в стане восставших произошел раскол. Дворянские отряды, являвшиеся относительно немногочисленной, но самой боеспособной частью болотниковского войска, всё больше тревожились из-за агитации, при помощи которой предводитель восстания собирал под свои знамена бедноту: он обещал отобрать у богачей имущество и поделить его между «сиротами».

Дворянское ополчение перешло на сторону Шуйского, да тут еще подошли подкрепления,

и плохо вооруженная крестьянская рать была разбита.

Болотников с боями отступил к Калуге, где был осажден, держался до осени 1607 года, а затем сдался под обещание помилования. Опасного человека сослали на север, и там через некоторое время без огласки убили.

Интервенция

Авантюра первого Лжедмитрия еще не являлась интервенцией в строгом смысле, это скорее была частная затея Мнишека. Польско-литовское королевство Москве войну не объявляло. Волонтерами были и шляхтичи, отправившиеся на Русь в поисках поживы и приключений во время эскапады Лжедмитрия II. Они составляли главную ударную силу в армии претендента.

Однако шведскому королю Карлу IX, враждовавшему с Речью Посполитой, очень не нравилось, что польский ставленник может захватить Москву, и шведы предложили слабому царю Василию военную помощь. Тот от безысходности согласился. В 1609 году усиленная шведскими полками московская армия без особенного труда разбила войско Лжедмитрия II и сняла со столи-

цы блокаду, но теперь уже Сигизмунд Польский забеспокоился, что Русь попадет под шведское влияние.

В сентябре 1609 года, объявив Шуйскому войну, король осадил Смоленск.

В следующем 1610 году шедшая на выручку городу русская армия была разгромлена в сражении под Клушином, после чего Василия свергли собственные бояре. Как уже было сказано, их самозванное правительство, Семибоярщина, после споров и колебаний решило подчиниться полякам и позвало на царство королевича Владислава.

В 1611 году Москва открыла ворота перед польским войском. Но оккупационный режим держался лишь в нескольких опорных пунктах, и в конце 1612 года ополчение Пожарского и Минина освободило столицу от иноземных захватчиков.

Интервенция однако на этом не закончилась. Сражения с поляками длились еще долгих шесть лет.

Тем временем шведы не бездействовали. Они захватили весь северо-запад страны,

объявив шведского королевича Карла-Филиппа претендентом на русский трон.

На этом фронте слабому и бедному правительству только что воцарившегося Михаила тоже пришлось вести долгую, трудную войну.

В конечном итоге страну спасло то, что поляки и шведы затеяли всерьез воевать друг с другом. Чтобы развязать себе руки, Густав-Адольф Шведский согласился заключить мир с Москвой, удовольствовавшись относительно небольшой добычей. Вдобавок к контрибуции он получил Карелию, Ингрию и единственный участок балтийского побережья, которым владело Московское царство – тот самый, где потом будет построен Санкт-Петербург.

В следующем 1618 году наконец замирились и с поляками, но более дорогой ценой: потеряли Смоленщину и Северский край, притом на унижительном условии непризнания Михаила царем всея Руси.

Но так или иначе интервенция закончилась.

Романовы

Эта династия проправила Россией три века. Правда, «настоящие» Романовы пресеклись на

дочери Петра императрице Елизавете, и дальше царствовали уже Гольштейн-Готторпы, ответвившиеся от датского королевского дома. Чтоб не смущать народ немецкой фамилией, они взяли русскую. Хоть ее происхождение было менее возвышенным.

Род Романовых был не княжеского происхождения и стал упоминаться лишь с XIV века. При московском великом князе Иване Калите состоял боярин по прозвищу Кобыла, у которого имелись сыновья с не менее колоритными именами: Жеребец, Ёлка, Гавша, Кошка. От Кошки потянулась генеалогическая нить Кошкиных, которые потом превратились в Захарьиных, в Юрьевых и лишь в конце XVI века переименовались в Романовых.

Возвышение рода произошло, когда на одной из его представительниц женился Иван IV. В 1613 году имелось несколько кандидатур на трон, и все знатнее, чем Романовы: князь Трубецкой и князь Мстиславский были из рода Гедиминовичей, князь Пожарский из Рюриковичей, князь Черкасский приходился свойственником Ивану Грозному. Михаила избрали как безопасного – за ним не стояла никакая партия. О родовитости

после захудалых Годуновых и скандальных Лжедмитриев никто так уж сильно не заботился, во всяком случае это было соображение не первого порядка. Всем хотелось лишь одного: чтобы закончилась Смута.

Патриарх Филарет

Федор Никитич Юрьев, позднее взявший фамилию Романов, а затем поменявший и имя, родился в 1553 или 1554 году. Он был племянником царицы Анастасии и двоюродным братом Федора, последнего царя династии Рюриковичей. Как один из членов регентского совета при недееспособном государе он боролся за первенство с Годуновым, проиграл в борьбе за власть и в конце концов был насильно пострижен в монахи. Возвращение чернеца Филарета (так его нарекли) в большую политику было довольно позорным: он получил патриарший престол от второго Лжедмитрия. Сан был официально признан лишь много лет спустя, когда Михаил Романов уже царствовал.

Уважение и всерусскую славу Филарету принесло мужественное поведение в польском плену. Он состоял в посольстве к королю Сигиз-

мунду, был арестован и восемь лет провел в заточении, но ни на угрозы, ни на уговоры не поддался. В Москву Филарет смог вернуться лишь по заключении мира, в 1619 году, и сразу поставил себя выше сына, именуясь не только «святейшим патриархом», но «величеством» и «великим государем». Статус патриарха отчасти компенсировал Романовым поблекшее сияние царского звания.

Филарет был осторожен и рачителен. Лишних трат избегал, в рискованные предприятия не ввязывался. Он собирал силы, готовился к неизбежному новому столкновению с Польшей, для чего завел первые полки европейского строя.

В самом конце правления, в 1632 году, воспользовавшись тем, что у поляков началась междоусобица, Филарет решил взять реванш за прежние поражения, но в самый разгар войны умер.

Война с Польшей 1632–1634 гг.

Момент для войны казался идеальным. Во-первых, в Польше умер король и началась обычная в подобных случаях свара – в Речи Посполитой государя выбирала шляхта. Во-вторых, удалось сговориться о союзе с Густавом-Адольфом

Шведским, выдающимся полководцем. Москва закупила за границей 10 тысяч мушкетов, наскоро обучила солдат, собрала дворянское ополчение и снарядила поход на Смоленск, утраченный в 1618 году.

Но всё пошло не так.

Армия оказалась никуда не годной, прежде всего из-за скверного командования. При первых Романовых сложилась весьма своеобразная иерархическая система, так называемое «местничество», когда все знатные семейства выстраивались одно за другим по родовитости. Личные качества и заслуги значили меньше, чем происхождение. Командиров тоже назначали исключительно по генеалогическому ранжиру. Из-за этого постоянно происходили конфликты.

Двое полководцев, князь Черкасский и князь Лыков, заспорили, кто из них «старее», и войско встало.

Смерть патриарха Филарета парализовала управление. Царь Михаил был нерешителен и медлителен.

Тем временем поляки успели выбрать нового короля, а Густав-Адольф пал в сражении.

Армия была уничтожена и война проиграна – с таким треском, что Михаил отказался от всех реваншистских планов, распустил наемников и сократил расходы на армию.

Боярин Морозов

Борис Иванович Морозов (1590–1661), «дядька», то есть воспитатель тихого царевича Алексея, имел огромное влияние на своего ученика и, когда тот шестнадцати лет от роду унаследовал престол, продолжал руководить юношей, а заодно и государством.

Он женил царя на дочери своего соратника Ильи Милославского, а сам взял в жены ее сестру, став еще и государевым свояком.

Австрийский посланник Мейерберг пишет про Морозова: «Это был человек с природным умом и, по своей долговременной опытности, способный править государством, если бы только умел ограничивать свое корыстолюбие».

Ограничивать корыстолюбие Борис Иванович и не умел, и не хотел. Он был совершенно бесстыдным стяжателем, набрав себе вотчин, в которых трудились 50 тысяч крепостных. Своим произволом и алчностью Морозов спровоциро-

вал Соляной бунт, о котором будет рассказано ниже. Царь еле спас своего учителя от расправы, но был вынужден отправить его прочь из столицы. На этом период всевластия Морозова (1645–1648) закончился.

Патриарх Никон

Гораздо более крупной фигурой являлся Никита Минов (1605–1681), в монашестве Никон. Не сказать, чтобы деятельность этого гиперактивного патриарха была продуктивной, скорее наоборот: он оставит государству две трудные, долгие проблемы – «украинский вопрос» и церковный раскол, но в масштабности Никону не откажешь.

Биография его необычна. Родом он был из низов – крестьянин. Выучился на приходского священника, обзавелся семьей и провел молодость вполне заурядным образом. Но страшное несчастье, смерть всех троих детей, побудила Минова и его жену принять постриг. Монах, а затем игумен Никон прославился своей религиозной истовостью и красноречием, обратил на себя внимание молодого царя Алексея, приручил монарха, легко попадавшего под обаяние сильных

личностей, и с 1652 до 1658 года, на патриаршем престоле, определял всю государственную политику. За этот не слишком большой срок «патриарх и великий государь» (так его титуловали) успел наломать немало дров. «Он скучал покоем, – пишет историк Ключевский, – не умел терпеливо выжидать; ему постоянно нужна была тревога, увлечение смелой ли мыслью или широким предприятием».

По настоянию Никона тишайший царь ввязался сначала в украинскую смуту, затем в войну с Польшей, а потом еще и с Швецией.

Одержимый идеей Третьего Рима, который соберет вокруг себя все православные земли, а его самого сделает первым среди патриархов (всего их было пять, и старшим считался Константинопольский), Никон решил устранить накопившиеся за минувшие века канонические и ритуальные различия с зарубежным православием, в сущности малозначительные. Но провозглашенная им реформа произвела переполох среди духовенства, придерживавшегося старинных традиций. Произошел раскол. Многие священники, а с ними и их паства не приняли новшеств. Это откололо часть населения от

государства идеологически и духовно. Раскольнические настроения в социальных низах станут формой пассивного сопротивления, а при всяком народном восстании (их в семнадцатом и восемнадцатом веке произойдет немало) сторонники «старой веры» будут примыкать к мятежникам.

Чрезмерное честолюбие привело Никона к падению. Количество влиятельных врагов патриарха всё возрастало, и они сумели настроить царя против фаворита, а Никон своей спесивостью еще и обострил ситуацию. Закончилось тем, что неконфликтный Алексей Михайлович через посредника известил патриарха, что более не желает его видеть. И сколько Никон потом ни пытался, к царю прорваться ему не удалось. Лишенный сана, он был сослан в дальний монастырь, откуда в Москву уже не вернулся.

Артамон Матвеев

Фаворит поздней поры этого царствования Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682) выдвинулся, когда государь был немолод. Чужой воле, как во времена Морозова или Никона, царь уже не подчинялся, но им можно было манипулиро-

вать, что Матвеев, человек способный и хитроумный, успешно делал.

Он тоже был выскочка, сын дьяка, то есть обычного чиновника, и тем не менее сумел подняться на самый верх, что при тогдашних «местнических» обыкновениях редко кому удавалось.

Боярского звания Матвеев удостоился лишь к пятидесяти годам. К тому времени он уже крепко держал в руках два основных направления государственной политики: украинские дела и дипломатию (руководил сразу двумя министерствами-приказами, Малороссийским и Посольским).

По своим взглядам это был «западник», сторонник сближения с Европой. Он женился на шотландке, завел у себя дома иноземные обычаи, к которым приохотил и царя. Когда Алексей овдовел, Матвеев в 1671 году сосватал ему свою воспитанницу Наталью Нарышкину, тем самым еще больше усилив влияние на царя.

Но когда престол унаследовал Федор, по матери из Милославских, члены этого сильного рода оттеснили могущественного министра от власти и устроили так, что он отправился в ссылку.

Казачество

На пространствах, протянувшихся вдоль степного порубежья обоих восточноевропейских государств, Московского и Литовского, селились ватаги лихих людей, кормившиеся набегами и наемничеством. Судя по тому, что они называли себя тюркским словом «казаки» («вольные воины»), а свои общины «курениями» (по-монгольски «кибиточный лагерь»), первоначально это были сообщества азиатского происхождения. Их предводители именовались «атаманами» («отцами людей»), командиры – «есаулами» (последователями ясы, то есть закона). Но отток крестьян, уходивших от закрепощения, привел к тому, что к шестнадцатому веку казачество уже состояло в основном из славян – русских и украинцев.

И Московская Русь, и Литва нуждались в защитном заслоне от крымских набегов. Сформировались две основные группы казачества: западная, жившая вдоль Днепра, опекалась польско-литовским государством; восточная, осевшая вдоль Дона, была связана с Москвой. Затем возникла еще одна область, где появились казацкие отряды – в Приуралье, где тамошние

промышленники и купцы стали содержать отряды для защиты своих коммерческих интересов, а затем и для экспансии на восток.

В середине XVI века на днепровском острове Хортица возникло даже нечто вроде казачьей республики: Запорожское войско. Польская корона пыталась установить контроль над этой вольницей, но не очень получалось.

Зато московское государство, с его более высокой степенью централизации и управляемости, после Смуты, в которой казачество активнейшим образом участвовало, сумело более или менее приручить донской анклав, платя степным жителям жалованье деньгами и хлебом. Казаки несли сторожевую службу в степи, а во время войн вливались в царское войско, составляя одну из значительных его частей. Однако водились и непослушные атаманы, предпочитавшие «кормиться» самостоятельно. Обычно они нападали на крымские и ногайские земли, но бывало, что грабили и русских купцов, а потом каялись, просили у царя-батюшки прощения. Как правило Москва прощала – от беспокойных степных жителей пользы было больше, чем вреда, да и карательные

экспедиции против легких на подъем донцов мало что давали.

До поры до времени, однако, казачество создавало проблемы главным образом для Речи Посполитой.

Два столичных бунта

При жестоком Иване IV, мучившем народ, и при слабом Федоре Иоанновиче москвичи вели себя смирно, обычая бунтовать против властей у них не было, ибо царь – уж какой он ни есть – поставлен Богом. Однако новые цари садились на престол явно не по воле Божьей, и опыт минувших лет показывал, что государя вполне можно свергнуть, даже убить. Плохо кончили и Федор Годунов, и оба Дмитрия, и Василий Шуйский. И, конечно, у москвичей была свежа память о том, как на Земском соборе 1613 года с ссорами и криками избирали первого Романова. Московская «площадь» ощущала свою силу. Помнила, как ее подкупали, как перед нею заискивали, склоняли на свою сторону, чтобы «кричала» за того или иного кандидата. «Ордынские» механизмы во втором российском

государстве если не полностью исчезли, то были очень ослаблены.

Вскоре после смерти Михаила, едва утвердившись у власти при юном Алексее, временщик Борис Морозов принялся жадно обогащаться. В 1646 году он придумал отличный способ: ввел единую пошлину на соль, второй по важности пищевой продукт после хлеба. Право торговать солью стало продаваться за взятки, которые взимали клевреты правителя. Соль тогда была единственным способом консервирования рыбы и мяса. Из-за ее четырехкратного подорожания подскочили цены и на солонину, она стала портиться из-за недосаливания. Начался голод. Торговое сословие страдало из-за того, что были введены «казенные аршины» – еще одно вымогательство: теперь требовалось отмерять товар только гербовыми линейками, а они выдавались за большие деньги. В Москве, где торгового люда было особенно много, ярость у народа вызывало и то, как стремительно богатели Морозов и его подручные: строили себе новые хоромы, ездили на роскошных упряжках и прочее.

Ропот усиливался, и в начале 1648 года Морозов счел за благо соляной налог отменить, но это лишь продемонстрировало народу слабость власти. В мае разразилось восстание, вошедшее в историю под названием Соляного бунта.

Царя прямо на дороге окружила возбужденная толпа, стала требовать управы на лихоимцев. Когда охрана пустила в ход кнуты, грянул мятеж.

Алексею пришлось спасаться бегством. Он заперся за кремлевскими стенами, а город оказался во власти восставших. Они разгромили дома коррупционеров, кого поймали – растерзали. Выдвинули царю ультиматум: казнить всех остальных. Царю удалось выпросить прощение Морозову – с условием, что ноги боярина в Москве больше не будет. Но некоторых чиновников пришлось выдать толпе, и они были убиты.

Как часто бывает при стихийных, неорганизованных бунтах, этот закончился сам собой – после того как мятежники добрались до винных складов. Но эхо победоносного московского восстания прокатилось по всей стране, вызвав

такие же волнения в Новгороде, Пскове и других городах.

В 1662 году «площадь» вновь себя проявила – по схожему поводу. К этому времени увязшая в долгой войне страна сильно обеднела. Опустела и царская казна. Для ее пополнения стали чеканить вместо серебряной монеты медную, что обходилось в 60 раз дешевле. Русь впервые познакомилась с инфляцией – монетные дворы выпускали слишком много денег. В конце концов в Москве произошел Медный бунт.

Народ опять стал требовать суда над виновными, причем – так же, как в случае с Борисом Морозовым – главным объектом ненависти стал очень близкий к царю человек, его тесть Илья Милославский, по слухам чеканивший фальшивую монету.

Алексею Михайловичу подали всенародное прошение – по сути дела выставили ультиматум.

На сей раз государь, уже не тот робкий юноша, что 14 лет назад, прибег к коварству. Он пообещал толпе исполнить ее требования, а когда люди разошлись, мобилизовал все

наличные воинские части, которые устроили побоище.

Полторы сотни зачинщиков казнили, многим в наказание отсекали конечности, или поставили на лица клейма. Таких жестокостей столица не видывала со времен Грозного. Цель была очевидна: выбить из «площади» мятежный дух. Но, во-первых, это не удалось, и москвичи себя еще покажут. А во-вторых, столица была лишь крошечной частью большой страны, и всю ее слабая центральная власть держать под контролем не могла.

Гражданская война

Большие народные восстания в семнадцатом и восемнадцатом веках разворачивались по одному и тому же сценарию. Роль детонатора обычно выполнял взрывной казачий элемент, а уже потом к движению присоединялись широкие массы крестьянства.

За долгие годы войны, начавшейся из-за украинской экспансии, ряды казачества, которое служило Москве, очень разрослись. Масса привычных к оружию людей после перемирия 1667 года осталась без дела и без средств

существования. Собрались крупные отряды, промышлявшие грабежом. Одно из таких военных сообществ, руководимое лихим атаманом Степаном Разиным, вдоволь «погуляло» в низовьях Волги, а затем отправилось «за зипунами», то есть за добычей в Персию.

С богатой добычей казацкая флотилия вернулась в Астрахань, где Разин получил от властей помилование за все прошлые шалости. Но атаман не уgomонился. Он двинулся вверх по Волге, грабя теперь уже отечественные караваны.

Всю зиму 1669–1670 гг. в разинский лагерь стекались казаки, привлеченные славой атамана и ждавшие новых походов. Войско набралось такое большое, что казаки, помня об успехе Лжедмитрия, вознамерились взять Москву. Они объявили, что с ними царевич Алексей Алексеевич (на самом деле недавно умерший) и стали рассылать агитаторов по селам и городам. Себя Разин именовал «подручником великого государя», которого впрочем народу не показывали. Крестьянам атаман сулил «волю», горожанам избавление «от бояр».

Добровольцы стекались со всех сторон. Образовалось внушительное скопище, которое однако трудно было назвать армией, поскольку казачьи отряды теперь составляли лишь малую часть восставших.

Пожар охватил несколько областей. Иногда в городах при одном только приближении Разина вспыхивали бунты, и ворота распахивались сами. Правительство недооценивало масштабы катастрофы, отправляло на подавление бунта недостаточные силы. Казалось, гражданская война вот-вот приведет к краху государства и новой Смуте.

Но Разин был никудышным стратегом. Он мало задумывался о будущем. Похоже, что он так и остался «любителем погулять», а его «социальная пропаганда» не основывалась ни на какой политической платформе. Посередине своего триумфального наступления он вдруг повернул обратно на юг и разграбил богатую Астрахань.

К тому времени, когда атаман снова выступил в поход, царское правительство успело собрать значительные силы. В сражении под Симбирском в начале октября 1670 года воевода

Барятинский нанес пестрому воинству Разина поражение, после чего Степан бросил плохо вооруженную крестьянскую армию и с одними только конными казаками бежал на Дон. Это и решило исход войны. Она перешла в карательную стадию. Царские войска повсюду громили и преследовали мятежных крестьян. Не уцелел и Разин, которого схватили и выдали те донские казаки, что не участвовали в восстании.

Крестьянская война длилась и после того как Разина казнили, но это были уже разрозненные очаги сопротивления. Дольше всего продержалась отдаленная Астрахань, павшая лишь в ноябре 1671 года.

Церковная реформа

Реформа – слишком громкое название для сугубо формальных, в сущности малозначительных новшеств, введенных патриархом Никоном. Это никак не идеологическая и политическая революция, которую полутора веками ранее произвела в западном христианстве протестантская Реформация.

Креститься отныне предписывалось не двумя, а тремя пальцами; писать не «Исус», а

«Иисус»; «аллилуйю» петь трижды, а не дважды и так далее. Кроме того в церковных книгах надлежало исправить некоторые ошибки перевода.

Как уже говорилось, причина, по которой вводились эти новации, была не религиозной, а государственной. В Москве зрела решимость присоединить православные области Речи Посполитой, и самым активным сторонником этого проекта был Никон. Мешали отличия московского обряда, накопившиеся за века отдаленности от иных центров православия. В 1649–1651 годах три иноземные пастыря – патриарх иерусалимский, митрополит назаретский, а затем и сам патриарх константинопольский – выразили недовольство «ересями» московского канона.

Церковь «Третьего Рима», светоч православия (то есть *правильной* веры), должна быть канонически безупречна – такова была логика реформы. При крайнем консерватизме русского общества и в особенности духовенства, при опасливом отношении простого народа к любым новшествам, исходящим сверху, начинание и так было бы очень рискованным, а нетерпеливый, нахрапистый Никон еще и до предела обострил ситуацию.

Не озаботившись провести предварительную подготовку, в 1653–1656 гг. на нескольких церковных соборах он сначала объявил о новшествах, а затем принялся претворять их в жизнь по-московски, то есть сурово и решительно.

Сопrotивление было упорным. В ученых верхах – идейное, в народной массе – социальное. И если оппозицию «читающей» части общества довольно быстро подавили, то неграмотная Русь еще очень долго держалась за двоеперстие и внимала антиниконовским проповедникам.

Самым крупным инцидентом стало восстание монахов отдаленного Соловецкого монастыря в 1666 году, длившееся несколько лет и жестоко подавленное. Но было множество мелких акций неповиновения. Зародилось целое движение, когда крестьяне и горожане уходили «спасаться» в дальние леса. Нередки были случаи массового суицида: самосожжений, самокапываний. Стали возникать и секты, члены которых подвергались суровым карам.

Политическая польза от нововведений, затеянных патриархом Никоном, довольно сомнительна. В сфере же церковной и духовной реформа была определенно вредоносна. Она

положила конец русскому религиозному единству и существенно подорвала авторитет правящей церкви. Сочувствие к старообрядчеству испытывала вся основная масса населения. По вечному русскому принципу «начальству видней» она послушно приняла троеперстие вместо двоеперстия и «Иисуса» вместо «Исуса», но при всяком общественном возмущении немедленно появлялись проповедники раскола, соединявшие социальный протест с религиозным – для государственной стабильности сочетание весьма опасное.

В историческом смысле никоновская реформа стала важным шагом на пути сращивания патриархии с государством и превращения церкви из института духовного в административное учреждение – этот процесс будет доведен до логического завершения Петром Первым.

Присоединение Украины

При царе Алексее московское государство наконец сумело присоединить основную часть ранее неподвластных ей православных земель, но это территориальное приобретение очень

дорого обойдется и породит целый шлейф проблем.

Победа над давним соперником, западным соседом, стала возможна не из-за того, что Москва очень усилилась, а из-за того, что очень ослабела Речь Посполитая, переживавшая тяжелый кризис.

По Люблинской унии 1569 года «украинные земли» стали «коронными», то есть перешли из великого княжества Литовского под юрисдикцию Польши. С этого времени стало обостряться напряжение между польскоязычной, католической элитой и социальными низами, говорившими на украинском языке и исповадовавшими православие. Православное духовенство находилось в оппозиции к королевской власти и всё больше ориентировалось на единоверную Москву. На Украине периодически вспыхивали восстания, подавлять которые короне было очень нелегко, потому что зачинщиками обычно выступали хорошо вооруженные казаки и потому что у казны вечно не хватало денег. Часть казаков («реестровые») состояла на жалованье и поэтому вела себя смирно, но всё это сословие взять на содержание правительству

было не по карману, а в Запорожье еще и существовала казацкая «республика», периодически выходявшая из-под контроля.

Как и в России, народные восстания становились массовыми, когда казачий мятеж сливался с крестьянским. И, опять-таки, как во время русской гражданской войны 1670–1671 гг., по-настоящему масштабный кризис разразился, когда у антиправительственного движения появился сильный вождь – Богдан Хмельницкий (1595?–1657). В отличие от бесшабашного Разина это был человек дальнего, стратегического ума.

Хмельницкий, вышедший из зажиточного казачества, подобно многим украинцам, стал жертвой шляхетского произвола, попробовал искать справедливости у властей, а когда не получилось – в 1648 году, уже очень немолодым человеком – возглавил антипольское восстание, вернее начал большую войну. Он заручился мощным союзником в лице крымского хана, добился избрания запорожским гетманом и лишь затем начал действовать.

Казацко-крымское войско нанесло коронным войскам несколько тяжелых поражений.

Это всколыхнуло всю Украину, во многих местах вспыхнули крестьянские мятежи. Казачий бунт перерос в гражданскую войну, сопровождавшуюся чудовищными жестокостями с обеих сторон.

Королю Яну-Казимиру пришлось заключить перемирие с собственными подданными, но затишье было непрочным. Противники готовились к новому столкновению.

В 1649 году война возобновилась. Поляки решили ее исход не силой оружия, а дипломатическими средствами: замирились с Крымом, и оставшемуся без союзника Хмельницкому пришлось принять предложенные Варшавой условия. Независимости Украина не получила, но всё же обрела автономию.

Эта ситуация тоже не могла сохраняться долго. Большинство участников восстания – крестьяне и не попавшие в «реестр» казаки – остались недовольны. Положение Хмельницкого было шатким, и он стал искать покровительства какой-нибудь сильной державы, которая, не покушаясь на его власть над Украиной, станет защитой от польского короля. Таких держав рядом было две: Московия и Турция.

Сначала Богдан отдавал предпочтение второму варианту, ибо совершенно справедливо полагал, что под далеким султаном ему будет житься привольней. Надо сказать, что и Москва к перспективе присоединения Украины сначала отнеслась без энтузиазма. Это несомненно привело бы к войне с Польшей.

В 1650 году Богдан обратился в Константинополь с петицией о покровительстве и даже принял участие в совместном с крымцами походе на Молдавию. В Варшаве встревожились, стали собирать армию. После окончания европейской Тридцатилетней войны (1618–1648) наемники очень подешевели, поэтому сборы обошлись относительно недорого. В 1651 году большая королевская армия разгромила войско Хмельницкого. Условия нового мира были жесткими. Территория, оставшаяся в автономном режиме, резко сокращалась, очень уменьшилось и количество записанных в казаки украинцев. Еще опасней было то, что польский сейм не утвердил договор, а это означало, что следует ждать нового наступления.

В этих условиях Хмельницкий вновь обратился за помощью к ближней Москве, где на сей

раз к украинскому вопросу отнеслись иначе. Политику теперь определял адепт экспансии патриарх Никон, и он повел дело решительно.

Осенью 1653 года государь Алексей Михайлович объявил, что соглашается «взять Украину под свою высокую руку», а уже в январе 1654 года в городке Переяславль, неподалеку от Киева, украинская рада признала власть Москвы. Формально это выглядело так: Хмельницкий обратился к делегатам с вопросом, под каким из четырех государей они желают жить – под польским королем, крымским ханом, турецким султаном или православным царем и тут же напомнил, что султан с ханом басурманы, а король украинцев много обижал. Толпа закричала, что хочет православного государя, московский посол зачитал царский манифест, и Украина стала частью «Третьего Рима» – но еще не вся и пока только номинально.

В 1654 году речь шла об украинском протекторате в составе царства. Он должен был платить Москве подати и не вести собственной внешней политики, но гетмана выбирал самостоятельно, свою внутреннюю политику определял тоже сам. Такое было возможно в формате

«второго» русского государства, отошедшего от жесткой централизации, но после петровской реставрации всех изначальных основ «ордынской» конструкции элементы украинской автономности один за другим будут упразднены.

Впрочем при царе Алексее присоединение протектората состоялось лишь на бумаге. Начался период, когда все будут воевать со всеми: русские с поляками и шведами, поляки с шведами, украинцы с украинцами, турки с поляками и русскими. То затихая, то вновь разгораясь, большой восточноевропейский конфликт продлится несколько десятилетий.

Войны тишайшего царя

Манифест о принятии в подданство Украины означал разрыв отношений с Польшей и начало новой русско-польской войны.

За два десятилетия, прошедших после предыдущей войны, Московия несколько окрепла, а Речь Посполитая очень ослабела.

Шляхетская республика являлась весьма непрочным государством, в котором постоянно происходили потрясения. Украинское восста-

ние опустошило казну, набирать новую армию королю Яну-Казимиру было не на что.

Русские повели наступление сразу по трем направлениям – литовскому, белорусскому и украинскому. Небольшие крепости сдавались, неприступный Смоленск, не получив подмоги, через несколько месяцев капитулировал.

Но возникло осложнение. Поскольку Хмельницкий «передался» Москве, бывшие союзники крымцы стали считать его врагом и теперь помогали Варшаве. На южном украинском театре войны дела пошли неважно. Быстрой победы не получилось.

В следующем 1655 году русское наступление возобновилось. Получив подкрепления, армия, которую вел сам Алексей Михайлович, двигалась вперед и взяла Вильно, столицу Литвы. На Украине Хмельницкий тоже действовал успешно, он даже вторгся в собственно польские земли – взял Люблин.

Варшава запросила мира. И вновь, как век назад, Москва потребовала больше, чем могла получить. Патриарх Никон убедил царя заявить претензии на польскую корону. На такое поляки, конечно, согласиться не могли.

И здесь появился новый игрок – Швеция, опять-таки как во времена Ливонской войны.

Молодой король Карл X решил воспользоваться тяжелым положением Варшавы и поучаствовать в разделе Польши.

Летом 1655 года шведы начали вторжение. Начался драматичный период польской истории, который потом назовут «Потоп Шведский» или просто «Потоп». Страна развалилась. Пали и Варшава, и Краков. Ян-Казимир бежал за границу.

Изменение ситуации царю и особенно патриарху не понравилось. Никон стал добиваться от своего питомца войны с Швецией, посягнувшей на земли, которые в Москве уже считали своими.

Поэтому с более слабым противником, поляками, царское правительство спешно помирилось. Белоруссию и Смоленск оставили себе, Литву вернули, а с польским троном согласились подождать, пока умрет бездетный Ян-Казимир (он был на двадцать лет старше Алексея).

Воспользовавшись тем, что в Польше ширилось антишведское восстание, весной 1656 года Москва объявила Карлу X войну. Положение

сделалось запутанным: вчерашние враги поляки теперь стали союзниками, но Хмельницкий-то с ними мириться не собирался. Он вступил в переговоры с шведами. Если бы гетман вскоре не умер, скорее всего Украина вышла бы из российского подданства. После смерти Хмельницкого там воцарился – и надолго – хаос: то перевороты, то двоевластие, то война между Правобережьем и Левобережьем.

Неладно для Москвы шла и шведская война. Противник оказался слишком сильным. Сначала русские намеревались взять Ригу и даже Стокгольм, но из этого ничего не вышло. Пришлось пятиться до самого Пскова.

Воинственности у Алексея поубавилось, чему способствовало падение агрессивного Никона. Однако истощили свои силы в борьбе с поляками и шведы.

В конце 1658 года было подписано перемирие, по которому Москва получила небольшой кусок Ливонии. Но удержать эти скромные приобретения ей не удалось.

Возобновилась русско-польская война. Теперь на волне национального возрождения, изгнав шведских оккупантов, поляки смогли взять

реванш. Вместе со своими украинскими и крымскими союзниками в 1659 году под Конотопом они наголову разгромили царскую армию. После этого шведы заставили Москву переписать мир и отобрали уступленные территории назад. А тем временем война в Белоруссии и на Украине всё длилась и длилась, не принося победы ни одной из сторон.

Начались долгие, трудные переговоры, завершившиеся Андрусовским перемирием 1667 года.

Россия получила Смоленск и западнорусские области, а также Левобережную Украину. Кроме того ей оставался Киев, но временно – на два года (это условие выполнено не будет, русские из Киева не уйдут).

Однако теперь из-за Украины обострились отношения с Турцией. Правобережный украинский гетман Дорошенко в 1669 году объявил себя подданным султана, а поскольку Дорошенко считал себя правителем всей Украины, в том числе левобережной, у Константинополя возникли территориальные претензии к России.

Как раз закончилась долгая турецко-европейская война на Средиземноморье (1645–

1669), и у Порты развязались руки. Начала она с Польши, которую в 1672 году победила, после чего стала готовиться к походу на Киев.

В запутанных русско-польских отношениях снова произошел резкий поворот. Общий грозный враг заставил Москву и Варшаву объединиться.

Новый польский король Ян Собеский, талантливый полководец, оттянул на себя часть турецких сил, что позволило русской армии перейти в наступление. Но оно шло вяло и вскоре остановилось.

К концу царствования Алексея Михайловича и российско-турецкий конфликт, и будущее Киева, и украинский вопрос оставались неразрешенными.

Движение к океану

Поход Ермака (1581–1585), хоть и неудачный, стал началом медленного продвижения русских «землепроходцев» – как государственных, так и частных – в сторону далекого Тихого океана. Этот процесс ускорился после краха Сибирского ханства (1598) и потом уже почти не сталкивался с организованным сопротивлением. Бескрайние

лесные пространства были малонаселены, и для удержания власти над огромной округой обычно хватало небольшой крепости с отрядом стрельцов или казаков.

В 1637 году, при царе Михаиле, был учрежден Сибирский приказ, нечто вроде колониального министерства. Возник административный центр Зауралья, город Тобольск. Затем появились и другие города, в каждый назначали губернаторов-воевод.

Сибирские недра правительство пока интересовали мало, главным источником поступлений в казну была пушнина. Она приносила до трети всех государственных доходов. Если испанских конкистадоров вела «золотая лихорадка», то русских – меховая.

Движение обычно шло вдоль рек, плавать по которым было проще, чем продираться через чащи и горы.

Основные этапы освоения Сибири таковы.

Экспедиция якутского «письменного головы» (начальника воеводской канцелярии) Василия Пояркова в 1643–1646 гг. осуществила масштабную экспедицию, открыв Лену, Амур и дойдя до Охотского моря.

В 1649–1652 гг. мехопромышленник Ерофей Хабаров проложил более короткий южный путь на Дальний Восток, и началось освоение плодородного, пригодного для жизни Амурского края.

В те же годы состоялась еще одна великая экспедиция – казачьего атамана Семена Дежнева, в северо-восточном направлении. Дежнев добрался до Чукотки и потом спустился по морю до Анадыря, основав там опорный пункт.

Русское население сибирского субконтинента в семнадцатом веке росло медленно и оставалось весьма незначительным. Известно, что в 1660-е годы на всем пространстве от Урала до Тихого океана не обитало и семидесяти тысяч переселенцев.

Чем плотнее было исконное население той или иной местности, тем труднее было колонизаторам держать его в покорности. Против пришельцев восставали якуты, буряты, дауры, чукчи. Помимо обычной для той эпохи жестокости московские администраторы использовали и другие традиционные методы умиротворения: миссионерство, приручение племенных вождей, взятие их детей в «аманаты» (заложники). Но самым надежным средством поддержания относитель-

ного мира была меновая торговля: в обмен на пушнину туземцы получали товары, каких у них прежде не бывало – оружие для охоты, порох, вино.

Соборное Уложение

Прежний свод законов, судебник Ивана Грозного, давно устарел и оброс невероятным количеством позднейших указов, которые иногда противоречили один другому, да и разобраться в этом лабиринте делалось всё труднее.

В 1648 году юный Алексей Михайлович учредил комиссию по составлению нового Уложения, «дабы Московского государства всяких чинов людям, от большего до меньшего чина, суд и расправа была во всяких делах всем равна».

Работа была осуществлена с поразительной для того времени оперативностью. В начале следующего года вышло «Соборное уложение», состоявшее из 25 глав, которые содержали почти тысячу пунктов.

Вначале шли статьи, касающиеся защиты православия и монаршего престижа: «О богохульниках и о церковных мятежниках», «О госу-

дарьской чести и как его государское здоровье оберегать».

Затем перечислялись другие государственные преступления, объявлялся запрет на выезд из страны без особого позволения, и лишь после этого следовали постановления, касавшиеся «земских дел», то есть гражданского судопроизводства.

Законотворческая деятельность принятием «Соборного уложения» не ограничилась. В последующие годы было издано множество других актов, самым важным из которых являлось окончательное закрепощение крестьян.

Вся формировавшаяся юридическая система строилась на ограничениях и запретах. В этом просматривалась тенденция к восстановлению разрушенных изначальных основ государства: особа монарха священна и его воля непререкаема; несвободны все, сверху донизу; высшая ценность – государство. Верховенство царской воли над законами декларировалось прямо в преамбуле, где говорится, что Уложение было не принято Земским собором, а просто «чтено выборным людем» «по государеву указу».

Патриарх Иоаким

Иоаким (1674–1690) был последним в череде могущественных патриархов «второго государства», активно вмешивавшихся в земные дела.

Родом из подмосковных дворян, в молодости офицер иноземного строя, он, подобно Никону, принял монашество после семейной трагедии – его жена и дети умерли во время «чумного поветрия». Отличался строгим, неуступчивым нравом. Тишайший Алексей этого пастыря побаивался, а при Федоре и Софье, во время ослабления царской власти, Иоаким не раз становился ключевой фигурой при важных политических поворотах.

Он был близок к придворной партии Нарышкиных и нередко оппонировал правительнице, которая не могла ничего с этим поделать. Считается, что именно Иоаким воспрепятствовал Софье Алексеевне короноваться.

Зловещей страницей в биографии Иоакима являются гонения на староверов, достигшие в это время наибольшего накала. В 1682 году был предан огненной казни самый яркий вождь раскольников, талантливый писатель Аввакум Петров. Столь же неистово патриарх воевал и с ино-

земными веяниями (чем объяснялась его враждебность правительству Василия Голицына).

Во время столкновения Софьи с партией Петра, в августе 1689 года, Иоаким был отправлен правительницей к Нарышкиным для переговоров, но в Кремль не вернулся, решительно заняв сторону юного царя. Это и предрешило исход конфликта.

В преемники грозному Иоакиму, когда тот скончался, намеренно взяли тихого, покладистого Адриана, но Петру Первому нужно было, чтобы единственной священной особой в России являлся царь, и в 1700 году институт патриархов упразднят.

Стрельцы

Первые полки регулярной пехоты, вооруженной огнестрельным оружием (и потому названной «стрельцами») в 1550 году создал Иван IV, готовясь к завоеванию Казани. Для шестнадцатого столетия это было серьезным новшеством – ранее содержать войска в мирное время считалось бессмысленным расточительством. Правда, стрелецкое сословие отчасти кормило себя само. Жалованье было маленькое, и когда не

было службы, воины, а также их жены, занимались мелкой торговлей или ремеслами. Управляло этими полками специальное ведомство – Стрелецкий приказ.

Однако во второй половине семнадцатого века, с развитием тактического искусства, полупрофессиональное стрелецкое войско уже устарело. Лучше воевали солдатские и рейтарские полки, несшие полноценную службу. А московские стрельцы, приросшие к своим домам и семьям, крайне неохотно отправлялись в походы и роптали, если их расквартировывали по дальним гарнизонам. Это делало стрелецкую массу опасной для власти, которая целиком зависела от вооруженных людей, ее охранявших.

В мае 1682 года, когда решался вопрос о наследнике умершего царя Федора, царевна Софья и Милославские подбили столичный гарнизон на мятеж. Произошел переворот, и соперников они одолели, но справиться с разбуженной ими же стихией оказалось непросто. Популярный у стрельцов князь Иван Хованский стал чем-то вроде военного диктатора. (Этот инцидент памятен потомкам главным образом благодаря опере Мусоргского «Хованщина»).

Двоевластие длилось несколько месяцев, пока Софья не заманила Хованского в ловушку, немедленно предав его смерти. Четыре полка, активнее всего участвовавшие в беспорядках, царевна выслала из Москвы. Эта решительность заставила стрельцов присмиреть, а бояр – признать «девку» истинной правительницей.

Помня о Хованщине, в 1689 году стрельцы не выразили особенного желания защищать Софью от Нарышкиных.

«Вечный мир»

Москва из века в век то воевала, то замиралась с Литвой и потом с польско-литовским королевством. Соседям было что делить и из-за чего соперничать. Примерно равное соотношение сил приводило к тому, что граница постоянно двигалась туда-сюда, в зависимости от того, какая из сторон на данном этапе лучше повоевала.

Но внутренний кризис Речи Посполитой привел непрочное государство в упадок. Оно выбыло из числа держав, соревновавшихся за первенство в восточной части Европы и теперь нуждалось в стабильности хотя бы на одном из флан-

гов. В ознаменование этого намерения заключенный весной 1686 года мир и нарекли «вечным».

Смоленщина, Левобережье и Северская область окончательно переходили Москве. Достался ей и Киев, а это означало, что Киевская митрополия утрачивает самостоятельность и отныне будет подчиняться московскому патриарху.

Варшава пошла на эти тяжелые уступки от безысходности – надо было обороняться против Турции. Взамен Польша получила от царя деньги на ведение войны «по братцкой дружбе к Его королевскому величеству», а кроме того Василий Голицын пообещал напасть на Крым и тем самым избавить Польшу от опустошительных набегов. Это условие дорого обойдется и Голицыну, и царевне Софье.

Договор с Китаем

В 1652 году русские в своем бесконечном движении на восток наконец столкнулись с другим государством. Китайская империя тоже осваивала свои северные рубежи. Экспедиция Хабарова наткнулась на людей «Хинского хана» (императора Шуньчжи из династии Цинь).

Несколько десятилетий на Амуре с затишьями длились кровавые столкновения, в перерывах между которыми понемногу налаживалась русско-китайская торговля. Установлению нормальных отношений мешала спесь обеих сторон. Китайский придворный церемониал был слишком унизителен для иностранцев, а русские посольские обычаи очень ревниво оберегали «честь государя». Две московские миссии закончились ничем – не удалось даже передать императору царские послания.

В 1685–1686 гг. произошла немаленькая пограничная война, которая не выявила победителя.

Лишь после этого Пекин согласился провести переговоры и установить границу. В 1689 году в Нерчинске был подписан первый русско-китайский договор, согласно которому рубеж был определен по реке Аргунь.

Крымские кампании

Выполняя обязательства, принятые по «Вечному миру» с Польшей, глава правительства Василий Голицын в 1687 году лично повел армию походом в Крым. Князь надеялся, стяжав

полководческие лавры, укрепить свое и Софьино положение.

Расчет был на то, что все силы султана заняты войной с европейской Священной Лигой и своему вассалу, крымскому хану, турки помочь не смогут. Так и вышло, но стратег из Голицына был скверный. Он собрал войско такой величины (чуть ли не 150 тысяч человек), что столько провианта и фуража в пустынных степях найти оказалось невозможно. До полуострова даже не добрались, повернули обратно.

Следующую попытку Голицын готовил два года. В начале весны 1689 года русско-украинская рать вновь отправилась на юг. Снабжение было организовано лучше, и армия дошла до Перекопского перешейка. Но он оказался хорошо укреплен, через рвы и валы прорваться не удалось. Войско было хоть и многочисленным, но слабым по боевым качествам. Бои затянулись до наступления жары. Кончилась вода, и пришлось спешно отступать под ударами быстрой татарской конницы.

Крымская эпопея продемонстрировала не только отсталость русского воинского дела, но и подорвала престиж правящего режима. Через

два месяца после бесславного возвращения Голицына произошел переворот.

Переворот 1689 года

Напряжение между правительницей и двором «младшего царя» назревало долго. («Старший царь» Иван, психически нездоровый, значения не имел). Было ясно, что Софья сама власть не отдаст и что подросший брат является для нее большой проблемой. Ходили слухи, что приближенные правительницы планируют убийство 17-летнего Петра. Начальник Стрелецкого приказа Федор Шакловитый, из Софьиных фаворитов, кажется, действительно подговаривал на это царевну.

Есть три версии случившегося. Возможно события, разыгравшиеся в августе 1689 года, были действительно инициированы неудачной попыткой покушения; более вероятно, что главную роль сыграл страх перед покушением – хватило одной искры, чтобы грянул взрыв; наконец, не исключено, что окружение Петра просто воспользовалось общим фоном недовольства после провала второго Крымского похода и решило ускорить события.

Факты выглядели так.

В ночь с 7 на 8 августа 1689 года в резиденцию Петра явились (то ли сами, то ли по заранее разработанному плану) двое стрельцов, предупредившие, что царя хотят убить.

Петр и его окружение спешно перебрались в подмосковный Троице-Сергиев монастырь, защищенный высокими стенами. Туда начали стекаться сторонники Нарышкиных.

Во главе этого лагеря стояли вдовствующая царица Наталья Кирилловна, ее 25-летний брат боярин Лев Нарышкин и воспитатель Петра князь Борис Голицын.

Всегдашняя решительность изменила Софье. Напасть на законного царя она не осмелилась, да недовольные ею стрельцы вряд ли бы и выполнили подобный приказ. Не на стороне правительницы была и московская «площадь». Василий Голицын, деморализованный крымской неудачей, бездействовал.

Сначала перебежчиков было мало, потом поток увеличился. Полки гарнизона уходили в Троицу один за другим. После того как две недели спустя к Петру переметнулся и патриарх, дело Софьи потерпело окончательный крах. Еще через

две недели, всеми покинутая, она тоже отправилась в Троицу, была там задержана и помещена в вечное монастырское заточение.

От лица Петра брату Ивану была отправлена грамота: «Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас». Отныне формально стали править два царя, Иван и Петр, но на самом деле к власти пришло окружение царицы Натальи Кирилловны.

Голицынский проект

О великих планах Василия Голицына мы знаем только в пересказе. Рукопись его трактата не сохранилась. После падения покровительницы князь отправился в дальнюю ссылку, находился там под присмотром и все опасные бумаги, вероятно, уничтожил. Известно однако, что в рукописи говорилось «о гражданском житии или о поправлении всех дел, яже належахт обще народу».

Беседовавший с министром дипломат Фуа де ля Невиль пишет: «Он хотел, чтобы местное дворянство путешествовало, чтобы оно научилось воевать за границей, поскольку его целью было

превратить в бравых солдат толпы крестьян, чьи земли остаются необработанными, когда их призывают на войну. Вместо этой бесполезной для государства службы он предполагал возложить на каждого умеренный налог, а также содержать резидентов при основных дворах Европы и дать свободу совести». В планах несостоявшегося преобразователя была отмена крепостного права, а также отправка юношей на учебу в иные страны.

Одним словом, если в 1689 году победили бы не Нарышкины, а Софья, Россия возможно отошла бы от изначальной «ордынскости». Но случилось то, что случилось, и следующий, третий по счету формат государства, как мы увидим, развернет страну в обратном направлении.

Глава третья

ПЕТР ВЕЛИКИЙ, или РЕСТАВРАЦИЯ

ОСНОВНОЕ

У Петра Первого историческая репутация правителя, который вестернизировал Россию и вывел ее в разряд великих держав. Несомненно здесь только второй тезис – Россия действительно превратилась в страну политически важную и в военном отношении сильную. Однако первое утверждение требует существенной коррекции.

Вестернизация произошла лишь на уровне фасада. Она затронула только дворянство, то есть один процент населения, да и то поверхностно – переодев это сословие в европейскую одежду и заставив его перенять некоторые европейские привычки. Основная масса народа осталась прежней, бородатой-лаптевой.

С государством же произошло нечто совершенно противоположное вестернизации. Петр восстановил все четыре опоры первоначальной постмонгольской архитектуры – даже в более жесткой форме, чем было в XV–XVI веках. Госу-

дарство стало называться по-западному – империей, чиновники получили немецкие ранги, в употребление вошло много иностранных слов, но показная европеизация была обманчива. Петр воссоздал классическую чингисхановскую конструкцию, в которой все решения (не только самые важные, но часто и мелкие) принимались лично правителем; его фигура опять была вознесена на недостижимую высоту и окружена пустотой – никаких патриархов, «боярских дум», «земских съездов»; всё население сверху донизу обязывалось состоять на государственной службе; страна опять управлялась не едиными законами, а царскими указами и постановлениями (Петр исторгал их в невероятных количествах).

Причудливость формы, которую принял процесс «азиатской европеизации», в значительной степени определялись причудливостью петровского характера, который я опишу в разделе «Портретная галерея». Результатом деятельности царя стало возникновение третьей по счету версии русского государства, но произошло это большое историческое событие не вследствие какого-то стратегического планирования, а под давлением необходимости и критических обстоя-

тельств – правда, кризисы обычно создавал сам царь. Путь, которым преобразователь вел страну, был непрямым и ухабистым.

В 1689 г. Петр стал уже не номинальным, а настоящим самодержцем, однако желания управлять страной не выказал и четыре с половиной года прожил беззаботно, предаваясь своим излюбленным занятиям: пьянствовал, пускал фейерверки, играл в живых солдатиков, строил для развлечения европейские корабли, на которых было негде плавать кроме бесполезного ближнего озера или дальнего, но почти столь же бесполезного Белого моря.

Московским царством управляли родственники и свойственники царицы-матери, такие же никчемные, как она. Финансы пришли в упадок, созданная Голицыным армия от безденежья вдвое сократилась. Петра интересовали только его «потешные» полки, с которыми он устраивал маневры, переходившие в гульбища.

Но в начале 1694 года царица умерла, и Петру пришлось брать бразды правления в собственные руки. Получив в свое распоряжение государственную казну, он тут же устроил очень большие маневры, в которых приняли участие 15 тысяч

солдат, стрельцов, «потешных» и поместной (то есть дворянской) конницы. Царь уверился в могуществе русского оружия и с всегдашней торопливостью поспешил отправиться на войну. Придумывать ее не потребовалось – после крымских походов мира с турками так и не заключили, хоть боевых действий и не вели. Петр вновь разворошил этот костер, без какой-либо государственной надобности.

Именно таким – без утрирования – был старт великого петровского маршрута: всё началось с потешной баталии. Однако дальше события развивались уже совсем не потешно.

Нападение на турецкий Азов в 1695 году завершилось еще более жалким фиаско, чем походы Голицына. Но здесь Петр впервые проявил самое ценное свое свойство: поражения его не сламывали, а стимулировали. Падая, он всякий раз поднимался и нередко потом добивался своего. В следующем, 1696 году, он взял-таки турецкую крепость. Это была первая победа молодого царя, **пускай и бессмысленная**.

Следующая внешнеполитическая акция Петра была прямым следствием Азовских кампаний. У него возник проект активизации

всеевропейского антитурецкого альянса. С этой целью в 1697 году было затеяно Великое посольство, которому предстояло договориться о совместных действиях с союзниками – прежде всего с Австрией. Дипломатическая миссия провалилась из-за того, что к ней присоединился сам Петр, которому очень хотелось посмотреть на Европу и научиться любимому делу – кораблестроению. Царь отправился в долгое путешествие инкогнито, под именем «волонтера Петра Михайлова», и начал не со стратегически приоритетной Австрии, а с Голландии и Англии, ибо там корабли строили, а в Вене – нет. На верфях царь с удовольствием потрудился, но время для заключения военного союза было упущено. К тому времени, когда посольство наконец добралось до Вены, в Европе задули иные ветры. Назревала борьба за испанскую корону, и державы спешили помириться с Константинополем. Москва осталась в одиночестве.

Тогда Петр, одержимый мечтой о море, решил перенацелиться с южного направления на северное: вырвать у шведов плацдарм, с которого можно будет наладить балтийскую морскую торговлю.

Цель казалась легко достижимой. В Швеции умер сильный король Карл XI, а его сын Карл XII был зеленым юнцом и слыл шалопаем. Составился союз трех монархов: датского, польско-саксонского и московского. Совместные вооруженные силы коалиции были втрое больше, чем у шведов, а удар планировался с трех сторон: датский Фредерик IV собирался атаковать в Скандинавии, Август Саксонский в Ливонии, Петр – в районе Финского залива.

Как только Москве удалось заключить мир с султаном (в августе 1700 года), русские немедленно присоединились к войне, которую уже несколько месяцев вели их европейские союзники.

Но Северная война оказалась очень тяжелой и очень кровавой. Юный **Карл XII** неожиданно показал себя выдающимся полководцем. Одним ударом он вывел из войны Данию, тут же переместился на восток и в ноябре, **под Нарвой**, вдребезги разгромил вчетверо бóльшую русскую армию. Затем, считая, что «московские варвары» уже неопасны, король обстоятельно занялся главным, по его мнению, противником – Августом.

Здесь Карл совершил роковую ошибку. Блестящий полководец был плохим стратегом и еще худшим политиком. С Августом он в конце концов справился, но потратил на польские дела несколько лет, а за это время Петр, проявив незаурядное упорство и целеустремленность, создал настоящую сильную армию, утвердился на окрайке Балтийского моря и начал строить флот.

Северная война (1700–1721) состояла из нескольких этапов. Их нужно перечислить, потому что это главный сюжет петровской эпохи, определявший всю внутреннюю жизнь государства.

До 1702 года шведы изредка и небольшими силами наведывались на русскую территорию, а русские только оборонялись.

В 1702–1704 году Петр уже осмеливался на наступательные операции, но пока невеликого масштаба. Самой крупной удачей стало взятие крепости Нарва – реванш за разгром четырехлетней давности.

В 1705–1707 годах положение России вновь ухудшилось. Осмелев от побед, Петр отправил на выручку союзнику Августу армию под командованием своего лучшего полководца Шереметева, но тот был разбит в Курляндии. К большим

сражениям с шведами русское войско пока было не готово. Хуже всего, что на активизировавшихся русских обратил внимание грозный Карл. В начале 1706 года он повернул на Петра – и тот поспешно отступил. Тогда шведы без помех доби́ли Августа, и сделали польским королем своего ставленника Станислава Лещинского.

Россия осталась с Швецией один на один. А между тем внутри страны дела шли скверно.

Народ был измучен военными поборами и трудовыми повинностями. В 1705 году в Астрахани восстали стрельцы, враждебные по отношению к Петру и его новшествам. На подавление восстания отрядили самого фельдмаршала Шереметева, сняв с театра военных действий много солдат. Усмирение мятежа заняло больше полугода.

Еще опаснее было восстание, вспыхнувшее в 1707 году на Дону, где собралось много беглых крестьян и дезертиров. Они соединились с казаками, недовольными долгой войной, и под руководством сильного вождя Кондратия Булавина захватили обширную территорию. Опять пришлось отряжать из действующей армии целый корпус, 20 тысяч солдат, и вести настоящую

гражданскую войну, продлившуюся до осени 1708 года.

К этому времени уже вовсю развернулся следующий, решающий этап российско-шведского противостояния, пришедшийся на 1708–1709 гг. Карл развязал себе руки в Польше и теперь приготовился кардинально решить русскую проблему. Он собирался дать Петру генеральное сражение в Белоруссии, под Гродно – и опять русский царь уклонился, покинув армию. Без Петра русские допятились почти до Смоленска. Казалось, шведы двинутся прямо на Москву, но они вдруг повернули на юг, в сторону Украины. Карл не хотел вязнуть в осенней грязи и решил перед большим наступлением перезимовать в хлебных краях. Торопиться ему было некуда, в победе он не сомневался.

Тут произошли два события: одно для шведов удачное, другое – нет.

Приближение шведской армии побудило украинского гетмана Ивана Мазепу, тяготившегося зависимостью от Москвы, перейти на сторону предполагаемого победителя. Большинство украинских городов встречали Карла не как завоевателя, а как избавителя. Но за недооценку

противника шведам пришлось дорого заплатить: шедший из Прибалтики огромный продовольственный обоз генерала Левенгаупта не догнал двинувшуюся на юг армию и был разгромлен. Поэтому во время зимнего затишья шведская армия терпела изрядные лишения. Когда весной кампания возобновилась, в строю осталось менее 25 тысяч штыков и сабель – из 60-тысячного войска, собранного для наступления годом ранее.

Именно поэтому – из-за того что соотношение сил изменилось – Петр наконец решился дать сражение. **Битва близ Полтавы** 27 июня 1709 года закончилась почти полным уничтожением шведской армии. Первое поражение великого полководца Карла XII стало для него роковым. Оно определило исход всей войны. Хронологически бóльшая ее половина была еще впереди, но теперь на всех фронтах наступать и теснить будут русские.

Король Карл, **человек с очень большими странностями**, следующие пять лет в событиях никак не участвовал – всё это время он **бездействовал в гостях у турков**. Войну вели его

генералы и адмиралы, и война эта была сугубо оборонительной.

В период 1710–1711 гг. Петр шел от победы к победе. Он захватил Карелию и часть Финляндии, взял Ригу и Ревель, занял южную Балтику до Восточной Пруссии. Война несомненно закончилась бы тогда же, если бы царь не совершил огромную ошибку.

До Полтавы он часто действовал чересчур робко, но теперь впал в другую крайность: переоценил свои возможности. Не покончив с шведами, Петр затеял воевать с турками, которые никак не соглашались выдать Карла.

В конце 1710 года началась русско-турецкая война. Царь лично повел войско в наступление и на реке Прут угодил в ловушку – был окружен превосходящими силами противника. В июле 1711 года пришлось заключить «конфузный» мир, по которому Россия вернула Турции с такими трудами захваченный Азов. Петр был ослаблен и унижен, Швеция же получила передышку и смогла восстановить силы.

Северная война вышла на новый виток.

В 1712–1714 гг. бои с переменным успехом шли в Финляндии, Голштинии, на море. Швеция

не сдавалась, но всё же постепенно слабела, ресурсы ее истощались. И вдруг в конце 1714 года пробудился турецкий отшельник. Узнав, что шведское правительство готовится к мирным переговорам, Карл XII сорвался с места, за две недели, безо всякой охраны, пересек континент, объявился в северной Германии и придал военным действиям новый импульс.

Следующие четыре года неугомонный Карл метался с места на место, бился со все более превосходящими вражескими силами, умудрившись еще и увеличить число своих неприятелей: рассорился с Англией и Пруссией. В этой ситуации шведскому королю стало казаться, что Петр не худший из его противников, и Карл даже завел переговоры о мире, собираясь целиком сосредоточиться на европейском театре войны. Но 30 ноября 1718 года Карл наконец сложил свою буйную голову под стенами малозначительной норвежской крепости. Новое шведское правительство повело противоположную политику: с европейскими странами помирилось, а с Россией стало воевать дальше.

Последний этап бесконечной войны (1719–1721) прошел под знаком «принуждения к миру»:

русские нападали на шведское побережье, доводя и без того разоренную Швецию до последней крайности. В конце концов мир был подписан. Россия получила Ингрию, Лифляндию, Эстляндию, Карелию, балтийские острова Сааре-маа и Хиума.

В ознаменование великой победы Петр объявил себя императором, а свою страну – империей. С этого момента она стала называться нынешним именем – «Россия» и вести себя так, как положено империи, то есть – стремиться к расширению во всех направлениях и вмешиваться во все крупные международные конфликты.

В последние годы жизни Петр затеял экспансию уже не на запад, а на восток. Сначала попытался утвердиться в Средней Азии – **не получилось**. Тогда перенацелился на Каспий, лично возглавил **Персидский поход** и захватил длинную полосу побережья от Дагестана до Астрабада. (Этот кусок новорожденная империя переварить уже не сможет – скоро придется отдавать его обратно).

Такова основная фабула петровского царствования – военная. В смысле же конструкцион-

ном и политическом главным итогом реформ стало обновление формата государства. Точнее, как уже было сказано, возвращение к изначальному формату.

Это происходило естественным, логическим образом, от одного к другому.

Для ведения тяжелой войны требовалось всемерно укрепить верховную власть – и Петр устраняет одну за другой все ее ответвления: боярскую думу, патриархию, начатки земского общества.

Монарх вновь, как при Иване Грозном, становится единственной инстанцией, принимающей решения – и не только крупные, но почти все. Для этого Петр ввел **систему мелочного управления**, стремясь контролировать все аспекты жизни страны при помощи указов, высочайших распоряжений и регламентов. («Ручное управление» – вообще неизбежный атрибут «ордынского государства»).

Царь восстановил принцип тотальной государственной службы. Все **дворяне обязаны были служить**, купцы – покорно собирать деньги на корабли и прочие государственные нужды, мужики – пахать землю и отрабатывать повиннос-

ти, женщины – исправно рожать новых солдат и работников, дворянские дети – учиться.

Воля царя была превыше любых законов, которые он мог нарушать как и когда пожелает. «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять», – вот кредо Петра I, притом сформулированное не в каком-нибудь законодательном акте, а в «Артикуле воинском», главном документе военной империи.

Корневым институтом «третьего государства» стали вооруженные силы – армия и флот, на содержание которых страна расходовала до 80% своего бюджета. Соответственно, развивались лишь те отрасли промышленности, которые обслуживали военное дело: оружейные заводы, рудники, верфи, черная металлургия, шитье мундиров. В результате петровских преобразований Россия превратилась в военного колосса со слабо развитым предпринимательством и диспропорциональной экономикой. Государство

было богатым, страна – нищей. Так потом и останется.

Подводя итоги, посмотрим, что у Петра получилось и что не получилось.

Начнем с успехов.

1) Петр I завоевал выход к Балтийскому морю и прочно утвердился на его берегах.

2) Превратил свою страну в могучую державу.

3) Преобразовал государственную систему таким образом, чтобы первое и второе стало возможно.

Цена за эти достижения – в человеческих жизнях и страданиях, в материальных потерях – была огромна, но история быстро забывает подобные траты, поэтому прозвание «Великий» царь Петр несомненно заслужил.

Однако многие его мегаломанские замыслы и громкие начинания оказались неудачными, а некоторые катастрофически провалились.

В невоенной сфере из больших петровских затей удалась, пожалуй, только одна – строительство на самом краю страны **новой столицы**. Проект свел в могилу (по самым скромным

подсчетом) 40 тысяч подневольных рабочих, но на карте России появился великий город Санкт-Петербург.

Остальные «мегапроекты» царя – абсурдный **Воронежский флот**, попытка создания **канальной системы**, тотальная **европеизация населения**, среднеазиатская и прикаспийская экспансия – были плохо продуманы и успехом не увенчались.

Не исполнил Петр и важнейшей обязанности, которую всякий ответственный монарх считает своим последним долгом – не создал механизма передачи власти. Неопределенность в этом ключевом вопросе создала рискованную ситуацию, которая на протяжении всего восемнадцатого века будет создавать государству большие проблемы.

ПОДРОБНОСТИ

Бессмысленность Азовских походов

Крепость Азов была построена в устье Дона, дабы запира́ть выход в Азовское море. Турки держали там сильный гарнизон и перекрыли реку цепью, чтобы казацкие ладьи не могли грабить приморские города. Доступа к большой международной торговле, в которой так нуждалась Россия, обладание этим пунктом не давало. Маленькое Азовское море было заперто на еще один ключ – узким Керченским проливом. Но и за ним находилось всего лишь Черное море, внутренний бассейн Османской империи. Для того чтобы действительно вырваться на простор, пришлось бы завоевать Босфор и Константинополь, а о таком не мог мечтать даже взбалмошный Петр.

Первый Азовский поход (1695) стоил России больших людских потерь; Второй Азовский поход (1696) – огромных денежных потерь. Колоссальные средства были затрачены зимой 1695–1696 гг. на строительство под Воронежем одноразовых кораблей для транспортировки солдат и припасов. Еще разорительней обойдется вера

Петра в перспективность «Воронежского флота», о чем будет сказано ниже.

Наградой за двухлетнюю тяжелую войну стала крепость, которая позволяла плавать в мелководном и бесполезном Азовском пруде, но зато очень осложнила отношения с Турцией, что самому же Петру было очень некстати ввиду его больших европейских планов. (Не говоря уж о том, что через полтора десятилетия Азов придется отдать обратно).

Сюрприз Карла XII

По сравнению с нелепой азовской авантюрой антишведский альянс, к которому присоединился Петр, выглядел делом верным и беспрорышным.

Во-первых, выход к Балтийскому морю стране был жизненно необходим. Чтобы открылась торговля со всей Северной Европой, хватило бы одного порта, той же Нарвы, к которой русские в прошлом не раз подступались.

Во-вторых, Швеция конца XVII века, казалось, полностью утратила былую грозность. Четвертью века ранее она проиграла войну датчанам и пруссакам, король Карл XI (1660–1697) был занят

только внутренними делами и отказался от регулярной армии, заменив ее ополченцами, которых время от времени вызывали на подобие военных сборов. (Скоро выяснится, что такой воин инициативностью, дисциплинированностью и стойкостью превосходит наемника или рекрута, но пока за границей к шведским полусолдатам-полукрестьянам относились пренебрежительно).

В-третьих, никто всерьез не воспринимал и семнадцатилетнего шведского короля. На заседаниях правительства он помалкивал, в государственные дела не вмешивался и слыл полоумным чудаком: бил посуду, рубил дворцовую мебель, на скаку срывал с прохожих парики. Одним словом, у Швеции не было ни армии, ни главнокомандующего.

Но едва началась война, Карла словно подменили. Он быстро собрал армию, мобилизовал флот и одним дерзким ударом нейтрализовал самого ближнего и самого опасного члена коалиции – Данию. Август Саксонский еще только разворачивался, а московский царь даже не успел начать наступление.

Оказалось, что шведская полупрофессиональная армия превосходно дерется и что во главе ее стоит новый Александр Македонский.

Нарвская конфузия

Для Петра большая война началась катастрофически.

Сначала русская армия оказалась не в состоянии взять невеликую крепость Нарву несмотря на 20-кратное преимущество. Артиллеристы были плохо обучены, порох никуда не годился, и стены стояли крепко.

Затем, когда на подмогу осажденным прибыл Карл XII, царь совершил поступок, в военной истории неслыханный: бежал из ставки, назначив вместо себя человека случайного – посланца саксонского короля, только что прибывшего и совершенно не знавшего армии. Фактически она осталась вообще без командования, и Карл с его небольшим, но хорошо организованным войском разгромил противника по частям. На следующий день русское войско капитулировало. В плен попали генералы и старшие офицеры, а солдаты ушли бесформенной толпой, отдав пушки, знамена и мушкеты.

Это одно из самых позорных поражений всей российской военной истории.

Битва близ Полтавы

Тем контрастнее была победа, которую Петр одержал над нарвским триумфатором девять лет спустя.

За эти годы русские солдаты научились воевать, офицеры командовать, полководцы – маневрировать. Шведская армия по-прежнему была очень сильна, она еще и закалилась в бесчисленных боях, но ее предводитель действовал всё так же. Он всегда атаковал, всегда перебрасывал с фланга на фланг кавалерию, считал ниже королевского достоинства отступать и безрассудно рисковал своей жизнью. Петру и его генералам особенности этой тактики были хорошо известны, на этом знании и основывалась диспозиция.

Она была оборонительной и предполагала сначала обескровить наступающих плотным перекрестным огнем, а потом задавить численным (более чем двухкратным) преимуществом.

Так всё и вышло. Дело облегчилось тем, что Карл еще накануне сражения по своей вечной

неугомонности угодил в перестрелку, был ранен и на Полтавском поле его таскали в носилках, что существенно парализовало управление.

Отступление превратилось в бегство. Русская кавалерия преследовала шведов до речной переправы и там почти всех взяла в плен. Карл еле спасся. Такой армии, как до Полтавы, у него больше никогда не будет. Но военным успехом (неокончательным и войны не остановившим) значение этой виктории для России отнюдь не исчерпывается. Именно с этого события, поразившего всю Европу, к стране, еще недавно презираемой, начинают относиться как к сильной и важной державе.

Король-сумасброд

Если российская фабула событий получилась такой ухабистой из-за перекосов в характере царя Петра, то в еще большей степени это относилось к Швеции. Ее монарх был субъектом совсем уж причудливым. Неудивительно, что историки и медики изучали психику Карла XII столь же дошнато, как петровскую. Там есть что поизучать.

Всплески лихорадочной активности перемежались у него периодами апатии и бездействия,

иногда очень долгими. В разгар большого похода король мог вдруг словно угаснуть, и армия останавливалась.

Такое ощущение, что чувство страха, физическая боль Карлу были неведомы, в быту он отличался аскетизмом, не пил вина, сторонился женщин (вообще был асексуален). Главной его чертой было непоколебимое, иногда саморазрушительное упрямство.

Современные психиатры полагают, что у Карла был синдром Аспергера, одна из разновидностей аутизма. Такие люди обычно асоциальны и необщительны, скудны в эмоциях, лишены эмпатии, патологически настойчивы, очень скупы на слова (король славился молчаливостью) и действительно бывают нечувствительны к боли. При этом они нередко обладают задатками гениальности.

Таким образом, Северная война – это еще и противостояние двух автократов с акцентуированной психикой, что отразилось на судьбе обеих стран, России и Швеции.

Я уже упоминал, как измучена бесконечной войной и петровскими колоссальными затеями была Россия, но это не шло ни в какое сравнение

с тем, до чего истощил и обескровил Швецию по-лоумный Карл XII. За годы нескончаемой войны, которую много раз можно было закончить – если б не упрямство монарха, – маленькая страна до-шла до полной нищеты и потеряла половину муж-чин деятельного возраста. Если бы Карл не погиб в тридцать шесть лет, он, вероятно, оставил бы Швецию вообще без мужского населения. От де-мографических и экономических последствий этой катастрофы она будет оправляться весь во-семнадцатый век.

Засидевшийся гость

Пятилетняя губерния Карла XII в турецких владениях – совершенно невероятный, даже су-масшедший эпизод биографии этого чудака.

Вдребезги разбитый под Полтавой, король флегматично сообщил в Швецию, что всё в по-рядке, за исключением одной «неудачи», которая будет исправлена – и словно впал в летаргию. Та-кое с ним случилось и прежде, но никогда в столь отчаянной ситуации и никогда на такой долгий срок.

Карл сумел вывести на турецкую территорию сороковую часть своей армии, всего 600 солдат.

Сделал привал в приднестровском городке Бендеры, в качестве гостя местного губернатора, и не выказал намерения двигаться дальше.

В Европе бушевала война, Швеция билась из последних сил, а ее монарх катался на лошади, играл в шахматы, валял дурака со своими офицерами, читал философов.

Турки, которых русский посол одолевал нотами и угрозами, потерпели-потерпели, стали намекать Карлу, что он загостился, потом сообщили об этом без экивоков, в конце концов просто потребовали, чтобы шведы убирались восвояси. Но король был безмятежен. Он немного ожил, лишь когда русско-турецкая война действительно началась (по его вине). Остался очень недоволен, что султан не дал ему возглавить турецкое войско и что выпустил Петра из ловушки. Потом опять впал в спячку.

В 1713 году терпение хозяев лопнуло. Они отправили в Бендеры целое войско – выдворять Карла. Тот занял оборону, и произошел кровавый, совершенно абсурдный бой, вошедший в турецкую историю под названием Калабалык (Нелепица). Короля взяли в плен израненного, с отрубленным кончиком носа, но не покорившегося. Он

всё равно не уехал. Изобразил полный упадок сил, не вставал с постели целых *полтора года*. А потом, узнав, что Швеция собирается выйти из войны, немедленно выздоровел и пустился вскачь через всю Европу. Только тогда, наконец отделавшись от чертова Демир-баша («Железной Башки»), турки вздохнули с облегчением.

Среднеазиатский поход

В 1714 году, когда казалось (ошибочно), что война на севере вот-вот закончится, Петр устремил свой взор на восток. До царя дошли сведения, что во владениях хана Хивинского обнаружены большие запасы золота. Доходов казне катастрофически не хватало, ханство слыло отсталым и слабым, поэтому Петр сначала произвел разведку – отправил в Среднюю Азию экспедицию, которая основала несколько крепостей-плацдармов (в том числе Семипалатинск), а в 1716 году снарядил уже целый корпус под командованием князя Бековича-Черкасского.

Объявлялось, что это всего лишь посольство, но для дипломатических целей несколько полков с артиллерией никак не требовались. Бековичу было поручено ввести хана в российское

подданство (то есть завоевать Хиву), а хана Бухарского «привести хотя не в подданство, то в дружбу».

Построив еще одну крепость и оставив в ней гарнизон, князь вернулся за подкреплениями и в следующем году пошел прямо на Хиву. О посольстве речь уже не шла. Произошло сражение, в котором регулярные части без труда разбили ханское войско. Тогда хан Шергази сменил тактику. Он сделал вид, что отказывается от сопротивления, и когда русские, поверив, разделились на несколько отрядов, приказал напасть на них без предупреждения. Всех перебили. Голову Бековича гордый победитель отправил соседу, в Бухару.

Карательных мер не последовало, ибо, как уже говорилось, после гибели Карла XII война на Балтике разгорелась с новой силой, и Петру стало не до Средней Азии. К тому же выяснилось, что никакого золота там нет.

До завоевания среднеазиатских просторов у России руки дойдут лишь полтора столетия спустя.

Персидский поход

Победив на западе, Петр вновь переключил внимание на восток. На турках он обжегся и теперь выбрал противника послабее – распадающуюся Персию, где сунниты воевали с шиитами, а шахский престол оспаривался. Идею воспользоваться ситуацией царю подал молодой и честолюбивый офицер Артемий Волынский, который потом высоко взлетит. Побывав в Персии, он подал докладную записку, в которой говорилось: «Как я здешнюю слабость вижу, нам без всякого опасения начать можно, ибо не только целою армиею, но и малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда можно».

Контроль над персидской торговлей и открывающийся путь в Индию для только что провозглашенной империи были соблазнительны.

За поводом дело не стало. В охваченном беспорядками крае ограбили русских купцов, и по этому малозначительному поводу император лично отправился за тридевять земель карать обидчиков. В 1722–1723 гг., почти не встречая организованного сопротивления, русская армия дошла и доплыла до южного Каспия. Новый шах Тахмасп безропотно уступил все длинное побере-

жье могущественному соседу, получив за это необходимую поддержку в борьбе с врагами.

Петр погордился очередной превеликой викторией, но от нее у России произошли одни проблемы. Во-первых, встревожился Константинополь и запахло новой войной с турками. Во-вторых, вскоре гипердинамичный Петр умер, и его вялым преемникам стало не до далеких персидских владений. В-третьих, они не приносили доходов из-за бушевавшей вокруг междоусобицы, а траты на содержание гарнизонов были велики, к тому же от непривычного климата солдаты болели и умирали. Поэтому в 1735 году правительство императрицы Анны с огромным облегчением от обременительного петровского трофея отказалось, вернув территорию Персии.

Петровская регламентация

Разгульность Петр позволял только себе и своим собутыльникам – в часы досуга. От подданных он требовал дисциплинированности и порядка, причем желал непременно сам устанавливать этот порядок, вплоть до мелочей.

Законотворческая деятельность царя была кипучей и бессистемной. Постановления выхо-

дили по мере необходимости, дополнялись указами, регламентами и инструкциями. Во многих из них чувствуется легко узнаваемый петровский стиль письма.

Вначале всегда идет обоснование с непременным «понеже» (понеже так принято в Европе, понеже так предписывают интересы государства и прочее), затем – дотошные инструкции и всегда угрозы наказания за неисполнение. На страх и принуждение автор полагается больше, чем на убеждение.

Указы государя стремились охватить самые разные стороны жизни. Все вместе они представляют собой обширную инструкцию правильного (то есть одобряемого государством) образа жизни. Петр указывал людям, как можно и как нельзя строить собственные дома, кому обязательно брить бороду, а кому нет, как отмечать праздники и как проводить похороны, в какой гроб ложиться, в каких экипажах ездить, какую носить одежду, как вести себя на всевозможных мероприятиях, чему учиться, о чем дозволяется и не дозволяется разговаривать чиновникам – и так далее, и так далее.

Пока шла война со шведами, у царя не хватало времени всерьез заняться любимым делом, зато в последний период правления он обрушил на Россию целый каскад всевозможных регламентов.

Великому императору, которого так чтут российские государственники и патриоты, принадлежит одно из самых русофобских высказываний: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так: если б я не употреблял строгости, то бы уже давно не владел русским государством и никогда не сделал бы его таковым, каково оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей». Вот Петр и переделывал, дотошно и неустанно.

Некоторые его постановления удивительны – например «Закон о дураках и дурах» (1722). Царь вдруг озаботился тем, что глупые дворяне женятся между собой и плодят новых дураков, а их в державе и так девать некуда. Критерий, по которому можно опознать дурака, Петр впрочем установил небессмысленный, хоть и механический: кто из дворянских детей не учится,

тот дурак. Таких следовало ставить на учет, жениться не позволять и наследства не давать. Разумеется, многие молодые люди пострадали незаслуженно, но в общем и целом интересный закон безусловно стал серьезным стимулом для развития дворянского образования.

От обилия царских указов порядка в стране больше не стало – скорее в судах и канцеляриях возник еще больший беспорядок. Всеобъемлющий свод законов появится в России лишь через сто с лишним лет после Петра.

Закрепощение дворянства

Именно так следует понимать введение обязательной государственной службы для дворян. Привилегированность их положения теперь отягощалась тяжелой повинностью.

В шестнадцатом веке дворяне тоже были обязаны служить государю, лишь на этом основании им раздавались поместья. Но затем, в семнадцатом веке, при ослаблении «ордынских» строгостей, многие стали уклоняться от воинской повинности, а затем развитие армии привело к отказу от плохо организованной и кое-как вооруженной поместной конницы.

Петр перетряхнул и преобразовал всё высшее сословие. Не стало бояр, они изжили свою полезность. Дворян же царь вынудил пожизненно состоять на армейской, флотской или гражданской службе – в обязательном порядке. Привилегированного класса реформы коснулись в большей степени, чем всех остальных, так что привилегия превратилась в ярмо.

В 1714 году вышел указ о единонаследии, согласно которому поместья запрещалось делить между детьми. Помещиком становился только старший сын, но и на него возлагалась ответственность: собирать для казны подати с крестьян и отправлять их на казенные работы. Все юноши с 15 лет должны были поступать на службу, при этом в вооруженных силах им следовало начинать с самого низа, тянуть солдатскую лямку. На самом же деле принуждение начиналось еще раньше, с десятилетнего возраста, когда дворянские «недоросли», опять-таки в обязательном порядке, отдавались в учебу. За неисполнение полагался немалый штраф.

Известны случаи, когда дворяне специально не записывались в геральдические книги (еще одно петровское новшество), чтобы выбыть из

сословия, ставшего таким угнетенным. Но служба, продвижение от чина к чину, для младших сыновей теперь стали единственной возможностью достичь положения и материального благополучия. Хорошо кормиться можно было только от государства. В 1722 году была учреждена детально, по-петровски расписанная «Табель о рангах» – по всем видам государственной службы. Каждый дворянин, если он не помещик, непременно должен был иметь какой-то чин, по которому его и оценивали.

Пожалуй, из всего населения России, сплошь подневольного, самой несвободной группой теперь стали дворяне (их к концу петровского царствования в стране насчитывалось около 300 тысяч человек обоего пола). Крепостные крестьяне по крайней мере жили у себя дома, а их господа часто служили где-то далеко и наведывались к своим семьям только урывками – и так до старости.

Новая столица

В мае 1703 года в устье широкой и глубоководной реки Невы, где можно было построить морской порт, Петр приказал заложить крепость,

которую сначала нарек Петрополем, а потом переименовал в «город Святого Петра», Санкт-Петербург. Царь очень любил давать всему немецкие названия.

Он так дорожил этим своим детищем, что в самые отчаянные моменты войны соглашался отдать шведам всё кроме Петербурга. В 1711 году, попав в турецкую западню, Петр даже был готов поменять исконно русский Псков на выстроенный среди болот ингерманландский городок.

Правда, к этому времени Петербург успел изрядно подрасти. На осушении топей и стройках там год за годом, сменяясь, работали сначала двадцать, а потом и сорок тысяч согнанных отовсюду крестьян. Доставляли – по найму и подневольно – плотников, каменщиков, печников. Россия никогда не видывала строительства такого масштаба. Смертность была огромной. «Едва ли найдется в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше бойцов, чем сколько легло рабочих в Петербурге», – пишет Ключевский.

В 1713 году царь перенес сюда из Москвы столицу и сделал Петербург своей главной резиденцией. Всю страну обложили специальным

налогом, который расходовался на обустройство города.

Он возводился по регулярному плану, с правильной планировкой, нарядными домами и мощеными мостовыми, даже с уличными фонарями. Нищих и бродяг сюда не пускали, жителям полагалось одеваться прилично и по-европейски. Все крупные помещики должны были обязательно обзавестись особняком в столице и проводить здесь хотя бы часть года.

К концу царствования в Санкт-Петербурге жили 40 тысяч человек – по российским меркам очень много. Больше людей было только в Москве.

Быстро развивался и порт. В 1724 году он принял 240 иностранных торговых кораблей. Для этой цели город, собственно, и был построен: торговать с Западом и демонстрировать приплывающим иноземцам витринную сторону державы.

Сделать Европой всю свою страну Петр не мог, но европеизировать один ее уголок ему удалось.

Перенос столицы из центра империи на самый ее край безусловно имел и символическое значение. Отныне России предписывалось

смотреть в сторону Европы и в том же направлении расширяться.

«Воронежский флот»

После первого Азовского похода, неудача которого объяснялась, в том числе, отсутствием блокады со стороны моря, Петр приказал срочно построить флотилию. На берега Дона, близ Воронежа, где были превосходные леса, согнали 26 тысяч крестьян. Это был первый в российской истории «ГУЛАГ» – массовое использование подневольного труда с применением террора: экзекуций и казней.

К весне соорудили 1300 транспортных строгов и 27 небольших военных кораблей. Войска перевезли, крепость блокировали и вынудили к сдаче, после чего Петр уверовал в необходимость «Воронежского флота» и продолжал губить там массу людей и тратить колоссальные деньги еще много лет. Основные расходы впрочем возлагались на население. Дворяне, купцы, горожане, духовенство, разделенные на 52 «кумпанства», должны были вскладчину оплачивать это странное судостроение. Плавать речному флоту было негде. В большое море его не пускали турки.

Один-единственный раз, в 1699 году, и то с разрешения керченского паши, разрешили сплавать в Константинополь фрегату, перевозившему посольство. Остальные корабли так и гнили без дела. Всего нищая, разоренная многочисленными поборами страна спустила на воду 211 военных кораблей, в том числе больших. Вековые леса были вырублены, много тысяч крестьян сгинули.

Предполагалось, что донская армада понадобится для неизбежной войны с турками, но когда в 1711 году это наконец произошло, дальше бесполезного Азовского моря корабли не попали и никакой пользы не принесли, а после Прутской капитуляции, с потерей контроля над устьем Дона, всю эпопею пришлось свернуть, а расходы списать в чистый убыток.

Строительство каналов

Это еще один пример бездумного использования европейского опыта, в российских условиях неприменимого.

В обширной стране очень плохо обстояло дело с коммуникациями. Дорог было мало, все немощенные, а во время весенней и осенней

распутиц вообще наступало бездорожье. Это очень затрудняло торговлю.

В Европе входило в моду сооружение каналов. Их было трудно и дорого рыть, зато потом расходы окупались сторицей. Одна лошадь могла тянуть большую баржу с товаром, и на протяжении восемнадцатого века гидротрассы появятся во всей Западной Европе, от Италии до Британии. (В упадок эта инфраструктура придет лишь после развития железных дорог).

Петр загорелся гигантоманской идеей проложить водный путь от Балтики до Черного моря и Каспия.

Опять, как с Воронежским флотом, согнали десятки тысяч мужиков. Но инженеров не хватало, северный климат был малопригоден для земляных работ такого масштаба, да еще и, разумеется, процветало казнокрадство. Без введения особого налога тоже не обошлось, причем небольшого – по 70 копеек со двора (примерно месячный расход на питание тогдашнего простолюдина).

В итоге из шести больших каналов кое-как удалось достроить только один, Ладожский, длиной 117 километров. Гора родила мышь, причем

очень хилую. Шлюзы все время ломались, постоянно требовались ремонтные работы. В конце концов канал частично пересох, а частично зарос.

Фрагментарная европеизация

Петру очень хотелось превратить свою страну в Голландию. Чтоб всё было так же организовано, чисто, регулярно; чтобы мужчины брили бороды и курили трубки, а женщины были приветливы и похожи на царскую фаворитку Анну Монс; чтоб солдаты маршировали, корабли плавали по морям, коммерсанты честно торговали – и все дисциплинированно делали, что им приказывают.

Единственное, что полностью удалось – это синхронизировать российское время с европейским. Вернувшись из своего большого турне, Петр отменил традиционное летоисчисление от сотворения мира, велел отсчитывать год с 1 января, и русский 7028 год, продлившись всего 4 месяца, превратился в 1700-ый.

Тогда же, 1 января 1700 года, подданным было приказано побриться и переодеться в европейскую одежду. Добиться того и другого удалось только от самого забитого и самого малочислен-

ного сословия – дворянства. Вынужденное поголовно служить, оно не имело возможности ослушаться. Попытки лишить простолюдинов волосатости и исконной одежды провалились, да и негде было взять столько «немецких кафтанов» и бритв.

Дворяне тоже европейцами не сделались, но по крайней мере стали по-европейски выглядеть.

Намного труднее была задача приучить их соответственно себя вести. Этого Петр добивался обычными своими способами: изданием указов и запугиванием. Недоросли должны были учиться западным премудростям, причем как обычно Петр возложил расходы на собственных подданных. Государственных школ он открывать не стал. Частных учителей катастрофически не хватало, и детей учили как придется. «Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант, Цыфиркин... По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман», – рассказывают родители юноши-дворянина в комедии Фонвизина «Недоросль».

Навыки «политеса» дворяне должны были приобрести на «ассамблеях», обязательных для посещения светских соборщах. Никогда раньше не покидавшие теремов бабы и девки учились быть дамами и барышнями.

Петр видел в Европе газеты – и в 1702 году тоже завел это диво: листок «Ведомости о военных и иных делах». Это, правда, была не вполне пресса, скорее правительственный информационный бюллетень, но выглядел он прямо как настоящая газета. Поначалу приходилось раздавать эту непонятную диковину бесплатно.

В 1724 году царь велел открыть и Академию – вроде той, какую видел во Франции. Но русская «Академия де сиянс» была чем-то вроде пансиона, научными изысканиями на первых порах она не занималась.

Если представить петровскую Россию в виде человеческой фигуры, то ее маленькая голова (дворянство) была в треуголке и парике, с выбритой физиономией, но огромное тело так и осталось в заплатанном крестьянском армяке да в лаптях. Так оно будет и потом: европейской станет лишь социальная верхушка, глубже эта культурная трансформация не проникнет.

Глава четвертая

ОТ САМОДЕРЖАВНОЙ ИМПЕРИИ К САМОДЕРЖАВНО-ДВОРЯНСКОЙ

ОСНОВНОЕ

Переустройство государства, возвращение к изначальной, «ордынской» модели, произведенное Петром Первым, имело разнообразные исторические последствия – как временные, так и перманентные. К числу последних относится, прежде всего, превращение страны в военную империю, которая будет постоянно стремиться к экспансии, а также восстановление ситуации, при которой жизнь страны очень сильно зависит от личных качеств монарха.

Последствия относительно краткосрочные являлись побочным эффектом петровских оплошностей и «недоработок». Самой критической из них была неопределенность принципа передачи власти. Это привело к череде политических потрясений и даже дворцовых переворотов. Другой проблемой постпетровского периода была архаичность тотального вертикального управления в духе Ивана III, когда абсолютно все

мало-мальски важные решения принимались только самим правителем. Страна слишком разрослась, и ее общественно-государственное устройство слишком усложнилось, чтобы можно было управлять столь обширным пространством из «ханской юрты». Эту проблему отчасти решит следующий после Петра реформатор, верней реформаторка – Екатерина Вторая, которой придется существенно модифицировать систему.

Но между двумя монархами, которых нарекли «великими», было несколько монархов совсем невеликих, и в эту промежуточную эпоху страна более или менее топталась на месте.

Первый постпетровский период (1725–1740) можно назвать «нервным временем». Страну после долгих потрясений лихорадило, особенно в верхнем эшелоне общества. **Власть часто сменялась**, причем скандальным, а то и насильственным образом – посредством **заговоров и переворотов**.

Расскажу об исторически малоинтересной эпохе (1725–1762) коротко, фиксируясь лишь на самом важном.

Екатерине I, вдове Петра, которая была безродна и к тому же иностранка, удалось прийти

к власти лишь при поддержке гвардейских офицеров, что создало чрезвычайно опасный прецедент. Потом в течение целого века столичное офицерство являлось серьезной силой, которая не только охраняла трон, но и представляла для него угрозу, как в конце семнадцатого века стрельцы, а перед тем стихийная московская «площадь». Последний по времени инцидент подобного рода – восстание декабристов 1825 года – тоже было путчем столичного гарнизона.

Царствование первой Екатерины, само по себе бездеятельное, зародило еще один знаменательный феномен: ввело в норму женское правление – то, что еще сорок лет назад, при Софье, воспринималось как абберрация. Российское восемнадцатое столетие, послепетровскую его часть, называют «веком женщин». Все основные события произошли при монархах женского пола: было четыре императрицы и одна регентша.

Особенностью этой формы правления стал фаворитизм. В политике важную роль теперь играли люди, к которым очередная императрица была лично привязана. Отличие от ситуации предыдущего женского правления, при царевне

Софье, заключалось в том, что ее любимец Василий Голицын официально возглавлял правительство, а в восемнадцатом веке самый влиятельный мужчина страны мог никакого особенно заметного места и не занимать – во всё вмешиваться, ни за что не отвечая. Поэтому большое значение приобрел вроде бы совсем частный фактор: каких мужчин предпочитает данная государыня – **умных или красивых**. Даже у великой Екатерины здесь случались осечки.

Еще одна новая коллизия, возникшая из-за инициированного Петром массового притока иноземных специалистов, главным образом германского происхождения, а также вследствие присоединения балтийских провинций с их остзейским дворянством, может быть названа «**Русские и Немцы**». Между природной русской аристократией и иноземцами несколько десятилетий шло соперничество.

Внешняя политика России в послепетровские годы была непоследовательной и «реактивной», то есть реагировала на события, а не инициировала их. Именно таковы, например, были все **войны императрицы Анны**.

Во внутривполитическом смысле самым примечательным процессом середины столетия было форсированное восстановление сакральности царской власти – при помощи **запугивания населения** и резкого увеличения расходов на **пышность императорского двора**. Однако внушить трепет перед троном было непросто, поскольку монархи сидели на нем непрочно и неподолго.

Это положение изменилось в довольно продолжительное царствование Елизаветы (1741–1761), которое иногда называют «сонной эпохой». Императрица не любила заниматься государственными делами, ее главный фаворит Разумовский тоже был бонвиваном, новшества не приветствовались, решения принимались небыстро – и всё это, как ни странно, пошло России на пользу. После полувекового мучения и разорения, вызванного сначала петровскими судорожными начинаниями, а затем чехардой быстро сменяющихся временщиков, спокойная, размеренная жизнь **позволила стране восстановить силы**. Повысилась рождаемость, сократился объем недоимок, вечное ярмо нищего народа.

Довольно долго – по меркам милитаризированной империи – обходилась Россия и без войн.

Но положение обязывало. В мире назревал мегаконфликт, вызванный с одной стороны колониальным соперничеством Англии и Франции, а с другой – притязаниями новой державы Пруссии, которая стремилась вырвать у Австрийской империи первенство в германском регионе.

При Елизавете внешний курс России определял канцлер Алексей Бестужев-Рюмин, державшийся проавстрийской и следовательно антипрусской ориентации. Поэтому страна оказалась втянута в большую европейскую войну 1756–1763 годов. Если Петр I воевал, чтобы получить жизненно необходимый выход к морю, то теперь резоны были скорее статусные: великая империя не могла остаться в стороне от великих событий.

Война шла трудно, обходилась дорого, и сменивший Елизавету на престоле **Петр III** сразу же подписал мир. Впоследствии этого сначала **убитого, а затем посмертно опороченного царя** осуждали за проявленную слабость, но в 1761 году все вздохнули с облегчением, да и воцарившаяся полгода спустя Екатерина не выказала желания

вновь взяться за оружие, хотя европейская война все еще продолжалась.

С восшествием на престол Екатерины II в России после 37-летней передышки опять началась великая эпоха.

Чтобы период национальной истории оказался великим, то есть сопровождался рывком в развитии, необходимы два условия: во-первых, готовность страны к подобному прорыву и, во-вторых, наличие лидера или лидеров, способных возглавить и направить это движение.

Первое условие к началу 1760-х годов в России вполне созрело, а пожалуй, что и перезрело. Бывшее московское царство превратилось в империю уже несколько десятилетий назад, и за это время новая государственная система, изжив петровские эксцессы и залечив травмы, вполне утвердилась. Если развитие замедлилось, то лишь из-за того что вторая нога хромала: русские самодержцы и самодержицы по масштабу личности не соответствовали потенциям великой державы, раскинувшейся от Балтики до Берингова пролива и окруженной либо слабыми соседями, либо весьма условными границами.

Изменение произошло, когда во главе государства наконец оказалась правительница пус-
кай не петровской энергии, но зато гораздо боль-
шего здравомыслия, главное же – чей ум был
устремлен не на мелкое, как у Анны или Елиза-
веты, а на грандиозное. **Екатерина II хотела быть
великой**, и ее амбиции совпали с вектором, на ко-
торый была нацелена евразийская империя.

Следует лишь оговориться, что примени-
тельно к империи величие не означает счастья
и благополучия жителей. Исторически Россия
всегда была довольно странной великой держа-
вой, в которой обогащение государства вполне
могло сопровождаться обнищанием населения,
а громкие военные победы не сопровождались
материальными выгодами.

Начну, однако, с викторий, ибо главной функ-
цией военной империи является захват новых
территорий, и с этой задачей великая царица
справилась еще успешней, чем великий царь.

Петру удалось осуществить свои планы лишь
на северном, шведском направлении. С другим,
не менее важным, турецким, он не совладал, а за
традиционное для московского царства запад-
ное, то есть польское даже и не брался.

Екатерина же триумфально осуществила экспансию и на юг, и на запад.

Турецких войн было две. **В ходе первой (1768–1774)** Россия получила выход к Черному морю, право пользоваться Босфорским проливом и плацдармы для контроля над Крымским ханством (которое через несколько лет без сопротивления **оккупировала**). **Вторая война** произошла в 1787–1791 гг. и прибавила империи территорию между Днестром и Бугом. (Эти победы стали возможны благодаря **военной реформе**, проведенной Потемкиным).

Одновременно пришлось **воевать и с Швецией** (1788–1790), но держава была достаточно сильна, чтобы вести сражения на двух фронтах, и окончательно избавила северного соседа от реваншистских иллюзий.

Главное приобретение, однако, досталось Петербургу сравнительно легко. Речь Посполитая, уже больше ста лет находившаяся в упадке, ослабела до такой степени, что сильные соседи – Россия, Австрия и Пруссия – решили поделить страну между собой.

Раздел был осуществлен в два этапа. В **1772 году у Польши отобрали половину земель**,

причем России достались Беларусь и часть польской Прибалтики, а в 1793–1795 году, подавив вооруженное сопротивление поляков, **державы закончили дележ** добычи. Теперь Петербург получил правобережную Украину, Литву, Черную Русь и Курляндию. В результате польского завоевания Россия стала самой населенной страной континента. По ревизии 1762–63 годов в стране обитало около 19 миллионов человек; перепись 1796 года показывает цифру почти вдвое большую – около 36 миллионов.

Так что с имперской точки зрения царствование Екатерины выглядит блестяще. Внутри, однако, дела обстояли менее радужно.

В начале своего царствования молодая императрица, впитавшая высокие идеи Века Просвещения, вынашивала грандиозные планы. «Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты, – вот принцип, от которого я отправляюсь. Власть без народного доверия ничего не значит для того, кто хочет быть любимым и славным; этого легко достигнуть... Я хочу, чтоб повиновались законам, а не рабов; хочу общей цели сделать людей счастливыми, а не каприза, не странностей, не жестокости», – писала она. В намерения Екатерины

входило учреждение парламентаризма, создание «третьего сословия», отмена крепостного права. «Россия есть европейская держава, – писала усердная читательница Вольтера и Монтескье. – Петр I, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал». И хотела сделать Россию европейской державой не только по одежде, но и по сути.

Укрепившись на престоле, на что понадобилось несколько лет, Екатерина составила программу монументальных преобразований, так называемый «**Наказ**». Эту программу должны были обсудить и практически доработать депутаты **Уложенной Комиссии**, избранные от сословий. В 1767 году они собрались в Москве – и жестоко разочаровали прожектершу. Российское общество было не готово к либерализации. Собственно, и общества в политическом смысле еще не существовало. Депутаты отстаивали главным образом местные и сословные интересы, об отмене крепостного права никто и не помышлял. Поглядев на цвет нации, Екатерина навязывать ей свободы поостереглась. Разразившееся вскоре пугачевское восстание окончательно

укрепило царицу в мысли, что ослаблять самодержавие нельзя.

И всё же менять формат государства было необходимо. Управлять по-старому, по-петровски, указами из столицы на каждый случай жизни во второй половине восемнадцатого века уже совсем не получалось. Всё, что находилось вдали от обиталища верховной власти – собственно, вся страна – оставалось без надлежащего присмотра и контроля. Напасть на чиновников на столь огромное пространство, да и командовать всеми сторонами жизни из Петербурга было невозможно.

И Екатерина произвела над государством операцию, которая существенно его изменила. Она поделилась властью с опорным сословием – дворянством. Поделилась не верховной властью (ее государыня держала крепко), а местной. Указ об освобождении дворян от служебной кабалы, подписанный еще Петром III, но проведенный в жизнь Екатериной, в корне изменил самоощущение и положение российских дворян. Большинство из них теперь не служили, а оставались в своих поместьях, распоряжались крестьянами и отчасти подменяли недостаточную

чиновничью инфраструктуру. Кроме того дворяне сами выбирали местных администраторов (капитан-исправников) вплоть до уездного уровня, а на губернском уровне имели представителей своих интересов в виде выборных предводителей дворянства. Те, кто решил служить государству, могли рассчитывать на неплохое жалование и – при успехах – на щедрые награды. Если проводить аналогию с предпринимательством, российское государство превратилось в акционерное общество, где контрольный пакет принадлежал основному владельцу, но появилось множество миноритариев, лично заинтересованных в процветании общего бизнеса. Самодержавная империя Петра превратилась в самодержавно-дворянскую. И сразу начала работать эффективнее – что и привело к уже упомянутым громким победам.

Для того чтобы дворянство окрепло и верно служило престолу, пришлось пожертвовать интересами основной части населения – крестьянства. При Екатерине процесс превращения крепостных в бесправных рабов был доведен до конца. Теперь крепостной не мог даже пожаловаться на своего господина, не мог добровольно

променять кабалу на солдатчину, помещик же получил право по собственному усмотрению, без суда, отправлять тех, кто его прогневил, на каторгу. Продажа «душ» на «вывод», то есть без земли, даже с разделением семей, с этого времени становится обычным делом. Фактически люди превратились в живой скот. Кроме того Екатерина щедро дарила отличившимся дворянам удельных и государственных крестьян. Так 800 тысяч ранее лично свободных землепашцев превратились в частную собственность. Хуже всего было положение заводских рабочих, приписанных к своим предприятиям на тех же крепостных условиях.

Платой за привилегированность и возросшее благосостояние дворянства было растущее озлобление угнетенного класса, вылившееся в кровавое **Пугачевское восстание** (1773–1775), которое было подавлено с огромным трудом и с колоссальными жертвами.

В последний период царствования бывшая носительница либеральных идей, испугавшись французской революции, превратилась в лютую гонительницу любого вольнодумства. Царица учредила Тайную Экспедицию, которая усердно

выискивала «французскую заразу» и находила ее даже там, где ничего подобного не было. К 1790-м годам относятся первые политические гонения против **интеллигенции** – нового, пока еще очень малочисленного сословия образованных людей, склонных к свободомыслию. Предпосылки для формирования социальной прослойки, которая в будущем доставит монархии столько хлопот и в конце концов станет ее гробовщиком, создала сама Екатерина своим манифестом о дворянской вольности. Свободный человек в несвободном обществе – потенциальный возмутитель спокойствия. Из той самой среды, которой надлежало стать опорой трона, выйдут сначала фрондёры, а затем заговорщики и революционеры.

Оборотную, опасную для империи сторону имело и грандиозное расширение границ. Если прежде большинство населения России было единокультурным и единоверным, то теперь этнические русские составляли меньше половины народа, что породило целый каскад проблем. К этому времени относится зарождение целого букета болезненных **национальных «вопросов»**: польского, украинского, еврейского. Империя ни одного из них так и не решит – если не считать

решением **геноцид, опробованный на башкирах и калмыках**, вдали от взоров просвещенной Европы.

История Екатерины II и ее преемника Павла I поучительна, ибо наглядно показывает, насколько ограничена роль личности в истории. Даже если эта личность обладает неограниченными властными полномочиями, не в ее силах произвести со страной операции, которые объективно невозможны. Или правитель приспосабливается к реальности и отказывается от своих планов (пример Екатерины), или упорствует и тогда терпит крах (пример Павла).

Жизнь Павла складывалась странно. Давно миновав возраст совершеннолетия, он так и оставался наследником престола, к тому же полуопальным. Ходили упорные (и небезосновательные) слухи, что императрица намерена передать престол не сыну, а внуку Александру, которого отняла у родителей и лично воспитывала. Помимо властолюбия Екатерины это объяснялось еще и тем, что она считала Павла непригодным для власти – и в этом не ошибалась. Павел отличался вздорным характером и был начисто лишен материнского прагматизма.

Поскольку царица скончалась скоропостижно, корона всё же досталась ее сыну, и тот немедленно начал, ни с чем и ни с кем не считаясь, переустраивать порядок вещей в соответствии с собственными представлениями.

Главным, почти параноидальным комплексом Павла было болезненное самолюбие: после долгих лет унижения он требовал от всех нерассуждающего подчинения. Его принцип был – воля царя священна, даже если она абсурдна. «Государь ни с кем не разговаривает ни о себе, ни о своих делах; он не выносит, чтобы ему о них говорили, – писал близкий к царю Ростопчин. – Он приказывает и требует беспрекословного исполнения». Сам Павел говорил: «Я предпочитаю быть ненавидимым, делая добро, нежели любимым, делая зло», и надо сказать, что это наполовину получилось – в той части, которая касалась ненависти. Уставшие от капризов царя приближенные довольно скоро его возненавидели.

Вторым поводом для всеобщего недовольства стали попытки императора отменить нововведения ненавистной матери и заменить ее помощников, некоторые из которых были людьми толковыми. Вместо них Павел всюду ставил

назначенцев из числа людей преданных – по большей части мало на что годных.

История знает много жестоких, грозных правителей. От тоталитарной власти ждут суровости, и подданные готовы ее терпеть. Чего они не прощают – это непоследовательности, неопределенности в системе кар и награждений. У Павла же из-за вспыльчивости и самодурства никогда нельзя было угадать, за что он обласкает и за что накажет. По выражению Карамзина, царь, «наказывая без вины, вознаграждая без заслуги, отнимал постыдность у наказания и обаяние у награды» – то есть в этом отношении ничему не научился у мудрой Екатерины. В конечном итоге такая «кадровая политика» Павла стала причиной его гибели.

Главой **заговора, погубившего Павла**, стал его собственный выдвиженец граф фон дер Пален. Свои резоны этот чрезвычайно рациональный немец впоследствии объяснил так: «Состоя в высоких чинах и облеченный важными и щекотливыми должностями, я принадлежал к числу тех, кому более всего угрожала опасность, и мне настолько же желательно было избавиться от нее для себя, сколько избавить Россию, а быть

может, и всю Европу от кровавой и неизбежной смуты».

Исполнителей из числа обиженных царем гвардейцев Пален нашел без труда – и таких, которые ни в коем случае не оставили бы тирана в живых. Он был убит, фактически забит до смерти, прямо у себя в спальне.

Этот нелепый и несчастный монарх находился на троне всего четыре года и четыре месяца (1796–1801) и кроме урока для будущих правителей никакого вклада в историю не внес.

Единственное осуществленное им начинание – **участие во Второй антифранцузской коалиции** – завершилось полным крахом. Другая затея, совсем уж безумная, сухопутный поход в Индию, чтобы насолить Англии (на которую **Павел осерчал по всяким малозначительным поводам**), была отменена, как только царя не стало. Войска, уже выступившие в невероятный поход, повернули обратно.

Дворянство встретило гибель «тирана» ликованием еще и потому, что, желая во всем уничтожить екатерининский дух, Павел стал **покушаться на права**, недавно предоставленные высшему сословию. Однако дворянская империя

не пожелала возвращаться в состояние империи монархической. Новый император Александр негласный пакт с дворянством восстановит и предоставит этому сословию новые привилегии.

ПОДРОБНОСТИ

Малозначительные монархи

По контрасту с Петром Великим его преемники в историческом смысле кажутся пигмеями. К тому же все они царствовали недолго.

Екатерина I (1725–1727) в управлении почти не участвовала, во всем полагаясь на своего фаворита Александра Меншикова.

Коронованный после нее подростком Петр II (1727–1730) повзрослеть не успел – умер пятнадцатилетним.

После него при неординарных обстоятельствах, о которых будет рассказано ниже, императрицей стала Анна Иоанновна (1730–1740), дочь забытого, никогда не правившего царя Ивана V. Много лет прозябавшая за границей в неизвестности и бедности, она не выказывала ни способностей, ни интереса к ведению государственных дел. Ее нелепое царствование запомнилось потомкам только засилием чужестранцев (русской аристократии царица не доверяла) да скандалами.

Детей у императрицы не было, и трон достался ее внучатому племяннику младенцу

Ивану VI (1740–1741), а регентшей стала его мать Анна Леопольдовна, очень молодая женщина, совершенно негодная к правлению. Она и не удержалась у власти, всего через год свергнутая дочерью Петра царевной Елизаветой.

Феномен переворотов

Правительственные перевороты, явление для страны отнюдь не новое, в семнадцатом веке происходили неоднократно (в 1605, 1606, 1610, 1682, 1689 гг.) – в моменты ослабления высшей власти. Иначе выглядят перевороты восемнадцатого века. Монархия окрепла, но зыбким было положение монархов. Объяснялось это их сомнительной легитимностью и, соответственно, дефицитом сакральности. Народ и близкие к престолу (и потому опасные для него) люди не испытывали священного трепета перед неочевидными, а то и странными наследниками и преемниками, а каждый новый успешный переворот усугублял ситуацию, демонстрируя, что подобный акт возможен и очень выгоден для инициаторов.

Екатерина I отнюдь не являлась законной наследницей Петра. Завещания, как уже говори-

лось, он не оставил, и по династической логике трон должен был бы достаться наследнику по прямой линии – десятилетнему внуку императора Петру Алексеевичу. Но самые влиятельные вельможи очень боялись, что при этом к власти придет окружение матери царевича, разведенной царицы Евдокии, и начнет сводить счеты с «птенцами гнезда Петрова». Поэтому произошел хоть и бескровный, но силовой захват власти: на заседание, где решалась судьба престола, ворвались гвардейские офицеры, сторонники вдовы, и не оставили правительству выбора.

После ранней смерти Петра II, в 1730 году, власть тоже сменилась нестандартным манером. Произошла попытка (выражаясь по-современному) конституционного переворота.

Члены правительства – оно называлось Верховным Тайным Советом – решили передать престол во всех отношениях удобной Анне Иоанновне, которая скромно жила в скромной Курляндии. Идея состояла в том, чтобы править самим – и на совершенно законном основании. Поэтому вельможи составили «пункты» – документ, фактически превращавший Россию в конституционную монархию. Пункты были такие:

- Отказ монархини от права самовластно объявлять войну и заключать мир;
- Отказ от права самовластно вводить подати;
- Отказ от права самовластно назначать кого-либо на высокие посты;
- Отказ от бессудной расправы над дворянами;
- Отказ от права пожалования поместьями;
- Отказ от контроля над государственными расходами.

Таким образом императрица превращалась в фигуру декоративную, а государство – в монархию британского типа.

Участники заговора верно угадали, что Анна предпочтет быть бесправной императрицей, чем оставаться бесправной герцогиней (в Курляндии она тоже ничем не распоряжалась). Радостно подписав «кондиции», будущая царица отправилась в Россию. И тут произошло нечто очень интересное. *Россия не захотела отказываться от самодержавия.* Россией в государственном смысле тогда было дворянство, служивый класс. И все они – вернее те, что находились в Москве, где

должно было состояться коронование – объединились против «конституционалистов». Дворяне не хотели ограниченной монархии. Они отправили Анне петицию с множеством подписей «принять самодержавство», а «подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить», что царица с большим удовольствием и сделала. Таким образом подданные сами, добровольно отказались от уже полученных прав. Объяснение этого вроде бы странного общественного движения следует искать не в наследственной привычке к рабству, а в инстинкте самосохранения. Столичное дворянство, кадровый костяк государственного аппарата, понимало (или чувствовало), что из России никакой Британии получиться не может. Вместо одного центра управления возникла бы поликратия (русские использовали термин «многобоярщина»), что неминуемо привело бы к анархии, и «ордынское» государство развалилось бы – как в результате «семибоярщины» в начале семнадцатого века. Система управления, когда-то созданная Иваном III и недавно восстановленная Петром I, была несовместима с концепцией власти, ограниченной «кондициями».

Следующий переворот случился сразу после смерти императрицы Анны, которая оставила власть своему фавориту Бирону, завещав престол младенцу Иоанну Шестому. Всеми нелюбимый временщик, утратив поддержку сверху, не продержался и месяца. В ноябре 1740 года произошел уже не тихий, как раньше, а громкий переворот – правда, снова бескровный: гвардейцы ночью вытащили регента из кровати и арестовали.

Еще год спустя, точно так же – руками гвардейцев и без жертв – дочь Петра царевна Елизавета свергла новую регентшу Анну Леопольдовну. Маленького царя вместе с родителями отправили в заточение.

Впервые кровь пролилась в 1762 году, в очень похожей ситуации: Екатерина тоже заняла престол с помощью офицеров, взяв своего мужа-императора под стражу, но поскольку Петр III был не младенец, его убили.

Убили в 1764 году и подростка Ивана Шестого, содержащегося в Шлиссельбургской крепости. Это тоже была попытка переворота, только очень авантюрная и плохо подготовленная. Младший офицер петербургского гарнизона

Василий Минович почти в одиночку вздумал освободить и возвести на престол свергнутого царя, но лишь погубил и его, и себя.

Удачен был гвардейский переворот 1801 года, когда убили Павла I (об этом будет рассказано дальше).

А закончилась переворотная эпоха, как уже говорилось, в 1825 году – кровавым и бестолковым мятежом столичного гарнизона, так называемым «восстанием декабристов».

Таким образом за сто лет в России произошло пять успешных переворотов (1725, 1740, 1741, 1762, 1801) и три попытки переворота (1730, 1764, 1825).

Фавориты правительниц

Без фаворитов не обошлась ни одна из правительниц кроме замужней Анны Леопольдовны, но во всей этой длинной портретной галерее писанных красавцев значение для истории имеют лишь те люди, кто вмешивался в управление государством.

Первой из таких фигур был Александр Данилович Меншиков (1673–1729), петровский выдвиженец, который при бездеятельной Екате-

рине I из помощника монарха превратился в полновластного правителя. Любовником Екатерины он побывал в далеком прошлом, теперь она нашла себе сердечного друга помоложе, но всецело доверялась опыту и энергии Александра Даниловича. У кипучего и активного Меншикова личный интерес всегда был на первом месте, а ныне, без грозного Петра, временщик развернулся совсем уж беспардонно, никого не стесняясь и ни с кем не считаясь. Чрезмерная нахрапистость его и погубила. После смерти Екатерины, при царе-подростке Петре II, он повел себя еще наглее, и побудил всех недоброжелателей объединиться. Они настроили юного императора против правителя. Меншиков отправился в Сибирь, а победители потом долго и увлеченно делили огромные конфискованные богатства.

При императрице Анне возвысился приехавший вслед за ней из Курляндии Эрнст-Иоганн Бирон (1690–1772). Все тридцатые годы он пользовался огромным закулисным влиянием: сам не правил, но на все ключевые должности продвигал своих назначенцев. Кроме того он исполнял обязанности личного секретаря императрицы и контролировал все поступавшие к ней сведения,

то есть освоил главный закон аппаратного манипулирования: «монополизировал информационные каналы». Анна узнавала лишь о том, что было выгодно Бирону, и лишь в нужном ему свете. Однако из ловких теневых инфлюэнсеров редко получаются хорошие правители, так что придя к власти после Анны, как уже было сказано, Бирон очень быстро пал и потом много лет провел в ссылке.

У Елизаветы Петровны был многолетний любовник (и, кажется, даже тайновенчанный муж) Алексей Разумовский (1709–1771), но он относился к категории фаворитов «негосударственных», вмешиваться в политику не пытался. Современники говорили, используя всем тогда понятные сравнения, что это не властная мадам Помпадур, а легкомысленная мадам Дюбарри. Однако в это время возник другой интересный феномен: женская клика, состоявшая из двух ближайших приятельниц императрицы – Мавры Шуваловой и Анны Воронцовой, которые были политически, верней назначенчески очень активны. (Этих дам сравнивали с английской герцогиней Марлборо). Они провели на высшие посты своих мужей. Инициативный Петр Шувалов

занимался всем на свете (не всегда удачно), а изворотливый Михаил Воронцов – внешней политикой. Правили, так сказать, «фавориты фавориток».

Екатерина II славилась любвеобилием. Общее число ее пассий подсчитывают по-разному (не то 21, не то 23). При всем своем незаурядном уме императрица была, что называется, «по-женски неумна» – влюблялась в очень красивых и при этом, как правило, не очень толковых мужчин, причем (если они того желали) позволяла им участвовать в управлении.

Политическую важность из них имели трое: Григорий Орлов, Григорий Потемкин и Платон Zubov.

Первый, Орлов (1734–1783), был одним из главарей заговора, который привел Екатерину к власти, и неплохо себя проявлял в делах, требовавших решительности, но в большой государственной политике мало что смыслил и лишь создавал своей покровительнице проблемы.

Последний по времени, Zubov (1767–1822), в 25 лет президент Коллегии иностранных дел, глава артиллерийского ведомства, черноморского флота и прочая, был совсем ни на что не

годен. Один из его ближайших соратников пишет, что Зубов «из всех сил мучит себя над бумагами, не имея ни беглого ума, ни пространных способностей».

Особняком в этом ряду стоит Потемкин (1739–1791), государственный деятель совершенно иного масштаба, сыгравший важную роль в черноморской экспансии, проводивший военную реформу и в течение полутора десятилетий являвшийся самым влиятельным лицом империи. Правда, здесь несколько иная история. «Будуарным» фаворитом Потемкин пробыл недолго и впоследствии ограничивался тем, что контролировал (а иногда и сам обустроивал) интимную жизнь императрицы, то есть это скорее повторение сюжета с первой Екатериной и ее всесильным экс-любовником Меншиковым.

«Русские и немцы»

Российские историки и писатели «патриотического направления» с большим осуждением писали (и поныне пишут) о «немецком засилии», расценивая высокую пропорцию иностранцев в постпетровской элите, в особенности

аннинских времен, как явление негативное и для национальной гордости обидное.

На самом деле Россия очень многим обязана иностранным офицерам, инженерам, ученым, медикам, педагогам и прочим специалистам, которых сначала приглашал и нанимал для проведения своих реформ Петр, а затем чужеземцы стали приезжать сами, потому что на них имелся высокий спрос и им хорошо платили. (Вплоть до 1730-х годов в армии, например, иностранцам сулили более высокое жалование, чем русским. Отменил эту несправедливость, между прочим, немец, фельдмаршал Миних).

Среди иноземцев, пробившихся на высокие посты, имелись люди всякие – и дельные, и вороватые, и (часто) совмещавшие оба эти качества. Но точно такими же были и вельможи русского происхождения.

Императрица Анна действительно неохотно пускала на важные должности представителей отечественной аристократии, но вызвано это было не любовью к иностранцам, а недоверием к среде, которая в 1730 году попыталась навязать новой царице «кондиции». К тому же Анна с большим (и оправданным) подозрением относи-

лась к гвардейскому офицерству, состоявшему из русских дворян, и даже учредила лейб-гвардейский полк, Измайловский, куда брали офицерами в основном остзейцев. Измайловцы обычно и охраняли государыню. При этом русских людей незнатного происхождения царица без опаски возвышала. Одним из самых близких и доверенных ее помощников, например, был глава Тайной канцелярии Андрей Ушаков, внешней политикой руководил Алексей Бестужев-Рюмин, большим влиянием пользовался кабинет-министр Артемий Волынский. Последний пал жертвой придворной интриги, которую сам и затеял, пытаясь сыграть на противоречиях между Бироном и главой внешнеполитического ведомства Остерманом. Впоследствии эту «подковерную борьбу» изобразили как расправу зловещих немцев над истинно русским человеком.

Миф о «плохих немцах» зародился при Елизавете Петровне, которой надо было, во-первых, легитимизировать свой переворот, объяснив его патриотическими соображениями, а во-вторых, на кого-то свалить ответственность за бедственное положение страны (иностранцы в таких ситуациях всегда очень полезны). Поэтому в

царствование Елизаветы людям с нерусскими фамилиями делать большую карьеру стало трудно.

Той же линии держалась и Екатерина II. Все время помня, что она сама по происхождению немка, царица даже в своей интимной жизни держала линию строго патриотическую: в длинном списке ее фаворитов нет ни одного немца, даже российского, не говоря уж об иностранцах. (Есть один поляк, Станислав Понятовский, будущий король Польши, но то была связь раннего, еще «допрестольного» периода).

Войны императрицы Анны

Страна была разорена и обескровлена петровскими войнами, затевать новые Петербург совершенно не собирался – денег не хватало даже на содержание армии и флота мирного времени. Как уже говорилось, от чересчур накладных каспийских завоеваний даже пришлось отказаться. Но в Европе идти на уступки и пятиться Россия не могла – это означало бы утратить только что обретенный статус великой державы.

Первая война постпетровской эпохи, Польская, была именно такой: имперской и «статусной».

В 1733 году умер давний союзник и почти сателлит король Август. Самая сильная держава континента Франция собралась посадить на престол своего ставленника, столь же давнего российского недоброжелателя Станислава Лещинского. Пришлось вмешиваться.

Большая русская армия вторглась в Польшу, добыла штыками трон приемлемому для Петербурга претенденту, из-за чего чуть не началась война с Францией (вооруженные столкновения даже и произошли). Российская империя свой престиж отстояла, сферу влияния сохранила.

Относительно легкая победа в Польше придала Петербургу уверенности в своих силах. Там решили, что пришло время взять реванш у Турции за Прутскую конфузию 1711 года, тем более что в польском конфликте Россия действовала в союзе с Австрией, у которой к Османской империи тоже имелись территориальные претензии.

В 1735 году Россия напала на Крым, а австрийцы повели наступление на Балканах.

Однако война получилась не слишком победоносной. Русские взяли Азов, взяли Крым, с огромными жертвами захватили важную крепость Очаков, но удержать этих приобретений не смогли, неся большие потери из-за скверного снабжения и болезней. Австрийцы были разгромлены и в 1739 году подписали сепаратный мир.

После этого пришлось выходить из войны и России. Она получила за четыре года колоссальных расходов и 120 тысяч погубленных солдат всё тот же злосчастный Азов да несколько десятков квадратных километров вокруг него.

Прямым следствием этой малоудачной войны стал новый конфликт. Видя, что русская армия не очень-то сильна, реванш за 1721 год захотели теперь уже шведы. На этой волне в Стокгольме в 1738 году пришла к власти партия, взявшая курс на подготовку к войне с Россией. Целью было возвращение всех прибалтийских земель, включая и Петербург.

Правда, боевые действия начались уже после смерти Анны, летом 1741 года, но причиной этой войны стала внешняя политика покойной императрицы.

Миротлюбивая Елизавета, взойдя на престол, была вынуждена унаследованную от Анны войну довоевать, зато потом почти полтора десятилетия старалась ни с кем не ссориться (что европейской империи в те времена было непросто).

«Слово и дело»

Наиболее последовательным элементом внутренней политики при императрице Анне был курс на восстановление престижа монархии, очень ослабевшего из-за непрезентабельной чехарды наверху. Самым тревожным проявлением этого падения, конечно, стала попытка высших чинов государства навязать новой царице «кондиции» в 1730 году. Анна Иоанновна не ограничилась тем, что, войдя в силу, отомстила всем участникам аристократического заговора. Она сразу же принялась внедрять в подданных если не почтение, то страх по отношению к престолу. Тогда же, в 1730 году, вышел императорский указ о том, что любые «злые и вредительные слова» о государыне приравниваются к цареубийственному заговору и караются смертной казнью. Через год после этого была восстановлена Тайная канцелярия. Эту спецслужбу, расследовавшую государ-

ственные преступления, в свое время учредил грозный Петр, его преемники страшный орган упразднили, и вот он понадобился вновь. Его функции однако изменились. Если при Петре канцелярия в основном вынюхивала казнокрадство и обслуживала растущую с годами подозрительность государя, то аннинская тайная полиция сосредоточилась на запугивании населения. Заговоры раскрывать она не умела, что наглядно продемонстрировали успешные перевороты 1740 и 1741 гг., зато исправно хватала «зловредительных» болтунов, подвергая их пыткам и отправляя на каторгу, а то и предавая казни. Развернутой сети шпионов канцелярия не содержала. Всю черновую работу выполняло само население. Оказалось, что достаточно ввести кару за доношительство, и доносы потекут рекой.

Широкое распространение получила стандартная формула, при произнесении которой все замирали: «Слово и дело государево!» или коротко «Слово и дело!». Как только кто-то выкрикивал эти слова, увидев или услышав (а то и вообразив) нечто крамольное, немедленно начиналось следствие, всегда с мучительством и выколачиванием признания. В застенок можно было

попасть за то, что человек сказал просто «Анна», а не «ее царское величество» – а также за то, что кто-то присутствовал при этом страшном злодеянии и не донес.

Многолетний глава жуткого ведомства Андрей Ушаков имел прямой выход на императрицу, держал в ужасе весь двор и за свою службу был удостоен высших наград: графского титула, генерал-аншефского чина и щедрых денежных пожалований. Самое примечательное, что этот функционер был абсолютно непотопляем – высшая власть в нем нуждалась. Ушаков оставался на своей должности при Бироне, при Анне Леопольдовне, при Елизавете. Характерно, что и эта императрица, имеющая в истории репутацию милостивой, не только сохранила Тайную канцелярию, но даже побудила ее работать еще активней. В «милостивую» эпоху Елизаветы расследований по доносам «Слово и дело» ежегодно происходило вдвое больше, чем в предыдущий период. Вколачивание в головы сакрального отношения к престолу было не прихотью своевольной и жестокой Анны, а государственной необходимостью, что признавала и нежестокая Елизавета.

В 1762 году новый император Петр III, начавший свое короткое царствование с щедрых подарков, прикрыл Тайную канцелярию. В указе объявлялось: «Ненавистное выражение, а именно "слово и дело", не долженствует отныне значить ничего, и мы запрещаем: не употреблять оного никому». Это послабление было вызвано тем, что за тридцать с лишним лет запугивания подданные уже очень хорошо усвоили: трон надо чтить.

Императорский двор

Благоговение перед престолом внедрялось в сознание людей не только через страх, но и посредством «наглядной агитации» – именно в этом был смысл больших затрат на строительство великолепных царских дворцов, на пышные придворные мероприятия, на усыпанные драгоценностями наряды, на золоченые кареты и так далее. Верховная власть должна ослеплять своим блеском – этот закон известен с древности.

Петр Великий жил в почти аскетической простоте, денег на ветер не пускал, но его преемники компенсировали недостаток величия пышностью. В казне постоянно не хватало денег на

самые насущные нужды, и всё же из года в год тратились огромные средства на всякие вроде бы необязательные изыски. Содержание двора стало второй по значимости статьей бюджета после военных расходов. В скудные 1730-е годы, например, когда российский флот из-за недофинансирования почти весь сгнил, на утехи ее величества уходило по 400 тысяч рублей в год – в десять раз больше, чем на науку и образование. Мемуарист князь Щербатов пишет: «...Императрица Анна Иоанновна любила приличное своему сану положение и порядок, и тако двор, который ещё никакого учреждения не имел, был учреждён, умножены стали придворные чины, серебро и злато на всех придворных возблистало, и даже ливрея царская серебром была покровенна; уставлена была придворная конюшенная канцелярия, и экипажи придворные всемогущее блистание с того времени возымели. Итальянская опера была выписана, и спектакли начались, так как оркестры и камерная музыка. При дворе учинились порядочные и многолюдные собрания, балы, торжества и маскарады».

Высшая власть стала не только страшной (тут-то больших расходов не потребовалось), но и обрела не свойственное ей ранее великолепие.

При Елизавете доходы казны увеличились, и пышности стало еще больше. После царицы в ее гардеробе насчитали 15 тысяч платьев (по два на один день царствования), и каждое стоило, как хорошее поместье. Дело было не только в щегольстве. Тон тогда задавал французский королевский двор, где со времен Людовика XIV, «Короля-Солнце», августейшая роскошь подавалась как символ величия державы. Российские монархи взяли эту во всех отношениях приятную пиар-стратегию на вооружение: они тоже хотели сиять, как солнце. Помимо внутривнутриполитического эффекта достигался еще и внешнеполитический. Петербург был витриной империи. Послы иностранных держав чаще всего только столицу в России и видели. Слава о великолепии российского двора разносилась по всей Европе. Со временем она затмит версальскую.

Елизаветинская стабильность

Елизавета Петровна пришла к власти, можно сказать, от безысходности. Это была жизне-

радостная, легкомысленная молодая женщина, никогда не интересовавшаяся государственными делами. Она жила в свое удовольствие и вовсе не стремилась к власти. Но регентша Анна Леопольдовна, остро ощущая свою сомнительную легитимность, относилась к дочери великого Петра с подозрительностью и неприязнью. Подозрительность впрочем была небезосновательна. Сама царевна о заговорах не помышляла, но в ее ближайшем окружении имелись два ловких француза: версальский посланник Жак-Жоакен де Шетарди и лейб-лекарь де ль'Эсток (в России его называли «Лесток»). Французская дипломатия той эпохи строилась на активном вмешательстве в политическую жизнь других стран – например, довольно успешно манипулировала двором турецких султанов.

Интересы Франции требовали оторвать Петербург от Вены, главного соперника Версаля, а для этого было желательно посадить на престол дружественную французам Елизавету.

При никчемной регентше и Тайной канцелярии, которая занималась только «Словом и делом», устроить переворот было нетрудно. Дочь Петра пользовалась популярностью у гвардей-

ского офицерства, вместе с которым пиновала и весело проводила время. Друзья-французы напугали царевну тем, что ее вот-вот арестуют и сошлют в монастырь, Елизавета обратилась за защитой к гвардейцам, и всё моментально устроилось.

Правда, Францию ждало разочарование. Новая императрица с Австрией ссориться не стала и участвовать в европейских конфликтах желания не выказала. Елизавета вообще ни во что не вмешивалась и ничего нового не затевала.

После трех десятилетий бешеных петровских понуканий и полутора десятилетий посттравматических судорог, после множества потрясений, переворотов, страхов и правительственных перетасовок наступает период отрадной малособытийности. Страна будто погружается в сон, восстанавливая подорванные силы.

Главным же благом было то, что народ предоставили самому себе, не мучая гиперпроектами, чрезмерным регламентированием и экстренными поборами. Наоборот, в 1752 году были прощены недоимки за двадцать с лишним лет – огромное облегчение. Предоставленная сама

себе, Россия оказывалась весьма жизнеспособной и даже успешной страной.

Затишье привело к тому, что перестало сокращаться – наоборот, заметно увеличилось – население, а вместе с ним и доходы, ведь основным их источником тогда являлись подати. В 1743 году Сенат известил царицу, что за предыдущее царствование податное население сократилось на миллион человек. Мужских «душ», с которых брали налоги, насчитали 6 миллионов 643 тысячи. С них собиралось пять миллионов триста тысяч рублей. В конце же елизаветинского правления, согласно переписи, в стране насчитывалось уже 7 миллионов 363 тысячи податных душ, что вызвало соответственное пополнение ежегодного бюджета на 11%. Ключевой сектор экономики – живые люди – «обнаруживал тенденцию к росту».

Но империи не могут долго обходиться без войн, и елизаветинская стабильность закончилась еще при Елизавете.

Участие России в Семилетней войне

Главной причиной большой европейской войны была активность нового кандидата в ве-

ликие державы – Прусского королевства. Вслед за Россией на континенте возникла еще одна военная империя, которой правил авантюрный и напористый Фридрих II. В 1740-е годы, пользуясь пассивностью Елизаветы, прусский король разгромил Австрию и очень увеличил свои владения. Чтобы противодействовать этой угрозе, Вена и Петербург сначала подписали союзный договор, а затем стали готовиться к неминуемому столкновению. Когда оно в 1756 году разразилось, стало ясно, что на карту поставлена не только судьба центральной Европы, но и всего мирового устройства.

Державы поделились на два лагеря. С одной стороны Австрия, Россия, Франция, Швеция и Испания – с другой Пруссия, Англия, Португалия и несколько немецких княжеств. Сражения шли также в Америке, Азии, на многих морях. Это семилетнее побоище стало прообразом будущих мировых войн.

Россия ввязалась в чужую драку сугубо из имперских соображений: чтобы не допустить в и без того тесный европейский огород еще одного козла. Елизавету пришлось долго уговаривать, что это совершенно необходимо для

интересов России. Главным агитатором был канцлер Бестужев-Рюмин, стоявший на проавстрийских и антипрусских позициях.

На европейском театре военные действия шли довольно однообразно. Зажатый врагами с трех сторон Фридрих блистал полководческими талантами, метался с французского западного фронта на южный австрийский, потом на восточный русский, чаще всего одерживал победы, но из-за неравенства сил Пруссия постепенно ослабевала. Самая важная русско-прусская битва произошла в 1759 году под Кунерсдорфом, где Фридрих Великий был наголову разбит невеликим полководцем Петром Салтыковым, но воспользоваться плодами победы русская армия не сумела. Ее часто сменявшиеся командующие были медлительны и малоинициативны. Пока триумфаторы готовились к наступлению, проворный Фридрих успел собрать новое войско, и война продолжилась.

В конце концов Пруссия несомненно выдохлась бы, но в декабре 1761 года после смерти Елизаветы на российский престол взошел Петр III, преклонявшийся перед Фридрихом, и немедленно заключил мир безо всяких условий.

Остальные участники всемирной драки бились еще долго, окончательно обескровив друг друга.

Новая династия

Мужская линия Романовых прервалась еще в 1730 году со смертью Петра II, а в 1761 году преклась и женская. Своим наследником Елизавета назначила Гольштейн-Готторпского герцога Карла-Петера-Ульриха, по материнской линии внука Петра I. Мальчика перекрестили в православие, нарекли Петром Федоровичем (отец был Карл-Фридрих), привезли в Петербург и начали учить русскому языку.

Этот немецкий принц и стал основателем новой династии, которая сохранила прежнее имя. На самом деле всех последующих русских царей следовало бы называть Гольштейн-Готторпами.

Невесту для цесаревича императрица тоже подобрала в Германии: дочь мелкого князька Софию-Августу-Фредерику, в память о Елизаветинной матери переименованную в Екатерину. Это решение, сначала казавшееся малозначительным, сыграло в российской истории гораздо бóльшую роль, чем выбор наследника.

Двойное убийство Петра III

Несчастный Петр III процарствовал всего полгода и был злодейски убит, можно сказать дважды: сначала физически (удавлен ружейным ремнем), а затем и исторически. Желая оправдать переворот, победительница-вдова изобразила своего мужа перед потомками нелепым идиотом, а поскольку Екатерина правила долго и оставила в истории сияющий след, клеймо жалкого ничтожества приросло к Петру III намертво.

Факты, однако, не соответствуют подобной репутации. За шесть месяцев своего правления Петр III успел не так уж мало, причем его решения и указы выглядят совсем не глупо. Хватило бы и одного выхода из войны, совершенно не нужной России, но Петр стал инициатором нескольких новшеств вполне исторического значения.

Как уже говорилось, одним из первых указов император упразднил зловещую Тайную канцелярию. Были помилованы и выпущены на свободу осужденные по «злословным» делам. Отменялись также гонения против старообрядцев, длившиеся целый век. (По этой причине многие старообрядцы потом вольются в войско Пугачева, считая его воскресшим Петром III).

Новый царь велел основать Государственный банк и печатать бумажные деньги «яко самое лучшее и многими в Европе примерами изведенное средство» – важная веха в истории российского финансового дела. С впечатляющей смелостью император отобрал в пользу государства все церковные земли – поистине эпохальное событие. Главное же – Петр III выпустил указ о «дворянской вольности», освобождавшей высшее сословие от государственной кабалы: «Дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают». Это изменит весь формат государства.

В чем Петр действительно был повинен – это в беспечности и слабых характеристиках. Переворот застал его врасплох. Когда в столице взбунтовались гвардейские полки, царь не поднял армию, а вступил в переговоры и в конце концов сдался. Екатерина позволила мужа убить, а затем приписала себе все его начинания. Три вышеперечисленных важных новшества – дворянская вольность, печатание бумажных денег, секуляризация церковных земель – будут потом считаться екатерининскими.

Екатерина II: формирование личности

Вторая Екатерина стартовала не с такой низкой позиции, как Екатерина Первая (все-таки она родилась хоть и малозначительной, но принцессой), однако взлетела неизмеримо выше своей тетки, оставив несравнимо более глубокий след в истории. При этом случайности судьбы сыграли роль лишь в восхождении Екатерины на самую первую ступеньку головокружительной лестницы: когда 14-летняя принцесса Ангальт-Цербстская была приглашена в Санкт-Петербург на смотрины. Всего остального девочка, девушка, молодая женщина потом добилась сама. Обладая врожденной сметливостью, тактом, умением понимать и располагать к себе людей, она очаровала императрицу Елизавету и двор. Поблизе узнав своего инфантильного супруга, не пожелала становиться покорной женой, а повела собственную, осторожную и неторопливую интригу, которая в конце концов привела ее к высшей власти. «В ожидании брака сердце не обещало мне много счастья. Одно честолюбие меня поддерживало; у меня в глубине сердца было что-то такое, что никогда не давало мне ни на минуту сомневаться, что рано или поздно я сделаюсь

самодержавной повелительницей России», – призналась она потом в своих «Записках». Так всё в ее жизни и сложилось: мало счастья, много честолюбия.

Взгляды Екатерины сформировались в условиях вынужденного одиночества, когда она была супругой наследника. Никто, включая собственного мужа, великой княгиней не интересовался, и она утешалась чтением. «Никогда без книги и никогда без горя», – рассказывала потом она. Книги были те же, какие читали тогда все образованные европейцы: Вольтер, Руссо, Монтескье, Д'Аламбер.

Самое интересное свойство личности Екатерины – причудливое сочетание прекраснодушия, свойственного Веку Просвещения, с абсолютно несентиментальным, а по временам и жестоким прагматизмом. Она всегда хотела как лучше, но готова была довольствоваться тем, что возможно. Когда выяснилось, что Россия для воплощения великих идеалов непригодна, зато годится для создания великой империи, этой дорогой Екатерина и отправилась.

Турецкая война 1768–1774

При энергичном Мустафе III Турция до некоторой степени привела в порядок расстроенные финансы, реформировала вооруженные силы и вообще очень окрепла. Стамбул вполне обоснованно опасался, что Россия тоже усилится и опять заявит претензии на черноморское побережье, поэтому султан решил нанести упреждающий удар. Основания для этого имелись. По Прутскому договору 1711 году Россия отказывалась от вмешательства в дела Речи Посполитой, но в 1767 году, готовясь к захвату польских земель, Екатерина ввела туда войска. Турки решили, что на южном направлении русские теперь много сил не соберут, и при поддержке своего союзника крымского хана в 1768 году начали войну.

Боевые действия шли нескладно для обеих сторон. Русские разбили крымцев и оккупировали полуостров, но на турецком фронте перевеса добиться долго не могли. В 1770 году турки потерпели два крупных поражения – одно на суше, под Кагулом, другое на море, в Чесменской бухте, но сохранили численное преимущество. Затея графа Алексея Орлова поднять греческое восстание в тылу у Порты провалилась, на

форсирование Дуная у русской армии не хватало солдат.

Лишь после многомесячного топтания на месте, летом 1774 года быстро набиравший славу Александр Суворов прорвал турецкую линию обороны, быстро пошел вперед, на Стамбул, и турки наконец подписали мир. Он был для России не особенно триумфальным, но всё же выход к Черному морю и контроль над Крымом императрица получила.

Победа обошлась дорого. Полученная от турок контрибуция, четыре с половиной миллиона рублей, покрыла лишь мизерную часть военных расходов (47 миллионов), а хуже всего было то, что разорение народа стало одной из главных причин пугачевского восстания, доставившего стране еще больше бед, чем война.

Захват Крымского ханства

По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года Турция отказывалась от своего Крымского протектората. Россия изобразила дело так, что она-де добилась для ханства независимости. На самом деле одна зависимость заменялась другой, более плотной. На престол победители

посадили марионеточного хана из династии Гиреев, ввели в ключевые города свои гарнизоны, и этот промежуточный период продолжался несколько лет. Но в 1782 году, воспользовавшись мятежом, который подняли против бессильного Шахин-Гирея его подданные, Россия полностью оккупировала полуостров, вынудила хана отречься от престола и попроситься в российское подданство. В 1783 году Крым (а вместе с ним Кубань, входившая в территорию ханства) были торжественно включены в состав империи.

Коренные жители-татары массово покидали родину, не желая оставаться под властью «неверных», и Потемкин стал активно завозить на полуостров, прежде всего в города, русских и украинских переселенцев. Расположенный на берегу удобной бухты новый город Севастополь стал главной базой Черноморского флота.

Турецкая война 1787–1791

Османская империя не пожелала мириться со столь бесцеремонной аннексией Крыма, начала ускоренно готовиться к новой войне и в июле 1787 года потребовала от Петербурга вернуть Крым.

Действовали турки решительно, повсюду атаковали, и вся первая кампания для русских была оборонительной, а на следующий год положение еще больше осложнилось: ситуацией воспользовалась Швеция и тоже объявила России войну.

Правда, появился и союзник, Австрия, но ее армия терпела неудачу за неудачей, так что боевой дух турок только возрос.

Перелом наступил, когда Потемкин доверил командование Суворову. В 1789 году этот выдающийся полководец во главе союзной австрийско-русской армии разбил турецкую армию при Рымнике, после чего противник был вынужден перейти к обороне, а в 1790 году после кровавого штурма Суворов захватил крепость Измаил, имевшую сильный гарнизон и считавшуюся неприступной.

Начались долгие переговоры, завершившиеся Ясским миром. От претензий на Крым турки окончательно отказались.

Реформа армии

Семилетняя война показала, что русская армия не очень-то хороша. Она успешно проявляла себя в обороне, но не умела наступать; очень

медленно передвигалась; плохо снабжалась; слабее же всего было качество командования.

При Екатерине вооруженные силы империи вышли на совершенно иной уровень. Связано это было прежде всего с деятельностью Григория Потемкина. Он был президентом Военной коллегии, а также главноначальствующим над армией и флотом.

Реформы светлейшего князя были всеохватны. Он не только организовал исправную интендантскую и медицинскую службу, что очень сократило небоевые потери, но и реорганизовал управление, введя более гибкую батальонную структуру, а главное – отказался от прусского подхода к солдату. «Завивать, пудриться, плесть косы, солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же букли? ...Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то готов», – писал Потемкин царице. Он ввел простое и удобное обмундирование, что позволило войскам совершать невиданные ранее марш-броски.

Отказ от обязательной службы улучшил качество офицерского корпуса: теперь в армию шли только те дворяне, кто стремился к воинской

карьере. А на высшие командные посты Потемкин выдвигал талантливых военачальников.

Под руководством сначала Румянцева, а потом Суворова русские войска освоили науку наступления и успешно ее использовали даже против превосходящих сил противника.

Флот Потемкин фактически создал заново, потому что прежний сгнил от неупотребления. И если на Балтике довольно было заменить старые корабли, то на Черном море всё понадобилось строить с нуля. В 1790-е годы русский флот стал в мире третьим по мощи – после британского и французского. Правда, обходилось это казне в очень большие деньги, 5 миллионов ежегодно (почти десятая часть всего бюджета).

Шведская война 1788–1790

Непосредственным поводом для этого столкновения стало то, что Россия увязла на черноморском фронте, но причина была давняя: Швеция никак не желала смириться с потерей балтийских владений.

С 1771 года в скандинавской стране царствовал беспокойный, амбициозный Густав III, нацелившийся на реванш. Этому способствовали

посулы политических врагов Петербурга – Англии и Пруссии. С первой Екатерина рассорилась во время Американской войны, выступив в поддержку восставших колоний, а с Берлином отношения были обострены из-за дележа Польши.

Армия у Швеции была небольшая, но самые лучшие русские войска находились далеко на юге, поэтому целых два года боевые действия на суше шли вяло, без больших сражений.

Основные события произошли на море.

Сначала в августе 1789 года русский флот нанес тяжелое поражение шведскому при Роченсальме, и стало казаться, что война вот-вот закончится победоносно для Петербурга, но в июне следующего года удача повернула в другую сторону: под Выборгом шведы утопили половину русской эскадры.

Король Густав ухватился за шанс уйти от разгрома и предложил мир; Екатерине надо было развязать руки, чтобы покончить с турками – и эта бестолковая война быстро закончилась без какого-либо результата. Она будет не последней.

Первый раздел Польши

В середине XVIII столетия Речь Посполитая оставалась одной из крупнейших стран Европы: более 700 тысяч квадратных километров территории, двенадцать с половиной миллионов жителей (в России было девятнадцать). В 1763 году, пользуясь тем, что другие соседи Польши – Австрия и Пруссия – ослаблены Семилетней войной, Екатерина беспрепятственно усадила на освободившийся польский престол своего ставленника и бывшего любовника Станислава Понятовского. Тот попытался навести порядок в плохо устроенной стране и даже добился некоторых успехов, что совершенно не устраивало смежные державы. Фридрих Прусский писал Екатерине: «Польша может сделаться государством, опасным для своих соседей». Русские спровоцировали шляхетский мятеж (в вечно неспокойной Польше это было нетрудно) и в 1768 году, как бы защищая законную власть и порядок, ввели в страну войска.

Именно это событие побудило султана объявить Петербургу войну, что на время приостановило процесс поглощения, но, выдержав первый турецкий натиск, Екатерина вновь взялась за

дело. Поторговавшись между собой, Россия, Австрия и Пруссия в 1772 году отхватили себе по большому куску польской территории. Наконец осуществилась мечта, которую вынашивал еще Иван III: присоединить все православные земли бывшего княжества Литовского. Официальное обоснование захвата было возвышенным. Оказывается, Польшу уполовинили из лучших намерений: «для сокращения границ последней, чтоб дать ей положение, более сообразное с ее конституцией и с интересами ее соседей, наконец, для самого главного, для сохранения мира в этой части Европы».

Второй раздел Польши

Два десятилетия спустя, в 1791 году, Екатерина решила, что пришло время вообще убрать Польшу с географической карты. На западе континента происходили грозные события, отвлекавшие внимание Вены и Берлина – французская революция. С Австрией, которая уже воевала с Францией, теперь можно было вовсе не делиться. В 1793 году Россия и Пруссия попробовали отрезать себе еще по части Польши, но поляки этого не стерпели, и развернулось большое

восстание. Почти весь 1794 год повстанцы сражались на два фронта, против российской и прусской регулярных армий.

Осенью восстание было утоплено в крови. Король Станислав отказался от трона. Польши не стало.

К победителям присоединилась Австрия, и в 1795 году остатки польских земель были окончательно поделены, причем больше всех поживилась Россия, в итоге унаследовавшая почти половину бывшей Речи Посполитой. Границы империи отодвинулись на 600 километров к западу.

Наказ императрицы

Екатерина замыслила разработать новое законодательство, построенное на принципах гуманизма и европеизма, – замысел величественный и во всех отношениях похвальный. Действовала она с присущей ей осторожностью. Собственно-ручно написала программу, проникнутую духом вольномыслия, но сначала показала ее «референтной группе» из ближайших соратников. Те испугались радикальных перемен, и царица половину пунктов убрала. Устроила вторую проверку, с более широким кругом «вельми разномысля-

щих» рецензентов. После этого исчезла еще половина предполагаемых нововведений.

Осталось 22 раздела. В них шла речь о равенстве всех граждан перед законом; об отмене уголовной ответственности за высказывания; о разрешении всех религий. То есть монархиня предлагала безо всякого перехода превратить Россию из «ордынской» империи сразу в правовое государство со свободой слова и свободой совести. Также отменялась смертная казнь, ибо «при спокойном царствовании законов и под образом правления, соединенными всего народа желаниями утвержденным, в государстве...не может в том быть никакой нужды, чтоб отнимати жизнь у гражданина». Запрещались и пытки.

На крепостное право прожект, правда, не покушался – Екатерина опасалась настроить против себя главную свою опору, дворян, но в тексте содержался призыв относиться к трудолюбию крестьян с уважением.

Документ получил название «наказа», поскольку имел вид инструкции, адресованной представителям сословий.

Даже по европейским понятиям программа Екатерины выглядела неслыханно революцион-

ной – ее положения выходили далеко за рамки «просвещенного абсолютизма». Когда «Наказ» перевели на другие языки и издали (Екатерина хотела, чтобы Европа ею восхищалась), на родине Вольтера и Монтескье эту крамолу запретила цензура.

Уложенная Комиссия

В самом конце 1766 года Екатерина издала указ, приведший в изумление всю умевшую читать Россию: велела прислать в древнюю столицу Москву со всей страны депутатов (новое для русских слово), «для того, дабы лучше нам узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа». После этого общественные представители должны были принять свод справедливых законов «понеже наше первое желание есть видеть наш народ столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие могут на сей земле простираться». Еще одно поразительное новшество состояло в том, что депутатов предписывалось *избирать*, да не только из числа привилегированных сословий, но и из государственных (то есть лично свободных) крестьян, из казаков, мещан,

даже инородцев. Чтоб депутаты не боялись говорить смело и обладали материальной независимостью, им предоставлялась пожизненная неприкосновенность и щедрое жалованье.

По спущенной сверху квоте выходило, что дворян и чиновников в составе созываемой Комиссии окажется непропорционально много (больше трети), но и это было очень либерально для страны, которой доселе безраздельно управлял лишь один класс – помещичий.

31 июля следующего 1767 года избранные депутаты, 460 человек, торжественно приступили к работе, предварительно ознакомившись с «Наказом».

Из громкого, монументального начинания ничего не вышло, да и не могло выйти.

Встреча лучших людей страны обнаружила, что русское общество совершенно не готово к свободам и не хочет их. В стране, где отсутствовали средний класс и буржуазия, где горожане составляли только 3% населения, где ни одно из сословий, даже дворянское, еще толком не сформировалось, идея общественного участия в управлении государством (хотя бы на уровне законотворчества) была утопией.

Екатерина, не решившаяся затронуть тему крепостного права, надеялась, что депутаты поднимут этот вопрос на заседаниях – хотя бы в качестве отдаленной перспективы. И это действительно произошло, но совсем не так, как мечталось царице. Дискуссия о крепостничестве получилась весьма бурной. Однако депутаты спорили не о том, как и когда освободить крестьян, а о том, как их еще больше закрепить. Недворянские сословия – купцы, священники, казаки – обижались, что лишены права тоже владеть «душами».

Никакого свода законов все эти люди, рассматривавшие съезд как площадку для отстаивания своих узких интересов, не выработали. Императрица увидела, что Россия пока совсем не Европа и править здесь надобно по-другому. «Комиссия Уложения, быв в собрании, подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем...», – напишет она впоследствии.

Разочаровавшись в Комиссии, царица стала ею тяготиться и воспользовалась начавшейся турецкой войной, чтобы прекратить съезды «доколе от нас паки созваны будут». «Паки» так никогда и не наступило.

После этого неудачного эксперимента матушка-государыня правила и издавала законы по-старинному, по-самодержавному, избегая резких перемен.

Пугачевское восстание

Из-за непомерных трат на турецкую войну пришлось вводить чрезвычайный налог, дававший в казну не так много – 630 тысяч в год, но для нищего крестьянства это стало дополнительным источником раздражения, особенно по сравнению с тем, что положение «бар» при Екатерине заметно улучшилось. И царица-немка, и подозрительная смерть ее мужа (публично было объявлено, что он скоропостижно скончался от каких-то «геморроидальных колик»), и странность положения, при котором совершеннолетний наследник Павел не вступал на престол, давали толчок всяким слухам, будоражившим народное сознание.

Один из таких слухов, очень настойчивый, вызывал особое возбуждение: что Петр III хотел дать крестьянам волю, дворяне за это вздумали извести доброго батюшку-царя, да только он спасся и вот-вот объявится.

Вновь, как в начале семнадцатого века, стали появляться самозванцы. Их вылавливали, но слухи не стихали.

К шестому году трудной турецкой войны положение стало взрывоопасным, не хватало только искры. «Недоставало предводителя. Предводитель сыскался», – лаконично пишет в «Истории пугачевского бунта» Пушкин.

Емельян Пугачев, подобно Кондратию Булавину и Степану Разину, был донским казаком, и мятеж тоже начался как казачий – только не на Дону, а на реке Яик (нынешняя река Урал), где было расквартировано Яицкое казачье войско. Его создали, чтобы защищать пограничные земли от степных разбойников, а заодно постепенно сдвигать границы империи в азиатском направлении. Власти вели себя с этими свое-нравными, хорошо вооруженными людьми весьма неосмотрительно, раздражая их всякими несправедливостями, назначая новые поборы, покушаясь на казачьи привилегии.

В 1772 году вспыхнуло восстание, вскоре подавленное, но искры еще тлели, когда в сентябре 1773 на Яике вдруг появился «государь Петр III» и пообещал пожаловать казаков «рекой, землею,

травами, денежным жалованьем, свинцом, порохом и хлебом». Это был Пугачев, арестованный за разные провинности, пустившийся в бега и оказавшийся далеко от родного Дона. По складу характера вождь народной войны был человеком непутевым и непоседливым, постоянно ввязывавшимся в какие-то плохо обдуманные авантюры. Но он оказался в критическом месте в критическое время – и стал искрой, попавшей в порох. Казаки поверили самозванцу, потому что очень хотели поверить, а дальше восстание разрасталось со скоростью степного пожара. Крепости сдавались одна за другой, потому что недовольные тяжелой службой солдаты без боя переходили на сторону «законного государя».

Казачий мятеж перерос в большую гражданскую войну. Она продолжалась полтора года и делится на три периода.

Первый длился полгода, до весны 1774 года. На этом этапе восстание оставалось локальным и состояло из двух очагов: Оренбургского края и Закамья, где восстали измученные заводские рабочие.

Крепости все пали, города Оренбург и Уфа были осаждены, правительство отправляло

в мятежные области некрупные отряды, и восставшие били их по частям.

Пугачев – так же, как в свое время Разин – никуда не торопился. Он пировал со своими «енаралами», женился на красивой казачке, объявив ее императрицей (наличие законной жены Екатерины в Петербурге «царя» не смутило). Всё это дало время властям наконец собрать значительные силы, и в марте 1774 года Пугачев был разгромлен. Бросив свою «императрицу», Емельян бежал на север, и там, в Приуралье, война перешла в новую стадию: из казачьей стала рабочей и башкирской. Пугачевское войско теперь пополнялось в основном заводским людом, а главным союзником стали местные башкиры, у которых имелись давние счеты с империей. Ситуация была странная: наступление Пугачева одновременно являлось отступлением. Он нес большие потери в боях с правительственными войсками, но ряды всё время пополнялись, и войско разбухло до 20-тысячного состава. Так война докатилась до Волги. Пал большой город Казань. Здесь каратели наконец настигли врага и опять уничтожили всю мятежную армию.

Всего с несколькими сотнями людей Пугачев

ушел за Волгу. Началась третья стадия войны, самая массовая и кровавая: крестьянская. Восстание перекинулось в регион традиционного хлебопашества, населенный крепостными.

«Петр III» издал манифест, который рассылался во все концы, и там, где указ зачитывали, крестьяне брались за топоры. Государь император велел «рабам всякого чина и звания» убивать и грабить помещиков – «поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами».

Избиение дворянства было массовым. В некоторых уездах помещиков и членов их семей истребили полностью.

Неизвестно, чем кончилось бы, если б Пугачев пошел дальше вглубь России, где крепостных было еще больше. Но Емельяну захотелось повернуть на юг, в родные донские края. Он взял Пензу и Саратов, всюду вешая чиновников, и был уже у Царицына, когда его вновь догнали правительственные войска. Произошел очередной разгром, после которого чудом спасшийся Пугачев совершил еще одну роковую ошибку. Вместо того чтобы вернуться в крестьянские области, где он без труда собрал бы новую армию, Емельян

побежал в малонаселенную степь. В конце концов его схватили и выдали властям собственные помощники, надеясь на помилование.

Предводителя восстания провезли в клетке, как зверя, через пол-России и казнили в Москве.

Итогом обильного кровопролития и колоссального разорения было то, что императрица уяснила три вещи.

Во-первых, терпению народа есть предел, нельзя перегибать палку. Вскоре появятся высочайшие указы, до некоторой степени облегчающие жизнь пахотных и заводских крестьян, а также мещан.

Во-вторых, необходимо коренным образом укрепить систему местной власти. Это, как мы знаем, тоже было сделано благодаря соучастию дворянства.

Но в историческом смысле важнее всего был вывод, что низам воли ни в коем случае давать нельзя и что крепостное право отменять не нужно, иначе может подняться волна, которая сметет всё государство.

После пугачевщины Екатерина окончательно решила оставить проблему крепостничества будущим государям.

Зарождение нового сословия

Социально-культурный феномен, известный как «русская интеллигенция», в полной мере проявит себя лишь во второй половине девятнадцатого века, но зародился он в екатерининские времена.

Предпосылки для формирования вольнодумной прослойки, которая в будущем доставит монархии столько хлопот, создала сама Екатерина своим манифестом о дворянской вольности.

Понадобилось соединение двух условий.

Во-первых, у дворян появилось много досуга, который при желании можно было употребить на размышления. А во-вторых, освобождение от телесных наказаний и обладание некими неотъемлемыми правами вылились в идею личного достоинства, очень опасную для всякой тоталитарной власти.

Это пока еще не социальная группа, а всего лишь умонастроение очень небольшой кучки тогдашних интеллектуалов, но они уже обладают главной видовой чертой интеллигенции: сознанием своей культуртрегерской миссии и социальной эмпатией.

Первыми российскими интеллигентами следует считать дворян из круга Николая Новикова (1744–1818), создавшего большое частное издательство «Типографская компания», которое на рубеже 1790-х выпускало четверть всей книжной продукции, в основном просветительского назначения, и писателя Александра Радищева (1749–1802), не побоявшегося открыто возмутиться уродствами окружающей действительности. «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала», – написал Александр Радищев в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790). С этой даты, с этой фразы можно вести отсчет истории отечественной интеллигенции.

Напуганная французской революцией Екатерина сочла этих людей опасными.

Радищева она назвала «бунтовщиком хуже Пугачева». Книгу, выпущенную скромным тиражом 650 экземпляров, изъяли и сожгли, а ее автора приговорили к смертной казни, заменив ее сибирской ссылкой. Хрупкая психика прекрасного литератора надломилась, перенесенное потрясение привело его к самоубийству.

Столь же сурово императрица обошлась с Новиковым и его товарищами.

Безо всякого суда, лишь по приказу царицы, издателя посадили в каземат Шлиссельбургской крепости, откуда он был выпущен только Павлом совершенно сломленный и больной. Остальных членов высокодуховного кружка отправили в ссылку. Книги сожгли.

Нужно признать, что умная женщина Екатерина в своих опасениях была права. Радищевы с Новиковыми для самодержавия были опасней Пугачева. Пугачеву можно отрубить голову, и от него ничего не останется, а раз высказанная идея – если она востребована жизнью – будет набирать силу, и с этим уже ничего не поделаешь.

Преемники первых российских интеллигентов в конце концов царский режим и похоронят.

Национальные «вопросы»

Обрусевшей немке Екатерине хотелось, чтобы все российские народности стали как-то пооднобразнее. Она говорила, что их надобно «привести к тому, чтоб они обрусели бы и перестали бы глядеть, как волки в лесу». В этом духе царица и действовала.

Проблемы возникли с теми нациями, которые никак не желали обрусевать. Прежде всего с поляками, не смиравшимися с утратой независимости. «Польский вопрос» станет постоянной головной болью царской России. Ее монархи будут пробовать и кнут, и пряник, будут пытаться то запугать, то расколоть польское общество, но вплоть до самого распада империи в 1917 году проблему так и не решат. Перманентное брожение в самые острые моменты будет выплескиваться кровавыми восстаниями, а за ними будут следовать еще более кровавые кары. Вопрос о том, пошло ли России на пользу это завоевание, даже трудно назвать спорным. «Польский вопрос» стал одной из хронических болезней российского государства.

Другой проблемой для самодержавия было большое количество евреев, издавна живших на территории Речи Посполитой. Что делать с этими упрямыми людьми, не соглашавшимися отказываться от своей религии, ассимилироваться, растворяться, российские власти не знали. Действовали они по привычке – полицейскими методами, но это только спланивало закаленные в гонениях еврейские общины. О собственной госу-

дарственности тогдашние евреи не мечтали, но на притеснения и несправедливости отвечали сопротивлением. Когда развернется революционное движение, еврейская молодежь будет массово вступать в самые радикальные партии и подпольные организации, из этой среды выйдет немало революционных вождей. Сто с лишним лет спустя, уже в начале XX века, убежденный апологет самодержавности, икона русских «государственников» Петр Столыпин скажет: «Если бы я жил в таких условиях, может быть, и я стал бросать бомбы».

«Украинский» вопрос, исторически возникший еще в семнадцатом веке, Екатерина попробовала решить радикально. Украинцев просто стали считать русскими, их больше не выделяли в отдельную нацию. Последние остатки автономии, обещанной когда-то Богдану Хмельницкому, упразднили в 1774 году, когда отменили гетманство. Царица объявила, что оно «с интересом государственным весьма несходно». Однако после аннексии Правобережья украинцев в империи стало очень много – пятая часть всего населения, и «вопрос» обострился. Если против поляков власти использовали в основном репрессии,

а против евреев – дискриминацию, то украинцев пытались ассимилировать через подавление национальной культуры и языка. С дворянством это более или менее получалось, но на народном уровне – нет. «Украинский» вопрос окажется самым долгим и труднорешаемым, попытки привязать Украину к России продолжатся до XXI века.

Гонения против башкиров и калмыков

Башкиры, большой заволжский народ, вошли в состав России еще в XVI веке и с тех пор жили собственным укладом, на основе самоуправления. Но в царствование Анны в эти края были введены войска и разразилось пятилетнее восстание (1735–1740), подавлявшееся с показательной жестокостью – дабы внушить башкирам «потомственный страх».

Второй этап репрессий произошел в царствование «кроткой» Елизаветы, в 1755–1756 годах. Причиной возмущения стали отмена права местных жителей на добычу соли, бесцеремонное миссионерство и попытки перевести часть башкир в крепостные. Восставшие убивали чиновников и солдат, жгли почтовые станции и казенные заводы.

Правительственные отряды гасили мятеж очаг за очагом – опять с крайней жестокостью. Число карательных войск достигло пятидесяти тысяч (при том что всех башкиров с женщинами и детьми насчитывалось тысяч двести). В итоге примерно четверть народа попросту ушла от притеснений за границы империи – в казахскую степь.

Совсем уж геноцидной выглядела расправа над калмыками, немаленьким степным народом. Они имели собственных правителей-ханов, вассальных по отношению к России. Калмыцкая конница исправно участвовала во всех больших войнах русских царей в качестве иррегулярных частей, охраняла юго-восточные границы от набегов степных разбойников. Грубые попытки христианизации (калмыки исповедовали буддизм), захват земельных угодий русскими переселенцами и вмешательство чиновников во внутренние дела ханства довели народ до последней крайности, а в 1770 году еще и выдалась аномально холодная зима, вызвавшая падеж скота. Русские власти усугубили беду, установив монополию на хлебную торговлю. Народ стал вымирать от голода. Тогда основная часть калмыков

снялась и отправилась на восток, прочь от родных мест. Они надеялись найти убежище в далеком Китае. Семимесячный переход превратился в настоящую катастрофу. От голода, лишений, стычек с враждебными племенами погибли девяносто процентов ушедших. В нижневолжских степях осталась лишь четверть калмыков. Большой народ стал маленьким, и Екатерина запретила ему иметь собственных правителей.

Заговор 1801 года

Монархический переворот возможен, только если у заговорщиков имеется собственный кандидат на престол, готовый участвовать в деле. Наследник, великий князь Александр страдал от самодурства отца, но долгое время уклонялся от участия в заговоре. Пален в конце концов запугал цесаревича тем, что император собирается своего старшего сына арестовать. Тут Павел, за что-то в очередной раз рассердившись, еще и прислал сыну книгу о смерти царевича Алексея, да подчеркнул место, где говорилось, что узник подвергался пыткам. Сомнения Александра кончились. Он поставил Палену одно условие: отца не убивать, а лишь заставить отречься от прес-

тола. Этому предводителю заговора было вполне достаточно, но исполнителей он назначил таких, которые царя люто ненавидели и в живых ни за что бы не оставили. Повторилась ситуация 1762 года: законного монарха мало свергнуть, его следует убить, чтобы избежать осложнений в будущем.

Человек поразительной ловкости, Пален сумел выкрутиться, даже когда Павлу стало известно о готовящемся перевороте – не моргнув глазом ответил, что тоже участвует в заговоре, дабы выявить «все нити». И царь успокоился.

Ночью 11 марта 1801 года в царские покои проникли гвардейские офицеры и прямо на месте умертвили Павла голыми руками – то ли проломили голову, то ли задушили шарфом, то ли просто забили до смерти.

Узнав о случившемся, Александр упал в обморок. Отцеубийцей он становиться не хотел и к участникам переворота впоследствии относился с отвращением.

Пален, уверенный, что при новом режиме станет очень влиятельной персоной, ошибся. Александр не простил генералу обмана, снял со всех постов и отправил в ссылку – впрочем, вполне комфортабельную, в собственном поместье.

Война с Францией

В государствах абсолютистского типа существует разновидность войн, которые можно назвать «каприз самодержца». Такова, например, была азовская авантюра Петра I (1695–1696 гг.). Век спустя Павел I точно так же, безо всякой государственной необходимости, затеял войну с постреволюционной Францией.

Император оскорбился на то, что французы захватили остров Мальта, издавна находившийся во владении рыцарей Мальтийского Ордена. Незадолго перед тем они пригласили русского царя стать их Великим Магистром. Павел, с детства увлекавшийся рыцарской символикой, был очень польщен, с удовольствием выполнял церемониалы и ритуалы, нисколько не смущаясь тем, что он православный царь, а орден католический. Сам остров при этом российской территорией не являлся.

Когда французы отобрали любимую игрушку, Павел разгневался и пошел на обидчиков войной.

В начале царствования он громогласно заявлял, что его империя ни с кем воевать не станет – не из миролюбия, а чтобы во всем отличаться от

матери. Следуя этому курсу, Павел сильно сократил армию, и теперь, когда она вдруг понадобилась, выяснилось, что наличных сил для борьбы с таким мощным противником недостаточно.

Преисполнившись энергии, Павел составил антифранцузскую коалицию с Англией, Австрией, Турцией и еще несколькими странами поменьше. В Европу отправились три русских экспедиционных корпуса: один в Голландию, другой в Швейцарию, третий в Италию. Первый и второй были разбиты, но третьим, итальянским командовал великий Суворов.

Исполняя генеральную диспозицию, весной 1799 года фельдмаршал высадился на Апеннинском полуострове, прошел по нему на север, чтобы соединиться с швейцарским корпусом Римского-Корсакова и австрийцами. Во всех сражениях Суворов побеждал и куда надлежало прибыл, но к тому времени соединяться стало уже не с кем. В сентябре в битве под Цюрихом французский генерал Массена, будущий маршал Империи, уничтожил русско-австрийскую армию. Суворову с его 20 тысячами солдат пришлось пробиваться через горные перевалы и уходить от вчетверо превосходивших сил противника.

Фельдмаршал проявил чудеса полководческого искусства, его войска проявили чудеса героизма, так что унести ноги из Швейцарии удалось, но война была проиграна на всех фронтах.

Отношения с Англией

В 1800 году внешнеполитический курс России развернулся на 180 градусов – по причине опять-таки субъективной. Теперь государь император обиделся на союзную Англию и решил ее наказать.

Сначала перлюстрационная служба перехватила письмо английского посла, доносившего в Лондон, что русский царь страдает от «расстроенной фантазии» и что состояние это прогрессирует.

Потом опять вылезла злополучная Мальта, которую англичане отобрали у французов, но и не подумали передать «великому магистру». (Роль Мальты никогда не была и потом никогда не будет столь роковой в российской истории, как в 1798–1800 гг.).

На первых порах Павел ограничился тем, что запретил экспортировать в Англию все российские товары, от чего, разумеется, больше

пострадала его собственная экономика. Но этого императору показалось мало, и он пошел на сближение с Бонапартом, только что захватившим власть во Франции. Диктатура российскому самодержцу была ближе и понятнее, чем республика. Царь вступил с первым консулом в переписку. Наполеон поиграл на тщеславии Павла, осыпал его комплиментами – и образовался новый союз, теперь антианглийский.

Царь был очень горд идеей, пришедшей ему в голову. У прославленного Бонапарта прорваться в британскую Индию через Египет не получилось, а у русского императора получится!

Даже не удосужившись объявить Лондону войну, Павел приказал собирать в Оренбурге войска, чтобы идти оттуда напрямик в Индию. В приказе говорилось, что ходу туда *вероятно* месяца четыре и что географические карты есть только до Хивы, ну да ничего, «далее ваше уже дело достать сведения до заведений английских и до народов индейских, им подвластных». А потом всё будет просто: «землю привести России в ту же зависимость, в какой они у англичан, и торг обратит к нам».

Для похода за три с половиной тысячи километров, через мертвые пустыни и снежные горы, через множество враждебных земель, без провианта и опорных баз, было выделено двадцать две с половиной тысячи человек. Они получили приказ выступить немедленно, посреди зимы. И делать нечего, пошли.

Отношения Павла с дворянством

Стремясь отменить все материнские реформы, Павел, конечно же, нанес удар по самой главной из них – по второму элементу самодержавно-дворянской системы управления. Он не собирался делиться с дворянами властью, которая должна была принадлежать только назначенным сверху администраторам. Губернские дворянские собрания упразднялись. Закончилась и очень удобная для «благородного сословия» практика фиктивной военной службы, когда детей чуть не с рождения записывали в полк и к совершеннолетию они уже «выслуживали» офицерский чин. Более полутора тысяч недорослей исключили из одного только Конногвардейского полка.

Чувствительнее всего было возвращение телесных наказаний для дворян. Формально человека благородного звания по-прежнему выдрать кнутом было нельзя, но при Павле всякого осужденного стали лишать дворянства, за чем почти во всех случаях следовала порка – какое уж тут благородство.

Общая атмосфера строгости и всеобщей поднадзорности очень возвысила роль тогдашних «органов безопасности» – Тайной экспедиции. Ее деятельность при Павле чрезвычайно расширилась и активизировалась даже по сравнению с последними годами Екатерины. При покойной императрице секретная служба в среднем ежегодно вела 25 дел, при Павле – в семь раз больше. В общей сложности за четыре года в разряд «государственных преступников» угодило около тысячи человек. Поскольку наибольшие опасения у царя вызывало высшее сословие, на него Тайная экспедиция в основном и охотилась. При том, что доля дворян в населении составляла всего один процент, среди подследственных их набралось 44 процента.

Дворяне, вкусившие при Екатерине совсем другой жизни, в любом случае не стали бы долго

терпеть такого царя. Если бы его не убрал Пален, нашелся бы кто-то другой. Возврат к прежней государственной модели на рубеже девятнадцатого века был уже невозможен.

Глава пятая

ПЕРВАЯ СВЕРХДЕРЖАВА

ОСНОВНОЕ

В первой половине XIX века Россия прошла через два важных процесса, которые будут повторяться и позднее.

Во-первых, на время обрела, а затем утратила статус сверхдержавы, то есть государства, претендующего на мировое лидерство. (В XX веке этот путь, в оба конца, будет пройден еще раз – вот почему глава носит такое название). Во-вторых, закачался маятник реформ и контрреформ, который станет постоянным фоном российской действительности.

В очень упрощенном, предельно лаконичном изложении события 1801–1855 годов могут быть описаны следующим образом: «В царствование Александра I проводились либеральные реформы и Россия вышла на преобладающие политические позиции в Европе (которая тогда считала себя «всем миром»). В царствование Николая I господствовала реакция, и Россия первенство на континенте потеряла». При этом прямой

связи между реформами и имперским величием не существовало, только косвенная.

Попробуем разобраться в том, как возник этот двойной механизм, вечный двигатель российской истории.

Ничего случайного здесь не было, не так много было и субъективного. Пожалуй, можно сказать, что никак иначе сложиться и не могло.

Инкорпорировав во властную структуру дворянство, самодержавие получило мощный импульс развития, поскольку добровольные и мотивированные помощники всегда работают лучше подневольных. «Побочные эффекты» этого отступления от изначальной государственной архитектуры еще не проявились, когда на Россию обрушилось тяжелейшее испытание – наполеоновское нашествие, зато в полной мере показали себя плюсы «ордынского» государства: высокая мобилизационная способность, жертвенность и прочность. Страна не только выдержала натиск, но и сумела нанести ответный удар, завершившийся триумфальным взятием Парижа.

Достигнутое в результате этой победы первенство однако продержалось не очень долго, всего 40 лет, и закончилось по причине тоже

абсолютно объективной. Сильная в годину потрясений система очень неважно работала во времена мирные, когда всё решала экономическая конкуренция. Без развитого частного капитала, без нормальной юридической системы, в условиях полной зависимости от административного произвола российская экономика стала отставать и во время нового столкновения с Европой, Крымской войны, оказалась уже неспособна на равных сражаться с быстро развивающимися западными соперниками. Период величия закончился.

Не так всё просто и с реформами.

В 1801 году царем стал **Александр, воспитанный в духе самых прогрессивных идей эпохи**. Новый император был полон грандиозных планов по превращению России в свободную, передовую страну. В первые годы внутренней и внешней политикой управлял **Негласный Комитет**, своего рода «правительство молодых реформаторов». Но повторилась история с «Уложенной комиссией» Екатерины. Из всех многочисленных прекраснодушных затей реализовать удалось очень немного. Во-первых, к радикальным переменам по-прежнему была не готова страна. Во-вторых,

в Европе назревал мегаконфликт, источником которого являлись завоевательные планы Наполеона Бонапарта. На смену мирным планам пришли военные приготовления, а затем последовал десятилетний период, в течение которого Российская империя всё время вела то большие, то локальные (но все равно немаленькие) войны.

Первую из них, **столкновение с Францией в 1805–1807 гг.**, Россия проиграла. Это побудило Александра провести уже не идеалистические, а практические реформы, необходимые для укрепления обоих элементов военно-бюрократической империи: и военного, и бюрократического. Военным блоком ведал ближайший соратник царя **граф Алексей Аракчеев**, гражданским – энергичный администратор **Михаил Сперанский**. За пять лет, предшествовавших грозному экзамену 1812 года, им удалось сделать довольно многое, несмотря на то, что в это время России пришлось одновременно вести три войны: **персидскую (1804–1813), шведскую (1808–1809) и турецкую (1806–1812).**

Новая война с наполеоновской Францией, а вернее почти со всем европейским континентом, покорившимся Бонапарту, произошла потому что

не могла не произойти, хотя оба императора, Александр и Наполеон, поначалу очень ее не хотели и **пытались между собой договориться**. Причиной войны стала континентальная блокада, которой Бонапарт рассчитывал сокрушить экономическую мощь своего главного врага Англии. Россия, вынужденная присоединиться к этому бойкоту, не могла обходиться без британской торговли и постоянно нарушала свои обязательства перед французами. В конце концов Наполеон понял, что из затеи с блокадой ничего не выйдет, пока он не установит контроль и над восточной половиной континента.

Для русской кампании Бонапарт собрал многонациональную Великую Армию, перешедшую границу в июне 1812 года. Завоевывать бескрайние российские просторы французский император не собирался. В его намерения входило возрождение сильной Польши, которая вернет себе все утраченные земли и станет противовесом против России. Но сначала нужно было разгромить русскую армию, а та, уклоняясь от генерального сражения, отступала всё дальше и дальше вглубь страны. Когда же сражение все-таки произошло (у села Бородино, уже недалеко от

Москвы), исхода войны оно тоже не решило. Русская армия понесла тяжелые потери и древнюю столицу оставила, но сохранила боеспособность. Зайдя так далеко внутрь чужой страны, Великая Армия оказалась в западне. Император Александр заключать мир не желал, приближалась зима, и Наполеон решил отойти на запад, где остались большие запасы продовольствия. Но ранние морозы со снегопадами и вызванный этим массовый падеж лошадей привели к тому, что армия начала голодать и таять. **Наполеон сумел вывести из России лишь крохотную часть своего войска.**

После этого катастрофического отступления Франция стала терять своих европейских союзников, которые один за другим переходили в противоположный лагерь. В начале 1814 года антинаполеоновская коалиция, главной ударной силой которой была русская армия, победоносно вошла в Париж.

С этого момент Александр стал первым среди монархов континентальной Европы, а его страна – главнейшей европейской державой. Вскоре сложилась геополитическая ситуация, в которой соперничали «владычица морей»

Британия и «владычица суши» Россия. Этому способствовало еще и то, что островное королевство отказалось участвовать в Священном Союзе, своего рода монархическом интернационале, созданном по инициативе царя. Либералы называли ультраконсервативный альянс трех государей (российского, австрийского и прусского) «заговором правителей против народов». У Священного Союза была двойная цель: во-первых, избежать новых войн; во-вторых, уберечь континент от «революционной заразы», которая опустошила Европу недавними побоищами. Впоследствии к союзу присоединились и другие монархи.

К этому времени Александр, пройдя тот же путь, что Екатерина, полностью разочаровался в свободах, проникся истовой религиозностью и свято уверовал в спасительность абсолютизма: только государь по вдохновению Свыше может решить, когда придет время предоставить народу те или иные свободы.

Совместными усилиями монархи Священного Союза подавили революции в Пьемонтском и Неаполитанском королевствах, в Испании. В германских землях и во Франции хватило поли-

цейских мер. В России же на смену довоенным прогрессивным реформам пришли реформы реакционные.

Спасение от разрушительных идей Александру виделось в религии, ибо она опирается не на гордую мысль, а на смирение, не на знание, а на веру. Образование и религия были отданы под управление одного и того же министерства, причем первая сфера попала в подчиненное положение ко второй. Установилась жесткая цензура, на университеты обрушились гонения. Современники печально шутили, что эпоха Просвещения сменилась **эпохой Затемнения**.

А кроме того Александр увлекся новым проектом: уподобить страну военной организации, ибо идеальней порядка, чем в армии, не существует. Крестьян начали массово записывать в «военные поселенцы». Часть времени в этих полуселах-полулагерях отводилась полевым работам, часть – воинскому обучению, и каждый шаг поселенцев находился под надзором начальства. Управлял этим прообразом ГУЛАГа граф Аракчеев.

Однако в российской жизни как раз в этот период появляется новый фактор: начинается

формироваться Общество. Когда я пишу это слово с большой буквы, в виду имеется та часть населения, которая обладает собственным мнением, часто отличным от государственной идеологии. Генезис Общества был естественным следствием вольностей, которые полвека назад предоставила дворянству Екатерина. В 1820-е годы российское Общество пока еще целиком дворянское. Самой решительной его частью были люди военные. В их среде и зародилось сопротивление. Раздражение против царя и его нового реакционного курса все время усиливалось. В конце концов оно привело **к составлению заговора**, участники которого были готовы к самым радикальным мерам.

В декабре 1825 года после смерти Александра наверху произошла сумятица. Вдруг выяснилось, что очевидный наследник, следующий по старшинству брат Константин Павлович, править не желает, а царем станет Николай Павлович, очень непопулярный в гвардии. Этим замешательством и воспользовались заговорщики, **попытавшиеся устроить военный переворот в Петербурге**. По своей форме мятеж был похож на предшествующие гвардейские путчи, но было

и кардинальное отличие: «декабристы» не поддерживали никакого претендента на престол, они собирались установить республику.

Восстание так потрясло нового императора, что установившийся после этого режим не мог не стать репрессивным.

При Николае I (1825–1855) российское самодержавие достигло пика своего могущества. Во внешних отношениях оно всячески старалось сохранить и даже усилить свои позиции в Европе, а также вело захватнические войны; внутри страны беспрестанно «закручивало гайки», пытаясь затормозить общественные процессы. И повсюду – как на международном уровне, так и в собственной стране потерпело неудачу. К концу тридцатилетнего николаевского царствования империя понесла поражение и в борьбе за мировое первенство, и во внутренней политике.

Успешней всего – до поры до времени – дела шли на южном направлении, где Россия продолжала расширять свои владения за счет слабых соседей. В 1826-1828 гг. без особенного труда **одержала победу над Персией**, присоединив Армению и Нахичевань. **В 1828–1829 гг. снова по-воевали с Турцией**, за которой к этому времени

утвердилось прозвище «европейского больного». Правда, здесь победа далась намного трудней, но трофеем стало всё восточное побережье Черного моря.

Очень тяжело давалось завоевание Кавказа. Формально эти горные края, населенные воинственными, свободолюбивыми народами, уже принадлежали России, но Дагестан, Чечня, Адыгея покоряться не желали, оказывали отчаянное сопротивление, и колониальная война растянулась на десятилетия, причем при Николае, несмотря на огромные затраты, справиться с этой задачей российское правительство так и не смогло.

На западном, европейском направлении дела у империи шли негладко. Всесилие Священного Союза дало трещину в 1830 году, когда по Европе прокатилась **волна революций**. Во Франции рухнула власть Бурбонов, и новый король Луи-Филипп стал ориентироваться на главного соперника России – Англию. Бельгийскую революцию Николай собирался подавить силой штыков, но этому помешало **польское восстание**, переросшее в большую освободительную войну. Силы были неравны, и в конце концов царские войска

разгромили повстанцев, восстановив контроль над Польшей. В 1833 году три монархии – Россия, Австрия и Пруссия – создали на смену Священному Союзу новый ультраконсервативный альянс, которым фактически руководил русский император. Три державы объявили себя «ответственными за порядок» в Европе, а Николай еще и провозгласил себя гарантом мира на Балканах. В эту пору Россию стали называть «жандармом Европы». Продлилось это не вполне лестное лидерство пятнадцать лет – до **новой революционной волны**, захлестнувшей Европу в 1848 году.

Свою жандармскую миссию Россия выполнила: помогла австрийскому правительству подавить венгерское восстание. Но эта демонстрация силы побудила Англию и Францию заключить военный союз, направленный против российского влияния. С этого момента политическая конфронтация «сверхдержав» перешла в стадию, которая рано или поздно должна была закончиться войной. Пока соперничество Лондона и Петербурга шло по сценарию «кто сильнее – кит или слон?» (Англия была сильна на море, Россия на суше), вражда ограничивалась дипломатическими интригами и отдельными стычками, но

в 1852 году французским императором стал Наполеон III и начал быстро наращивать сухопутную армию. Вооруженное столкновение стало неизбежным.

Причиной его стал так называемый «Восточный вопрос». В переводе с дипломатического языка на практический он сводился к следующему: какая из держав с наибольшей выгодой воспользуется ослаблением Османской империи?

Петербург вел себя напористо. По российско-турецкому договору 1833 года царь получил право блокировать проливы для судов любых третьих стран. Таким образом Россия не просто осуществила давнюю мечту о свободном выходе в Средиземное море, но и получила ключ от этой двери. Турция же фактически утрачивала суверенитет над собственными водами и превращалась в российского сателлита. Ни Англия, ни Франция, ни Австрия, имевшая собственные виды на Балканский полуостров, смириться с этим не могли.

Получая обещания помощи из Парижа и Лондона, осмелела и Турция. Когда в начале 1853 года Россия потребовала от Стамбула отдать под покровительство царя всех православ-

ных, проживающих на турецких территориях (примерно треть населения Османской империи), да еще заключить тайный союз против Франции, султан ультиматума не принял. После бесплодных переговоров, в ходе которых антироссийские силы в Европе всё больше консолидировались, началась война – вначале двухсторонняя, русско-турецкая. Но после того как царские войска не сумели взять крепость Силистрия и оказалось, что русский медведь не столь уж грозен, к Турции присоединились Англия с Францией. Конфликт вышел на общеевропейский уровень. Австрия и Пруссия, недавние союзницы Николая, объявили о солидарности с Лондоном и Парижем. «Жандарм Европы» остался в одиночестве.

Военные действия шли на западном, северном и восточном побережье Черного моря, а также на Балтике, в Белом море и даже на Камчатке, но решался исход войны в Крыму, близ города Севастополь, где находилась главная база русского флота.

Осада Севастополя (1854–1855) была столкновением не только армий, но и принципиально разных систем: модернизированного капиталистического Запада и архаичной диктатуры. Два

разных подхода к экономике, к социальному устройству, к мобилизационным инструментам конкурировали между собой, и неудивительно, что в конце концов верх взяла более современная модель. Севастополь пал, русский флот погиб, финансы и ресурсы России иссякли. В феврале 1856 года в Париже уже при новом царе Александре II (Николай умер в разгар войны, сломленный неудачами) Россия подписала унижительный договор: отказалась от права иметь на Черном море флот; отдала Турции часть Бессарабии; перестала претендовать на покровительство турецким православным. Из сверхдержавы, еще недавно диктовавшей свою волю европейскому континенту, Россия спускалась до уровня второстепенного государства, ниже Британии, Франции, Австро-Венгрии и даже Пруссии, которая скоро превратится в Германию.

Причины, по которым Российская империя потерпела поражение, следует искать в процессах, которые происходили внутри страны. Прежде всего в том, как было устроено николаевское государство и общество.

Своеобразие «кадровой политики» властолюбивого императора, утверждавшего, что ему

нужны не гении, но исправные исполнители, не способствовало выдвижению ярких личностей. Николай во всё вмешивался, любой государственный вопрос дожидался «высочайшего усмотрения», и чем дальше от центра, тем меньше было порядка, ибо любой администратор знал: наверху не одобряют инициативность и недоверчивы ко всему новому. Извечный закон «вертикального» управления при отсутствии общественной «горизонтали» в переводе на чиновничий язык означает: нравься своему начальнику, а прочее не имеет значения. Это, разумеется, способствовало расцвету коррупции.

Как всякий адепт «ордынской» школы (с этого времени их в России начинают именовать «государственниками»), царь уповал прежде всего на спецслужбы, которые вышли на новый уровень важности. Прежние тайные канцелярии и тайные экспедиции представляли собой очень небольшие структуры, питавшиеся главным образом доносами и вызывавшие у населения страх, смешанный с гадливостью. При Николае I статус тайной полиции кардинально изменился. Возникли две структуры: Третье отделение императорской канцелярии и военизированный Жан-

дармский корпус. (Дублирование и соперничество спецслужб – классический метод тоталитарных режимов, при котором надзирающий знает, что за ним тоже надзирают). Вся страна была разделена на жандармские округа. Жандармы приглядывали не только за населением, но и за местной администрацией. Именно с этого времени спецслужбы становятся неотъемлемым, а пожалуй и главным элементом российского государственного механизма.

Идеологически эта конструкция, начисто исключавшая какую-либо общественную активность, обосновывалась формулой, которая должна была противостоять ненавистной революционной триаде «Свобода-Равенство-Братство»: «Самодержавие-Православие-Народность». Первый компонент означал, что народу-ребенку нужны не абстрактные свободы, к которым он не готов, а отеческая забота государя, спокойные условия для развития. Православная вера должна была дать нации ощущение духовного единства. Под «народностью» подразумевалась прямая связь государя с «простыми людьми», минуя посредничество образованной (а стало быть зараженной европейской бациллой) про-

слойки. Эти три «скрепы» стабильности будут браться на вооружение и всеми последующими жесткими режимами, разве что обозначения будут меняться. При коммунистах вместо самодержавия будет очередной партийный вождь, вместо православия – марксизм-ленинизм, вместо «народности» – «близость партии и народа». То же произойдет и в двадцать первом веке, только восстановится второй компонент – православие.

Для контроля над образованным сословием, к которому царь после декабристского восстания относился с подозрением, была введена жесточайшая цензура, а малейшие, иногда воображаемые попытки даже не протеста, а любой несанкционированной общественной активности подвергались **суровым репрессиям**.

И тем не менее именно в николаевскую эпоху Общество становится важным элементом российской жизни. Репрессивный режим определил весьма специфическое направление этой эволюции. При полной невозможности какой-либо политической деятельности интеллектуальная энергия растущего образованного класса устремилась в литературу. То, что невозможно было сформулировать прямым текстом, газетным или

журнальным, превращалось в художественные произведения. Верховная власть эту опасность сначала проглядела, а потом было уже поздно. К концу правления сурового Николая сложилась ситуация, при которой официозная, одобряемая сверху культура вызывала у читающей публики гораздо меньше интереса и уважения, чем культура (прежде всего литература) нонконформистская и уже потому духовно оппозиционная. Эту войну правительство тоже проиграло.

Но главной причиной краха «второй сверхдержавы» стала **ее экономическая неэффективность**. В эпоху, когда в Европе основным двигателем промышленности и коммерции стали частная инициатива и конкуренция, в России по-прежнему развивались лишь те отрасли, куда вкладывало деньги государство, да и этими инвестициями оно распоряжалось из рук вон плохо. Например, за границей повсюду происходил железнодорожный бум, причем как правило на частные средства, и эти капиталовложения окупались. В России же с великими затратами (и еще более великим воровством) при Николае еле-еле за десять лет проложили 600-километровую трассу

между столицами – как водится, с использованием принудительного труда.

Дефицит рабочих рук являлся еще одним серьезным тормозом для развития промышленности и вызван он был упрямством, с которым власть держалась за архаичное крепостничество.

Все эти проблемы – экономические, социальные, управленческие – при Николае I не решались, а только усугублялись. Расплатой стали поражение в войне и редукция имперского величия. Страна срочно нуждалась в реформах.

ПОДРОБНОСТИ

Благонамеренный Александр

За этим царем утвердится официальное прозвище «Александр Благословенный», но точнее было бы назвать его Александром Благонамеренным. Воспитанием мальчика руководила бабушка-императрица. Разочаровавшись в способностях сына Павла, Екатерина собиралась вырастить внука идеальным государем и привлекла к его обучению самых лучших педагогов. Швейцарец Лагарп, будущий директор Гельветической республики, приобщил подростка к высоким помыслам и заботе о благе человечества. В мировоззрении юного Александра было много наивного и мечтательного, но это были прекрасные мечты. Наследник самодержавного престола, по его собственным словам, «был в душе республиканец», он собирался предоставить подданным всяческие свободы, ввести конституцию, отменить рабство, «утвердить благо России на основании непоколебимых законов».

Незадолго до вступления на престол Александр писал Лагарпу (который в это время у себя в Швейцарии стал одним из революционных

вождей): «Мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце».

С таким настроением Александр стал императором, исполненный твердой решимости творить добро.

Негласный Комитет

К 1801 году у наследника сложился круг единомышленников, таких же сторонников просвещения и прогресса. Их было четверо: 31-летний Адам Чарторыйский, 26-летний Павел Строганов, 32-летний Виктор Кочубей и Николай Новосильцев, самый зрелый из всех, сорокалетний. Император Павел, которому не нравились друзья наследника, почти всех из столицы выслал, но после переворота они вернулись и стали членами неформального правительства, которое сами называли «Негласным Комитетом». Вместе с царем они готовили план грандиозных реформ. Люди это были хоть и возвышенного образа мыслей, но отнюдь не легкомысленные и обстоятель-

ные. Поэтому начали они со статистических исследований и анализа. Когда же составили себе более ясное представление о социальной и экономической ситуации в стране, радикальность планов резко пошла на убыль.

Проект конституции был составлен – и забракован, как и сама идея ограничения самодержавия. Слишком велики были риски. Решили, что безопасней будет сохранять все рычаги власти в руках главного реформатора, то есть пошли традиционным путем «просвещенного абсолютизма».

Та же участь ждала и проект об отмене крепостничества. Царь записал в дневнике: «К стыду России рабство еще в ней существует. Не нужно, я думаю, описывать, сколь желательно, чтобы оное прекратилось. Но, однако же, должно признаться, сие трудно и опасно исполнить, особливо если не исподволь за оное приняться». Ограничились намерением «понемногу подготавливать умы» к отмене крепостного права.

С составлением нового законодательства, которое заменило бы хаотичное нагромождение прежних высочайших указов, тоже не вышло: взялись за чистку авгиевых конюшен – и не

довели дело до конца, ибо вскоре начались большие войны и стало не до того.

Что же в результате сделали «молодые реформаторы»?

Намного меньше, чем намеревались, и всё же немало.

Царь запретил продажу людей в балтийских губерниях, рассчитывая продемонстрировать остальному дворянству, что ничего страшного при этом не произойдет, и разрешил помещикам отпускать крепостных на волю. Надежда была на то, что хороший пример окажется заразительным (не оказался).

Были сделаны первые шаги по развитию образования – появилось министерство народного просвещения, которое стало открывать гимназии, школы, педагогические институты. Возникли три новых университета: Санкт-Петербургский, Харьковский и Казанский.

Самое важное, пожалуй, произошло в сфере гуманности. Александр запретил пытки и резко сократил применение физических наказаний. Вообще произошло заметное смягчение нравов, отменились павловские строгости, исчезла атмосфера страха и раболепства. В александровское

царствование пускай не у всего народа, но хотя бы в высшей его прослойке зародилось и стало быстро развиваться представление о чувстве собственного достоинства – процесс весьма продуктивный для общества и культуры, но чреватый опасностями для самодержавия.

Война с Францией (1805–1807)

Идеалистический период царствования закончился не по внутренним, а по внешним причинам. Взойдя на престол, Александр заявил: «Если я подниму оружие, то это единственно для обороны от нападения, для защиты моих народов или жертв честолюбия, опасного для спокойствия Европы. Я никогда не приму участия во внутренних раздорах, которые будут волновать другие государства».

Но в 1804 году ситуация изменилась. Наполеон провозгласил себя императором и начал готовиться к вторжению в Англию. Александр оказался перед выбором: или пассивно наблюдать, как Франция покоряет всю Европу – или вмешаться.

Россия будто спохватилась, что она – империя, и пошла по второму пути.

Заклучили союзный договор с Англией, Австрией, Швецией и Королевством Обеих Сицилий. Рассчитывали привлечь к коалиции и Пруссию.

Пока готовились, пока из далекой России маршировали полки, Наполеон ударил первым. В октябре 1805 года под Ульмом он уничтожил австрийскую армию генерала Мака. Еще через месяц, под Аустерлицем, состоялась «Битва трех императоров» (французского, российского и австрийского). Победа Наполеона была сокрушительной. Австрия немедленно капитулировала, у Англии сухопутных войск было мало, и Россия осталась один на один с лучшей армией и лучшим полководцем мира.

В 1806 году в войну с опозданием вступила Пруссия, но и ее Бонапарт быстро разгромил. Русская армия допятилась до самых границ империи, в июне 1807 года потерпела поражение в битве под восточнопрусским Фридландом. Перед угрозой французского вторжения Александру пришлось просить мира. Он был заключен тогда же, в июне.

России пришлось присоединиться к антианглийской континентальной блокаде и согласиться на восстановление польского государст-

ва: великого герцогства Варшавского. Было ясно, что при необходимости этот французский сателлит станет плацдармом для нападения на Россию.

Аракчеев

Тяжкие проблемы военного времени побудили царя перейти от идеалистических реформ к жизненно необходимым. Главнейшей из них было обновление вооруженных сил, которые, как показала проигранная война, находились в неважном состоянии.

Основным помощником императора здесь стал Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834), которого Александр знал с детства. Этого исправного службиста очень ценил император Павел. Пригодился Аракчеев и Александру, да так, что оставался правой рукой царя при всех дальнейших поворотах политики. Самым ценным достоинством графа Аракчеева была абсолютная преданность. Его не любили, а то и люто ненавидели все кроме государя – впрочем Аракчеев никому кроме царя понравиться и не стремился.

В полководцы Алексей Андреевич не рвался, он был не воином, а администратором, но свое

дело знал хорошо. За пятилетие, предшествовавшее грозе 1812 года, он успел очень многое: наладил интендантскую и госпитальную службу, подготовил базы снабжения, поставил на вооружение новые ружья и привел в порядок артиллерийский парк.

Первоочередное значение придавалось численному росту армии. Накануне войны было несколько мобилизаций. Новобранцев спешно распределяли по рекрутским депо, обучали, рассылали по полкам.

К началу войны полевая, то есть действующая армия насчитывала 365 тысяч пехотинцев, 76 тысяч кавалеристов и 40 тысяч артиллеристов при 1600 орудиях – не считая иррегулярных боевых частей (казачьей и «иностранческой» конницы). То, что в 1812 году русская армия оказалась в гораздо лучшем состоянии, чем была в 1805 – в первую очередь заслуга Аракчеева.

Сперанский

Однако реформа армии была бы невозможна без должного финансирования. Если в начале александровского правления на армию тратилось 35 миллионов рублей в год, то в 1810 году

эта статья бюджета выросла до 147 миллионов. Деньги в казне появились благодаря деятельности другого царского помощника – Михаила Михайловича Сперанского (1771–1839).

Как и Аракчеев, он был неаристократического происхождения и выбился наверх исключительно благодаря своим незаурядным способностям. Познакомившись и пообщавшись со Сперанским, Наполеон шутливо сказал Александру: «Не угодно ли вам, сир, уступить мне этого человека в обмен на какое-нибудь королевство?»

Звездный час для Михаила Михайловича наступил в 1806 году, в период, когда Александр всерьез засомневался в правильности своего курса и стал разочаровываться в соратниках по Негласному Комитету. Однажды, когда министр был болен, Сперанский попал вместо него на личный доклад к царю и произвел огромное впечатление деловитостью, ясностью и конкретностью предлагаемых им мер. С тех пор император его от себя не отпускал.

В 1808 году Сперанский начал осуществлять большую административную реформу.

Был учрежден Государственный Совет – высший совещательно-рекомендационный орган

при государе. Его членами были все министры, а председатель Комитета министров скоро стал и председателем Государственного Совета. При Совете учреждалась Государственная канцелярия, которой руководил статс-секретарь, главный бюрократ империи. Эту должность занял сам Сперанский.

По новым правилам чиновничью карьеру мог сделать только человек с высшим образованием, и это обеспечило невиданный приток студентов в университеты. Качество государственного аппарата с этого времени заметно повышается.

Сперанский провел санацию бюджета: привел расходную часть в соответствие доходной и начал бороться с инфляцией – сокращать выпуск бумажных денег и проводить показательные сожжения необеспеченных купюр. Новые печатались только под твердые гарантии – например, под залог государственного имущества.

Однако незадолго до войны Александр расстался с этим ценным сотрудником, сказав, что лишается своей правой руки. Объяснялось это решение тем, что увлеченность главного государственного администратора гражданскими реформами в преддверии неминуемого нашествия

была несвоевременной. Все усилия следовало сосредоточить в той сфере, которой ведал Аракчеев – военной.

С уходом Сперанского реформаторская деятельность Александра закончилась.

Персидская война (1804–1813)

Причиной войны стало присоединение Грузии: в 1801 году – Картли-Кахетинского царства, в 1803 Мегрелии, а затем Имеретии и Гурии. Это расширение владений не было классической имперской экспансией – грузинские правители сами искали у русских единоверцев защиты от персидских притязаний. Однако в 1804 году российские войска отправились уже во вполне традиционный колониальный поход – в азербайджанские земли, которые считала своей сферой влияния Персия. Началась война.

Русских войск в Закавказье было мало, на большое наступление их не хватало, поэтому боевые действия оживлялись только когда атаковали персы. Они получали отпор, откатывались, и опять наступало затишье. Так тянулось год за годом.

В 1812 году принц Аббас-Мирза, воспользовавшись тем, что империя занята борьбой с наполеоновским нашествием, затеял крупную операцию, которая вначале развивалась успешно. Персам удалось взять сильную крепость Ленкорань, и они приготовились оккупировать Грузию, но в октябре небольшой контингент молодого генерала Котляревского сумел одержать победу над многократно превосходящими силами противника и отобрал Ленкорань обратно. Коммуникации в ту пору были столь медленны, что в персидской армии сражались британские инструкторы, откомандированные туда в период англо-русской враждебности и не знавшие о том, что теперь Лондон и Петербург стали союзниками.

После поражения шах заключил мир, признав все российские недавние приобретения в Закавказье. Александру в 1813 году было не до далеких восточных краев, и он этим удовлетворился.

Шведская война (1808–1809)

Этот конфликт являлся «побочным эффектом» невыгодного Тильзитского мира. Выполняя обязательства перед французами, Петербург

начал требовать от северного соседа присоединиться к континентальной блокаде. Но Швеция очень зависела от английской торговли и отказаться от нее не могла. К тому же Лондон сулил большую финансовую помощь в случае войны с русскими.

Произошел разрыв. Русские быстро заняли шведскую Финляндию и остров Готланд, высадились на Аландских островах, но шведы собрались с силами и стали оказывать сильное сопротивление. Им помогала английская эскадра.

Пришлось уйти с островов, отступать в Финляндии. Однако численный перевес был на стороне русских и постепенно делался всё более значительным.

В марте 1809 года генерал Багратион лихим марш-броском по замерзшему морю снова взял Аландские острова, а кавалеристы генерала Кульнева совершили рейд в направлении шведской столицы. Но война закончилась лишь осенью, оказавшись неожиданно долгой и тяжелой.

По Фридрихсгамскому миру Россия получила Аландские острова и всю Финляндию. Швеция присоединилась к блокаде, а наследником престола при бездетном Карле XIII стал французский

маршал Бернадотт. (Потом окажется, что с этим назначением Бонапарт просчитался. Когда Бернадотту в критический момент придется выбирать, кто он – француз или швед, кронпринц выберет новую родину и разорвет с Наполеоном).

Турецкая война (1806–1812)

Эта война была прямым следствием Аустерлицкого поражения, показавшего, что Россия проигрывает войну с Францией.

Турция стала вести себя по отношению к Петербургу гораздо смелее, чем прежде. Разгорелся конфликт из-за контроля над «дунайскими княжествами» (так называли тогда Румынию и Молдавию).

Но к тому времени, когда султан смог собрать большую армию, российско-французская война как раз закончилась. Поэтому летом 1807 года турки заключили перемирие.

Однако в 1808 году в Стамбуле произошел переворот. Новый султан Махмуд II ориентировался на Англию, которая – как и в случае с Швецией – начала оказывать Турции финансовую помощь. Весной 1809 года военные действия возобновились. Поскольку на севере шла шведская война,

а на юге персидская, русские войска плохо снабжались и пополнялись, из-за чего никак не могли добиться сколько-нибудь значительных успехов. Осаждали и не смогли взять Силистрию, Шумлу, Рущук. А в 1811 году, готовясь к неминуемой войне с Францией, царь приказал еще и перекинуть половину солдат с юга на западную границу.

Возникла серьезная угроза войны на два фронта. Заключать мир турки отказывались, и закончить этот конфликт можно было только победой. Однако она представлялась невозможной – русская армия стала теперь почти вдвое меньше турецкой.

Положение спас фельдмаршал Кутузов. Проведенная им операция потом войдет в учебники стратегического искусства. Тот же прием Кутузов вскоре использует против Наполеона: победит не за счет силы своего оружия, а за счет слабости вражеского снабжения.

Сначала русский командующий выманил врага на удобное место, всячески изображая робость. Кутузов был стар, на его репутации лежало пятно Аустерлица (это он в 1805 году командовал союзной армией); опасным противником туркам он не казался. Преисполнившись самоуверен-

ности, великий визирь Ахмед-паша форсировал Дунай. При этом турецкое войско разделилось на две части: одна половина укрепилась на плацдарме, а другая осталась на правом берегу, чтобы обеспечивать снабжение.

Кутузов скрытно переправил часть своей армии на противоположный берег и нанес удар по турецкому контингенту, который считал, что находится в глубоком тылу. Великий визирь оказался заперт в ловушке – на чужой стороне, без продовольствия и боеприпасов. Турки продержались в блокаде несколько месяцев, терпя невыносимые лишения (две трети умерли от голода и болезней). Тем временем Кутузов выторговывал у султана хорошие условия. Игра была рискованная – со дня на день могла начаться большая война, и тогда затягивание переговоров могло дорого обойтись России. Но Кутузов выиграл. Он успел заключить мир вовремя, в мае 1812 года, всего за три недели до наполеоновского нашествия. Россия приобретала Бессарабию и Сухум, а дунайские княжества и Сербия получили автономию.

Главное же – теперь можно было не опасаться за южный фланг.

Александр и Наполеон

Императоры лично встречались дважды: в 1807 году в Тильзите и год спустя в Эрфурте. Каждый считал себя большим хитрецом и пытался обвести своего визави вокруг пальца.

Первое свидание произошло на плоту посередине реки Неман. Это должно было иметь символическое значение: властитель Запада и властитель Востока на равных решают судьбы Европы в доверительном разговоре с глазу на глаз. Бонапарт изображал великодушие победителя, но в мире он был заинтересован не меньше, чем Александр. Французская армия была совершенно не готова к вторжению на бескрайние российские просторы. Наполеону нужно было развязать себе руки на востоке перед тем, как он возьмется за Англию. Не менее важной целью было втянуть Россию в антибританский альянс – не в военном смысле, а в политическом. Была и третья задача: возродить Польшу – не столько из благодарности польским солдатам, доблестно сражавшимся во французской армии, сколько для противовеса России.

Всего этого Наполеон добился: обезопасился с востока, заставил Россию присоединиться

к континентальной блокаде и возродил польское государство под названием герцогства Варшавского.

Что получил в обмен Александр? Во-первых, он очень просил не уничтожать Пруссию, и Бонапарт, так и быть, оставил Фридриху-Вильгельму половину территории. Однако в стране разместились французские гарнизоны, и Пруссия превратилась в наполеоновского сателлита. В 1812 году ее вооруженные силы присоединятся к Великой Армии, так что выгоды от этой «дипломатической победы» царя не вышло.

Во-вторых, Россия получила в утешение маленький кусочек прусской Польши – то есть Бонапарт дал то, что ему не принадлежало, и тем самым подмочил в глазах Фридриха-Вильгельма русское заступничество.

Одним словом, в Тильзите французский правитель по всем пунктам переиграл русского.

В сентябре 1808 года они встретились в Эрфурте. Наполеон готовился напасть на Австрию и желал получить от Александра гарантии невмешательства. Взамен он пообещал не препятствовать русскому захвату Молдавии и Финляндии (России еще предстояло за эти «подарки»

посражаться с Турцией и Швецией). Большой своей победой Александр считал согласие «любезного брата» вывести войска с территории Варшавского герцогства, но этот жест был сугубо символическим, ибо сама польская армия по сути дела являлась частью французской.

Таким образом Наполеон был более ловким переговорщиком, хотя впоследствии громко гласно обвинял царя в коварстве, актерстве и интриганстве, называя его «русским Тальма» (по имени знаменитого театрального актера). По части хитроумия Александру было далеко до корсиканца.

Гибель Великой Армии

В июне 1812 года Наполеон собрал для похода на Россию, по разным оценкам, от 450 до 685 тысяч солдат, но точно подсчитано, что в главном массиве войск, которым командовал сам император, было 286 тысяч человек (потом еще подходили пополнения). Полгода спустя назад вернулись только девять тысяч. Остальные погибли в боях, попали в плен, умерли от болезней или попросту замерзли во время катастрофического зимнего отступления.

Историки много спорили о причине чудовищного поражения, которое потерпел великий полководец.

Он безусловно совершил несколько крупных просчетов. Главным из них была уверенность, что, потеряв Москву, царь запросит мира. Из-за этого Наполеон целый месяц простоял в разоренном городе, потеряв время для передислокации ближе к провиантским складам. Аномально раннее холода и нехватка фуража привели к массовому падению лошадей. Выпавший снег сделал подножную подкормку невозможной, и Великая Армия обезлошадела. Это означало, что не на чем было подвозить снабжение и для солдат.

В начале октября Наполеон оставил Москву, дотла выгоревшую то ли из-за диверсии, то ли просто из-за неосторожности (почти сплошь деревянный город был покинут жителями). У императора оставалась стотысячная армия, совершенно боеспособная. Три недели спустя, у Смоленска, преодолев всего 400 километров, La Grande Armée усохла вдвое, причем многие части превратились в бесформенные толпы. До большой продовольственной базы в Орше оставалось пройти всего 120 километров, но армия Кутузова

преградила французам путь, и Наполеон еле про-
рвался с третью уцелевших. После этого отступ-
ление перешло в бегство, завершившееся разгро-
мом на переправе через реку Березину.

Заслуга Кутузова главным образом состояла
в том, что после Бородинского побоища он сохра-
нил остатки армии и, пока французы не обесси-
лили, старался избегать больших сражений. Так-
тика оказалась верной: за месяц отступления ве-
ликан превратился в карлика, справиться с кото-
рым было уже нетрудно.

«Эпоха Затемнения»

Так – противопоставляя эпохе Просвеще-
ния – можно назвать вторую половину алексан-
дровского царствования.

В 1804 году на волне реформ был принят
весьма либеральный цензурный устав, запре-
щавший только сочинения, «противные христи-
анству и законам», причем все «двойные по
смыслу» высказывания предписывалось толко-
вать в пользу автора. Теперь же вышло постанов-
ление пресекать «своеволие революционной
необузданности и мечтательного философство-
вания». Затем пошли дальше: журнальным авто-

рам запретили высказывать суждения на темы, относящиеся к ведению государства – например, экономические. Наконец составили новый цензурный устав, запрещающий уже всё на свете – этот регламент получил прозвище «Чугунного устава».

Еще радикальнее были строгости в области образования. Для контроля над учебными заведениями было учреждено Главное управление училищ, на первом же заседании которого министр Шишков витиевато, но недвусмысленно объявил, что этот орган будет бороться с «лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлой гордостью и пагубным самолюбием, вовлекающим человека в опасное заблуждение думать, что он в юности старик, и через то делающим его в старости юношею». Преподавание наук становилось жестко, даже абсурдно идеологизированным. Всеобщую историю следовало вести от Адама и Евы; новейшая европейская история, в которой фигурировали революции, вообще упразднялась; в философии надлежало руководствоваться посланиями апостолов; в политологии – опытом ветхозаветных царей иудейских; из словесности оставалась только

духовная литература. Даже математика рассматривалась как наука «нравственная», доказывающая истинность христианства. Студентов водили строем, заставляли хором петь молитвы, понуждали доносить друга на друга, а если кто-то оказывался неисправим, то отдавали в солдаты.

Тайные общества

Раздражение против нового курса Александра все время усиливалось. В конце концов оно привело к составлению заговора.

Первое тайное общество «Союз спасения» возникло еще в 1816 году. Тон в нем задавали молодые офицеры, побывавшие в заграничном походе и набравшиеся европейского вольнолюбивого духа. На первых порах возобладали настроения не революционного, а эволюционного свойства. Преемник «Союза Спасения» носил уже менее решительное название – «Союза благоденствия» – и ратовал за просветительство, за улучшение правосудия, за облегчение жизни крепостных.

Однако режим делался всё реакционней, надежд на мирный прогресс не осталось, и в 1821 году адепты благоденствия самораспус-

тились. Кто-то перестал фрондировать и вписался в существующую систему, но были и те, кто радикализировался.

Движение перешло в фазу заговора, причем заговора военного, потому что большинство участников служили в армии и гвардии.

Сформировалось два общества: Северное, в Петербурге, и Южное, на Украине, где служили самые радикальные члены организации – полковник Павел Пестель и подполковник Сергей Муравьев-Апостол. У северных и южных заговорщиков было неодинаковое видение будущего страны. Программа петербуржцев предполагала введение конституционной монархии по британскому образцу и разделение империи на пятнадцать «автономий» – то есть федерализация и полный слом жестко централизованной «ордынской» модели. Проект Пестеля (он назывался «Русская правда») скорее напоминал введение военной диктатуры по латиноамериканскому примеру – тогда все внимательно следили за революцией в испанских колониях. Со временем, лет через 8-10, хунта должна была передать власть народным представителям.

Обсуждать реалистичность и возможные побочные эффекты обеих программ бессмысленно, поскольку им не суждено было осуществиться.

Попытка переворота

После смерти Александра I и отречения Константина наверху возник хаос, и военный путч мог бы удался – если бы его возглавил решительный Пестель, но он находился на юге и к тому же как раз в эти дни был арестован по доносу. Из-за того, что на севере руководители были вялыми, а на юге заговор оказался обезглавленным, оба восстания провалились. (Украинский мятеж под руководством Муравьева-Апостола, собственно, и не имел шансов на успех, поскольку был событием локального масштаба. Половина солдат разбежалась, другую без труда одолели стянутые со всех сторон войска).

В столице захват власти не удался, потому что из двух возможных сценариев – военного путча и народного восстания – вожди не выбрали ни одного. Они вывели довольно много солдат из казарм, но не ринулись во дворец захватывать Николая, а просто встали на центральной площади. Это имело бы смысл, если бы они

начали призывать на свою сторону народ, однако ничего подобного не произошло. Собралась огромная толпа столичных жителей, и никто не мог понять, что происходит. Восставшие даже не пытались привлечь горожан.

Драгоценные часы были потеряны. Около растерянного наследника нашлись решительные, не боящиеся крови люди. Они прикатали пушки, пушки открыли огонь картечью, и вскоре всё закончилось.

Историческое значение восстания декабристов состоит только в том, что в результате перенесенного в этот день страха новый император проникся параноидальной ненавистью ко всему, что нельзя было проконтролировать: к свободной мысли, к любым новым веяниям, к независимым людям, к прогрессу. «Что вы наделали, князь! Вы отодвинули Россию по крайней мере на 50 лет назад!» – горько сказал арестованному декабристу Оболенскому знакомый вельможа. И был совершенно прав.

Война с Персией (1826–1828)

Это было продолжением войны, недовоеванной пятнадцать лет назад, когда у России

имелись более насущные заботы. Проблема между тем осталась. Персия по-прежнему чувствовала себя ущемленной и хотела вернуть утраченные территории.

Снова не обошлось без англичан, которые соперничали с Россией за господство над Азией и всячески подбивали шаха напасть на русских. Те-де вот-вот ввяжутся в войну с Турцией, царь ослаблен декабристским восстанием, более удобного момента не представится. Русских войск в Закавказье действительно было очень мало.

Летом 1826 года всё тот же принц Аббас-Мирза во главе сорокатысячного войска пересек границу, но застрял у крепости Шуша. Это дало возможность русскому командующему Ермолову, герою наполеоновских войн, собрать все наличные силы, 8000 штыков и сабель. Затем подошел генерал Паскевич с еще 20 тысячами солдат. Персы терпели поражения и отступали, доказавшись до самого Тебриза.

Им пришлось согласиться на тяжелые условия: к России перешла еще не занятая часть Армении с Ереваном, Нахичевань, а кроме того на персидской территории оставались русские

войска, пока не будет выплачена огромная контрибуция.

Турецкая война (1828–1829)

Сразу после персидской началась турецкая война, на сей раз по инициативе России. Царя Николая очень воодушевили успехи русского оружия в Закавказье.

Предлогом стала поддержка греческих единоверцев, восставших против султана, но главной целью был всё тот же контроль над проливами и расширение границ.

Боевые действия шли по обе стороны Черного моря – в Придунайском крае и на Кавказе.

На западе армия бодро оккупировала Молдавию и Валахию, где не было вражеских войск, но целый месяц провозилась с форсированием Дуная и застряла у первой же сильной турецкой крепости – Браилова. Задачей кампании было взять три ключевых пункта, находившиеся в Болгарии: Варну, Силистрию и Шумлу. Русские действовали на всех трех направлениях: Силистрию с Варной осадили, а основные силы фельдмаршал Витгенштейн повел на Шумлу. В результате войск повсюду не хватало. Силистрия с Варной держа-

лись. Под Шумлой шли мелкие бои – главнокомандующий не решался затевать большое сражение, пока не прибыли подкрепления. Начались болезни, падеж лошадей. На выручку варнинскому гарнизону двигалась новая турецкая армия. В середине сентября она опрокинула русский заслон и прорвала блокаду.

В начале осени дела выглядели совсем скверно, но Варну все же удалось вынудить к сдаче. Взятием Варны успехи и ограничились. Силистрия устояла, а от Шумлы пришлось отойти, причем турки немедленно перешли в контрнаступление.

На Кавказском фронте русская армия воевала лучше. Паскевич взял несколько важных крепостей, в том числе сильно укрепленный Карс, и занял три пашалыка (губернии), однако судьба войны решалась не на этом второстепенном театре.

К 1829 году Турция мобилизовала дополнительные силы, обеспечив себе еще большее численное преимущество, особенно на Кавказе, где Паскевичу, не получившему подкреплений, теперь противостояла 100-тысячная армия.

Но приготовились к новой кампании и русские.

30 мая у местечка Кулевча (восточная Болгария) новый командующий Дибич нанес поражение армии великого визиря Решида Мехмед-паши. В июне наконец пала Силистрия. Русская эскадра блокировала Константинополь. Главное же – Дибич переиграл визиря стратегически. Тот стянул все силы к Шумле, ожидая, что русские опять двинутся туда, но вместо этого Дунайская армия в июле перешла Балканский хребет и двинулась вглубь Турции. Почти беспрепятственно она достигла Адрианополя (Эдирне), откуда до вражеской столицы оставался недельный переход.

Блестяще действовал и Паскевич. Не дожидаясь наступления превосходящих турецких сил, нанес удар первым и в конце июня взял хорошо укрепленный Эрзерум.

Нескладно начинавшаяся война завершилась для России полной победой.

По условиям Адрианопольского договора, подписанного 2 сентября 1829 года, Турция признала греческую автономию, а фактически – независимость, выплатила большую контрибуцию,

уступила России кавказское побережье Черного моря от Кубани до Поти и южную Грузию.

Революции в Европе

Казалось, что могущество российской империи незыблемо: на востоке сплошные победы, Европа контролируется Священным Союзом, где первую скрипку играл Петербург, но в 1830 году произошли события, разрушившие монархический «интернационал».

В июле восстал Париж. После реставрации положение Бурбонов так и не стало прочным. С 1818 года, когда Францию покинул оккупационный корпус, монархия могла опираться только на собственные силы. Карл X, взошедший на престол в 1824 году, пытался ограничить свободы, но не имел достаточно ресурсов, чтобы установить жесткий режим. Он потерял корону за три дня, почти без сопротивления.

Франция превратилась в конституционную монархию олигархического типа со слабой королевской и сильной парламентской властью. Николай I нового короля Луи-Филиппа Орлеанского признать не пожелал и потребовал экстраординарного созыва Священного Союза для подав-

ления французских «беспорядков». Но остальные участники альянса отвергли эту идею, потому что беспокойно стало и в других регионах Европы.

В августе началась революция в бельгийской части Нидерландского королевства. Произошла кровопролитная гражданская война, и вскоре несколько провинций объявили о создании независимой Бельгии со столицей в Брюсселе.

Англия и Пруссия признали новое государство, но царь был на стороне голландского короля Виллема I и предложил ему военную помощь. Предложение было с благодарностью принято. Бельгийцы, в свою очередь, призвали на помощь французов.

Дело шло к большой европейской войне. Ей помешала только революция в Польше.

Польское восстание

Великий князь Константин Павлович, правитель польских земель, постоянно конфликтовал с сеймом, раздражал местное население грубостью и самодурством. В 1829 году, принимая королевскую корону с трехлетним опозданием, Николай недвусмысленно дал понять, что конститу-

ционные права Царства Польского соблюдаться не будут.

С этого момента общественное недовольство перешло во враждебность. Напряжение все время увеличивалось. Для восстания не хватало искры. Ею стала европейская революционная волна 1830 года, в особенности слух о том, что царь собирается отправить польское войско на подавление бельгийского восстания.

17 ноября 1830 года группа военных подняла мятеж в Варшаве. Константин Павлович уцелел, но поднялась вся Польша. Сторонников империи повсюду убивали. Русские гарнизоны спешно уходили.

Возникло временное правительство Польши, поначалу довольно умеренное (его возглавил бывший александровский соратник Адам Чарторыйский). Оно попыталось договориться с Петербургом о компромиссе: Польша останется под властью царя, но сохранит свои привилегии и вернет себе прежние области, не вошедшие в Царство Польское.

Однако царь не собирался вступать с мятежниками ни в какие переговоры. Он выпустил

манифест, в котором требовал от поляков полной покорности.

Тогда в январе 1831 года сейм провозгласил разрыв с династией Романовых.

Полгода шли ожесточенные бои, но силы были неравны. В конце августа почти 90-тысячная армия фельдмаршала Паскевича взяла Варшаву. Повстанцы тысячами уходили за границу.

Наказание оказалось менее суровым, чем можно было ожидать от Николая. Большинство участников, в том числе сдавшиеся в плен предводители, отделались ссылкой. Царю нужно было не ожесточить поляков, а превратить их в лояльных подданных. Этой безнадежной цели будет подчинена вся дальнейшая польская политика самодержавия.

Польскую конституцию государь упразднил, но ввел вместо нее декоративный «Органический статут», где сохранялись некоторые внешние признаки особенного положения этой провинции. Именно провинции, поскольку отныне Царство Польское объявлялось владением империи – не лично императора. Ни сейма, ни собственной армии у поляков больше не было.

Новая революционная волна

Очагом возгорания, как и в 1830 году, стала Франция. В феврале 1848 года в результате трехдневной революции с пальбой и баррикадами слабый режим Луи-Филиппа рухнул. В стране вновь, после 44-летнего перерыва, установилась республика.

Затем революционная волна захлестнула германские государства – началась так называемая «Весна народов».

В Вюртемберге, Баварии, Саксонии, Бадене и других регионах народ требовал парламента, свободы печати, независимости судов и прочих немыслимых для консервативного миропорядка вещей. Напуганные французской революцией правительства повсеместно шли на уступки. Собрался общегерманский предпарламент, который заявил о выборах полноценного парламента.

Начались волнения в Пруссии. Королю пришлось пойти на компромисс: отменить цензуру, объявить созыв ландтага, а затем ввести конституцию.

Не устояла и колыбель европейской реакции – Австрия. Эта «лоскутная» империя давно

уже с трудом сохраняла свое единство. Из 35-миллионного населения этнических немцев было меньше четверти. Остальные народы – чехи, поляки, хорваты, словаки, итальянцы, венгры – чувствовали себя людьми второго сорта и требовали больших прав или даже независимости.

Правительство совершенно растерялось. Оно то угрожало народу, то обещало свободы. В апреле император Фердинанд объявил частичную конституцию, но это не сняло напряжения. Месяц спустя Вена восстала, монарху пришлось оттуда бежать. К власти пришло либеральное правительство. Осенью разразились новые беспорядки, устроенные рабочими, и вновь армия была вынуждена отступить. В конце концов восстание расстреляли из пушек и залили кровью, но император почел за благо отречься от престола в пользу юного племянника Франца-Иосифа, которому досталось очень тяжелое наследство.

На западе у австрийцев шла война с Сардинией, которая поддерживала итальянское освободительное движение. На востоке взбунтовалась Венгрия.

От окончательного краха австрийскую империю спас русский царь, с возмущением наблюдавший, как Европа погружается в хаос.

В 1848–1849 годах Николай вел себя уже не как жандарм, а как пожарный, которому приходится спасать здание, загоревшееся сразу в нескольких местах.

В короткий срок, всего за два месяца, Венгрия была оккупирована. В Европе сразу же подняла голову реакция. Один за другим революционные очаги и в Австрии, и в Германии погасли. Конституции, введенные тамошними монархами в минуту паники, по требованию Николая были отменены. Казалось, статус-кво восстановлен. Россия убедительно доказала, что является первой державой континента.

Но этот триумф будет иметь роковые последствия. Теперь Николай по-настоящему напугал Европу и тем самым побудил ее сплотиться перед общей угрозой.

Осада Севастополя

Эту кампанию назовут первой войной технологической эпохи. Главную роль играли технические рода войск: артиллеристы и инженеры.

Кавалерия, от которой доселе чаще всего зависел исход сражения, оказалась на третьестепенных ролях.

Стороны использовали множество новых изобретений.

На море господствовали паровые корабли. В небывалых по масштабу артобстрелах участвовали ракетные батареи. Союзники провели из тыла на позиции железную дорогу и проложили по дну Черного моря кабель, установив электро-телеграфное сообщение с Парижем и Лондоном (приказы и информация через весь континент будут передаваться быстрее, чем в Севастополь из Петербурга).

Наконец, это первая война, которую освещали фронтовые журналисты, а стало быть за нею почти в реальном времени могло наблюдать общество – не только моментально узнавать обо всех событиях, но и, благодаря фотографированию, видеть их.

Стратегический смысл Севастополя заключался в том, что он являлся базой Черноморского флота, но русские сами затопили все свои корабли еще в самом начале блокады, чтобы заблокировать вражеской эскадре вход на рейд. В

принципе после этого Севастополь можно было бы не оборонять и не осаждать. Однако бойня длилась 11 месяцев и отправила на тот свет почти четверть миллиона людей.

Дело было не в конкретном городе и даже не во флоте. Решался вопрос, кто сильнее – Европа или ее «жандарм».

Войн, собственно, было две. На одной, кровавой, солдаты палили из ружей и пушек, кто-то наступал, кто-то оборонялся, там бывали локальные победы и поражения, но истинная судьба противостояния решалась на войне невидимой, в которой столкнулись финансовые, экономические, промышленные, социальные и политические системы. В конечном счете победила сторона, у которой было больше ресурсов и которая ими лучше распоряжалась.

Когда разрушенный Севастополь пал, в России был уже новый царь. Ему с самого начала пришлось смириться с тем, что российская империя больше не сверхдержава. И согласиться на тяжелые условия мира.

Николаевская реакция

Как обычно бывает при репрессивных полицейских режимах, жестоко подавляющих малейшее возмущение, в эти примороженные годы не было никаких политических заговоров и подпольных организаций. На поверхности русское общество выглядело апатичным, нисколько не затронутым революционными настроениями. Немногие вольнодумцы из привилегированного сословия сразу попадали под надзор Третьего отделения и затем без особенной огласки изолировались. Вспоминать о них было небезопасно. О сосланных в Сибирь декабристах, например, в обществе вслух не говорили.

С простым народом, однако, власть расправлялась иначе – не по-тихому, а через показательную жестокость. После того, как в 1826 году повесили пятерых участников восстания, смертную казнь в России формально не практиковали, но при этом ежегодно убивали множество солдат, крестьян, мещан медленным и мучительным способом: забивая шпицрутенами – как правило публично. Зрелище было ужасным. Если осужденного приговаривали к нескольким тысячам ударов (а такое случалось часто), с человека

фактически заживо сдирали кожу. В народе Николая Павловича прозвали «Николай Палкин».

Но в 1849 году испуганный «Весной народов» царь решил устроить показательную расправу и над представителями «чистой публики».

Дома у молодого чиновника Михаила Петрашевского проходили еженедельные собрания, «пятницы», где гости вели вполне невинные разговоры о литературе, философии, новых идеях и прочем. Никакого заговора не существовало в помине. Однако по доносу арестовали сорок человек, раздули громкое дело и вынесли 21 смертный приговор – при том, что главным пунктом обвинения было всего лишь чтение вслух письма от одного литератора другому (Белинского Гоголю). Дело было окружено таинственностью, повсюду распространялись панические слухи о каком-то чудовищном революционном комплоте. Для этого, собственно, всё и затевалось.

В последний миг, уже на расстрельном плацу, смертникам заменили казнь каторгой. Среди них был молодой инженерный поручик Достоевский, бесконечно далекий от всякой революционности.

Николаевская экономика

Конкурируя с другой империей, Британией, в политическом отношении и первенствуя в континентальной Европе за счет «миллиона штыков», в плане экономическом Россия великой державой отнюдь не являлась. За время правления Николая I ее позиции здесь все время ухудшались. В экономике самодержавные механизмы работали много хуже, чем капиталистические.

Отставание усугублялось по двум причинам – внешней и внутренней.

Во-первых, как раз в этот период на Западе стремительно развивались промышленность и торговля. Повсеместно происходила индустриализация – переход к преобладанию промышленности над сельским хозяйством. Быстро повышались технологичность и производительность труда, рос частный денежный капитал, население перемещалось из деревень в города, активизировалась торговля, убыстрялись и удешевлялись коммуникации.

Российская же экономика страдала целым комплексом застарелых болезней.

Самой злокачественной была проблема структурная: главным инвестором и заказчиком в промышленности являлось государство. Развивались только те отрасли, которые оно стимулировало. Поэтому сплошь и рядом производство получалось не прибыльным, а затратным и ложилось бременем на государственный бюджет. Из-за такого положения дел перекашивались пропорции: развивались прежде всего предприятия, обслуживающие армию и флот. Страдала и производительность – как это всегда бывает при казенном менеджменте. Поэтому к середине века Россия утратила первенство в железнорудной области и скатилась на восьмое место, хотя государство всегда вкладывалось в эту отрасль всей своей мощью

Другой проблемой была узость рынка рабочей силы. Почти всё трудоспособное население жило в деревнях, и значительная его часть, будучи крепостными, не могла свободно мигрировать.

Третья большая проблема состояла в дефиците частных денег. У российского промышленно-торгового сообщества, очень ограниченного в правах и возможностях, не имелось

достаточно средств, чтобы по-настоящему развернуться.

В 1851 году во всей империи работало только 19 заводов, производивших машины и станки. Даже паровые двигатели, повсеместно распространенные в Европе, пока были редкостью.

Без частной инициативы не могло нормально развиваться и железнодорожное строительство, жизненно необходимое для обширной страны. К 1855 году в империи будет меньше тысячи километров железных дорог (во Франции – пять с половиной тысяч, в Германии – шесть тысяч). Это еще одна, не последняя по важности причина поражения в Крымской войне: подкрепления в далекий Севастополь будут маршировать пешком.

Российское государство надрывалось, поддерживая свою военную мощь. В 1850 году оно тратило на армию и флот 57 процентов бюджета. Главный геополитический соперник Англия обходилась 28 процентами.

В конечном итоге николаевскую «сверхдержаву» подрывали экономическая слабость и финансовая несостоятельность.

Глава шестая

РЕФОРМЫ И КОНТРРЕФОРМЫ

ОСНОВНОЕ

Во второй половине XIX века российский маятник проделал еще один цикл «качаний» между свободой и несвободой. Сначала Россия попыталась обновить все стороны национальной жизни, отвергнув консервативно-охранительный курс николаевского царствования, а затем, четверть века спустя, развернулась на 180 градусов.

Период реформ пришелся на царствование Александра II (1855–1881), прозванного Освободителем; период контрреформ – на царствование Александра III Миротворца (1881–1894). Два эти побуждения – к свободе и к миру (он же сакраментальная «стабильность») – в российской истории так никогда и не смогут существовать в гармонии. Одно будет вечно мешать другому.

В эту эпоху оформились три главных идеологии российской политической жизни: государственническая, либеральная и революционная. В каждой системе убеждений имелась своя

логика, в каждой были свои светлые и темные фигуры.

Позиция государственников основывалась на концепции, что исторический опыт России уникален, что сложившуюся конструкцию ломать и перестраивать опасно, ибо это приведет к распаду страны и хаосу. Либералы были уверены, что Россию следует превратить в нормальное европейское государство, и тогда все проблемы решатся. Революционеры верили, что существующее государство в принципе нереформируемо, что его нужно разрушить «до основания», а затем построить общество социальной справедливости.

Метания внутри этого треугольника и определили основную фабулу событий. В начале следующего столетия противостояние трех сил перейдет в критическую фазу и приведет к катастрофе.

Второй Александр, в отличие от первого, затеял реформы не по идеалистическим причинам, а по необходимости. Крымская война завершилась национальным унижением. Стало очевидно, что Россия буквально во всем отстает от европейских стран. С парадного фасада осыпалась

штукатурка николаевской «стабильности», и перед обществом открылась удручающая картина. Даже заядлые консерваторы поняли: так больше жить нельзя, нужно что-то менять. За довольно короткий срок император и его соратники произвели настоящую революцию сверху – в масштабах, каких еще не знала российская история. (Петровские преобразования, направленные на укрепление самодержавной вертикали, революционными никак не назовешь).

При этом сам Александр Николаевич Романов (1818–1881) никакой определенной идеологии не придерживался. Из-за этого его курс несколько раз менялся – под влиянием внешних обстоятельств или **сильных инфлюэнсеров**. Соответственно менялась и жизнь всей страны.

Инициатором реформ стала власть. Для того, чтобы провести самую рискованную из них – отмену крепостного права, царю понадобилась общественная поддержка, и в конце 1850-х в России наступила **эпоха гласности**. Это была не свобода печати, а лишь бледное ее подобие, и всё же атмосфера в стране радикально переменилась. Притихшее в николаевские годы Общество обрело голос, почувствовало свою силу, захотело

активно участвовать в жизни страны. Его ряды очень увеличились за счет «разночинцев», образованных выходцев из социальных низов.

В 1861 году **крепостные крестьяне наконец получили свободу**. В 1864 году была развернута **судебная реформа**, имевшая не менее важные последствия. Последовали и нововведения в сфере местного самоуправления – **Земская (1864) и Городская (1870) реформы**, создавшие параллельную, негосударственную инфраструктуру местной власти. Она занималась лишь хозяйственными и социальными вопросами, и всё же это была настоящая революция для страны, где всё всегда решали только чиновники. Еще одной важной вехой стала **военная реформа (1874)**, значение которой отнюдь не ограничивалось армейской сферой.

Эти реформы расшатывали систему классических опорных колонн «ордынского» государства.

Гласность неминуемо вылилась в критику властей, то есть подмочила сакральность самодержавия; отмена крепостничества привела к появлению рынка труда и быстрому росту рабочего класса; независимый суд подорвал тотальное

верховенство государственной власти над законом; местное самоуправление зародило у населения мысль о том, что власть может быть и выборной; военная реформа уравнила подданных во внесловных обязанностях, а кроме того повысила уровень образованности населения – всех призывников в обязательном порядке обучали грамоте. (Империи была нужна сильная, современная армия, а ей требовались грамотные солдаты).

При Александре II Россия почти непрерывно воевала.

Самая затяжная, **Кавказская война**, длившаяся сорок лет, завершилась в 1864 году. Суровый Николай одержать победу над горцами не смог, но его либеральный сын, использовав методы, граничившие с геноцидом, довел эту бесконечную колониальную эпопею до конца.

Совсем нелиберально велась и другая внутренняя война (1863–1864) – против **вновь восставшей Польши**. Парадоксальным образом к взрыву привела смена репрессивной политики на мягкую. Наместник великий князь Константин Николаевич вознамерился завоевать расположение поляков потоком милостей: предостав-

лением автономии и местного самоуправления, назначением на административные должности местных уроженцев, повышением статуса национального языка и так далее. Но поляки хотели не подачек, а восстановления независимости, и компромисс тут был невозможен. Подавлять восстание Александру пришлось по-отцовски: карательными экспедициями и виселицами.

С 1860-х годов началась еще одна длинная война – **завоевательная, в Средней Азии**. Империя взялась за выполнение задачи, которую не смогли осуществить ни Петр I, ни Николай I: захвату огромного региона, где сейчас находятся Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркмения и Таджикистан. Другие европейские державы в это время добывали себе колонии в заморских краях, но географическое положение России позволяло ей вести экспансию по суше.

В 1877–1878 гг. колониальные завоевания в Средней Азии приостановились из-за **большой войны на Балканах**. Целью объявлялось освобождение угнетенных братьев-славян от турецкого ига, но это была всё та же борьба за проливы и за Балканский полуостров. Предварительно Петербург провел тайные переговоры с Веной,

договорившись о разделе сфер влияния после того, как с Балкан уйдут турки.

Как не раз случалось в прошлом, первоначальные успехи русского оружия сменились неудачами. Военная победа была достигнута лишь огромным напряжением сил и ценой колоссальных трат. Но за время боевых действий в Европе сменилось общественное настроение – стойкость слабой Турции стала вызывать сочувствие. Этим воспользовались традиционные соперники Российской империи. Европейские страны, выступив единым фронтом, заставили Петербург **перезаключить уже подписанный мирный договор** – на гораздо более скромных условиях. Не удалось империи и создать себе плацдарм на Балканах. Предполагаемые сателлиты – Румыния и Болгария – вскоре **отойдут от пророссийской ориентации**. Сербия будет колебаться между «венской» и «петербургской» линиями.

Фактор войн сильно влиял на жизнь страны. Либеральные реформы начались из-за поражения в Крымской войне, сворачивать их стали из-за войны польской, новое оживление общественной жизни произошло из-за войны с Турцией. Но были и другие, сугубо внутренние причины, по

которым Россию кидало то влево, то вправо. Они были напрямую связаны с ослаблением традиционных «ордынских» основ. Впервые произошли процессы, с которыми страна столкнется еще не раз: активизация Общества неминуемо приводит к его политизации, а это создает проблемы для власти.

Эволюция революционных настроений прошла через несколько этапов. Каждый был вполне закономерен. При всякой «революции сверху», осуществляемой после долгой несвободы, всегда происходит одно и то же.

Началось с эйфории, вызванной первыми либеральными актами нового царя: помилованиями, намеками на грядущие вольности, а более всего надеждами самого Общества, уставшего от николаевского застоя. Но эйфория долго не держалась. Вскоре выяснилось, что правительство вовсе не собиралось заходить так далеко, как мечталось передовым людям. Наступила фаза разочарования и недовольства. Правительство решило, что дало смутьянам слишком много воли, и попыталось отыграть обратно. Тогда прогрессисты окончательно разочаровались во

вчера еще обожаемом Освободителе и перешли в оппозицию.

Следующий всегдашний этап общественного брожения, молодежный, начался сразу после отмены крепостничества в 1861 году. Молодежь, всегда склонная к радикализму, хотела большего и как можно быстрее. Начались студенческие манифестации и протесты. Полиция их разгоняла. Временно закрыли Санкт-Петербургский университет, пошла волна репрессий: аресты, ссылки.

Реформы второго этапа (судебная, земская, городская) привели к тому, что российские свободлюбцы раскололись на два лагеря: «эволюционеров» и «революционеров». Первые верили в то, что страну можно перестроить, и занялись «малыми делами» – в земствах, судах, городских самоуправлениях. Вторые решили перейти от слов к делу – подготовке восстания.

На правительственном уровне тем временем тоже происходило размежевание – борьба между фракцией реформаторов и фракцией консерваторов. Поворотным моментом стал 1866 год, когда бывший студент Каракозов устроил покушение на Александра. В царя он не попал, но реформы прострелил навылет. Шок от

каракозовского выстрела был очень сильным. У государства произошло нечто вроде панической атаки с судорогами. Сменился весь курс внутренней политики. Министры-либералы были скопом отправлены в отставку, уцелели только военный министр Милютин и министр финансов Рейтерн. Самым влиятельным сановником стал отъявленный реакционер граф П. Шувалов, министром просвещения был назначен еще более одиозный граф Д. Толстой – этот пост приобрел особое значение, поскольку власть была очень встревожена резким полевением учащейся молодежи.

Инцидент с Каракозовым был пока единичным случаем. Революционеры шестидесятых и первой половины семидесятых уповали главным образом на пропаганду. Возникло так называемое **«хождение в народ»**: тысячи молодых идеалистов отправились по деревням агитировать за революцию. Когда же стало очевидно, что крестьяне к пропаганде невосприимчивы, протест перешел в вооруженную, террористическую стадию.

Произошло это в 1878 году, после того как молодая народница **Вера Засулич** стреляла в петер-

бургского градоначальника Трепова и была оправдана независимым судом присяжных, которые сочли ее поступок этически оправданным. Для государственных реакционеров это событие стало еще одним доводом в пользу губительности реформ; для молодежи – образцом героического поведения.

С этого момента террор, если так можно выразиться, вошел в моду. Покушения на царских чиновников следовали одно за другим, во многих городах, но самая большая из подпольных организаций «Народная воля» сосредоточила все свои усилия на одной задаче: убийстве императора. Народовольцы надеялись, что «казнь» самодержца по приговору «революционного суда» станет потрясением, которое перерастет в революцию. **Охота на царя** продолжалась два года и закончилась тем, что 1 марта 1881 года в Петербурге террористы бросили в Александра II бомбу, посреди белого дня, на глазах у толпы.

Этот триумф революционной борьбы стал и ее крахом. Теперь российская политика уже безо всяких зигзагов повернула в обратную сторону. Начался период контрреформ – царствование **Александра III**.

По иронии судьбы в самый последний день своей жизни царь-Освободитель подписал указ о созыве «законосовещательного» органа, который должен был стать первым шагом на пути парламентаризма. Новый император, однако, этот проект отставил.

Ближайшим советником Александра III, «серым кардиналом», являлся ультраконсерватор **Константин Победоносцев**, обер-прокурор Синода. Самый важный правительственный пост, министра внутренних дел, занял всё тот же Дмитрий Толстой, прямо заявивший царю, что реформы прошлого царствования были ошибкой. Дуумвират Победоносцева-Толстого при полной поддержке императора взял курс на постепенную **отмену или выхолащивание** всех завоеваний российского либерализма.

В августе 1881 года вышло «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». В любой области империи указным порядком отныне мог вводиться режим «усиленной охраны» и еще более суровый режим «чрезвычайной охраны». При этом местная администрация имела право по собственному усмотрению кого угодно арестовывать,

высылать, подвергать денежным штрафам. Любые предприятия, органы печати и учебные заведения могли быть закрыты. Всякое юридическое разбирательство, если его ход не устраивал администрацию, немедленно передавалось в военный суд.

Предполагалось, что указ вводится временно – до полной победы над терроризмом, однако новый способ управления оказался настолько удобным для власти, что сохранялся вплоть до 1917 года. Вместо конституции и правового государства Россия получила полицейскую диктатуру. Отныне жизнь подданных регулировали не законы, а органы государственной безопасности: Департамент полиции и Жандармский корпус.

В стране установилось внешнее спокойствие. Перестали греметь выстрелы и взрываться бомбы, прекратились уличные демонстрации, пресса присмирела. Александр III получил прозвище «Миротворца» не только за то, что при нем не было войн, но и за иллюзию общественного умиротворения.

Правда, очень обострились отношения с Англией, так что в 1885 году даже произошло

вооруженное столкновение на Памире, едва не приведшее к разрыву, но империи договорились о разделе сфер влияния и до войны дело не дошло.

В Европе российское правительство сначала ориентировалось на **союз с Германией и Австрией**, но Петербург и Вена ожесточенно соперничали на Балканах и, когда Германия приняла сторону Австрии, у Александра III не осталось иного выбора кроме как поменять союзников. При всей нелюбви к республиканскому строю царь переориентировался на **альянс с Францией**.

Империя продолжала расти, но не при помощи вооруженных захватов, а «ползуче» – наращивая свое присутствие на Дальнем Востоке. Началось строительство Транссибирской магистрали, шло активное заселение дальневосточных земель; царские агенты и дипломаты очень активизировались в Китае и Корее.

В исторической перспективе, притом очень близкой, все политические успехи, которыми так гордился Миротворец, будут иметь тяжелые, а то и роковые последствия.

Дальневосточная экспансия столкнет Россию с новой агрессивной империей Японией.

Союз с Францией приведет к обострению отношений с Германией и завершится мировой войной.

А особенно дорогую цену Россия заплатит за фасадную «стабильность».

По убеждению идеологов-государственников ее залогом являлось сохранение традиционной общественной структуры, а это предполагало замораживание естественных социальных процессов. Правительство всячески мешало формированию новых классов и пыталось удержать на плаву дворянство, хотя это сословие после отмены крепостничества стало очевидным анахронизмом. **Намеренно затруднялся доступ низших сословий к образованию**, бывшим крепостным не давали превратиться в фермеров, насильно удерживая их **в рамках коллективистской «общины»**. Цензура зорко бдила за прессой, полиция сурово расправлялась с подозрительными и подавляла любые попытки зарождающегося рабочего класса организовано бороться за свои права.

На поверхности не происходило ничего, но внутри зрело напряжение. Карательные меры, нередко чрезмерные, даже иррациональные,

порождали чувство протеста, настраивали умеренную часть Общества против правительства. Именно в этот период идейными противниками существующего строя стали и «эволюционистские» либеральные круги. Неминуемо революционизировались и рабочие, не имея возможности легально отстаивать свои экономические интересы.

Единственным позитивным результатом эпохи Александра III был бурный рост промышленности. Объяснялось это тем, что всей хозяйственно-финансовой сферой ведали технократы из числа «системных либералов». Реакционеров к управлению экономикой царь благоразумно не допускал. Управленцы «технократической» плеяды – Николай Бунге, Иван Вышнеградский, Сергей Витте – совмещали весьма умеренное государственное дирижирование с поощрением частной инициативы. Эта комбинация неплохо работала.

Быстрому экономическому развитию способствовали четыре фактора. Во-первых, с отменой крепостного права наконец возник рынок дешевой рабочей силы. Во-вторых, появился частный, предпринимательский капитал. В-третьих,

Россия стала активно закупать иностранные машины, а затем и производить собственные. Наконец, сказался синдром задержанного развития. В России, с большим опозданием, свершился великий промышленный переворот.

Успехи, достигнутые на исходе девятнадцатого столетия, выглядят впечатляюще: за тридцать лет российская промышленность выросла всемерно.

Соединение двух противоположных тенденций – ультраконсервативного политического курса и стремительно развивающегося капитализма – создало гремучую смесь, но взорвется она уже в новом веке. На недолгое царствование Александра III стабильности хватило.

«Царь-Миротворец», выглядевший и слывшийся богатырем, не обладал крепким здоровьем, будучи в этом очень похож на свою державу. В 1894 году он умер сорока девяти лет от роду, оставив корону наследнику, плохо подготовленному к обрушившейся на него ноше.

ПОДРОБНОСТИ

Окружение Царя-Освободителя

На первых порах Александр II очень прислушивался к родственникам, среди которых двое придерживались прогрессистских взглядов.

В пятидесятые-шестидесятые годы большим общественным влиянием пользовалась тетка царя вдовствующая великая княгиня Елена Павловна (1807–1873). При суровом николаевском режиме Елена Павловна в основном покровительствовала культуре, филантропии и медицине (в частности, создала российский Красный Крест). В новые времена она стала энтузиастической сторонницей «эмансипации», как тогда называли освобождение крестьян. Салон великой княгини стал чем-то вроде штаба либералов, и очень важную роль в подготовке реформы сыграл ее широкий жест: в 1856 году Елена Павловна дала свободу 15 тысячам собственных крепостных, разработав систему наделения их землей за выкуп. Эта инициатива и этот опыт очень пригодились при подготовке масштабной операции по освобождению всех российских крепостных.

Еще активнее был младший брат царя Константин (1827–1892). Он возглавлял морское министерство и превратил свое ведомство – казалось бы, совсем к такой деятельности не пригодное – в генератор вольнолюбивых идей и кузницу новых кадров. Многие из этих людей (их называли «константиновцами») потом будут участвовать в разработке и проведении реформ.

В 1857 году великий князь стал членом комитета, готовившего отмену крепостничества. Был он причастен и к другим важнейшим начинаниям: запрету телесных наказаний, переустройству судебной системы, оздоровлению финансовой политики, железнодорожному строительству.

На следующем, практическом этапе в правительстве играли главную роль уже не августейшие особы, а профессиональные администраторы. Самым дееспособным из «либерального» крыла был министр финансов Михаил Рейтерн (1820–1890), сумевший вывести бюджет из глубокой дыры, вырытой Крымской войной. Огромный государственный долг, хронический дефицит, дезорганизованность доходов и расходов – вот проблемы, которые требовали решения. И Рейтерн все их решил. К середине семидесятых

российский бюджет – небывалая вещь – вышел в профицит. (Балканская война, правда, эту аномалию быстро исправила – бюджет опять рухнул).

Главным для империи направлением государственной деятельности – вооруженными силами – ведал военный министр Дмитрий Милютин (1816–1912). При нем российская армия модернизировалась: перешла от рекрутской системы к всеобщей воинской повинности, полностью перевооружилась. Милютин вел борьбу с телесными наказаниями и в конце концов полностью их запретил. При нем появились ротные школы и учебные команды, для нижних чинов стали издавать книги и журналы. В семидесятые годы звучало много скептических голосов в адрес «милютинской» армии, якобы уступавшей по своим боевым качествам былым «чудо-богатырям», но турецкая война продемонстрировала, что грамотный, незамордованный солдат воюет лучше.

В самый последний период царствования ярко засияла звезда графа Михаила Лорис-Меликова (1824–1888), возглавившего государственный аппарат в очень трудную пору послевоенных

экономических трудностей, антагонизма между правительством и Обществом, ожесточенной войны с терроризмом.

Лорис-Меликов, получивший почти диктаторские полномочия, взял курс на восстановление отношений правительства с Обществом, призывая и поощряя «эволюционеров». Революционеров при этом граф безжалостно истреблял, всячески укрепляя полицейскую машину. Эта политика почти удалась: общественное мнение стало склоняться к сотрудничеству с государством, а подпольное движение – изолироваться. Но убийство царя положило конец как лорис-меликовским планам осторожной либерализации, так и карьере самого графа.

Феномен гласности

Первые шаги царя были обнадеживающими, сулящими более светлые времена. По амнистии – 30 лет спустя – вернулись из Сибири выжившие декабристы; отныне разрешалось свободно ездить за границу и учиться в иностранных университетах; стали выходить ранее запрещенные книги. Но такое случалось и в прежние времена: после вступления на престол «кроткой

Елизаветы», злосчастного Петра III или Александра I. Новый правитель являл народу милостивый лик, ничего особенного.

Однако освобождение крестьян было начинанием совсем иного масштаба. Свобода, дарованная крепостным, могла стать разорением для помещиков, опоры престола. И верховная власть прибегла к средству, никогда прежде в России не использовавшемуся: решила сначала заручиться поддержкой общественного мнения. Впервые большая государственная проблема стала предметом публичного (а не кулуарного, как при Екатерине или Александре I) обсуждения. Лучшие умы России развернули дискуссию о том, как провести реформу, не разорив дворянства.

В 1858 году цензура разрешила журналам публиковать статьи по крестьянскому вопросу. Идея состояла в том, чтобы дать Обществу голос. Голоса зазвучали вначале робко, потом всё оживленней – и возникла «гласность». После десятилетий свирепой цензуры огромное значение обрела пресса.

Очень скоро публицистам стало тесно в рамках одного лишь «крестьянского вопроса». Стали

появляться статьи о необходимости переустройства всего общества и государства.

Эта масс-медиальная «оттепель» была довольно умеренной, никогда не доходя до революционного пафоса, да и цензуру никто не отменял. Слишком смелые газеты и журналы штрафовались или даже запрещались, а в 1866 году, с резким поворотом правительственного курса вправо, «гласности» настал конец. Но за этот короткий срок, длившийся меньше десятилетия, даже такая ограниченная свобода прессы произвела настоящий переворот в жизни Общества. Обретя голос, оно уже не замолчит. Просто самые смелые и острые тексты впредь будут печататься подпольно или за границей, а потом передаваться из рук в руки. Пресса же официально одобренная, излагающая казенную точку зрения, утратит всякий авторитет.

Освобождение крестьян

Власть боялась дворян больше, чем крестьян. Поэтому привилегированному сословию выказывались всяческие знаки уважения. Когда в 1857 году дворянство Виленской губернии, обеспокоенное слухами, попросило не отдавать

крестьянам помещичью землю, правительство воспользовалось этой петицией как предлогом, чтобы опросить мнение дворян во всех губерниях (мнение крестьян никого не интересовало). Присланные материалы рассматривала специально учрежденная Редакционная комиссия. Она должна была составить по результатам программу реформы. Проще и быстрее было бы, конечно, созвать представителей губернских дворянских собраний, но идея любого собрания представителей наверху казалась рискованной – не вышло бы, как во Франции в 1789 году с Генеральными Штатами. Поэтому дело двигалось очень медленно.

Наконец программа поступила на рассмотрение в «Главный комитет по крестьянскому делу» (к великому князю Константину Николаевичу), оттуда – на одобрение Государственного Совета, и там вполне могла бы быть отклонена, но перед высшими сановниками выступил сам император, потребовал от них «отложить все личные интересы», и великое событие наконец свершилось.

Крепостные обрели юридическую личную свободу, но не получили земельных наделов, которые оставались в собственности помещиков

и которые надо было выкупать. Да и личная свобода была скорее декларативной. От надела отказаться не разрешалось, и до тех пор, пока вся сумма не будет внесена, крестьянин считался «временнообязанным», то есть по-прежнему ограниченным в правах.

Таким образом государство спасало дворян от разорения за счет крестьян, очень разочарованных такой «волей». Слухи о ней ходили так давно, ожидания были так велики, что во многих местностях произошли мятежи.

Высочайший манифест, озаглавленный «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей», был подписан Александром II в шестую годовщину воцарения, 19 февраля 1861 г.

Судебная реформа

Российский суд был несамостоятелен, закрыт от общества и несостязателен – подсудимому даже не полагался адвокат. Часто вердикт выносился вообще в отсутствие обвиняемого. Неудивительно, что в этом затхлом мире процветали взяточничество, волокита и прямой произвол. Кроме того, как всегда бывает при режимах

диктаторского типа, судебные решения отличались чрезвычайной жестокостью. Человека могли приговорить к телесным истязаниям: порке плетью, кнутом, шпицрутенами, что часто заканчивалось мучительной смертью. На лица каторжников выжигали клейма.

Управленцы новой генерации, пришедшие во власть, горели желанием превратить всё это кривосудие в правосудие.

В 1858 году была создана группа из лучших юристов, которая несколько лет готовила проект, учитывая отечественный и зарубежный опыт. В начале 1862 года появился предварительный документ с туманным названием «Соображения государственной канцелярии». Его долго рассматривали в инстанциях.

В 1864 году предварительная работа наконец завершилась. Вышли новые юридические уставы, создавшие принципиально иную систему, которая охватывала организационно-процессуальную сферу, гражданское и уголовное судопроизводство, а также порядок рассмотрения частных тяжб (самый распространенный вид разбирательств).

Преобразованный российский суд основывался на принципах состязательности, независимости, бессловности и открытости, то есть обретал все признаки полноценной судебной власти.

Выносить приговоры отныне должны были представители общества – избранный судья или коллегия присяжных заседателей. Независимость судей от администрации гарантировалась тем, что они не могли быть сняты или заменены. Даже император не мог отменить приговор суда, за самодержцем оставалось только право на помилование.

Организационно система подразделялась на две части: коронный суд и мировой. К компетенции первого относились крупные дела, к компетенции второго – мелкие (то есть большинство). Мировые судьи избирались на трехлетний срок.

Судебная реформа была самым радикальным и последовательным из правительственных начинаний. Всякое громкое судебное разбирательство вызывало огромный общественный интерес. Быстро возникла плеяда блестящих, красноречивых адвокатов. Пресса делала их настоящими звездами. Перипетии состязательных

судебных процессов не только развлекали публику, они зарождали и укрепляли идею о том, что общество и частный человек имеют право полемизировать с государственной властью в лице прокурора – и иногда могут одерживать верх.

Очень скоро эти настроения создадут для империи большие проблемы.

Земская и Городская реформы

Реформа местного самоуправления разрабатывалась не для «народного представительства» (делиться властью самодержавие не собиралось), а по соображениям сугубо прагматическим. Государство понимало, что собственными силами не сможет навести порядок в регионах огромной империи: в казне не было на это денег, к тому же не хватало кадров. При крепостном праве крестьянами управляли помещики, но теперь с этим было покончено. Требовался какой-то иной механизм.

Идея состояла в том, чтобы создать некие учреждения, которые, с одной стороны, ни в коем случае не будут являться местной властью, но в то же время помогут государству решать вопросы, справиться с которыми оно не в состоя-

нии – и что важно, при этом не будут обходиться казне ни в копейку.

Новая структура получила название «земств». Ее параметры были определены «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» (1864). Этот акт обычно называют Земской реформой.

В ведение земств входили хозяйственные и культурно-социальные задачи: содержание дорог, медицина, школы, благотворительность, страхование и прочее. Для финансирования своей деятельности земство могло производить сбор средств, приобретать имущество, накапливать капитал.

Все этой немалой работой должны были руководить уездные и губернские собрания, куда депутаты («гласные») избирались на трехлетний срок.

По сути дела государство снимало с себя значительную часть расходов по местному жизнеустройству и перекладывало их на обывателей, давая им взамен некоторое, очень ограниченное право этими расходами распоряжаться.

Самоуправляемость купировалась тем, что председателей уездной земской управы

утверждал губернатор, а губернской – министр внутренних дел.

В том же духе было составлено «Городовое положение», вышедшее шесть лет спустя. У государства хватало финансовых и административных ресурсов на то, чтобы поддерживать в более или менее приличном состоянии лишь губернские центры, и то не все. Города поменьше пребывали в убожестве.

Новая система должна была привлечь к хозяйственно-организационной деятельности общественно активных людей.

Вводились городские думы с депутатами-гласными, избираемыми на 4 года, и городские управы, руководимые мэром («головой»). Гласные выбирались по трем куриям – от крупных, средних и мелких налогоплательщиков. Беднота, не платившая налогов, к выборам не допускалась.

Контроль за деятельностью управ тоже сохранялся у исполнительной власти. Мэров в небольших городах утверждал губернатор, в губернских – министр внутренних дел.

Несмотря на крайнюю ограниченность и стесненность новых учреждений, они сумели

сделать на удивление много для изменения условий жизни страны – правда, еще и потому, что нередко приходилось строить совсем с нуля, отчего перемены выглядели разительными.

Со второй половины девятнадцатого века жизнь российской провинции будто воспряла, начала развиваться. Заслуга в первую очередь принадлежала новым людям – деятелям местного самоуправления.

Военная реформа

Крымская война обнаружила, что хваленая николаевская армия, которой «Жандарм Европы» так долго пугал европейцев, нехороша. Солдаты браво выглядели и отлично маршировали, но неважно стреляли. Офицерский корпус по большей части не имел специального образования: кто родился дворянином, тот и офицер. Снабжение было скверным, вооружение – отсталым. При огромных штатах мирного времени резервы в случае войны брать было неоткуда – разве что собирать необученное ополчение, от которого мало толку. Иными словами, содержание огромной постоянной армии тяжелым бременем ложилось на бюджет и лишало страну

множества рабочих рук, а во время войны пополнять войско было неоткуда.

Первый этап реформы коснулся главным образом организации и управления.

Страну разделили на военные округа, устроенные по единому принципу. В каждом имелись собственные управления по интендантской, артиллерийской, инженерной и медицинской части, а также военно-учебные заведения, которым придавалось особое значение.

Возникла новая система военного образования. К 1880 году в стране существовало уже 27 офицерских училищ, выпускавших вполне достаточное количество профессиональных кадров. Высшее образование давали пять академий: генерального штаба, артиллерийская, инженерная, военно-медицинская и военно-юридическая.

Вводилась всеобщая воинская повинность, распространявшаяся на все сословия, в том числе и дворянское, которое уже больше ста лет было освобождено от какой-либо обязательной службы. Это был почти такой же важный шаг в сторону классовой эмансипации, как освобождение крепостных.

Каждый год в ноябре здоровые двадцатилетние юноши должны были являться на призывные пункты. Мобилизовали не всех, а только тех, кому выпадет жребий. (Квота менялась в зависимости от текущей потребности в пополнении). Попавшие в армию отбывали шестилетний срок службы, а затем еще девять лет числились в резерве. Во флоте служили семь лет, но в запасе состояли только три года.

Эта гибкая система обеспечивала вооруженные силы ровно тем количеством солдат, которого требовала ситуация.

После перехода на всеобщую повинность численность вооруженных сил несколько сократилась – до 750 тысяч, но при всеобщей мобилизации 1877–1878 годов, с учетом резервистов, армия увеличилась более чем вдвое.

Кавказская война

После того, как в 1801 году к России присоединилась часть Грузии, у империи появился плацдарм для завоевания всего Кавказского региона. За него пришлось соперничать с Турцией и Персией, но главной проблемой оказались не две эти слабеющие страны, а местное население,

обитавшее в труднодоступных горах, непокорное и привычное к оружию.

Колонизация проходила трудно, кроваво и долго – в несколько этапов.

На первом этапе (1816–1830) русские войска «расчистили» сухопутный маршрут через горы в Закавказье: проложили Военно-Грузинскую дорогу до Тифлиса, при этом истребив или изгнав обитавших вокруг кабардинцев. Вдоль трассы возникли крепости с гарнизонами.

После этого Кавказская война разделилась на два фронта: восточный (Дагестан с Чечней) и западный, где в основном жили черкесы (адыгейцы).

На втором этапе, в тридцатые годы, стратегия колонизаторов состояла в том, чтобы рассечь «немирные» территории цепочками фортов, откуда можно было совершать карательные походы.

На восточном театре, однако, возникло хорошо организованное объединение горных общин, настоящее теократическое государство во главе с религиозным вождем – имамом. Третий по счету имам, Шамиль, оказался незаурядным военным вождем. В начале 1840-х годов горцы

повсюду наступали и сумели захватить несколько крепостей.

На третьем этапе, после 1843 года, русские власти сменили тактику. Теперь они действовали по принципу «выжженной земли»: вырубали леса, уничтожали посевы и разрушали селения. Ставка была не на военную победу, а на то, чтобы подавить сопротивление голодом.

После окончания Крымской войны, уже при Александре II, вновь возник план военного «решения». Это стало возможно, потому что на Кавказе скопилось много войск, действовавших против турок. Теперь их можно было повернуть на Шамиля.

В 1857 году крупные армейские контингенты повели наступление на Дагестан с трех сторон. Войска двигались без спешки, основательно укрепляясь на захваченных участках. Лишь к весне 1859 года кольцо окончательно сомкнулось. 1 апреля пала столица Шамиля – Ведено. Шамиль сдался в плен.

На западном театре войны, адыгейском, сопротивление было менее организованным, но еще более упорным.

В 1861 году император даже лично отправился на Кавказ и встретился с представителями шестидесяти непокорных племен. Им был предложен выбор: либо сложить оружие и переселиться на контролируемую властями территорию, либо отправиться из родных мест к своим турецким единоверцам. Ни покориться, ни покинуть родину горцы не пожелали. Война продолжалась еще целых три года.

Но победители не оставили черкесов в покое. Их все же вынудили переселиться в Османскую империю. На Кавказе сохранилась лишь небольшая часть некогда многочисленного народа.

Польское восстание

Удерживать в составе империи Польшу можно было только жесткими полицейскими средствами. Прежнее правительство так и действовало, благодаря чему в течение четверти века, с 1831 года, поляки вели себя тихо, хоть по-прежнему противились русификации и ассимиляции.

Мягкость нового наместника Константина Николаевича возродила национальный дух. Страх исчез, но желания влиться в российскую жизнь не возникло, да и не могло возникнуть.

Взрыв грянул в январе 1863 года, когда начальству пришла в голову немудрая идея изъять самый активный общественный элемент, радикально настроенную молодежь, призвав ее на армейскую службу. Был объявлен рекрутский набор, в списки включили 12 тысяч подозреваемых в крамольных настроениях. Это стало искрой, попавшей в пороховой заряд. Предупрежденные заранее призывники бежали в леса, создавая партизанские отряды. В польских, литовских и белорусских областях повстанцы стали нападать на русские гарнизоны и на представителей администрации. Движением руководил подпольный комитет, выпустивший манифест, в котором провозглашалась цель восстания: восстановление Польши в границах 1772 года. Но единого руководства так и не возникло. Вообще, в отличие от освободительной войны 1830–1831 гг., это восстание в основном имело вид партизанской борьбы. Повстанцы собирались в отряды, иногда довольно крупные, но ни один из них нельзя было назвать «армией». Они нападали, иногда успешно, на гарнизоны и обозы, но от больших боев уклонялись, а если сражение все-таки происходило, то из-за слабой органи-

зации и нехватки оружия инсургенты неминуемо бывали разбиты.

Пожар вспыхивал то в одном месте, то в другом – войска не могли всюду поспеть. Из-за этого противостояние растянулось на много месяцев. Сложилась странная ситуация, при которой в городах удерживалась царская администрация, а сельская местность в основном контролировалась повстанцами.

Русское правительство приняло решение перейти от увещеваний к суровости. На территории, охваченной «беспорядками», было введено чрезвычайное положение. Начали действовать военно-полевые суды, имевшие право казнить тех, кто захвачен с оружием в руках. Всего в Польше и Литве было произведено около 400 казней и не менее 10 тысяч человек отправились в ссылку или на каторгу.

Для подавления восстания было введено 220 тысяч солдат. Противостоять мощи всей Российской империи сторонники польской независимости не могли. Постепенно их ряды таяли. Кто-то погиб, кто-то сложил оружие, многие эмигрировали.

Царство Польское переименовали в «Привисленский край» и приравнивали к территории остальной России. Административно край теперь делился на десять обычных губерний, всё делопроизводство в них русифицировалось. Преподавание в школах могло вестись только по-русски.

«Польского вопроса» эти драконовские меры, разумеется, не разрешили.

Завоевание Средней Азии

Очередная попытка добраться через пустыни до среднеазиатских ханств была предпринята в конце правления Николая I, в 1853 году, когда генерал-губернатор В. Перовский с боем взял кокандскую крепость Ак-Мечеть. Однако дальше он не пошел, потому что в Европе началась большая война.

Продолжение последовало 11 лет спустя, когда высвободились войска, занятые на Кавказе и в Польше. В 1864 году русские военные отряды оккупировали еще один кусок Кокандского ханства. Присоединенную область возглавил генерал-майор Черняев, человек честолюбивый, авантюрного склада. В 1865 году он, действуя по собственной инициативе, взял Ташкент, получил

полное одобрение Петербурга и в 1866 году напал на ханство Бухарское. Но сил не хватило, пришлось отступить.

Экспансию это остановило ненадолго. В 1868 году туркестанский генерал-губернатор Кауфман разбил бухарскую армию и навязал обоим ханствам, кокандскому и бухарскому, вассальный договор. Главной экономической целью захвата был доступ к среднеазиатскому хлопку, необходимому для быстро растущей российской текстильной промышленности. Поскольку эта задача была выполнена, экспансия временно остановилась.

Дальнейшее ее развитие было вызвано уже причинами сугубо имперскими. Соперничество между Петербургом и Лондоном за первенство в Азии побуждало обе стороны двигаться всё дальше и дальше: англичан – из Индии на север, русских – на юг.

Британцы готовились вторгнуться в Афганистан, поэтому русские, чтобы не опоздать, атаковали Хивинское ханство. В 1873 году оно было завоевано.

Туркмения будет оккупирована уже при Александре III.

Балканская война

Славянские и православные области Турции боролись за свою свободу, и Россия это движение всячески поддерживала.

Сербия и Черногория, формально признавая верховную власть султана, уже несколько десятилетий существовали совершенно автономно; в 1867 году Турция даже вывела оттуда свои гарнизоны. Дунайские княжества Валахия и Молдавия объединились в единое румынское государство и в 1866 году выбрали собственного монарха-господаря, которым стал немецкий принц Карл из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов. Румыния считалась автономией, но Болгария никакого самоуправления не имела, и национально-освободительное движение там жестко подавлялось.

В 1875 году против турок взбунтовались славяне Герцеговины и Боснии. Поначалу правительственные войска, немногочисленные и плохо снабжавшиеся, терпели поражение за поражением. Из-за этого восстание распространялось вширь. В апреле 1876 года поднялась Болгария. В июне Порте объявили войну Сербия и Черногория.

Но силы были слишком неравны. Даже в условиях политического и финансового кризиса Стамбул обладал несравненно бóльшими ресурсами. Мобилизовав их, Турция стала наносить ответные удары, начав с южной Болгарии, ближе всего расположенной к Стамбулу. Каратели действовали с чрезвычайной жестокостью, ужаснувшей всю Европу.

Больше всего, конечно, негодовали в родственной России, где развернулась мощная кампания солидарности. Власти, обычно с подозрительностью относившиеся к любому неконтролируемому общественному движению, на сей раз ему не препятствовали. С одной стороны, этот порыв отвлекал интеллигенцию и молодежь от антиправительственных протестов, с другой – был в русле государственной политики. Получалось, что правительство и Общество в кои-то веки выступают за одно и то же.

Российское правительство предъявило Порте ультиматум: немедленно прекратить наступление и начать переговоры – иначе разрыв отношений и война.

Стамбул совсем не желал воевать с Россией, не имея на это ни денег, ни иных ресурсов.

В октябре 1876 года Турция согласилась на перемирие. Но произошел переворот, воцарился новый султан Абдул-Гамид, сторонник твердой линии, и в апреле 1877 года Россия объявила Турции войну.

Румыния не только согласилась пропустить через свою территорию русские войска, но и сама присоединилась к войне, чтобы добиться полной независимости.

Русское командование предполагало, что Турция в ее тогдашнем состоянии не сможет оказать серьезного сопротивления. Главная трудность – форсировать Дунай, а дальше всё будет просто.

Начало боевых действий сложилось для России удачно. Самая трудная и рискованная задача, преодоление водной преграды, была блестяще решена. Но из-за недооценки противника русское командование допустило просчет. Корпус Осман-паши марш-броском с фланга рассек русские коммуникации и засел в городке Плевна. Вместо того, чтобы оставить заслон и двигаться всей мощью дальше, на Константинополь, русская армия остановилась –

и очень надолго, на четыре с половиной месяца завязла, неся тяжелые потери.

Лишь в новом 1878 году, наконец принудив Осман-пашу к капитуляции, русские двинулись на Стамбул, дошли до самых его ворот и заставили султана подписать мир.

Сан-Стефанский и Берлинский договоры

По миру, подписанному в Сан-Стефано в феврале 1878 года, Турция признавала полную независимость Румынии, Сербии и Черногории. Учреждалась огромная – от Черного до Эгейского моря – Болгария, формально турецкий протекторат, а на самом деле самоуправляемое государство, на территории которого турки не имели права держать свои войска. Босния и Герцеговина тоже обретали фактическую независимость. Не осталась без добычи и Россия: ей отходили земли в низовьях Дуная, а в Закавказье – Батумская и Карская области, плюс 310 миллионов рублей компенсации за военные расходы.

Никому в Европе не понравилось, что Петербург так основательно обустроивается на Балканах – все рассматривали будущую большую Болгарию как плацдарм российского влияния.

Поворот от сочувствия русской политике к сочувствию бедной героической Турции, начавшийся с Плевны, теперь окончательно оформился. Ситуация очень уж напоминала 1853 год, когда другой агрессивный царь пытался сломить Турцию и установить в стратегическом Балканском регионе свое господство.

Первым грозным знаменем стал ввод в Мраморное море британской эскадры – еще в разгар мирных переговоров. Акция носила явно враждебный России характер.

Условия Сан-Стефанского мира вызвали бурю протестов. Европа отказывалась признавать такую перекройку Османской империи. Непримириее всего держались Лондон и Вена.

Тогда Берлин, вроде бы политический союзник Петербурга, предложил устроить конференцию по поиску компромиссного решения.

Берлинский конгресс превратился в дипломатическое избиение России. Она оказалась в полной изоляции, фактически в роли подсудимой. Англия прямо угрожала войной. Британский премьер-министр Дизраэли объявил мобилизацию резервистов, королевский флот и так уже был наготове. Столь же непримиримую позицию

занимала Австрия, считая, что Сан-Стефанский договор нарушает прежние русские обещания. Для Германии в это время Вена была уже важнее Петербурга, и Бисмарк тоже не поддержал российскую позицию.

В этой ситуации царю пришлось идти на серьезные уступки.

Новые условия мира были намного скромнее. «Прорусские» славянские государства получили меньше территории. Будущая Болгария, например, была сокращена почти на две трети. Меньше земли в Закавказье досталось и России. Зато не участвовавшая в войне Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину.

Ненадежные союзники

Политической целью войны было превращение Балкан в пророссийский регион. И казалось, что союзница по оружию Румыния, спасенная Сербия и в особенности обязанная русским свободой Болгария неминуемо станут сателлитами Петербурга. Если этого не произошло, то исключительно из-за чрезмерно сильного напора со стороны «старшего брата».

С Румынией, потерявшей на войне 30 тысяч солдат, Россия обошлась бесцеремонно: отобрала у маленького соседа южную Бессарабию, компенсировав эту потерю за счет турецкой территории. После этого афронта началось сближение Румынии с Германией и Австро-Венгрией, тем более что король Кароль I был немцем и принадлежал к дому Гогенцоллернов.

Курс сербского правительства определила географическая близость к Австро-Венгрии и тесная связь с соотечественниками-сербам, оказавшимися под австрийским управлением в Боснии и Герцеговине. В 1881 году Белград заключил тайный союзный договор с Веной.

Но горше всего для России был провал в Болгарии.

Новое государство строилось под руководством Петербурга. Присланные из России специалисты создавали здесь юридическую, административную, финансовую систему, занимались организацией и обучением армии. Несколько тысяч русских офицеров и унтер-офицеров просто перешли на болгарскую военную службу. Престол занял российский ставленник принц

Александр Баттенберг, от которого ожидалось полное подчинение государю императору.

Поскольку государство Болгария возникло при либеральном Александре II, ее устройство тоже получилось либеральным – с парламентом и конституцией. Но с воцарением Александра III с севера задули иные ветры. Под влиянием российских эмиссаров началось наступление на свободу печати, было ограничено избирательное право и так далее. Это давление настроило против России ту часть болгарского общества, которая равнялась на Европу.

Неуправляемым оказался и Баттенберг. По Берлинскому трактату половина исторической Болгарии, так называемая «Восточная Румелия», осталась под властью турок. В 1885 году там вспыхнуло восстание. Невзирая на протесты России, боявшейся, что разразится большая война, Баттенберг присоединил восставшую область и тем самым вызвал всебалканский кризис. Территориальный спор с Сербией привел к вооруженному конфликту Болгарии и с этой страной. Обученная русскими инструкторами болгарская армия одержала победу. Болгария сама, без русского участия, договорилась с Константино-

полем о мире и превратилась в самую большую страну Балкан. Проблема заключалась в том, что эта большая страна перестала слушаться Петербурга.

В августе 1886 года пророссийские военные устроили переворот, свергли Баттенберга и выслали его в Россию. Но скоро опять произошел переворот, и новая власть пала.

В охваченную раздором Болгарию вернули Баттенберга, который пообещал царю впредь вести себя хорошо («вручил свою корону монарху России, давшему её ему»). Однако окончательно скомпрометированный перед собственным народом, удержаться на престоле Баттенберг не смог. Власть перешла к Народному Собранию.

В конце 1886 года русские власти начали готовить новый военный переворот, в некоторых гарнизонах даже начались выступления, но болгарское правительство удержало ситуацию. Чтобы защититься от России, оно стало ориентироваться на Австрию. В 1887 году противостояние закончилось тем, что на болгарский престол был возведен офицер австро-венгерской армии Фердинанд Саксен-Кобург-Готский. Александр III

признавать его отказался, дипломатические отношения были разорваны.

Бывший «русский плацдарм» Болгария превратилась во врага.

«Хождение в народ»

Толчок этому движению дало само правительство. Боясь, что молодежь, уехавшая учиться за границу, наберется там вредных идей, оно потребовало, чтобы студенты вернулись на родину, иначе лишатся подданства. Многие вернулись. И вместе с теми, кто был исключен из российских высших учебных заведений за участие в беспорядках, стали разъезжаться по всей стране.

Сначала высланные из столиц бывшие студенты попадали в глушь поневоле, затем молодые свободолюбцы потянулись в глубинку, «в народ», уже сознательно.

Идея витала в воздухе. Смысл народнического движения был прост: если не получается построить новую Россию сверху, будем действовать снизу.

В первой половине семидесятых годов тысячи таких пропагандистов наряжались коробейниками, плотниками или бурлаками, странствуя

по деревням и ведя с крестьянами опасные беседы – это называлось «ходить в народ».

Крестьяне с их всегдашним недоверием к чужим, городским людям слушали революционные проповеди без интереса, а то и сдавали агитаторов полиции.

Тогда тактика народников переменилась. Они решили, что «гастрольная» пропаганда для отечественных условий не годится. Крестьяне будут верить только тем, кого они знают. Революционеры отказались от маскарадов, которые все равно плохо удавались, и стали работать в сельской местности фельдшерами, учителями, волостными писарями.

Полиция, разумеется, видела, что происходит. И приняла меры, которые, как это часто бывало, дали обратный эффект. В 37 губерниях арестовали несколько тысяч человек. Устроили ряд показательных судебных процессов, каждый из которых превратился в пропаганду народничества. Там звучали революционные речи, текст которых потом ходил в списках. Подсудимые были молоды, воодушевлены и прекрасны. Прокуроры тусклы, казенны и зловещи. Более удачной

рекламной кампании в пользу революции нельзя было и придумать.

Вера Засулич

Вера Засулич (1849–1919) прошла обычный для тогдашних русских интеллигентных девушек путь: поработала переплетчицей, учительницей, акушеркой, «ходила в народ», распространяла запретную литературу, была в ссылке – одним словом, приносила себя в жертву ради народного блага.

24 января 1878 года она пришла на прием к петербургскому градоначальнику Трепову, известному «держиморде», и тяжело ранила его двумя выстрелами в живот. Это была месть за уже довольно давнюю историю: полугодом ранее Трепов приказал высечь арестованного студента.

Согласно новым судебным установлениям, процесс был гласным, а вердикт выносили присяжные. Тут-то и выяснилось, что независимый суд и «ордынское» государство совершенно несовместны. Растроганные видом подсудимой, ее благородством и несомненным альтруизмом, а также возмущенные поступком градоначаль-

ника, присяжные объявили Засулич невиновной. Это стало настоящим шоком для правительства и дало невероятный толчок революционным настроениям самого радикального свойства. Полиция попыталась задержать террористку невзирая на вердикт – студенты ее отбили и помогли скрыться.

У Веры Засулич сразу же появились последователи. Полгода спустя дойдет до того, что от руки бывшего народника падет сам шеф жандармов и начальник Третьего отделения генерал Мезенцев.

Охота на царя

Самая крупная и лучше всего законспирированная подпольная организация «Народная воля», созданная в 1879 году, когда покушения на особенно жестоких губернаторов и жандармов стали обыденным явлением, решила не тратить силы на месть слугам режима, а нанести удар по самой его верхушке: убить самодержца. Исполнительный комитет партии вынес царю приговор: «Александр II – главный представитель узурпации народного самодержавия, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств... Он

заслуживает смертной казни за всю кровь, им пролитую, за все муки, им созданные».

И началась настоящая охота на императора – вся Россия и весь мир напряженно следили, удастся народолюбцам исполнить свое намерение или нет.

Было несколько неудачных покушений, причем одно из них потрясло столицу в самом буквальном смысле. 5 февраля 1880 года в Зимнем дворце грянул мощный взрыв. Один из подпольщиков сумел пронести в подвал 50 килограммов динамита. Погибло много людей, но царь уцелел – перекрытия оказались прочными.

Полиция долгое время не могла выйти на след таинственной организации. Это объяснялось тем, что у революционеров имелся свой тайный агент – прямо в Третьем отделении. Но когда в январе 1881 года он был разоблачен, круг начал сужаться. Руководителя «Народной воли» Андрея Желябова арестовали в феврале. Вероятно, вскоре взяли бы и остальных, но 1 марта оставшиеся на свободе народолюбцы исполнили свой приговор.

План покушения был разработан тщательно. Каким бы маршрутом в этот день царь ни поехал,

повсюду его поджидала смерть. На пути обычного следования под мостовую была заложена мина. Еще четверо бомбистов поджидали на соседних улицах, на случай, если кортеж поедет другими маршрутами.

Александр свернул на Екатерининский канал. Первый из «метальщиков» поторопился бросить заряд, и император остался цел. Но второй, Игнатий Гриневицкий, не промахнулся – подорвал и себя, и царя.

Александр III

Царем должен быть стать великий князь Николай Александрович, отличавшийся большими способностями. Тугодумный (и вообще неумный) следующий сын, Александр Александрович, находился в тени, и его образованию уделялось гораздо меньше внимания. Он впрочем и не рвался к знаниям. Домашнее прозвище у него было Бульдожка.

Однако старший брат умер, и двадцатилетний Александр стал цесаревичем. Один из его воспитателей потом скажет: «Александр Александрович представлял собой весьма незначительную

величину — плоть уж чересчур преобладала в нём над духом».

В зрелом возрасте ума у Александра, кажется, не очень прибавилось. Он не был глуп, но медленно соображал и с трудом воспринимал новое. При этом Александр по характеру был очень упрям и, в отличие от отца, довольно легко поддавшегося под чужое влияние, умел настоять на своем.

Идей у него было немного, зато твердые. Они сводились к формуле «самодержавие и русский патриотизм». В вопросе об абсолютности царской власти император не признавал никаких уступок. По части патриотизма царь делал особый упор на повышение национальной гордости, отход от западничества. Царь носил сапоги «бутылками», широкие штаны, папахи, косоворотки, даже отказался от брадобрития — впервые со времен Алексея Тишайшего. Подобно старомосковским царям, Александр носил на груди кроме крестика еще и множество образков — был человеком глубокой веры. Ценил тихие семейные радости, общение с близкими друзьями, игру в карты «по маленькой», музыкальные вечера, охоту, а больше всего рыбалку. Вел почти

затворнический образ жизни. Это объяснялось еще и страхом перед террористами. Царь нечасто отлучался из своей Гатчинской резиденции, которая была удобнее всего для охраны.

Очень несвободная страна, которой правит очень несвободный человек, «гатчинский узник», – такое впечатление производили на иностранных наблюдателей Россия и ее император.

Победоносцев

Глухость, серость, затхлость этой эпохи принято связывать с исключительным влиянием «излюбленного интимного советника» Александра III – Константина Петровича Победоносцева (1827–1907). Александр Александрович проникся доверием и уважением к этому ученому правоведу еще с тех пор, когда тот преподавал цесаревичу юриспруденцию.

Победоносцев являлся одним из идейных вождей консерватизма и стал главным государственным идеологом. Это был настоящий «великий инквизитор» – фанатичный, аскетичный, одержимый идеей, которая представлялась ему единственным спасением России.

Напуганный террором, он видел избавление в том, чтобы как можно решительнее повернуть назад, к незыблемости и стабильности. Влияние Константина Петровича на царя, а стало быть, и на политику было огромно. Исключительное доверие, которым пользовался у царя «русский папа» (Победоносцева называли и так), позволяло Константину Петровичу тасовать министров, убирая тех, кто ему не нравился, и продвигать своих назначенцев.

Несмотря на занятость, Победоносцев находил время прочитывать не только популярные, но даже малотиражные газеты, выискивая «распущенность». Всё, с его точки зрения, крамольное помечал и отправлял министру внутренних дел для принятия мер.

«В те годы дальние, глухие в сердцах царили сон и мгла: Победоносцев над Россией простер совиные крыла», – писал Александр Блок, отражая общее отношение Общества к идейному наставнику государя императора.

Контрреформистская деятельность

В 1886 году министр внутренних дел граф Д. Толстой представил «всеподданнейший док-

лад». В число задач, подлежащих решению, входили: отмена земского и городского самоуправления; дальнейшее расширение властных полномочий министерства внутренних дел; замена выборных должностей «правительственными назначениями»; увеличение роли дворянства; передача полномочий мировых судов учреждениям, «находящимся в непосредственной связи с административной властью». Одним словом, это была программа обратного превращения России в полицейско-бюрократическое государство, каким она была до Александра II.

В последующие годы один за другим были приняты несколько актов, практически уничтоживших сложившуюся систему местного самоуправления. В 1889 году появилось «Положение о земских участковых начальниках», которые обличались всей полнотой власти на низовом административном уровне. Земскими начальниками, от которых непосредственно зависела жизнь сельского населения, то есть большинства россиян, могли назначаться только потомственные дворяне.

Следующим ударом по земствам было принятое в 1890 году «Положение о губернских и

уездных земских учреждениях». Выборы не отменялись, но вводились дополнительные привилегии для дворян и ограничения для крестьян, так что в губернских собраниях представители последних теперь составляли всего 2% (да и тех утверждало начальство). Но даже и такие, весьма далекие от народа земские учреждения всякое свое решение должны были согласовывать с губернатором.

В 1892 году вышло новое «Городовое положение». По нему малоимущие горожане лишались избирательного права, в результате чего количество голосующих резко сократилось (например, в столице их осталось всего шесть тысяч человек – на миллионный город).

Но еще больше куцего земско-городского самоуправления самодержавному государству мешала судебная система, главное завоевание реформаторов.

Несменяемость судей формально не отменялась, но фактически исчезла, ибо министр юстиции получил право привлекать тех, кто вызвал его недовольствие, к дисциплинарной ответственности, переводить из одного округа в другой и даже снимать с должности.

Исполнительная власть теперь могла объявить любой процесс негласным, если требовалось «оградить достоинство государственной власти» – под эту категорию попадало что угодно.

Суд присяжных упразднить не стали, но, как в вопросе о несменяемости судей, максимально «обезопасили». Во-первых, вывели из компетенции этого непредсказуемого органа все чувствительные процессы, а во-вторых, повысили образовательный и имущественный ценз, что автоматически исключило из состава присяжных представителей социальных низов.

К концу правления Александра III контрреформа судопроизводства была почти завершена.

Большая Игра

The Great Game или The Grand Game – такое название у историков получило многолетнее соперничество России и Британии за контроль над центральной и южной Азией. Первым эпизодом открытой вражды стала Персидская война 1804–1813 гг., когда британские советники с оружием в руках сражались в армии Аббаса-Мирзы. Тайные и явные столкновения двух империй не прекра-

щались и в последующие десятилетия, лишь переместились дальше на восток.

Англичане пытались добраться до Афганистана, Бухары и Хивы из уже освоенной Индии. Русские вели наступление на Среднюю Азию с севера.

В начале восьмидесятых годов передовые отряды обеих империй оказались в опасной близости друг от друга.

Британия, воспользовавшись русско-турецкой войной, когда Петербургу стало не до экспансии, попыталась утвердиться в Афганистане, но не справилась с трудной задачей, и эта непокорная страна превратилась в буферную зону между владениями России и владениями Англии. Едва развязав себе руки на Балканах, русское правительство вновь перекинуло войска в Среднюю Азию, где прославленный генерал Скобелев оккупировал Туркмению. От Каспия вглубь пустыни быстрыми темпами строили железную дорогу, чтобы наладить транспортировку войск и материалов. В Лондоне эти действия воспринимались как прямая угроза «жемчужине британской короны» Индии.

Начались двухсторонние переговоры по установлению границы между державами, но, пока дипломаты препирались, военные продолжали продвигаться вперед. В 1884 году русские заняли Мерв. Союзные англичанам афганцы захватили оазис Пенде. В марте 1885 года на реке Кушка авангарды сошлись лоб в лоб. Произошел бой.

Формально русские бились не с британцами, а с афганцами, но последних сопровождали английские советники. Регулярные войска, конечно, без труда одержали верх. Счет убитых шел на сотни.

Кушкинский «инцидент» (как именовались подобные вооруженные конфликты на дипломатическом языке) привел к грозным последствиям.

Премьер-министр Гладстон получил от парламента финансирование для вооружения против России, а вскоре правительство возглавил еще более воинственный лорд Солсбери. Дело шло не к локальной, а к большой войне. Англичане стали давить на турецкого султана, побуждая его к реваншу, британский флот готовился войти в Черное море. Планировались и военные действия на

Тихом океане, где тоже сталкивались английские и российские интересы.

Войны Александр III не хотел. Петербург заговорил в примирительном тоне, стал давать гарантии, что дальше русские двигаться не станут. Напряжение начало спадать. В конце концов договорились о разграничении зон. Кушка осталась крайней точкой российской экспансии на юге.

Союз с Германией и Австрией

Гарантом европейского мира после Франко-Прусской войны 1870–1871 гг. считался союз трех императоров: России, Германии и Австро-Венгрии. Однако балканский вопрос всё больше портил отношения между Петербургом и Веной. Из-за этого постепенно охлаждались и русско-германские отношения, поскольку для Берлина связь с Австрией была важнее. Кроме того русских начинала тревожить быстро растущая мощь новой Германии, тем более что в 1882 году сформировался еще один тройной союз – теперь германо-австро-итальянский, и России в нем места не нашлось.

Русские дипломаты попытались создать двухстороннюю конструкцию только из России

и Германии, без участия Вены. В 1887 году Берлин и Петербург даже подписали «перестраховочный договор» – секретное соглашение о нейтралитете, но он был бессмысленен, поскольку в случае конфликта Австрии и России немцы нейтралитета не обещали. Тем временем между Германией и Россией шла таможенная война, а националистическая пресса обеих стран соперничала во враждебности по отношению друг к другу.

В 1890 году «перестраховочный договор» истек, и продлевать его не стали. Союз императоров окончательно развалился.

Альянс с Францией

Русское общественное мнение, деловой мир, а затем и правительственные круги постепенно дрейфовали в сторону сближения с Францией.

Французские капиталы потоком лились в Россию, общая атмосфера русской жизни была франкофильской и германофобской, а кроме того Париж и Петербург в восьмидесятые годы объединяла вражда с Лондоном – французы, как и русские, соперничали с британцами из-за колоний.

Франция стремилась к дружбе с Россией, потому что союзник на востоке был необходим для противостояния с ненавистной Германией. Поэтому Петербург без труда получал все новые и новые французские займы, сумма которых к концу десятилетия превысила 2,5 миллиарда франков.

Долгое время препятствием к политическому сближению был республиканский строй Франции, ранивший чувства его царского величества, но в конце концов Александр III справился со своими эмоциями и во время исторического визита французской эскадры в 1891 году мужественно вытерпел «Марсельезу»: «Дрожите, подлые тираны!»

В том же году было заключено строго секретное соглашение о «консультациях по всем вопросам, могущим угрожать всеобщему миру». В 1892 году начальники двух генеральных штабов условились (тоже в глубокой тайне) уже о совместных действиях против Германии. Это был самый настоящий оборонительный договор, в котором указывалось даже количество войск, выставляемых в поддержку союзника.

Наконец 4 января 1894 г. российско-французский военный союз стал фактом европейской политики.

Так в Европе обозначилось разделение сил, которое 20 лет спустя приведет к мировой войне.

«Кухаркины дети» и «скопление девиц»

Самый чувствительный удар реакция нанесла по системе образования, то есть по будущему страны.

По убеждению государственных идеологов, весь вред происходил из-за того, что разрушаются перегородки между сословиями, а это порождало в народе неудовлетворенность и мечту об иной судьбе. Как выразился Победоносцев, простой народ надобно «удерживать в простоте мысли». Поэтому следовало укрепить барьеры, ограничивающие доступ плебса к знаниям.

Высшее образование сделали финансово недоступным для бедноты: в пять раз (!) увеличили плату за обучение, что лишало огромную массу способных юношей из низших слоев населения надежды на лучшее будущее.

То же произошло и со средним образованием. Наиболее откровенно главный смысл всех

этих постановлений был обозначен в циркуляре министра просвещения от 18 июня 1887 г. Этот документ получил название «циркуляра о кухаркиных детях». Там говорилось, что гимназии должны освободиться «от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей».

Женское высшее образование, и прежде поставленное очень слабо, сочли нежелательным. Причиной тому было активное участие образованных девушек в народническом, земском и даже террористическом движении, а также общий курс на укрепление традиционных, патриархальных ценностей, не подразумевавших женское равноправие. Закрыли женские врачебные курсы, затем московские Высшие женские курсы, сохранив только петербургские Бестужевские, но ограничили там круг преподаваемых наук и число учащихся (на всю империю – четыреста слушательниц). В правительственном докладе говорилось, что «необходимо пресечь дальнейшее скопление в больших городах девиц, ищущих не столько знаний, сколько превратно понимаемой ими свободы».

Община

Формально крепостные получили личную свободу в 1861 году. Потом еще двадцать лет их держали в положении «временнообязанных», заставляя барщиной выплачивать долг за землю. Но когда эта кабала закончилась, свободы передвижения и возможности построить какую-то другую жизнь крестьяне все равно не получили. Их держала на месте община, исторически сложившаяся в деревне система коллективного владения угодьями и коллективной же ответственности. Уехать без разрешения крестьянин не мог, а поскольку подати за всю деревню тоже платились совместно, сокращать число работников общине было невыгодно.

Царское правительство искусственно продлеvalo существование этой архаичной формы крестьянского общежития, следуя всё той же логике притормаживания социальных процессов. Появление фермерского класса с неминуемым выдвижением активных, предприимчивых людей вызывало у победоносцевской плеяды государственных деятелей опасения – и, надо сказать, справедливые. Усиление «третьего сословия» (которое уже начинали называть «средним

классом») всегда увеличивает общественный запрос на демократию. Когда в 1883 году появился Крестьянский банк, выдававший ссуды на развитие сельского хозяйства, это учреждение предпочитало иметь дело с общинами, а не с отдельными хозяевами.

Прироста «среднего класса» за счет крестьянства при Александре III почти не происходило. В основной своей массе оно продолжало оставаться очень бедным, пролетарским. Именно поэтому, когда революция наконец грянет, это будет не революция среднего класса, способная привести к установлению демократии, а революция пролетарская, которая может привести только к диктатуре.

Глава седьмая

ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ

ОСНОВНОЕ

В год смерти Александра III (1894) Российская империя казалась несокрушимым исполином, материком покоя и стабильности в мире, охваченном социальными, политическими, колониальными и военными конфликтами. Но двадцать два с половиной года спустя колосс рухнул – как-то очень легко и быстро, без сопротивления и грохота. Такое случается, когда конструкция полностью прогнила изнутри. Именно это с империей и произошло. Насквозь источенный болезнями организм не выдержал сильного стресса – мировой войны – и испустил дух.

Болезней накопился целый букет: как старых, так и новоприобретенных, как внутренних, так и общецивилизационных.

Начну с последних.

Мировая война знаменовала собой общий кризис западной цивилизации. В течение нескольких десятилетий ведущие державы планеты эволюционировали в направлении, которое

рано или поздно должно было завершиться всемирной эпидемией разрушения. Научные открытия и технические триумфы, первые шаги социального прогресса, блестящий расцвет искусства и культуры, мечты о скором земном рае обернулись беспросветным кошмаром.

Политическую жизнь планеты определяла конкуренция нескольких империй. Соперничая между собой за территории, сферы влияния, опорные базы, рынки сбыта и источники сырья, империи полагались прежде всего на «жесткую силу». С ее помощью они захватывали колонии и побуждали «слабые» страны к подчинению. Когда интересы крупных игроков сталкивались, возникало напряжение. При этом сложившаяся система военно-политических союзов не оставляла шансов на то, что конфликт будет двухсторонним, как предыдущие европейские войны – между Францией и Германией или между Россией и Турцией. С 1882 года существовал альянс Берлина и Вены о взаимных действиях при конфликте с третьей стороной. В 1894 году сформировалось аналогичное франко-русское единство, к которому впоследствии присоединилась Британия.

Но самой главной причиной, пожалуй, была ментальная незрелость человечества. В девятнадцатом веке наука и техника развивались много быстрее, чем этика. За нарядным фасадом Belle Epoque, «Прекрасной эпохи», прятался весьма неприглядный мир, в котором властвовала арифметика. Считалось аксиомой, что чем больше территория государства и чем оно грознее, тем для него лучше. В арсеналах накапливалось оружие страшной разрушительной силы, и патриоты гордились, какими грозными дредноутами и пушками владеет их страна. Человечество очень напоминало ребенка, смастерившего бомбу и горделиво в ней копающегося. В конце концов должен был грянуть взрыв.

Другим источником растущей напряженности – внутривнутриполитическим, но в то же время общим для всех европейских стран – был конфликт между рабочим классом и капиталистами. Ни одна из стран, вступивших на путь индустриализации, не миновала классовой конфронтации, просто более крепкие общественные системы в конце концов преодолели эту «гормональную нагрузку переходного возраста», а государственные организмы, ослабленные другими недугами,

испытания не выдержали. В случае России роковую роль сыграло еще и то, что промышленная революция здесь началась с опозданием по меньшей мере на сто лет, и вызванные ею социально-политические изменения разворачивались в ускоренном темпе. В Англии от движения луддитов до всеобщей забастовки 1926 года, едва не приведшей к тотальному коллапсу, прошло больше века. В России между первым крупным выступлением рабочих (Морозовская стачка 1885 года) и всеобщей стачкой 1905 года миновало всего двадцать лет, то есть в обоих событиях вполне могли участвовать те же самые люди. Кроме того российские рабочие были намного бесправней и беднее европейских. И те то жили очень скудно, но в начале XX века германские рабочие всё же получали втрое больше русских, а французские вчетверо. Опасной для царского правительства была и ситуация, при которой промышленность сконцентрировалась в петербургском регионе. К моменту революции рабочие будут составлять половину столичного населения. Это и решит судьбу империи – ведь в «ордынской» системе управления кто захваты-

вает власть в центре, тому достается и вся страна.

Кризис Первой мировой войны обрушил не только российскую, но и все остальные «жесткие» империи: германскую, австро-венгерскую, турецкую, однако Россия развалилась первой – и была единственным failed state в стане победителей, то есть пала не в результате военного разгрома, а по внутренним причинам.

Дело в том, что в дополнение к упомянутым выше «общим» болезням, у России было еще две собственных, застарелых.

Во-первых – целый комплекс «национальных вопросов», образовавшихся в ходе имперской экспансии. Собственно, именно это обстоятельство (необходимость держать под контролем разноплеменные регионы) и являлось главной причиной «ордынского» государственного устройства.

Во-вторых – неразрешимый конфликт между правительством и Обществом.

Во многих исторических исследованиях утверждается, что самодержавие пало под натиском революционного движения. Это совершенно не соответствует действительности. Могильщи-

ками царской империи стали не революционеры, а «эволюционеры», люди вполне мирные, баррикад не строившие и бомб не кидавшие. Эта коллизия – раскол между Государством и Обществом – является коренной сюжетной линией описываемого периода.

Такова общая историческая логика катастрофы 1917 года (а тотальный распад государства, даже скверно устроенного, – всегда катастрофа).

События же развивались следующим порядком.

На первом этапе, продлившемся лет пять, в стране сохранялась иллюзия стабильности. Всё было более или менее тихо. Однако в отношениях между новым императором и Обществом сразу возникла трещина: надежды либералов на то, что теперь станет легче дышать, были разбиты **первым же публичным заявлением** Николая II, что всё останется по-прежнему.

Оставить всё по-прежнему не получилось, потому что с 1900 года разразился общемировой экономический кризис, больнее всего ударивший по России. Закрывались фабрики и заводы, сотни тысяч рабочих оказались на улице, без средств

к существованию. Упадок экономики растянулся почти на десять лет, постоянно бурлило социальное недовольство. Эта ситуация и привела к драматическим событиям 1905–1907 годов, едва не обрушившим самодержавие.

Еще до промышленного кризиса, в 1899 году начались студенческие волнения. Произошел малозначительный конфликт между учащимися и администрацией в Санкт-Петербургском университете. Власти отреагировали на молодежный бунт с неадекватной суровостью: студентов исключали, самых непоседливых отдавали в солдаты. Один из пострадавших в начале 1901 года застрелил министра просвещения. Это событие стало началом **новой волны терроризма**, после двадцатилетнего затишья.

Растущий антагонизм между Обществом и властью привел к тому, что либеральная интеллигенция перешла от тихого ворчания и салонного фрондерства к действиям. В 1902 году возникает **первая оппозиционная организация** не революционного, а «эволюционистского» направления. Оживилось и революционное подполье, разделенное на два основных потока: **социалистов-революционеров** (эсеров) – наследников русского

народнического движения, уповавшего на крестьянский бунт, и **социал-демократов** (эсдеков) – адептов западноевропейского, марксистского учения о передовой роли рабочего класса.

В условиях экономического кризиса, крестьянских волнений, общественного брожения и террористической угрозы царское правительство решило повторить удачный опыт 1877 года, когда патриотический порыв, вызванный турецкой войной, на время отвлек Общество от политической борьбы. Идея «маленькой победоносной войны» возникла у министра внутренних дел В. Плеве, главного борца с революционной заразой. Имелся и хороший повод, обусловленный имперскими интересами: **российская экспансия на Дальнем Востоке** – в Китае и Корее – столкнулась со встречной экспансией быстро усиливающейся Японии. При тогдашнем европейском комплексе расового превосходства в Петербурге не сомневались, что победа великой России над «азиатами» будет легкой.

Однако **Русско-японская война** стала для империи еще большим ударом, чем полвеком ранее Крымская. Тогда по крайней мере сражались с коалицией ведущих европейских держав и

борьба была упорной, теперь же русская армия и русский флот терпели поражение за поражением – и от кого? От небольшой страны, находившейся где-то на краю географической карты.

Общественная реакция на национальный позор была острой – на всех уровнях. Больше всего власти были встревожены настроениями столичного пролетариата. 9 января 1905 года колонны петербургских рабочих с нескольких направлений двинулись к царскому дворцу, намереваясь подать петицию о прекращении войны, свободе печати, восьмичасовом рабочем дне. Принять петицию означало бы поддаться давлению снизу – это противоречило всем правилам самодержавного режима. Правительство предпочло применить силу. Войска открыли огонь, было много убитых и раненых. С этого дня, «Кровавого воскресенья», страна вошла в эпоху, которую принято называть **Первой русской революцией**, хотя это скорее был период массовых беспорядков, то обострившихся, то на время затихавших. По всей стране шли стачки, крестьянские бунты, террористы стреляли в администраторов и полицейских, произошло и несколько вооруженных восстаний. Самым опасным для государства стало то, что

к революционерам примкнули «эволюционеры» – теперь они тоже были за революцию.

Заключение **Портсмутского мира** с Японией в августе 1905 года нисколько не снизило накала борьбы. Она достигла пика осенью, когда началась всероссийская политическая забастовка. Остановились железные дороги, кровеносная система огромной страны. Перестали выходить газеты. Прекратились занятия во многих учебных заведениях.

Тогда правительство сменило стратегию. 17 октября вышел царский манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», предоставлявший россиянам все базовые демократические права: личности, совести, слова, собраний и политической деятельности.

Этот шаг расколол ряды оппозиции. Вооруженную борьбу с самодержавием готовы были продолжать только революционеры. «Эволюционеры», составлявшие основную часть Общества, получили то, чего добивались, и увлеченно занялись **созданием политических партий**, выборами и прочей легальной деятельностью. Ситуацию окончательно переломил новый глава правительства – энергичный и умный государст-

венник Петр Столыпин, продолживший линию, опробованную четверть века назад Лорис-Меликовым. Сурово расправляясь с революционерами, он сумел наладить отношения с **Думой**, новосозданным парламентом, главное же – перенаправил активность крестьянской массы из протестного регистра в экономический. Столыпин запустил **аграрную реформу**, целью которой было создание фермерского класса. Однако деятельность премьера вызвала сильное сопротивление с обоих флангов – и правого, и левого. Сначала консервативное лобби подорвало политическое влияние Столыпина, а затем реформист-государственник пал от руки террориста. **Последняя попытка спасти самодержавный строй закончилась неудачей.** Впрочем она в любом случае была обречена. Если бы монументальное преобразование стартовало двадцатью годами ранее, у него имелись бы шансы на успех. Но в те времена Александр III с Победоносцевым крепко держались за старину, а теперь было уже поздно: до мировой войны оставалось слишком мало времени. Крестьянское население, всегда недоверчивое к новому, только зашевелилось, осваивая новые возможности, когда грянул 1914 год.

Узел межимперских и межнациональных противоречий, приведших к глобальной катастрофе, ту же всего завязался на Балканах. Ослабевшая Османская империя и ее бывшие колонии, ныне независимые государства, ссорились из-за территорий. В 1912–1913 годах в этом регионе одна за другой произошли **две кровопролитные войны**. Обострялось и соперничество между Веной и Петербургом из-за влияния на Сербию.

Искрой стало убийство сербскими заговорщиками-националистами наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда 28 июня 1914 года – и огонь понесся по бикфордову шнуру.

Вена решила воспользоваться этим предложением, чтобы оккупировать Сербию. Петербург воспротивился и объявил мобилизацию. В ответ мобилизовалась Германия, союзница Австро-Венгрии. Тут же мобилизовалась Франция. Затем, немного поколебавшись, союзников по Антанте поддержала Британия. Загрохотали пушки. Вскоре мир поделился на два враждующих лагеря. Сражения шли на востоке и на западе Европы, на Ближнем и Дальнем Востоке, в Африке, на всех океанах. Погибнет около 20 миллионов

человек, распадется несколько империй, а Россия войдет в полосу тяжелейших потрясений и трагедий, которая растянется на десятилетия.

Участие царской России в мировой войне ограничилось тремя кампаниями: 1914-го, 1915-го и 1916-го годов. В 1917 году войну будет вести республиканское правительство, а закончится всемирная бойня в 1918 году уже без российского участия – русские в это время будут ожесточенно убивать друг друга.

В упрощенном виде три кампании, в которых участвовала царская армия, можно описать так.

В 1914 году германский генштаб попытался осуществить «План Шлиффена», согласно которому следовало молниеносно разгромить Францию, пока не мобилизовалась Россия. Но немецкое наступление на Западном фронте замедлилось из-за неожиданно упорного сопротивления Бельгии, а Россия активно включилась в боевые действия раньше, чем ожидалось. Правда, из-за спешки царские полководцы угодили в капкан и русская армия понесла тяжелый урон, но германский блицкриг сорвался.

В 1915 году командование Центральных держав попыталось вывести из войны теперь уже

восточного противника и обрушило всю мощь на Россию, а на западном театре установилось относительное затишье. Однако несмотря на огромные потери живой силы и территорий прочное к внешним ударам «ордынское» государство выстояло. Собственно, с этого момента исход мировой войны был предрешен: долгой войны на два фронта Германия и Австро-Венгрия выдержать не могли.

В 1916 году на западе континента шла кровавая бойня, бессмысленная и безрезультатная. На востоке же русские, в свою очередь, попытались вывести из игры более слабого противника – австрийцев. Из этого тоже ничего не вышло. Австро-Венгрия устояла.

Фронтовые события сыграли в российской истории хоть и важную, но не определяющую роль. Как уже говорилось, империя пала не в результате военного поражения, а вследствие внутреннего кризиса. «Ордынская» система способна пережить тяжелейшие людские потери, огромные расходы, экономическую разруху, даже (как при наполеоновском нашествии) оставить Москву. Ресурсы прочности такого государства при одном только внешнем воздействии

поистине бесконечны, что впоследствии продемонстрирует и 1941 год. Однако внутренний раздор, подрывающий самую основу конструкции, ее властную «вертикаль», для этой системы смертельно опасен. В 1605 году Московское царство погубила десакрализация престола. В 1917-м, во-первых, произошло то же самое – престиж царской власти радикально упал из-за **«распутинщины»**; а во-вторых, наличие второй ветви власти, даже такой декоративной как думский «недопарламент», создало самодержавию альтернативу, то есть подточило главную опору его прочности.

Причиной внутриполитического кризиса стало то, что правительство не справлялось с ситуацией. Страна оказалась не готова к столь продолжительной войне. Не хватало всего: пушек, снарядов, обмундирования, рабочих рук. Мобилизовали шесть с половиной миллионов запасных, а винтовок на складах имелось только пять миллионов. Фронту ежемесячно требовался миллион снарядов, а поставляли в десять раз меньше. Из-за того что столько работников были оторваны от труда, начались перебои с продовольствием.

Транспортная система захлебывалась. Пришлось вводить карточки, резко возросли цены.

В июле 1915 года возникли две мощные общественные организации, призванные выполнить работу, на которую не хватало сил у государства. «Военно-промышленные комитеты», созданные предпринимателями, занялись распределением сырья и заказов, взяв на себя роль посредников между частным бизнесом и официальными структурами. «Земгор», объединенный комитет Земского и Городского союзов (первый объединил земских деятелей, второй – депутатов городских дум) взял на себя распределение оборонных заказов среди мелких предприятий и кустарей, но не ограничился этим и со временем занялся военно-строительными работами и проблемой транспорта.

Активизация общественных представителей очень помогала фронту, но в то же время таила в себе серьезную опасность для власти. Либеральные круги не желали оставаться исполнителями, они хотели участвовать в принятии государственных, в том числе политических решений – после военных поражений в компетентность правительства никто не верил.

Именно с этого момента, с лета 1915 года, начинается непрекращающийся конфликт либеральной оппозиции с самодержавием – конфликт, который закончится падением монархии.

Крах произошел еще и из-за того, что верховная власть совершила несколько тяжелых ошибок. (Случайностью это, однако, считать нельзя. В условиях бесконтрольности авторитарные режимы не могут не совершать тяжелых ошибок).

Во-первых, как уже было сказано, феномен Распутина чудовищно подорвал пресловутую «сакральность». Во-вторых, Николай II в 1915 году назначил главнокомандующим самого себя, и это еще больше подмочило его репутацию – стало невозможно сваливать вину за неудачи на генералов. В-третьих, царь теперь почти всегда находился в Ставке, а не в Петрограде (название «Петербург» звучало слишком по-немецки, и город переименовали). Не окажется Николая в столице и во время восстания. Наконец, очень опасно было устраивать из Петрограда пункт сбора резервов. «Запасных» в столице скопилось до двухсот тысяч. Они очень не хотели отправляться на фронт и представляли собой весьма взрывоопасный материал.

Великая империя – а вернее царская власть в городе Петрограде – **развалилась в несколько дней**. Вечером 26 февраля его величество у себя в Ставке еще безмятежно играл в домино (так записано в его дневнике), а на следующий день царское правительство уже капитулировало.

Генералитет, министры, правые монархические организации, даже августейшие родственники – все бросили помазанника. Против него взбунтовалась даже собственная гвардия.

2 марта царь отрекся от престола в пользу брата Михаила. На следующий день отрекся и Михаил. Монархии настал конец. Вскоре наступит конец и российскому государству. Оно рассыплется как карточный домик.

ПОДРОБНОСТИ

«Бессмысленные надежды»

Поначалу наследник сурового Александра III очень понравился Обществу. Все преисполнились надежд, что такой молодой и миловидный государь станет править по-новому, что атмосфера очистится и начнутся перемены.

Однако Николай ничего менять не собирался. Во-первых, из почтения к памяти отца; во-вторых, из-за неуверенности в себе; в-третьих, из-за того, что вся правительственная команда осталась прежней. Общая логика была такая, что от добра добра не ищут. Раз в стране всё спокойно, пусть так и останется.

Первый же публичный акт правителя – речь, произнесенная 17 января 1895 года перед представителями дворянства, земств и городов, – положил конец иллюзиям. Царь сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду

охранять начала самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

Особенно всех сразил эпитет «бессмысленные» применительно к заветным чаяниям интеллигенции. Есть версия, что в подготовленном тексте было написано «беспочвенные» и царь оговорился, но так или иначе, Общество оскорбилось и начало относиться к новому самодержцу враждебно. Впоследствии это отношение уже не менялось.

Вторая волна терроризма

Начавшись в 1901 с убийства министра просвещения, новый период политических терактов уже не прекращался до самого конца империи – вплоть до расправы с Григорием Распутиным, произошедшей в декабре 1916 года.

Однако у этого кровопролития были всплески и спады.

До 1905 года покушения были относительно редки, их жертвами становились должностные лица самого высшего эшелона. В 1902 году был застрелен министр внутренних дел Сипягин, слывший «ястребом». В 1904 году взорвали его

преемника, еще более жесткого Вячеслава Плеве.

Но после «Кровавого воскресенья» началась настоящая вакханалия террора. 4 февраля 1905 года от бомбы погиб великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор. Началась настоящая охота на слуг режима, притом самого разного ранга, вплоть до рядовых полицейских. Общее число жертв индивидуального террора на пике, в 1905–1907 годах, превысило 9000 человек. Затем волна убийств пошла на спад, но полностью не затухла. В 1908–1910 годах, то есть в годы, считавшиеся относительно спокойными, были убиты еще 732 государственных служащих плюс три с лишним тысячи «частных лиц». Всего же в начале XX века при терактах было убито и ранено около семнадцати тысяч человек.

Это была настоящая война. Самой действенной подпольной организацией, на счету которой было больше всего громких терактов, являлась «Б.О.», «Боевая организация», созданная в 1902 году. Формально она была ответвлением партии социалистов-революционеров, но со временем превратилась в отдельную политическую

силу, которая сама выбирала своих жертв. Царской тайной полицией удалось внедрить в эту структуру своего агента Евно Азефа, который возглавил «Б.О.» и создал весьма причудливую схему: он водил за нос и революционеров, и полицейских. Некоторые теракты Азеф совершал, чтобы не утратить доверие товарищей, другие же проваливал – чтобы получать вознаграждение от Охранки. Эта мутная и грязная афера длилась несколько лет. В конце концов разоблаченный, авантюрист сумел скрыться.

Либералы переходят от слов к делу

Этой короткой фразой можно пересказать суть процессов, которые происходили внутри Общества накануне большого политического кризиса, разразившегося в 1905 году.

Конечно, «дело» все равно ограничивалось словами, но для мыслящего сословия они и есть главное оружие, поскольку формируют и направляют общественное мнение. Без его поддержки любые революционные действия, даже самые решительные и успешные, ничего не дадут.

С 1902 года самые деятельные представители Общества стали всерьез готовиться к

борьбе с режимом – ненасильственной, но основательной. Впоследствии эти события будут вызывать у историков несравненно меньший интерес, чем действия революционных партий, однако, повторю еще раз, в крахе царизма главную роль сыграют не бомбисты, а «эволюционисты», поэтому здесь важен каждый шаг.

Началось, как водится у интеллигенции, с издания журнала. Он выходил в Германии, назывался «Освобождение», в Россию доставлялся нелегально. С этой камерной инициативы стартовало движение, постепенно разворачивавшееся всё шире. В донесении заграничной агентуры Охранки (где служили очень неглупые люди) говорилось, что «Освобождение» по-настоящему опасно, ибо свидетельствует об укреплении «либерального движения», которое «в самом ближайшем будущем явится неизбежным фактором падения самодержавия».

Второй шаг по оформлению либеральной оппозиции произошел в следующем, 1903 году. Авторы и сторонники журнала собрались в Швейцарии, чтобы создать организацию. Она получила название «Союз освобождения». Своей задачей

эти люди считали легальную борьбу за изменение существующего строя.

В январе 1904 года – уже в России, с соблюдением конспирации – прошел первый съезд «Союза». По всей стране возникли его отделения.

Осенью того же года, объединившись с представителями земского движения, либеральные активисты перестали конспирироваться и подали правительству заявление с требованием политических свобод и народного представительства.

В условиях неудачной войны и назревающей революционной ситуации царь не захотел еще большей конфронтации с относительно умеренной оппозицией и пообещал государственную реформу. До нее еще было далеко, официальная линия несколько месяцев будет метаться то вправо, то влево, и всё же именно в этот момент, в ноябре 1904 года, российское Общество впервые почувствовало, что ему под силу изменить государственный строй.

Эсеры

В российском революционном движении можно выделить два идеологических направления и два основных способа действий.

Представителей первого направления можно назвать «неонародниками», потому что они следовали в русле прежнего народничества, рассчитывавшего на «природную революционность» крестьянства. В представлении теоретиков «народного социализма» (их называли и так) русский крестьянин склонен к коллективизму по самой своей ментальности. Доказательство тому – прочность общины, естественной ячейки будущего социализма. Нужно всего лишь настроить деревню против царизма, и тогда самодержавию конец. Эта концепция для многих выглядела не просто убедительной, а единственно возможной в условиях сельской страны, где так остро стоял аграрный вопрос.

Постнароднические кружки начали возрождаться во второй половине девяностых годов. В самом начале XX века, когда из-за неурожаяев начались крестьянские волнения, эти разрозненные группы объединились в партию социалистов-революционеров.

В дальнейшем внутри обоих течений, «крестьянского» и «рабочего», начнется деление уже не по концептуальному, а по тактическому принципу: каким способом лучше свалить монар-

хию – словом или прямым действием? Революционное движение разделится на «пропагандистов» и «боевиков».

У эсэров появится легальное крыло, действующее публично и даже участвующее в думских выборах; появится и воинственное подполье («Боевая Организация»), которое продолжит дело «Народной воли», выбрав главным своим инструментом политический террор.

Эсдеки

Те же процессы происходили с социал-демократами.

Марксистская ветвь революционеров на крестьян не надеялась, а делала ставку на российский промышленный пролетариат. Этот класс, не имея частной собственности, был более восприимчив к идее коммунистического общества и, в условиях коллективного труда, лучше подходил для устройства совместных акций.

В 1898 году возникла Российская социал-демократическая партия, поначалу очень слабая, но укрепшаяся, когда «стабильность» истончилась и общественная атмосфера стала накаляться.

С 1903 года РСДРП разделилась (как и эсеры) на две части: «меньшевиков», боровшихся с царизмом в рамках законности, и «большевиков», существовавших нелегально и готовивших вооруженные восстания. (К личному террору большевики относились скептически, поскольку, согласно их теории, победу трудовому народу должен был принести не героизм одиночек, а массовое восстание пролетариата).

Основные усилия государство и его могущественные спецслужбы тратили на борьбу с нелегалами: в первую очередь с эсеровскими боевиками, во вторую – с большевистскими агитаторами. Однако в самые первые дни мировой войны директор Департамента полиции В. Брюнде-Сен-Ипполит сделал в докладной записке пророческую запись: «первенствующее руководящее значение» в революции сыграют вовсе не эсеры и эсдеки, а оппозиционная часть общества, «лицемерно отвергающая насилие». «...На том этапе движения, до которого доведет общее мятежное выступление революционных сил, представители кадетской [леволиберальной] партии займут важнейшие правительственные посты, почему будут достигнуты расширение

свободы слова, союзов, собраний и т.п., то есть создадутся такие условия, при которых усиленная социалистическая пропаганда и агитация почти не будут встречать противодействия, что, в свою очередь, ускорит приближение к осуществлению программы всех социально-революционных партий – к водворению в России республики».

Так всё и произойдет. Глава полиции предвидел ход событий, но не мог их предотвратить.

Проект «Желтороссия»

В конце XIX века Китай становится главным объектом вожделений для всех империй, и с империалистической точки зрения Санкт-Петербургу медлить было нельзя. К Китаю тянули руки Британия, Япония, Германия, Америка.

При Александре III был разработан гигантский проект строительства транссибирской железнодорожной магистрали, которая должна была многократно облегчить дальневосточную экспансию. Трассу строили с невероятной скоростью, не жалея средств.

После восшествия на престол Николая II сформировалась так называемая «Большая

азиатская программа». Если во времена первого Николая много говорили о том, что историческая миссия России – водрузить крест над Константинополем, то при втором Николае миссией стали считать освоение тихоокеанского региона.

В 1895 году, когда маленькая Япония неожиданно для всех разгромила в войне китайского колосса и слишком хищно воспользовалась плодами победы, три европейские державы – Россия, Франция и Германия – вмешались в раздор между «азиатами» с позиции «белого человека». Японию заставили смягчить условия мира, в частности отказаться от Ляодунского полуострова, удобного плацдарма для проникновения вглубь Китая. Два года спустя русские забрали этот полуостров себе в многолетнюю аренду. Там находился незамерзающий Порт-Артур, пригодный для базирования флота. Кроме того Китай позволил России строить на своей территории железную дорогу, которая соединила бы Ляодун с Владивостоком.

Зона Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) отдавалась под юрисдикцию России, которая таким образом фактически получала контроль над Маньчжурией. Постепенно наверху

укреплялось мнение, что богатую и сравнительно (по китайским меркам) малолюдную Маньчжурию неплохо бы вообще присоединить к России. Со временем этот проект получил название «Желтороссия». Базой колонизации должна была стать КВЖД, вдоль которой планировалось построить десятки городов и поселков, где жили бы русские переселенцы. Была создана частная армия, «Корпус пограничной стражи». Формально она должна была защищать дорогу, но на деле обеспечивала российское владычество в будущей «Желтороссии».

Возник и план превращения в российский протекторат Кореи.

Русско-японская война

Если для России китайско-корейский вектор был одним из направлений экспансии – помимо балканского и босфорского, то у Токио все планы имперского строительства связывались исключительно с этим регионом.

После нескольких неудачных попыток договориться с Петербургом о разделе сфер влияния, дальневосточная империя начала готовиться к войне. Царское правительство ее не боялось

и даже хотело. Российский ВВП был втрое больше японского, население – тоже. Русская армия мирного времени насчитывала 900 тысяч штыков и сабель, а японцы могли позволить себе содержать только 150 тысяч солдат. К тому же в Петербурге были уверены, что воины микадо способны побеждать только китайцев, а перед настоящей европейской армией не устоят.

Между тем военное превосходство России было мнимым. Дальний Восток был задним двором империи. Там имелось не более 100 тысяч солдат, разбросанных на обширном пространстве от Владивостока до Ляодуна: 20 тысяч защищали Порт-Артур, еще столько же стояли гарнизонами в Маньчжурии; остальные находились далеко, в Уссурийском крае. Японцы же могли при мобилизации увеличить армию до полумиллионного состава и быстро переправить ее через Корейский пролив.

Еще хуже для России была ситуация на море. В целом российский флот был в несколько раз больше японского, но его основные силы опять-таки находились за тысячи километров от театра будущей войны. На Тихом океане соотношение складывалось в пользу японского флота.

География вкупе с неожиданно (для русских) высокими боевыми качествами японской армии и определили ход войны.

Она началась в январе 1904 года.

Стратегически всё выглядело незатейливо. Японцы пытались взять сильно укрепленный Порт-Артур, до которого им было ближе; русские из северной Маньчжурии пытались прорваться на выручку. Попытки эти оказались неудачны. В декабре обессиленный порт-артурский гарнизон капитулировал.

После этого смысла продолжать войну уже не было, и Россия вела ее в расчете хотя бы добиться неунизительных условий мира – ради «спасения лица». Но в феврале 1905 года русская армия понесла тяжелое поражение под Мукде-ном, а в мае русский флот был уничтожен в Цусимской битве.

Эти неудачи вкупе с внутренними беспорядками заставили царское правительство вступить в мирные переговоры.

Первая русская революция

«Кровавое воскресенье» вызвало волну общественного возмущения. Казалось, в стране не

осталось классов, которые поддерживают правительство.

Весна прошла в обстановке всеобщей взвинченности. Либеральное Общество бурлило, рабочие бастовали, крестьяне волновались. После того, как под Мукденом разбили армию, а при Цусиме флот, беспорядки вышли на новый уровень – теперь они все чаще сопровождались столкновениями с полицией.

В июне 1905 года рабочие демонстрации в Лодзи закончились баррикадами и уличными боями. Жертв было больше, чем в «Кровавое воскресенье». Сразу после этого поднялась Одесса и взбунтовался экипаж броненосца «Князь Потемкин-Таврический» – первый случай мятежа в вооруженных силах.

Все лето ширилось стачечное движение, происходили митинги и манифестации, демонстранты дрались с полицией, террористы стреляли и кидали бомбы, легальные и нелегальные оппозиционеры пытались выработать совместный курс действий. В конце концов им это удалось, и осенью противостояние вошло в критическую фазу. В октябре началась всероссийская политическая забастовка. Всё остановилось.

Вот в какой обстановке вышел эпохальный манифест – вынужденная уступка мощному протесту, справиться с которым у государства не было ни умения, ни ресурсов.

Многим группировкам обширного оппозиционного лагеря уступок, перечисленных в Манифесте, показалось мало.

Поляки и финляндцы требовали независимости. Рабочие преисполнились ощущения своей силы и выдвигали все новые требования. Опаснее всего было то, что участились военные мятежи. В Кронштадте, то есть в непосредственной близости от столицы, матросы на два дня захватили город – пришлось отправлять туда лейб-гвардию. Во Владивостоке взбунтовались возвращавшиеся с японской войны солдаты. В Севастополе произошло восстание и в армейских частях, и на флоте; мятежный крейсер «Очаков» пришлось подвергнуть артиллерийскому обстрелу.

В деревне новость о «свободах» восприняли обычным образом – вот наконец крестьянам отдадут помещичью землю, и когда этого не произошло, крестьяне стали забирать ее сами. Особенно бурно этот процесс происходил в Лифляндии.

дии и Курляндии, где к социальной розни присоединялась национальная, поскольку крестьяне были латыши, а помещики – немцы. Восставшие нападали не только на усадьбы, но и на солдат, пытавшихся сохранить порядок.

Власти действовали по-аварийному: пытались гасить пожары после того, как те уже вспыхнули, причем пробовали и кнут, и пряник. Строгости вызывали в Обществе и народе ожесточение, поправки придавали борцам с режимом смелости. Всюду повторялась одна и та же история: вспыхивал очередной бунт, прибывали войска, лилась кровь, зачинщиков казнили или отправляли на каторгу. Потом террористы начинали мстить, убивая особенно ревностных карателей. Насилие порождало насилие.

В декабре 1905 года в Москве шли кровопролитные уличные бои. Подавлять восстание пришлось гвардии. Вооруженное восстание вспыхнуло и в Ростове-на-Дону.

Самые кровавые инциденты произошли в финляндской крепости Свеаборг, на Черноморском флоте, где восстал еще один боевой корабль – крейсер «Память Азова», снова в Крон-

штадте (всё это июль 1906 года), в Варшаве и Лодзи (август 1906 года).

Борьба пошла на спад только тогда, когда новый премьер-министр Столыпин 25 августа 1906 года провозгласил «двойной курс»: правительство будет непримиримо воевать с экстремистами и искать общий язык с Обществом.

Беспорядки так и не переросли в революцию, потому что Общество перестало поддерживать революционеров. Те продолжали вести террористическую деятельность, но теперь «прогрессивная общественность» ей уже не рукоплескала, а ужасалась кровопролитиям. Либералы устали от потрясений, им было интересней и приятней бороться за новую Россию не на баррикадах, а в Думе и в прессе.

Портсмутский мир

В мире были очень заинтересованы и Россия, и Япония, поэтому договорились быстро. России, сотрясаемой стачечным движением и террористическими актами, стало не до Маньчжурии, но и японское правительство находилось в отчаянном положении – военные расходы поставили казну на грань банкротства.

Обе стороны с готовностью приняли предложение американского президента Теодора Рузвельта о посредничестве.

Российскую делегацию возглавил Сергей Витте, который в свое время пытался отговорить царя от столкновения с Японией. Витте сумел выторговать условия, которые в Петербурге были восприняты с огромным облегчением. Россия уступала половину острова Сахалин и Ляодунский полуостров, а также признавала Корею японской «зоной интереса», зато не выплачивала контрибуции.

Главное историческое значение Портсмутского мира заключалось в том, что, столкнувшись с преградой на Востоке, Россия вновь стала считать приоритетной зоной своих интересов Балканы. Девять лет спустя это приведет к мировой войне.

Политические партии

Из многочисленных партий, возникших после выхода октябрьского Манифеста, важную роль в падении самодержавия сыграли две.

Конституционно-демократическая партия («кадеты»), возникшая на основе «Союза осво-

бождения», являлась леволиберальной. В ее программу входили созыв Учредительного собрания как высшего органа власти, немедленное освобождение политзаключенных, предоставление избирательного права женщинам и прочие пункты стандартной демократической повестки. Вскоре эта группировка переименовалась в «Партию народной свободы», но в обиходной речи для всех они остались «кадетами». Самым известным деятелем партии был историк Павел Милюков (1859–1943). Его, университетского преподавателя, в мрачные 90-е годы за всего лишь «намек на общие чаяния свободы» сначала отправили в ссылку, а затем и посадили в тюрьму. После этого Милюков стал ведущим автором эмигрантского журнала «Освобождение», а затем одним из создателей «Союза освобождения».

По отдельным вопросам «кадеты» готовы были поддерживать правительство, но в целом считали себя самостоятельной силой, которая одинаково далека и от реакционеров, и от революционеров.

Создатели другой партии, «Союза 17 октября» («октябристы») были в целом удовлетворены уже полученными правами и в дальнейшем

собирались сотрудничать с правительством – если оно не нарушит данных в Манифесте обещаний. Это была партия умеренных либералов, стремившихся по возможности избегать конфронтации и потрясений. В руководство входили предприниматели, крупные землевладельцы, государственные служащие – то есть люди практические. Лидером «октябристов» был Александр Гучков (1862–1936), личность сильная и яркая. В нем будто уживались два разных человека: методичный организатор и темпераментный искатель приключений. Он послужил мировым судьей, был товарищем московского городского головы, управлял банками и компаниями – и в то же время дрался на дуэлях, путешествовал по глухим турецким провинциям для изучения бедственного положения армян; ездил в далекий Тибет встретиться с далай-ламой; странствовал по Монголии и Средней Азии; в Маньчжурии строил КВЖД; в Южной Африке сражался с англичанами на стороне буров (и был ранен); в Китае воевал с «боксерами»; в Македонии участвовал в антитурецком восстании; на японской войне попал в плен и так далее.

Для правительства Гучков являлся попеременно то важным союзником, то опасным противником.

Проблемы у правительства начинались, когда «октябристы» смыкались с «кадетами» – это всегда было симптомом серьезного политического кризиса. Один из них и привел к краху царского режима. Вождями революции стали не революционеры Ленин с Троцким, а профессор Миллюков и миллионер Гучков.

Государственная Дума

Строй, установившийся в России после Манифеста и просуществовавший до Февральской революции, называли «думской монархией». «Думская» не означало «парламентская», потому что реальных возможностей участвовать в управлении страной у депутатов не было. Весь состав правительства назначался и утверждался личным решением императора. Не мог парламент и отправить правительство в отставку. Депутаты имели право делать запросы министрам о «незаконных деяниях» и, если не удовлетворялись полученным разъяснением, *доводить до государя свое недовольство* – не более. В случае конфлик-

та правительство имело право на время распустить Думу, что неоднократно и случалось.

Первые выборы 1906 года равными не являлись. Избиратели были разделены на четыре «курии»: землевладельческую, городскую, крестьянскую и рабочую. Высшая курия, помещичья, получала одного депутата от 2 000 избирателей, а низшая, рабочая, от 90 000. И тем не менее состав Думы с точки зрения правительства получился катастрофическим. Левые имели абсолютное большинство. Правых, то есть сторонников традиционного самодержавия, было немного. Центристов – на эту позицию претендовали «октябристы» – прошла всего горстка.

Первая Дума сразу же заявила претензии на реальную политическую власть, которой самодержавие делиться не собиралось, оно планировало занять народных представителей всякими малозначащими вопросами. При столь разном представлении о назначении парламента никакой совместной работы, конечно, не получилось. Тогда депутаты почти единогласно выразили кабинету «формулу недоверия». Каждый раз, когда выступал какой-нибудь министр, в зале кричали

«в отставку!». 27 апреля Думу торжественно открыли, а 9 июля уже распустили.

На новых выборах, в ноябре, получилось еще хуже, потому что революционные партии, бойкотировавшие первую кампанию, теперь одумались и тоже подключились к электоральной борьбе. В результате вторая Дума, начавшая заседать в феврале 1907 года, опять получилась неуправляемой. Тон в ней задавали левые радикального толка.

Правительство терпело оппозиционную агитацию с парламентской трибуны три с половиной месяца, а потом закрыло и это собрание.

Пришлось кардинально изменить избирательный закон. Теперь землевладельцы получали в Думе гарантированное большинство мест. Второе сократилось и число мандатов для «некоренных» национальностей, что очень усилило промонархистское, шовинистическое крыло.

Лишь теперь Дума стала более или менее «рабочей». Оппозиция по-прежнему произносила дерзкие речи, но при голосовании обычно оказывалась в меньшинстве, и нужные власти законы принимались – а общественное недовольство уходило «в пар».

Такою же получилась и четвертая Дума, избранная в 1912 году и прозаседавшая до конца империи. Тон в ней задавали «фланги» – левый и правый. Взаимные оскорбления и шумные скандалы были обычным атрибутом заседаний. Вообще «шоу-составляющая» превратилась чуть ли не в главный элемент российской парламентской жизни. Пока обстановка в стране не стала критической, особенных проблем правительству это не доставляло. Но когда под гнетом военных поражений 1915 года общественные настроения резко радикализировались, то же произошло и с Думой. Центр сдвинулся влево и сомкнулся с оппозицией. Это создало в стране предреволюционную ситуацию.

Столыпинская реформа

Если изложить самую суть, программа преследовала три цели. Во-первых, превратить крестьянский класс в фермерский, упразднив общину. Во-вторых, повысить производительность сельского хозяйства. В-третьих, заселить и обработать плодородные земли, пустовавшие на востоке страны.

В течение лета и осени 1906 года вышла серия постановлений, представлявших собой подготовку к главному шагу. Из удельных и казенных угодий был создан земельный фонд в несколько миллионов гектаров, предназначенный для передачи частным владельцам. Крестьянский банк получил средства на выдачу кредитов для приобретения наделов.

После этого 5 ноября 1906 года вышел указ: «...Крестьяне приобретают право свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходящих к личному владению, участков из мирского надела».

Земли, ранее находившиеся в коллективной собственности, теперь делились между хозяевами. На правительственную ссуду можно было приобрести новые наделы или взять их в аренду. Тем, кто был готов переселиться на восток – в Сибирь и современный Казахстан – правительство оказывало денежную помощь и бесплатно выделяло пахотную землю в пользование.

Понадобилось провести огромную работу, чтобы разделить общинные земли, разработать механизм урегулирования неизбежных конфликтов, организовать массовую миграцию, обрабо-

тать заявки на получение ссуд, обустроить переселенцев.

Неповоротливая государственная машина справлялась с этими головоломными задачами неважно. Не хватало землемеров, во многих регионах местная администрация оказалась не готова к решению непривычных задач. Наконец и сами крестьяне с их природной осторожностью не очень-то спешили менять свою жизнь.

За пять с половиной лет, остававшихся до начала большой войны, собственность на землю оформила всего пятая часть крестьян-домохозяев. На восток вместо 25 миллионов, как планировал Столыпин, переехали и остались там примерно три с половиной миллиона. Нет, фермерского класса за это время не возникло.

Конец реформатора-«государственника»

Проблемы с консервативным лобби у Столыпина обострились, когда он собрался перейти к следующему этапу аграрной реформы – политическому. Для этого нужно было усилить роль земств, основного двигателя задуманных преобразований.

Весной 1911 года премьер подготовил законопроект о введении земского устройства в западных губерниях – важном и населенном регионе, который до сих пор обходился без этого института. При этом тамошнее дворянство не должно было иметь сословных привилегий при выборах. Столыпин объяснял это сугубо имперскими соображениями – желанием ограничить засилие польского элемента, ведь западные дворяне по преимуществу принадлежали к шляхте. Однако прецедент бессословных выборов не мог впоследствии не сказаться и на выборах в остальных частях империи. Это была подготовка к тому, что в будущем представители крестьянства станут играть ведущую роль в жизни страны.

Подобная перспектива никак не устраивала приверженцев традиционного самодержавия. Законопроект набрал большинство в Думе, но был отвергнут Государственным Советом. Произошло это после того, как царь велел его членам «голосовать по совести», то есть фактически воздержался от поддержки проекта. Именно так – как высочайшее разрешение голосовать против – истолковали сановники эти слова.

Столыпин поставил царю ультиматум: если закон не будет принят, он подает в отставку. Николай уступил. Столыпин провел реформу административным порядком, без одобрения Государственного Совета. Но это была Пиррова победа. Ни высшее чиновничество, ни сам император не простили премьеру выкручивания рук.

После этого глава правительства занимал свой пост еще полгода, но его положение стало шатким.

Убийство Столыпина, произошедшее 18 сентября 1911 года, вызывало у современников подозрение: не является ли истинным организатором Охранка. Очень уж многим внутри государственного аппарата мешал этот человек, а убийца, как вскоре выяснилось, являлся секретным агентом Охранного отделения.

Споры о том, кто водил рукой стрелявшего, длятся и поныне, однако все историки согласны в том, что, если бы Столыпина не сразила пуля террориста, премьера все равно убрали бы с занимаемого поста.

Балканские войны

Ситуация на Балканах была воспаленной и без австрийско-российского противостояния.

Турция продолжала слабеть. В 1912 году вспыхнули восстания в Македонии и Албании. Турецкие власти, как обычно, ответили репрессиями. Это дало повод четырем соседним странам – Черногории, Болгарии, Сербии и Греции – заступиться за угнетенные народы. Бои продолжались всего месяц, потом Стамбул запросил мира.

Но тут военные-младотурки, уязвленные национальным позором, устроили очередной переворот. Захватив власть, они продолжили боевые действия.

Воевали еще полгода, после чего и новому турецкому правительству пришлось признать поражение. Однако, отдавая коалиции почти все свои европейские владения, турецкие дипломаты поступили очень хитро: победители сами должны были распределить, кому что достанется.

Австрийские агенты подливали масла в огонь, ссоря союзников между собой – союз балканских стран в Вене считали потенциально пророссийским, а стало быть опасным.

Уверенная в своем военном превосходстве Болгария напала на Сербию и на Грецию, но им на помощь пришли Турция и Румыния, имевшая к Болгарии территориальные претензии. Сразу на четырех фронтах болгарская армия сражаться не могла.

По условиям Бухарестского мира Болгария должна была уступить Румынии южную часть Добруджи, отказалась от Македонии и вернула Турции захваченную ранее Адрианопольскую область.

Принцип «разделять и властвовать» сработал в пользу Габсбургской империи. Балканский союз рассыпался.

Сербия и Черногория остались в российской сфере влияния, Болгария и Турция окончательно связали свою политическую судьбу с «центральными державами», Румыния колебалась.

1914

Для того, чтобы мобилизовать резервы, России требовалось 45 дней, но союзники умоляли поскорее начинать – обстановка на Западном фронте была угрожающей.

Поэтому поспешили начать наступление на Восточную Пруссию – с двух сторон. Первая армия Ренненкампа пересекла границу с востока, из Прибалтики, Вторая армия Самсонова – с юга, из Польши.

Германцы не ожидали от русских такой быстроты и спешно перекинули крупные контингенты войск с парижского направления.

Расплата за скоропалительное наступление была тяжелой.

Не зная о том, что немцы получили подкрепление, Первая русская армия двинулась на Кенигсберг, Вторая повернула на запад, то есть они двигались по расходящимся траекториям. В этот зазор, у Танненберга, и нанес свой удар германский командующий Гинденбург, обрушившись всей массой на группировку Самсонова. Центральная ее часть – пять дивизий вместе с штабом армии – попали в окружение. Командующий Самсонов застрелился, девять генералов были убиты, еще девять и вместе с ними пятьдесят тысяч солдат попали в плен.

Фронт сдвинулся на восток, русские перешли к обороне.

На Юго-Западном фронте с середины августа до конца сентября происходили бои и сражения, получившие общее название «Галицийской битвы». Четыре русские армии, более миллиона солдат, после очень упорной борьбы, чаще побеждая, чем терпя неудачи, заняли восточную Галицию и Буковину, захватили город Львов, перешли Карпаты и обложили главный пункт австрийской обороны крепость Перемышль. К концу года линия русско-австрийского фронта стабилизировалась.

В октябре у России появился новый враг, Турция, и новый фронт – кавказский.

Общие итоги кампании для русской армии были очень тяжелыми. Генерал Брусилов, будущий главнокомандующий, писал: «За три с лишним месяца с начала кампании большинство кадровых офицеров и солдат выбыли из строя, и оставались лишь небольшие кадры, которые приходилось спешно пополнять отвратительно обученными людьми... С этого времени регулярный характер войск был утрачен и наша армия стала все больше походить на плохо обученное милицейское войско».

1915

В мае к Антанте присоединилась Италия. Перелома в войне это не произвело, поскольку итальянская армия была хоть и многочисленна, но не особенно сильна, однако открытие еще одного фронта заставило австрийцев перебросить часть войск с востока, и это спасло Россию от полного разгрома во время тяжелой весенне-летней кампании.

Начался год, однако, с наступления и большого успеха Юго-Западного фронта. В марте пала австрийская крепость Перемышль. Около 120 тысяч солдат сдались в плен. Это был самый большой триумф русского оружия за всю войну.

Но победа скоро обратилась поражением. Выдвинувшись на запад, русские корпуса оказались внутри выступа, на который нацелились союзные германо-австрийские войска.

Началось Великое Отступление. Чтобы не угодить в котел, русское командование всё время отводило войска, пыталось закрепиться – и снова откатывалось. Отдали назад и Перемышль, и Львов. Потеряли Варшаву и всю Польшу. Потом Вильно и Литву.

Отход, временами беспорядочный, длился всё лето. Линия фронта зафиксировалась только к осени, сдвинувшись на восток в среднем на 500 километров. Теперь она проходила по вертикали Рига – Двинск – Барановичи – Тернополь. Огромная, густо населенная территория с большими городами и промышленными районами была потеряна. Потери достигали 2,5 миллионов человек – вдвое больше, чем численность всей русской армии мирного времени.

Главной причиной поражения было состояние тыла. Страна оказалась не готова к столь продолжительной войне. Не хватало всего: пушек, снарядов, обмундирования, рабочих рук. Из-за того что столько работников были оторваны от труда, начались перебои с продовольствием. В июне пришлось вводить карточки, а к концу года потребительские цены выросли почти в полтора раза.

1916

Два самых больших сражения, небывалого в истории масштаба, произошли на Западном фронте.

В многомесячной «Верденской мясорубке» немцы сосредоточили на относительно небольшом участке все ударные силы и рассчитывали нанести франко-британским войскам поражение, которое решит судьбу войны. На нескольких десятках квадратных километров полегло более 700 тысяч человек, но линия фронта практически не сдвинулась.

Летом союзники, в свою очередь, попробовали взломать германскую оборону на берегах Соммы. Битва растянулась на три с половиной месяца и оказалась еще более кровопролитной, чем Верден. Англичане и французы потеряли более 600 тысяч солдат – и продвинулись лишь на 10 километров. Потери германцев составили полмиллиона солдат.

Поскольку основные силы Германии были заняты на западе, Россия получила возможность подлечить раны – и до некоторой степени воспользовалась ею.

В шестнадцатом году катастрофическое положение с вооружением и снабжением благодаря «Земгору» и «военно-промышленным комитетам» начало исправляться. Несмотря на ужасные потери прошлогодней кампании, численный

состав армии увеличился. (В общей сложности за годы войны было призвано 15 миллионов мужчин).

В конце мая войска Юго-Западного фронта (командующий А. Брусилов) прорвали австрийскую оборону.

«Брусиловский прорыв» продолжался два с половиной месяца. Русские войска продвинулись на широком фронте, местами более чем на 100 километров. Австро-венгерская армия только пленными потеряла 400 тысяч человек, а в общей сложности около миллиона. Но столько же людей потеряли и русские – наступление всегда сопряжено с большими жертвами. Юго-Западный фронт остановился, потому что войска были обескровлены.

Воодушевившись брусиловской победой, на сторону Антанты перешла Румыния. Большая, но не отличавшаяся боевыми качествами румынская армия вторглась в Венгрию – и была очень быстро разгромлена австро-германскими войсками. К началу зимы почти вся румынская территория, включая Бухарест, была оккупирована неприятелем. Затыкать дыру на южном фланге пришлось России – появился новый

Румынский фронт, куда переместились 15 армейских корпусов.

Однако в 1916 году главные проблемы у российского государства были не на фронтах, а в тылу. Глубокий, всесторонний кризис власти выразился в постоянной перетасовке министров. Это создавало у подданных ощущение, что правительство нервничает и суетится, что оно слабое. «Министерская чехарда» длилась весь год. Несколько раз менялись военные министры, министры иностранных дел, руководители других ведомств.

Закончился год скандально: убийством Григория Распутина.

«Распутинщина»

Этим термином принято называть непомерное влияние, которое приобрел в коридорах власти очень странный персонаж – выходец из народных низов Григорий Распутин (1869–1916). Императрица Александра, женщина глубоко религиозная, была уверена, что это пророк, ниспосланный Богом, и относилась к «старцу» с глубоким благоговением, а поскольку с лета 1915 года царь почти все время находился на фронте и

делами тыла (то есть, собственно, всего государства) ведала царица, ее воля очень сильно влияла на кадровые назначения в правительстве.

Сам Распутин политическими амбициями не обладал, но около него образовалась камарилья темных дельцов, без труда манипулировавших «пророком», а через него и императрицей. Министры и даже полководцы, которых не одобрял «святой человек», теряли свое место. Их заменяли люди по большей части никчемные, но сумевшие понравиться царице и ее фавориту. В феврале семнадцатого года, когда в столице начнутся беспорядки, эти назначенцы окажутся ни на что не годны.

Еще опасней был урон, который «распутинщина» наносила авторитету царской семьи. Оппозиция, революционеры, жадные до сплетен газеты, салонные болтуны, а затем и весь народ с негодованием или просто с любопытством обсуждали интимную жизнь царской семьи и охотно распространяли всякие скандальные слухи. Историческая роль «распутинщины» состоит не в лоббировании тех или иных интересов, а в подрыве одной из опор «ордынского» государства – сакральности фигуры правителя. Алек-

сандр Гучков, один из главных деятелей Февраля, потом скажет, что толчком к падению режима была не революционная агитация, а «общее падение престижа власти».

В конце концов заговорщики, в число которых входили монархисты и даже член августейшего семейства, умертвили скандального «старца» (17 декабря 1916 года). Но эта акция не подправила престиж престола, а наоборот еще больше усилила всеобщее ощущение, что на самом верху творится нечто непристойное и мерзкое.

Падение самодержавия

Хроника предсмертной агонии царского режима такова.

21 февраля (по европейскому стилю 6 марта) обозленные длинными хлебными очередями петроградцы начали громить булочные.

22 февраля, не придав этим событиям особого значения, царь отбыл из Петрограда на фронт. Больше Николай своей столицы не увидит.

23 февраля во многих местах возникли спонтанные демонстрации и забастовало около ста тысяч столичных рабочих.

24 февраля волнения продолжались, начались стычки с полицией.

25 февраля беспорядки охватили уже и центр города. Зазвучали первые выстрелы – стреляла пока полиция.

26 февраля произошел перелом в событиях. С рабочими полиция в конце концов справилась бы, но на сторону демонстрантов внезапно перешли солдаты одного из гвардейских полков – это были «запасные», ожидавшие отправки на фронт, но не желавшие умирать за царя. Солдат разоружили и арестовали. Ночью не спали и митинговали во многих казармах.

27 февраля «запасные» поднялись уже в нескольких полках. Они были вооружены, там и сям начались перестрелки.

Председатель Думы «октябрист» Михаил Родзянко отправил в Ставку телеграмму: нужно спасти положение и сделать это можно, лишь передав властные полномочия депутатам. «Опять этот толстяк написал мне разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать», – сказал приближенным император и приказал распустить Думу.

Депутаты выслушали извещение о роспуске, после чего немедленно создали Временный комитет во главе с тем же Родзянко. Постановили царский указ не признавать и взять власть в свои руки. Объединились почти все: кадеты, октябристы, центристы, отчасти даже националисты.

Наличие юридически правомочного, всем известного представительного органа – Думы облегчило процедуру перехода власти.

Слабый премьер князь Голицын объявил об отставке. Правительство самоликвидировалось. Скоро весь кабинет уже находился под арестом, в Петропавловской крепости.

Революция победила.

«Весь день 28 февраля был торжеством Государственной Думы как таковой, – вспоминал потом один из главных февральских вождей Милюков. – К Таврическому дворцу [где заседали депутаты] шли уже в полном составе полки... с изъявлениями своего подчинения Государственной Думе».

1 марта царь наконец решил вернуться в Петроград, но железнодорожники не пропустили поезд. Все командующие фронтами по телеграфу отказали императору в поддержке.

2 марта Временный Комитет Думы создал новое правительство. Его тоже называли «временным» – имелось в виду, что оно просуществует до выборов в Учредительное Собрание. Британия и Франция в тот же день признали новую российскую власть.

К царю отправилась делегация – за отречением, но это была уже формальность. Свергнутого самодержца даже арестовали не сразу, а почти неделю спустя – до такой степени он перестал быть опасен.

Глава восьмая

ВОСКРЕШЕНИЕ ИМПЕРИИ

ОСНОВНОЕ

После падения самодержавия, исторически сложившегося стержня, на котором держалась вся конструкция огромной, веками собиравшейся страны, российское государство очень быстро разлетелось вдребезги. Оно и не могло сохраниться, потому что его архитектура была разрушена.

В марте 1917 года Россия стала самой свободной страной на свете, однако никаких шансов остаться демократической республикой у нее не было. Тяжелая военная ситуация, слабость среднего класса, острые социальные противоречия, а главное – «ордынская» природа государства, предполагавшая сугубо «вертикальное» управление, не допустили бы демократической формы существования.

Из развала, в который погрузилась революционная Россия, имелось только два выхода, и оба плохие. Либо крайне правый – с «белым» террором, либо крайне левый – с «красным».

Восстановить хоть какое-то подобие порядка можно было лишь посредством жестких и даже жестоких мер, через насилие и страх. «Умеренные» партии, отобравшие власть у царя, выполнить эту задачу не могли.

Российская революция прошла через традиционные этапы: эйфорический, хаотический и диктаторский.

Первый продлился всего полтора месяца. В это время все радовались и размахивали красными флагами, либеральное правительство что ни день выпускало свободолобивые законы и прекраснодушные декларации, а бескрайняя страна замороженно наблюдала за удивительными петроградскими событиями. Потом страна пробудилась, зашевелилась, и оказалось, что при отсутствии привычных «ордынских», то есть насильственных рычагов поддерживать какой-либо порядок в ней невозможно.

Национальные окраины, перестав бояться центра, **стали требовать независимости**. Крестьяне немного подождали, когда уже начнут давать землю – и **стали брать ее сами**. Единой политической воли наверху не было. Это парализовало власть, и без того слабую.

Когда пал царский режим, в Петрограде образовалось двоевластие. Дума обладала легитимностью в глазах страны, но не имела возможности управлять столицей, в которой бушевали толпы революционных солдат и рабочих. Эта среда слушалась только Совета рабочих и солдатских депутатов, стихийно возникшего органа, в котором ведущую роль играли не либералы, а социалисты: эсеры и эсдеки. Оба органа революционной власти расположились в одном и том же здании, Таврическом дворце, где заседала Дума, только в разных его крыльях: Временное правительство – в правом, Совет – в левом, и это выглядело символично. Российский орел, лишившись короны, сохранил две головы и два крыла, причем одно забирало вправо, а другое влево.

При этом Петроградский совет, формально руководивший только жизнью города, вел себя как еще одно правительство, притом более революционное, чем Временное. Подражая столице, многие города и местности тоже начали создавать собственные советы – параллельную (а во многих районах и единственную) структуру власти.

Самой разрушительной акцией Петроградского Совета стал его **«Приказ № 1»** о новом, революционном устройстве армии – вроде бы адресованный только столичному гарнизону, но воспринятый как руководство к действию во всех вооруженных силах. Семимиллионная армия, уставшая от долгой войны, начала разлагаться. Солдаты и матросы перестали бояться своих командиров. Все хотели только одного – поскорее вернуться домой.

Из-за вопроса о мире разразился и первый правительственный кризис. Временное правительство, составленное из «кадетов» и «октябристов», пообещало союзникам продолжать войну. Это шло вразрез с народными настроениями, а больше всего не устраивало массу петроградских «запасных», чувствовавших себя хозяевами столицы. 18 апреля они взбунтовались, узнав, что правительство в очередной раз заверило Антанту об отсутствии у него намерений заключать сепаратный мир.

Толпы революционных солдат, матросов и рабочих заполонили улицы. Демонстранты потребовали отставки правительства – и оно изменило свой состав. Теперь в него вошли

социалисты, представители Петросовета. Самой влиятельной фигурой Временного правительства стал Александр Керенский, заместитель председателя Совета. Однако соперничество между двумя властями не прекратилось, а обострилось, потому что в Петроградском Совете быстро росло влияние самой радикальной из левых партий – **большевиков**. Их предводители **Ленин** и **Троцкий** открыто заявляли о необходимости еще одной революции, уже не демократической, а пролетарской.

События окончательно перешли в стадию хаоса, когда летом оформилась еще и угроза справа. Идея военного переворота под лозунгом восстановления порядка приобретала всё большую поддержку в среде крупного капитала, испуганного рабочим движением, и офицерства, возмущенного развалом армии. Одним из вождей контрреволюционного движения стал Гучков, вышедший из правительства и занявшийся подготовкой путча.

В июле произошел **мятеж левых сил**, в августе – **мятеж правых**. Оба выступления провалились, потому что в левом лагере еще не сформировалось лидерское ядро, а правые не имели

достаточной поддержки ни в столице, ни в армии.

Балансируя между левой и правой угрозами, самый решительный человек нерешительного правительства Керенский получил диктаторские полномочия, но это был слабый диктатор, не имевший реальной власти даже в Петрограде.

Осенью 1917 года большевики оказались в цейтноте. На ноябрь были назначены всероссийские выборы в Учредительное собрание, и у партии Ленина не имелось оснований рассчитывать на победу. Они были сильны только в самом Петрограде, за счет распропагандированного гарнизона и рабочих отрядов «Красной гвардии», но в масштабах всей страны уступали по популярности другим партиям, прежде всего эсерам, которых поддерживала основная часть населения – крестьянство. В преддверии выборов должен был собраться всероссийский съезд Советов, где большевики тоже неминуемо оказывались в меньшинстве.

В этих условиях Ленин провел операцию, состоявшую из двух этапов. Сначала **24–25 октября большевики устроили военный переворот**, арестовав министров Временного правительства.

После этого Ленин поставил только что открывшийся съезд Советов перед свершившимся фактом, объявив, что власть уже в руках его партии – и произошло то, что не могло не произойти. Основная масса делегатов в знак протеста покинула заседание. В зале остались только сторонники Ленина: большевики и левые эсеры, которые беспрепятственно создали новое правительство – Совет Народных Комиссаров. Получилось, что новая власть все-таки до некоторой степени легитимна – ее выбрали на съезде Советов.

Первое время Совнарком контролировал только столицу, затем с кровопролитными боями захватил Москву; постепенно большевистские советы начали брать власть и на периферии. Однако на выборах в Учредительное Собрание, как и предполагалось, большевики получили меньше четверти мандатов. Это впрочем уже не имело значения. 6 января 1918 года новая власть просто запретила только что открывшийся все-российский парламент. С этого момента революция перестает быть революцией. От свобод, завоеванных восставшим народом менее года назад, ничего не осталось. На смену самодержавию пришла несравненно более жесткая диктатура.

При этом первые декларации большевистской власти звучали по-настоящему революционно. «Декрет о мире» – обращение ко всем странам с требованием немедленно прекратить войну без аннексий и контрибуций, адресовался не столько правительствам держав, сколько собственной армии, смертельно уставшей от войны. Декрет «О земле» (помещичья собственность на землю отменяется, наделы будут распределяться местными советами) демонстрировал, что большевики – партия не только рабочего класса, но и крестьянства. «Декларация прав народов России» гарантировала нациям «свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Заводы передавались в собственность людям труда – рабочим.

То есть выполнялись программные лозунги, с которыми большевики обрели популярность: «Долой войну!», «Земля крестьянам, заводы рабочим!», «Вся власть Советам!», «Хлеб голодным!», «Свободу угнетенным нациям!».

Ничего этого не будет. Разразится новая, еще более кровавая война; у крестьян будут отнимать продукты их труда; рабочие подвергнутся

невиданной эксплуатации; власть достанется не советам трудящихся, а карательным органам; на страну обрушится страшный голод; угнетенные нации попадут в новую «тюрьму народов». Стране предстояло пройти через хаос и ужас, каких Россия не видывала триста лет, со времен Смуты.

Свободы были отменены в первый же месяц: запрещены «буржуазные» партии и закрыты «буржуазные» газеты. Вместо власти избранных народом советов после разгона Учредительного собрания установилась диктатура большевистской партии, вернее ее руководящего органа – Центрального Комитета. Чтобы подавить сопротивление людей, недовольных переворотом, пришлось сажать в тюрьму и расстреливать. Эту функцию выполняло учреждение под названием «Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем», которая очень быстро превратилась в инструмент устрашения и насилия.

Объявленный выход из войны, во-первых, вызвал враждебность стран Антанты, которые сразу же стали относиться к большевистской России как к предательнице, а во-вторых, что

было еще опасней, вынудил Совнарком принять навязанные Центральными державами условия **Брестского мира**, невероятно тяжелые. Этот национальный позор (сам Ленин назвал договор «похабным») привел к разрыву большевиков с союзниками по коалиции, левыми эсерами, и самое ужасное – к всероссийской гражданской войне. Другой ее причиной стало введение «**диктатуры пролетариата**» и режима «**военного коммунизма**». На пике ожесточения, осенью 1918 года, ради удержания власти большевики были вынуждены провести кампанию массовых бессудных расправ, вошедшую в историю под названием «**красного террора**».

Страна стремительно разваливалась. Регионы, в которых существовало национальное движение – Финляндия, Украина, Грузия, Азербайджан, Армения – заявили о выходе из состава России. Польша и балтийские провинции, находившиеся в зоне немецкой оккупации, тоже больше не считали себя частью страны. Но центробежное движение не ограничивалось нерусскими областями. Во многих местах возникли «республики» или «коммуны», создавшие собственные правительства. Эти автономные

образования могли быть как большими, так и маленькими, размером в губернию или даже в одну волость. Они назначали собственные налоги, устанавливали собственные порядки, при необходимости заводили собственные армии.

Все враждовали со всеми. Началась гражданская война.

Ее можно разделить на четыре этапа:

С конца 1917 года до конца 1918 года главную роль в событиях играл «германский фактор». И большевики, и их противники должны были считаться с волей Берлина.

С конца 1918 года до конца 1919 года инициатива была у белых, которые при помощи Антанты с разных сторон вели наступление на красных.

С конца 1919 года до конца 1920 года инициатива принадлежала красным, а их враги перешли к обороне.

С конца 1920 года до конца 1922 года советская власть окончательно подавила очаги сопротивления и восстановила контроль над окраинами.

Гражданскую войну не столько выиграли красные, сколько проиграли белые. Кровавая

сага российского взаимоистребления представляла собой состязание: какая из сторон совершит больше ошибок. На этом поприще белые проявили себя еще хуже, чем большевики. Те со временем научились корректировать свою политику и, несмотря на эпизодические внутренние раздоры, никогда не теряли единства. Его обеспечивали монолитная партия, созданная Лениным, и централизованное управление вооруженными силами во главе с Троцким. Белые же так и не наладили координацию своих действий. Это позволяло Советам перекидывать войска и ресурсы с одного фронта на другой. Никаких лозунгов, притягательных для основной массы населения, белые не выдвигали. Они не обещали оставить землю крестьянам, которые в результате из двух зол предпочли меньшее – красных. На занятых территориях контрреволюционеры вели себя почти так же жестоко, как большевики – белый террор был ненамного мягче красного. Вряд ли можно сказать, что народ предпочел красных, но он точно не выбрал белых. Тем более что на последнем этапе гражданской войны Всероссийская коммунистическая партия (так с 1919 года называли себя большевики) смягчила курс

и ввела **Новую экономическую политику**, которая облегчила жизнь населения и в первую очередь крестьянства. Это изменение положило конец **антибольшевистским народным восстаниям**, сотрясавшим республику в 1921 году.

После победы в стане победителей началась борьба за власть. Произошла обычная эволюция постреволюционной диктатуры: от власти группы единомышленников к власти одного человека. Главный вождь Ленин тяжело заболел, а в январе 1924 года умер. Схватка за место наследника растянулась на все двадцатые годы и закончилась триумфом **Иосифа Сталина**, выдвинувшегося из «второго эшелона» коммунистических вождей уже после Гражданской войны.

Соперничество шло не только на личностном уровне. Решался вопрос о том, каким путем движется Россия. Лидеры первого советского периода, Ленин и Троцкий, рассматривали русскую революцию как первый шаг к революции всемирной. В начале двадцатых годов красная Москва (ставшая столицей страны с 1918 года) несколько раз **попробовала экспортировать коммунистическую революцию в другие страны.**

Неудача этих попыток подталкивала партийную верхушку к другому решению – тому, которое продвигал Сталин: не разжигать мировой пожар, в котором Россия скорее всего сгорит, а сосредоточиться на собственном государстве; не строить химерический «новый мир», но восстанавливать великую державу.

Вся деятельность нового вождя была подчинена этой цели и своей задачи достигла. Сталин очень хорошо понимал обязательность всех четырех опор «ордынской» империи. Каждую из них он возвел заново и укрепил до прочности, невиданной со времен Петра Первого.

Сверхцентрализованность управления была достигнута к началу тридцатых годов, когда высший орган власти, **Политбюро, превратился просто в свиту Вождя**, принимавшего все, даже второстепенные решения, единолично. На региональном уровне к этому же времени завершился процесс отмены последних остатков ленинского «самоопределения наций»: так называемые **союзные республики** превратились в обычные административные единицы унитарного государства.

Всё население страны вновь – как во времена Петра Первого и Ивана Грозного – было

поставлено на службу государству. Паспортизация с обязательной пропиской и колхозная система превратили каждого жителя страны в лично не-свободного, прикрепленного к своему месту работника. Фактически это было восстановлением крепостного права, но теперь не только для крестьян, а для всех подданных империи.

Законы вернулись в прежний «бенкендорфовский» формат, то есть адресовались только населению – власть ими связана не была (граф Бенкендорф, глава полиции при Николае I, однажды произнес знаменитую фразу: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства»). Судьи превратились в обычных чиновников, а при необходимости расправа осуществлялась и вовсе без соблюдения юридических формальностей. Поскольку государственный террор стал одним из главных инструментов общественного регулирования, система обходилась без лишних церемоний.

Наконец, важной частью государственной политики стала *реставрация сакрального отношения к самодержцу*. За короткий срок **Иосиф Сталин обрел статус живого божества**, возникло

нечто вроде новой религии, нарушение канонов которой сурово каралось.

Было бы упрощением объяснять эти драматичные метаморфозы властолюбием одного человека. После Первой мировой войны планета стремительно и неотвратно двигалась к новой глобальной катастрофе. Реакцией на ультралевую волну, прокатившуюся после русской революции, было установление ультраправых, крайне агрессивных режимов сначала в Италии (1922), затем в Германии (1933) и в Японии (1936). Все три страны имели имперские амбиции, стремились к военной экспансии – и были крайне враждебны по отношению к СССР.

В условиях «осажденного лагеря» советское правительство не могло не считать своей первоочередной задачей превращение в сильную военную державу. Эта цель определила логику государственной политики: для вооружения армии требовалось форсированно провести индустриализацию; для индустриализации требовалось насильственно превратить крестьян в рабочих. Мобилизовать и держать под контролем население можно было только при помощи запугивания. Поэтому главными событиями тридцатых

годов в жизни страны стали **деаграризация, индустриализация и массовый террор.**

Эти сильные средства позволили Советскому Союзу не только совершить огромный экономический рывок, но и **многократно увеличить свою военную мощь.**

С середины двадцатых, после отказа от курса на мировую революцию, и до конца тридцатых годов в своей внешней политике СССР стремился избегать столкновения с иностранными государствами – пока не завершился процесс перевооружения страны. Но в 1939 году положение изменилось. В августе этого года Москва подписала с Берлином **акт о ненападении**, секретная часть которого предполагала раздел восточной Европы между Германией и Советским Союзом. Обезопасив себя с восточного фланга, Гитлер начал войну на западе, а Сталин воспользовался этим конфликтом, чтобы вернуть утраченные царской Россией территории. Удар в тыл Польше, изнемогавшей в борьбе с Вермахтом, позволил Советскому Союзу осенью 1939 года присоединить Западную Украину и Белоруссию. Эстония, Латвия и Литва стали советскими в 1940 году. Тогда же, согласно договоренности с Германией,

СССР оккупировал восточную часть Румынии. **Сбой произошел только с Финляндией**, которая оказала неожиданно упорное сопротивление. Вернуть в состав империи эту бывшую колонию не удалось – пришлось удовольствоваться куском ее территории.

В общей сложности в 1939–1940 гг. сталинское государство аннексировало 460 тысяч километров с населением 23 миллиона человек. Однако эти приобретения не пошли Советскому Союзу на пользу – совсем наоборот. Результатом агрессивных действий стало расширение лагеря союзников Рейха. В Румынии после потери восточных земель произошел фашистский переворот. Реваншистские настроения побудят новое румынское правительство в 1941 году присоединиться к войне на стороне Гитлера. Это прибавит Германии почти 700 тысяч солдат. То же самое произойдет с Финляндией, сравнительно небольшая, но сильная армия которой тоже примет участие в будущей войне. Однако самым роковым следствием имперской активности Сталина было решение Гитлера напасть на СССР. Финская война продемонстрировала, что Красная Армия намного слабее, чем считал фюрер. Он приказал

разработать план «Барбаросса», согласно которому немецкие войска за одну летне-осеннюю кампанию разгромят советскую армию, дойдут до Волги и принудят СССР к капитуляции.

Нападение произошло 22 июня 1941 года. Оно застало Сталина врасплох и поначалу развивалось очень успешно. В нескольких сражениях почти вся регулярная советская армия, как и планировалось, была уничтожена; к осени Вермахт дошел до Москвы и Ленинграда, но одержать победу Гитлеру не удалось.

В сугубо военном смысле война состояла из трех этапов.

В 1941 году Красная Армия терпела поражение за поражением, но в целом кампанию выиграла, ибо блицкриг провалился.

В 1942-1944 гг. шла война на истощение, и Советский Союз оказался сильнее.

В 1945 году союзники одержали полную победу сначала в западной Европе, а затем в восточной Азии.

Причина поражения Германии заключалась в том, что Гитлер недооценил прочность советской, вернее российской государственной

системы, ее неиссякаемый ресурс жертвенности и огромный мобилизационный потенциал.

За годы войны в Красную Армию были призваны или поступили добровольцами – невероятная цифра – 29,5 миллионов человек. Но людей мобилизовали не только в армию. Работа в тылу тоже была организована по законам военного времени. Указ Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года объявлял всех работающих в военной промышленности «мобилизованными на производстве». Дефицит рук, образовавшийся вследствие ухода мужчин в армию, восполняли использованием труда женщин, пенсионеров, подростков, даже инвалидов.

Советская экономика перешла на военные рельсы быстрее и тотальней, чем германская. Правительство Рейха размещало заказы на частных предприятиях, оплачивало их, должно было тратить массу усилий на логистику и согласование производственного процесса, разделенного между компаниями. В советском государстве достаточно было выделять бюджетные средства и отдавать приказы. В разгар войны, в 1943 году, на оборонные нужды тратилось 60% бюджета. Была осуществлена невиданного масштаба

эвакуация заводов на восток. 1500 крупных предприятий переместились в Поволжье, на Урал или еще восточнее – подальше от бомбардировок. В Германии же заводы постоянно подвергались налетам союзной авиации. За годы войны советская индустрия произвела 130 тысяч самолетов, 100 тысяч танков и 800 тысяч артиллерийских орудий – вдвое больше, чем Германия.

Кроме того Советскому Союзу очень помогали союзники – в первую очередь Америка, вступившая в войну в декабре 1941 года. По программе так называемого **«Лендлиза»** поступали не только вооружение и военные материалы, но и многое другое, необходимое фронту и тылу.

Вторая мировая война была еще и войной экономик. В этой схватке Третий Рейх потерпел сокрушительное поражение.

К тому времени, когда прекратились боевые действия, уже определилась новая геополитическая структура послевоенного мира. Победители договорились о разделе сфер влияния на **конференциях высшего уровня**. По месту проведения последней из этих встреч новое мироустройство получило название **Потсдамской системы**. Она просуществует почти полвека.

ПОДРОБНОСТИ

Колонии провозглашают независимость

Самый болезненный из «национальных вопросов» царской империи, польский, решился сам собой. Контроль над этой территорией Россия утратила еще во время «великого отступления» в 1915 году. Независимое польское государство будет провозглашено, как только закончится германская оккупация.

В Киеве весной 1917 года возник собственный совет – Украинская Центральная Рада, где сторонники автономности спорили с «самостийниками», требовавшими полной независимости. В январе 1918 года она и была провозглашена.

Финляндский сейм постановил отделиться от России еще летом 1917 года, но Временное правительство этого не допустило. Сразу после петроградского переворота Финляндия в одностороннем порядке объявила о независимости, и две недели спустя Совнарком признал новую страну – всё равно воспрепятствовать этому он не мог.

Эстония вышла из состава России в феврале 1918 года. Латвии и Литве пришлось дожидаться

ухода германских войск. В Закавказье в мае того же года появились три государства: Грузия, Азербайджан и Армения.

Низовая революция

Пока в столице выпускали революционные законы и обсуждали порядок выбора Учредительного собрания, по всей стране разворачивалась другая революция, стихийная. Крестьяне повсеместно нападали на помещичьи усадьбы, растаскивали инвентарь, уводили скот, самопроизвольно распахивали землю. При отсутствии полиции остановить этот процесс было невозможно. В марте было зарегистрировано 17 инцидентов с захватом помещичьей собственности, в апреле – 204, в июле – уже 1122.

Еще активнее вели себя рабочие. Повсюду возникали «фабзавкомы», диктовавшие владельцам и директорам свои условия, часто невыполнимые. Постоянно происходили забастовки и беспорядки. Ответом стало массовое закрытие предприятий. Производство падало, росла безработица, что повышало градус напряжения. В рабочей среде росло влияние самых радикальных

агитаторов – большевиков, призывавших к «экспроприации».

«Приказ № 1»

Едва собравшись, Петроградский совет самым первым своим приказом от 1 марта 1917 года отблагодарил солдат столичного гарнизона, ставших главной ударной силой революции.

Помимо вполне резонных деклараций вроде признания за нижними чинами всей полноты гражданских прав и требования уважительного отношения к солдатам, в документе содержался пункт огромной разрушительной силы. Отныне в каждой воинской части должен был выбираться солдатский комитет, без согласия которого приказы командиров считались недействительными.

Это означало не только отмену единоначалия, без которого армия невообразима, но и общее крушение дисциплины. Каждое распоряжение командования, вплоть до вопроса идти ли в атаку, становилось поводом для митинга.

Солдаты очень устали воевать и ждали мира. Царя, с именем которого прежде ходили на

смерть, больше не было. И особенно не хотелось умирать, когда началась такая интересная жизнь и вот-вот дадут землю.

Неудивительно, что в вооруженных силах процесс распада происходил стремительней, чем в остальных стратах российского общества.

Партия большевиков

Политическое движение, победившее в пост-революционной борьбе за власть, возникло в 1903 году, когда Российская социал-демократическая партия разделилась на две группировки: радикальную и умеренную. В исторических учебниках первую называют «большевиками», а вторую «меньшевиками», потому что в момент раскола большинство проголосовали за радикальную резолюцию, а меньшинство за умеренную, но такое соотношение сил сложилось только на партийном съезде. Впоследствии, вплоть до 1917 года, всё было наоборот: основная часть эсдеков придерживалась умеренной платформы и называла себя просто РСДРП, а относительно малочисленная фракция под руководством Ленина, прибавляла к своему названию букву «б»: РСДРП(б).

«Меньшевики» придерживались классического марксизма и строили свою работу на демократических принципах. Партия Ленина делала ставку на централизм и строгую дисциплину. Программа «большевиков» существенно отходила от марксистской теории, согласно которой монархическая система должна была сначала превратиться в буржуазную и лишь затем, годы спустя, общество могло «врасти в социализм».

Организационный метод ленинцев отдавал сектантством и очень сужал их ряды. Не прибавила партии популярности и агитация за поражение России в мировой войне. Большевики считали патриотизм и национальные интересы реакционной химерой, их лозунгом было превращение империалистической войны в классовую: германский и российские пролетариат должны вместе свергнуть власть эксплуататоров.

Когда в феврале 1917 года монархия пала, политическое влияние большевиков сначала было малозначительным. Но по мере того как нарастала усталость от войны, идея немедленного ее прекращения набирала всё большую силу. Особенно популярны большевики стали среди солдат – это позволило РСДРП(б) в считанные

месяцы добиться лидерства в Петросовете. Мощным инструментом оказалась и монолитность, которой не имела ни одна другая партия. Все дискуссии велись в очень узком кругу центрального комитета, а потом низовым членам партии сообщалось уже принятое решение. Пока другие спорили и митинговали, большевики действовали.

Две эти особенности – антивоенная пропаганда и дисциплинированность – обеспечили большевикам победу.

Ленин

Владимир Ильич Ульянов (1870–1924), взявший себе партийный псевдоним «Ленин», попал в ряды революционеров по причине семейной: его старший брат состоял в подпольной организации, планировавшей убить Александра III, и за это отправился на эшафот. Молодой юрист Владимир Ульянов пробовал заниматься агитацией среди рабочих, но после ареста и ссылки оказался в эмиграции и в дальнейшем участвовал в движении главным образом дистанционно: при помощи пера и организационной деятельности. Царская полиция считала Ленина и его

соратников куда менее опасными, чем боевитых эсеров и популярных в рабочей среде «меньшевиков».

Из эмиграции Ленин вернулся только в апреле 1917 года, к шапочному разбору: правительство сформировали либералы, в петроградском Совете тон задавали эсеры и эсдеки. К тому же у большевистского вождя был серьезный репутационный минус: он попал в Петроград через Германию, при содействии кайзеровского правительства, которое рассматривало большевиков как своих агентов влияния, способных вывести Россию из войны. Политические враги называли Ленина «немецким шпионом».

Задача, которую Ленин поставил перед однопартийцами весной 1917 года, выглядела совершенно нереальной: провести новую революцию и захватить власть в стране. И тем не менее всего за полгода этот фантастический план был осуществлен.

На первом этапе Ленин добился лидерства в центральном комитете, переубедив или перехитрив сомневающихся товарищей. На втором этапе ленинцы добились лидерства в Петросовете.

И уже после этого, перетянув на свою сторону солдат и рабочих столицы, захватили власть.

Троцкий

Успех Октябрьского переворота был бы невозможен, если бы Ленин не имел энергичного и решительного соратника в лице Льва Давидовича Троцкого (1879–1940). Выходец из обеспеченной, ассимилированной еврейской семьи, Троцкий не считал себя евреем и, кажется, вообще не придавал значения национальности – только классовой принадлежности и идейной позиции.

Его революционная биография была намного драматичней ленинской. В революционную работу Троцкий включился в ранней юности, несколько лет провел в тюрьмах и ссылках, был на нелегальном положении, в 1905 году стал одним из руководителей самого первого Петроградского совета.

До революции Ленин и Троцкий постоянно ссорились, им было тесно друг с другом в узкой эмигрантской среде, но теперь, обрета широкое поле деятельности, они идеально дополняли друг друга. Ленин вырабатывал идеи, умел собирать

вокруг себя сильных соратников и удерживать их под контролем. Троцкий же был человеком действия, пламенным оратором и обладал бесстрашием, которого не доставало его «старшему партнеру». Когда летом 1917 года большевики оказались под ударом, Ленин скрылся из столицы и вплоть до октября прятался в безопасной Финляндии. Троцкий же остался и возглавил подготовку к перевороту.

Ярче всего он проявил себя в Петросовете, где вывел большевистскую фракцию на лидирующие позиции, а в сентябре одержал победу на выборах председателя.

Во время переворота Троцкий непосредственно командовал действиями красных; во время гражданской войны он встанет во главе всех вооруженных сил Республики. Распределение функций между двумя вождями сохранится: Ленин будет отвечать за политическое руководство, Троцкий – за военное.

Июльский мятеж левых

Во второй половине июля Временное правительство оказалось в критическом положении. Затеянное военным министром Керенским

наступление провалилось – оно и не могло не провалиться при катастрофическом упадке армейской дисциплины.

На улицы Петрограда вышли толпы рабочих и вооруженных солдат, требовавших отставки правительства, передачи всей власти Советам и немедленного прекращения войны. Происходили перестрелки, были раненые и убитые. Это было стихийное, никем не организованное восстание. Петросовет, в тот момент еще меньшевистско-эсеровский, бунт не поддержал. Но не решился возглавить мятеж и Ленин. Схематический, стремящийся всё контролировать Владимир Ильич с недоверием относился к самопроизвольно возникающим «низовым» движениям. Стихия народного бунта его пугала. Растерянность вождя передалась и партийному ЦК. Большевики еще не были готовы к захвату власти.

Глава Временного правительства кадет Львов отказался «стрелять в народ» и покинул свой пост. Решительность проявил только Керенский, возглавивший кабинет в качестве министра-президента. У него хватило дисциплинированных частей, юнкеров и казаков, чтобы пушечными выстрелами и пулеметными очередями

очистить улицы, а затем восстановить контроль над городом. Стремясь устранить «левую угрозу», новый диктатор объявил зачинщиками мятежа ленинцев (что не соответствовало действительности). Их штаб и редакцию партийной газеты «Правда» разгромили.

«Теперь они нас перестреляют», – сказал Ленин и спрятался в финских лесах. Оставшегося в городе Троцкого арестовали.

Августовский мятеж правых

Подавить восстание левых Керенский смог, лишь заручившись поддержкой правых – армейской верхушки. Опорой правительства стал новый главнокомандующий генерал Корнилов, сторонник твердых мер, очень популярный среди офицерства. Одним из первых приказов новый главковерх восстановил на фронте смертную казнь за дезертирство – без этого крайнего средства уберечь армию от окончательного развала казалось невозможным.

Вокруг «сильного человека» немедленно сплотились все противники революции, увидевшие в генерале нового Бонапарта, который наконец наведет в стране порядок.

В конце августа Корнилов приказал войскам двинуться с фронта на Петроград, чтобы привести в повиновение столичный гарнизон, а также разогнать Совет. Предполагалось объявить осадное положение, запретить демонстрации и ввести цензуру. Но в сверхцентрализованном государстве, каким являлась Россия, успешность путча напрямую зависит от того, где он произошел. Если прямо в столице, вероятность победы велика. Чем от нее дальше – тем меньше шансов на победу.

У Временного правительства было время принять меры, тем более что Петросовет перед лицом правой опасности целиком встал на сторону законной власти. Поддержали ее и большевики. Троцкого выпустили из тюрьмы, рабочим раздали оружие, и они создали отряды Красной гвардии.

До боев, однако, не дошло. Корниловские солдаты тоже устали от войны, присланные из столицы агитаторы их распропагандировали, железнодорожники блокировали магистраль, и путч развалился. Его главари были арестованы, а генерал Крымов, командовавший броском на Петроград, застрелился.

Октябрьский переворот

Поражение корниловского мятежа стало и поражением Керенского. Вооружив рабочих и позволив большевикам их возглавить, диктатор предрешил свое падение.

Отряды Красной гвардии после победы не разоружились. Петроградский Совет стал про-большевистским. Столичный гарнизон и матросы военно-морской базы в ближнем Кронштадте тоже теперь были на стороне Ленина и Троцкого. Первый по-прежнему прятался в Финляндии, слал оттуда призывы к вооруженному восстанию. Второй его активно готовил.

Понимая неизбежность столкновения, Керенский тоже не сидел сложа руки, но совершил несколько серьезных ошибок, ускоривших развязку. Желая утихомирить распропагандированный большевиками Кронштадт, Керенский приказал снять с кораблей экипажи, как только замерзнет рейд; распорядился отправить часть столичного гарнизона на фронт, заменив ненадежных солдат надежными. Из этого ничего не вышло: матросы и солдаты остались где были, но преисполнились к Временному правительству еще большей враждебностью.

21 октября в ответ на приказ об отправке части гарнизона на фронт солдаты ответили, что отныне подчиняются только Совету. 23 октября Керенский попробовал нанести упреждающий удар: собрал все верные части (в основном это были юнкера) и приказал лишить большевиков их главного оружия – средств связи, с помощью которых враг мог мобилизовать свои силы. Юнкера разгромили редакцию большевистской газеты, печатавшей воззвания и листовки, заняли телеграф, перерезали телефонные провода близ Смольного института (резиденции большевизированного Петросовета), развели мосты через Неву.

Но верных правительству войск осталось слишком мало, всего две-три тысячи штыков. В отрядах Красной гвардии к концу октября под ружьем было по меньшей мере тридцать, а то и пятьдесят тысяч человек.

Утром 25 октября красногвардейцы и революционные солдаты без особенного труда вернули себе контроль над пунктами связи, вокзалами, мостами и другими ключевыми объектами. Напротив Зимнего дворца, где заседало Времен-

ное правительство, встал крейсер «Аврора», экипажем которого управляли большевики.

Вечером после короткого артобстрела начался захват дворца. Немногочисленная охрана разбежалась или капитулировала почти без сопротивления. В беспорядочной перестрелке погибли не то пять, не то семь человек. Тринадцать министров, до последнего остававшихся в резиденции, были арестованы.

Керенский, накануне отправившийся в действующую армию за подмогой, смог собрать очень небольшой воинский контингент и, увидев неравенство сил, отказался от дальнейшей борьбы. 31 октября победа большевиков стала окончательной.

Брестский мир

Переговоры «центральных держав» с Совнаркомом начались в декабре 1917 года в белорусском Брест-Литовске, на оккупированной немцами территории.

Тактика советской стороны с учетом отчаянного положения, в котором находилась Россия, выглядела нелепо. Большевистские вожди искренне верили в идеи, которые провозглашали:

солдаты империалистических армий под воздействием российских событий вот-вот повернут штыки против своих правительств и грянет всемирная революция. В состав советской делегации, которую возглавлял Троцкий, были демонстративно включены рабочий, крестьянин, матрос, солдат и одна женщина (что особенно шокировало дипломатов другой стороны).

Представители «Четверного союза» (Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии) были очень заинтересованы в быстром заключении мира. Германия планировала весной большое наступление на Западном фронте – до того, как из-за океана прибудет миллион американских солдат. Требовалось перекинуть во Францию с Востока как можно больше войск. Поэтому условия России были предложены весьма умеренные: никакой контрибуции плюс – в полном соответствии с ленинскими декларациями – Польша и балтийские регионы получают право на самоопределение.

Но российская сторона уклонялась от подписания мира, изобретала все новые и новые отсрочки, превращала переговоры в бесконечные идеологические дискуссии.

Постепенно немцы поняли, что с большевиками, во-первых, не нужно церемониться, и, во-вторых, что они понимают только язык угроз, подкрепленных действием. В феврале 1918 года, устав от препирательств, немцы перешли в наступление по всей линии фронта и, почти не встречая сопротивления, продвинулись на несколько сотен километров, на севере приблизившись к Петрограду.

3 марта 1918 года Россия капитулировала. Помимо территориальных потерь, гораздо более существенных, чем предполагалось вначале, Советы признавали независимость Украины, соглашались не только разоружить армию, но и передать немцам флот, а также обещали прекратить революционную пропаганду.

В результате Брестского мира Россия теряла треть населения и главную житницу, где выращивалась почти половина хлеба – страшный удар по стране, и так охваченной продовольственным кризисом.

«Диктатура пролетариата»

Этот тип управления, по Марксу, являлся более высокой формой демократии, чем буржуаз-

ный парламентаризм, поскольку представлял собой коллективную власть самого массового из сословий – трудящегося люда.

С тем же лозунгом выступали и большевики, оправдывая запрет «буржуазных» (на самом деле всех оппозиционных) партий и органов печати. Однако в аграрной стране рабочие, которых прежде всего имел в виду Маркс, отнюдь не являлись самым массовым классом – они составляли менее 10 процентов населения. Да и рабочим передавать власть большевики не собирались – после Учредительного собрания прямых всеобщих выборов они уже не устраивали. Согласно ленинскому учению, диктатуру должен быть осуществлять «передовой отряд рабочего класса» – партия. В партии же действовал принцип «демократического централизма» и все полномочия были сосредоточены в руках Центрального Комитета, притом даже не всего ЦК, а его руководящего органа – бюро (потом оно станет называться «политбюро»). Таким образом с 1918 года на советской территории установилась диктатура большевистской партийной верхушки, в которую входили всего несколько человек – их скоро стали называть «вождями». Было два

«больших вождя» – Ленин с Троцким – и несколько вождей поменьше, занимавших ключевые государственные посты.

Диктатура пролетариата объявила о поражении в правах представителей прежних «эксплуаторских классов» (это называлось «исключением из демократии») и о привлечении их к обязательной трудовой повинности. В первой советской конституции 1918 года прямым текстом заявлялось, что целью установления «диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства» является «полное подавление буржуазии».

«Военный коммунизм»

В 1918 году возник политико-хозяйственный режим, получивший название «военного коммунизма».

Товарно-денежные отношения практически прекратились. Национализация промышленности, запрет на частную торговлю, транспортный коллапс, разрушение банковской системы за несколько месяцев превратили капиталистическую страну в общество, где главной валютой стали натуральные продукты: еда и предметы самого

примитивного выживания. Деньги не исчезли полностью, но карточная система и неосторожная эмиссия привели к астрономической инфляции. К концу Гражданской войны индекс цен по сравнению с 1913 годом вырастет в 27 тысяч раз.

Проблема голода, особенно острая в больших городах, скоро стала для советского правительства главной. Решить ее экономическими способами ленинское правительство не умело, да и не хотело, ибо враждебно относилось к «частнобывенническим инстинктам». Оставалось только одно: прибегнуть к насилию.

Большевики заменили рыночный принцип принудительно-распределительным. Во имя борьбы с голодом была введена «продовольственная диктатура»: государственная монополия на сельхозпродукты и так называемая «продразверстка». Последняя означала, что крестьянам оставляли только часть собранного урожая (очень мало – в некоторых областях всего по 200 кг зерна на едока), а всё остальное полагалось сдавать государству – вроде бы за деньги, но при гиперинфляции получалось, что бесплатно. Специально учрежденная армия «продотрядов»,

вооруженных городских рабочих, реквизировала у крестьян запасы, нередко подчистую.

Настоящий террор был развернут против так называемых «мешочников» – людей, которые пытались привозить в города продовольствие маленькими партиями, «в мешках». Эта практика могла бы до известной степени смягчить продовольственный кризис, но коммунистические власти видели в мелкой коммерции возрождение капитализма и безжалостно пресекали товарообмен между городом и деревней как «спекуляцию». Виновных часто расстреливали на месте.

Хуже всего пришлось горожанам, поскольку теперь их существование полностью зависело от выдачи продуктов по карточкам, а представители «эксплуататорских классов» были приписаны к четвертой категории, ниже уровня выживания.

«Красный террор»

Позорный мир с немцами и грабеж крестьян рассорили большевиков с их союзниками по коалиции – левыми эсерами. В июле 1918 года эта боевитая партия сначала попробовала устроить в Москве переворот, а когда не получилось,

эсеровский мятеж начался на фронте (в это время уже вовсю бушевала гражданская война). Повернуть Красную Армию на Москву у эсеров тоже не вышло. Тогда они прибегли к давней, еще дореволюционной тактике – к индивидуальному террору. 30 августа в обеих столицах прозвучали выстрелы. В Москве эсерка Фанни Каплан тяжело ранила Ленина, в Петрограде эсер Леонид Каннегисер застрелил Моисея Урицкого, председателя местной ЧК.

В ответ на индивидуальный террор советская власть развернула террор системный, массовый. «Красный террор» был провозглашен официально, постановлением Совнаркома. Органы ЧК производили повальные аресты «по классовому признаку». Потенциально опасные «элементы» должны были помещаться в концлагеря, но на деле расстреливали без разбора подряд всех «буржуев», кто попадался под руку чекистам. Это была не акция возмездия, а «профилактическая мера», смысл которой с предельной ясностью объяснил один из советских вождей Григорий Зиновьев, полновластный диктатор Петрограда, где репрессии были особенно жестоки: «Мы должны увлечь за собой девяносто миллионов из ста,

населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожать».

Пик «красного террора» пришелся на сентябрь-октябрь 1918 года, когда газеты почти каждый день публиковали списки расстрелянных, но и в дальнейшем советская власть постоянно использовала террор как средство устрашения. Общее количество жертв не поддается даже приблизительному исчислению, поскольку расправы происходили в основном бессудно и часто бессистемно. Называют цифры в диапазоне от 50 тысяч до 600 тысяч человек.

Первый этап Гражданской войны

С конца 1917 года до конца 1918 года Россия находилась в положении побежденной страны, и «германский фактор», то есть страх перед Берлином связывал руки большевистского Совнаркома. Он был вынужден, в частности, мириться с существованием независимой Украины, где находились немецкие войска, и даже терпеть казачье государство «Всевеликое Войско Донское», являвшееся чем-то вроде германского протектората.

В первой половине года произошло всего два крупных военных столкновения между белыми и красными, оба локальные. В феврале-марте сбежавший из-под ареста генерал Корнилов, собрав маленькую, всего 4000 штыков и сабель, армию добровольцев, попытался захватить Северный Кавказ и привлечь на свою сторону кубанских казаков, но пал в бою. Остатки его войска еле спаслись. Чуть раньше на востоке, где располагались земли Оренбургского казачьего войска, сопротивление советской власти возглавил атаман Александр Дутов. Он блокировал Транссибирскую магистраль, главную транспортную артерию страны, что отрезало от центра Туркестан и Сибирь с Дальним Востоком. Однако и здесь казачество не оказало белым массовой поддержки. Советы в конце января прогнали дутовцев из Оренбурга в степь. Движение по Транссибу восстановилось.

Весной 1918 года казалось, что обойдется без широкомасштабной гражданской войны, но грубые ошибки советской власти довели дело до взрыва. Он грянул в конце мая, когда Совнарком, выполняя требование немцев, попробовал разоружить Чехословацкий корпус. Это было

крупное (40 тысяч солдат) воинское соединение, созданное чехами и словаками, которые воевали в австрийской армии, попали в русский плен и теперь желали сражаться на стороне Антанты за независимость своей страны. В русских революционных событиях корпус не участвовал, ничью сторону не принимал и после заключения Брестского мира должен был кружным путем, через Владивосток, отбыть на Западный фронт. Эшелоны с чехословацкими батальонами растянулись по всей Транссибирской железной дороге.

В ответ на требование разоружиться чехословаки без труда свергли слабую советскую власть на всем протяжении магистрали и перешли на сторону белых. Имея столь боеспособное ядро, противники советской власти создали собственную армию, сформировали правительство и повели успешное наступление от Урала на центр. Возглавил «восточную Вандею» (как ее тогда называли) адмирал Колчак.

В ноябре 1918 года, потерпев поражение в Европе, «центральные державы» ушли с оккупированных территорий. После этого Гражданская война, уже ничем не сдерживаемая, разразилась во всю силу.

Второй этап Гражданской войны

На Дону и Кубани возникла еще одна «Ван-дея», южная – и опять по вине советского правительства. К казачьему сословию, зажиточному и обученному военному делу, большевики относились с опаской. Красные власти взяли курс на «расказачивание»: перераспределение земель в пользу бедноты, изъятие хлебных запасов, разоружение рядовых казаков и истребление офицерских кадров. Основная масса казаков, до тех пор не особенно поддерживавшая белых, стала враждебна Советам. На Северном Кавказе положение красных еще и ослабилось из-за междоусобицы. Коммунисты заподозрили красного главнокомандующего Ивана Сорокина, одаренного полководца, в бонапартизме. В ходе столкновения он был убит, и вскоре после этого большевистская власть на Кубани пала. Вспыхнуло казачье восстание и на Дону.

Весной 1919 года оба мятежных региона объединили свои силы. Во главе их встал генерал Антон Деникин. Его войска нанесли красным ряд тяжелых поражений. Фронт начал стремительно откатываться к северу. К концу июня белые захватили Харьков, Екатеринослав и Царицын. Затем

пал Киев. В начале осени передовые белогвардейские части достигли Орла. До Москвы оставалось меньше 400 километров.

На севере, в портах Белого моря, высадился десант Антанты, и возник еще один антисоветский оплот – правительство Северного Края во главе с генералом Евгением Миллером.

В начале осени из Эстонии на Петроград двинулась офицерская добровольческая армия генерала Юденича, тоже одерживая победу за победой.

Территория Советов сжималась с четырех сторон. В самый тяжелый для большевиков момент, в середине осени, власть Совнаркома сохранялась менее чем на одной десятой территории бывшей империи.

Однако тогда же в ходе Гражданской войны произошел перелом.

Красные остановили натиск Колчака на востоке, разбили Юденича на западе, перешли в контрнаступление против Деникина на юге. На севере же белые в самый напряженный момент борьбы бездействовали.

К концу 1919 года исход противостояния был предрешен. Белых погубила децентрализован-

ность командования и несогласованность действий. Главное же – Троцкому и его помощникам удалось создать мощную армию. В начале 1918 года в ее рядах было всего 200 тысяч человек, а к осени 1919 года – уже три миллиона. Деникин имел только 150 тысяч солдат. У Колчака в самые лучшие времена действующая армия насчитывала меньше 120 тысяч штыков и сабель. У Юденича в его Северо-Западной армии было всего 20 тысяч бойцов.

Третий этап Гражданской войны

В 1920 году Красная армия все время наступала. Белые отчаянно оборонялись, но повсюду проигрывали. Год начался с довершения разгрома колчаковцев, остатки которых ушли далеко на восток. Там возникла Дальневосточная Республика, новое государство со столицей во Владивостоке. Это был компромисс между большевиками и японцами, которые еще в 1918 году отправили в помощь белым значительный воинский контингент. Обе стороны рассматривали ДВР как «буфер», позволяющий избежать прямой войны.

На севере обошлось без больших боев. Войска Антанты просто покинули свои базы в Архангельске и Мурманске, после чего в феврале 1920 года туда вошли красные.

На юге разбитая армия Деникина отступала с упорными боями. Значительная ее часть закрепилась на Крымском полуострове. Там образовалось Правительство Юга России во главе с генералом Петром Врангелем. В начале лета его войска даже перешли в наступление, захватив Северную Таврию и высадив десант на кавказском побережье.

Такое стало возможно из-за того, что в это время основные силы советской республики были оттянуты на запад, где началась война с Польшей. Но осенью война закончилась, и Красная армия всей своей мощью обрушилась на Крым. В начале ноября пал последний оплот белых на европейской территории страны.

Завершающий этап Гражданской войны

После этого еще два года война велась на окраинах. Советская власть постепенно брала под свой контроль все территории, которые можно было захватить силой оружия.

Первым объектом нападения, еще в апреле 1920-го, стала Азербайджанская Демократическая Республика – из-за бакинской нефти. Советское правительство инициировало большевистское восстание в Баку и ввело в Азербайджан войска. Операция заняла всего три дня. Сразу после взятия Крыма красные захватили Армению. Независимость Грузии закончилась в феврале 1921 года.

Война в Средней Азии была скорее колониальной, чем гражданской. Там существовали два автономных государства, бывшие протектораты империи – ханство Хивинское и ханство Бухарское. Первое было упразднено в 1920 году, второе – в 1922-м.

Последним эпизодом почти пятилетней гражданской войны стало покорение Дальнего Востока. Антисоветские силы продержались здесь так долго исключительно из-за поддержки японцев. Но в сентябре 1922 года токийское правительство вывело войска, и уже в следующем месяце Владивосток пал.

15 ноября 1922 года «буферная республика» ДВР вошла в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Этот

день принято считать датой окончания гражданской войны.

Новая экономическая политика (НЭП)

Суть реформы заключалась в том, что государство переходило от принуждения к стимулированию: заменяло ненормированное или произвольно нормируемое изъятие урожая твердо установленным продовольственным налогом – довольно умеренным. Это было отступлением от коммунистических идей, почитавших всякую частнособственническую деятельность опасным отклонением от марксизма. Но выбора у правительства не было: стране грозил страшный голод и надо было срочно спасти посевную кампанию – крестьяне отказывались сеять, зная, что урожай все равно отберут.

Эффект проявился сразу же. Осенью 1921 года впервые образовались продовольственные излишки. Пришлось идти на новые уступки – восстанавливать торговлю и денежное обращение.

С 1922 года некоторые хронические болезни советского государства – прежде всего продовольственный дефицит и товарный голод – начинают понемногу смягчаться. Ленинская смена

внутренней политики, собственно, заключалась всего лишь в том, что государство ослабило давление на мелкое предпринимательство, в первую очередь аграрное, но больше ничего и не требовалось, остальное люди сделали сами.

Самые деятельные земледельцы захотели расширять производство – и советская власть, заинтересованная в получении бóльших налогов, еще на шаг отступила от правоверного марксизма: позволила использовать наемную силу и арендовать землю. Оживился мелкий бизнес в городах, возникло новое торгово-промышленное сословие «нэпманов».

Существование частного сектора было небезоблачным. Государство относилось к «советской буржуазии» враждебно, постоянно увеличивало фискальное бремя. В партии все время звучали призывы положить конец нэповской ереси, ибо она разжигает «частнособственнические инстинкты». И всё же система НЭПа просуществует до конца двадцатых годов – пока не будет взят курс на милитаризацию всей общественно-экономической системы.

Антибольшевистские народные восстания

НЭП был введен не только по экономическим, но и по политическим причинам. К 1921 году и «военный коммунизм», и сами коммунисты стали вызывать всё больше недовольства у того самого пролетариата, от имени которого они правили. Возникло народное движение с лозунгом «Советы без коммунистов», приведшее к двум крупным вооруженным восстаниям.

В марте 1921 года в Кронштадте, матросы которого еще недавно были поголовно за большевиков, взбунтовались флотские экипажи: арестовали своих комиссаров, выбрали собственных предводителей. Пятнадцать тысяч вооруженных моряков, защищенные крепостными укреплениями и орудиями боевых кораблей, представляли собой грозную силу, которая могла стать началом мощного антибольшевистского движения в уставшей от диктатуры стране. Для этого достаточно было взять Петроград.

Туда прибыл Троцкий, начавший стягивать к берегу залива войска и поручивший командование над ними самому энергичному из красных полководцев Михаилу Тухачевскому. Тот подверг крепость бомбардировке с воздуха и взял

Кронштадт штурмом. Половина мятежников бежала по льду в Финляндию. Оставшиеся были частью расстреляны, частью отправлены в концлагеря.

Намного продолжительней и еще кровопролитней была борьба на Тамбовщине, где крестьяне расправились с местной большевистской администрацией, уничтожили продотряды и создали целую армию. В Тамбов перебросили кронштадтского карателя Тухачевского, который собрал под своим командованием внушительные силы: 55 тысяч красноармейцев с бронепоездами, механизированными отрядами, авиацией. Восстание пошло на убыль только летом – и не из-за военных неудач, а потому что отмена «военного коммунизма» изменила настроения крестьянской массы.

Иосиф Сталин

Иосиф Джугашвили (1879–1953) был выходцем из грузинского революционного подполья. До революции он был членом большевистского ЧК, курировавшим кавказское направление. Ничем кроме неизменной верности Ленину он себя не проявлял, в октябрьских событиях был на

вторых ролях и в первом советском правительстве получил маловажную должность наркома по делам национальностей (каковых после развала империи под властью центра почти не осталось). Во время Гражданской войны Сталин тоже занимал относительно невысокие посты – максимум политического комиссара одного из нескольких фронтов. Троцкий однажды пренебрежительно назвал его «самая выдающаяся посредственность нашей партии». Но Троцкий ошибся – просто таланты Сталина лежали не в революционной и не в военной области. Это был мастер политической стратегии, виртуоз аппаратной борьбы. Возможность проявить свои дарования у Сталина появилась, когда весной 1922 года его сделали генеральным секретарем ЦК (в то время это означало лишь руководство канцелярскими и кадровыми вопросами). При системе жесткого централизма, существовавшей в ленинской партии, Сталин получил в свои руки все рычаги управления над нею и очень умело ими воспользовался. Важные решения принимались голосованием на пленумах ЦК – и Сталин исподволь, постепенно, действуя совершенно в рамках своих полномочий, принялся повсюду назначать

верных ему людей. Через каких-то полгода тихий бюрократ уже был одним из самых влиятельных функционеров партии. Его положение еще больше укрепилось, когда заболел Ленин и фактическим «местоблюстителем престола» оказался работающий, исполнительный генсек.

Когда Ленину зимой 1922–1923 года ненадолго стало лучше, он с его безошибочным инстинктом власти почувствовал исходящую от Сталина опасность и стал требовать отставки генерального секретаря. Но вскоре вождь окончательно слег и выполнить свое намерение не успел.

Попытки экспорта революции

В первые годы казалось – во всяком случае Ленину и Троцкому, – что российская революция является прологом революции всемирной. Рухнули три соседние империи: германская, австро-венгерская и турецкая; в огромном Китае еще раньше пала монархия и крепло коммунистическое движение; в Баварии и Венгрии на время власть захватили местные левые, создав советские республики; по всей Европе резко возросла

популярность социалистов, в том числе радикального толка.

Весной 1920 года обострился конфликт между двумя молодыми государствами – РСФСР и Польшей. Это было продолжением все того же давнего спора из-за бывших владений Речи Посполитой, захваченных еще царями: Украины и Белоруссии. Поляки перешли в наступление, рассчитывая на то, что красные слишком увязли в борьбе с генералом Врангелем, но просчитались: советское командование на время отказалось от захвата Крыма, перекинуло почти все наличные силы на западный фронт и вынудило польскую армию откатиться до самой Варшавы. Окрыленный успехом Ленин уже планировал создать «Польскую Советскую Республику», а затем поднять социалистическую революцию в Германии и сразу же перейти к революции всевропейской.

Однако утопические мечты были разбиты реальностью: у поляков национально-патриотическое чувство оказалось сильнее классовых противоречий. Перед угрозой вторжения Польша сплотилась, а красноармейское командование в наступательном порыве чересчур растянуло

свои коммуникации. В августовском сражении под Варшавой была разгромлена группировка Михаила Тухачевского, а группировка Александра Егорова (политкомиссаром при котором состоял Иосиф Сталин) потерпела поражение под Львовом. Война была проиграна. Польский поход стал одной из самых тяжких ошибок Ленина, следствием его утопических фантазий. Сил Красной Армии хватало только на то, чтобы громить белых, для победы над внешним врагом их было недостаточно.

Тогда в Москве решили перейти от военных методов к подрывным. Созданный в 1919 году для объединения мировых коммунистических движений Коминтерн рассылал в множество стран своих агентов. Его эмиссары участвовали во всех левых восстаниях и заговорах, где бы те ни происходили, а иногда сами инициировали эти инциденты.

В марте 1921 года «спартакисты» (немецкие левые марксисты) устроили вооруженный путч в Саксонии. Он был подавлен. В 1923 году большевистское политбюро приняло решение готовить новое восстание во всей Германии. План опять

провалился. Неудачей закончилось и восстание болгарских коммунистов в сентябре 1923 года.

Активность Коминтерна не ограничивалась Европой. Бурлила и Азия. Во многих странах активизировалось антиколониальное движение. И повсюду, где только можно, действовали коминтерновские агенты.

Переход к монократии

Ленин являлся лидером партии, но не диктатором. Главным его инструментом был дар убеждения. В ленинский период страной руководила команда единомышленников – политбюро ЦК партии (она в 1919 году поменяла название и теперь именовалась Российской коммунистической партией большевиков). В 1924 году, когда главный вождь умер, высший орган состоял из семи человек: глава вооруженных сил Лев Троцкий, новый председатель Совнаркома Алексей Рыков, генеральный секретарь Иосиф Сталин, руководитель Коминтерна и Петрограда Григорий Зиновьев, руководитель Москвы Лев Каменев, руководитель профсоюзов Михаил Томский, редактор партийной газеты «Правда» Николай Бухарин.

Преемником Ленина по всем параметрам должен был стать Троцкий, герой Октября и Гражданской войны – в глазах страны и всего мира самый близкий соратник великого Вождя. (Ленина обожествили немедленно после смерти, построив на Красной площади мавзолей, где напоказ было выставлено его нетленное тело, а бывшую столицу империи переименовали в Ленинград).

Но Сталин осуществил целый каскад политических интриг и рокировок, проложивший ему путь к единоличной власти.

В начале 1925 года он свалил Троцкого, заключив союз со всеми остальными членами Политбюро. Через год убрал из высшего руководства Зиновьева и Каменева, объединившись с Рыковым, Томским и Бухариным. Затем дошла очередь и до этих троих.

К концу двадцатых – началу тридцатых формат власти окончательно определился. В стране остался только один Вождь. Политбюро теперь состояло не из его единомышленников, а из послушных, нерассуждающих исполнителей его воли.

Создание СССР

Когда надежды на скорую всемирную революцию померкли, возникла необходимость соединить формально независимые советские республики – Российскую, Украинскую, Белорусскую и Закавказскую – в некое государственное образование. Дискуссия о том, что́ это будет за государство, развернулась в 1922 году.

Ленин, по-прежнему веривший в неизбежность победы социализма в мировом масштабе, был против того, чтобы воскрешать Россию. Его идея состояла в том, чтобы создать некий открытый проект без этнонациональной окрашенности, к которому в будущем смогут присоединяться любые новые участники: Союз Советских Социалистических Республик. В перспективе Ленину виделся некий Союз Советских Республик Европы и Азии.

Входящий в силу генеральный секретарь Сталин отстаивал иную позицию: вернуть название «Россия», а национальные регионы включить в ее состав в статусе автономий. Победила платформа Ленина – Сталин в это время был еще недостаточно силен. Но с точки зрения логики «ордынского» государства прав был, конечно,

Сталин, лучше понимавший потребности воссоздаваемого централизованного государства. Ленинский формат «равноправного союза республик» впоследствии усложнит задачу «собирания империи» и заложит под нее мину замедленного действия. Правда, взорвется она лишь через много лет.

Так или иначе, в декабре 1922 года новое государство СССР было торжественно провозглашено. Сначала в его состав вошли четыре союзные республики. Ни равноправными, ни суверенными они не были. По воле Москвы, которая являлась столицей и Союза, и России, учреждались новые республики, повышался или понижался статус уже существующих, целые области передавались из юрисдикции в юрисдикцию. К концу сталинской эпохи число союзных республик дошло до шестнадцати.

Паспортизация и прописка

Условия жизни в разных регионах СССР очень отличались друг от друга. Где-то требовались рабочие руки, а где-то нет. Москва и Ленинград лучше снабжались продовольствием – и туда стекались переселенцы со всей страны.

Поэтому все двадцатые годы население находилось в постоянном движении, в поисках лучшей жизни.

После революции паспортная система, которой ведали полицейские участки, была отменена. Но теперь ее восстановили, и в таком жестком формате, какого при самодержавии не существовало.

С конца двадцатых годов был взят курс на превращение страны в подобие военного лагеря. Свободная миграция граждан вступила в противоречие со стремлением государства контролировать и планировать все общественные процессы.

С 1932 года ввели обязательную прописку по месту жительства. Документально привязанность к адресу подтверждалась паспортом. В правительственном указе говорилось, что целью этого акта является «учёт населения городов..., разгрузка этих мест от лиц, не занятых общественно-полезным трудом, а также очистка от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов, в целях укрепления диктатуры пролетариата». И учет, и «разгрузка», и «очистка» осуществлялись органами Наркомата

внутренних дел, то есть той же полицией – как до 1917 года.

Колхозная система

В указе 1932 года неслучайно поминались только города. Крестьян, всё еще составлявших основную часть населения, прикрепили к месту жительства проще: им паспортов не выдали.

Всячески декларируя строительство нового, небывалого прежде мироустройства, советское государство последовательно восстанавливало основы, на которых держалась разрушенная царская империя. Вернулось и крепостное право в купе с крестьянской общиной. Эта система теперь называлась «колхозной». «Коллективные хозяйства», насаждаемые насильственно, в приказном порядке (об этом ниже), опять вынуждали крестьян трудиться на барщине, только теперь помещиком стало государство и оно забирало себе львиную долю урожая. При этом колхоз, подобно общине, не давал работникам по собственной воле куда-то уехать – лишь с разрешения правления.

Срочное введение паспортов и прописки было вызвано еще и тем, что в 1932 году во

многих сельских регионах разразился чудовищный голод и люди потянулись в города, надеясь найти пропитание. Эту незапланированную, хаотическую миграцию требовалось срочно пресечь. Государство хотело само решать, откуда и куда будут перемещаться его подданные.

Сталин – живой бог

Окружение всячески убеждало вождя не только в его величии, но и в объективной необходимости народного поклонения – этого-де требовали интересы государства, проходящего через трудный период. Логика была такая: окруженная внешними и подтачиваемая внутренними врагами страна должна быть военным лагерем, армией, а лучшая армия – та, в которой солдаты не только слушаются командующего, но и благоговечат перед ним.

Царям благоговение доставалось естественным порядком, по наследству и по традиции – государей императоров славил во всех храмах. Команда Сталина выстроила культ с нуля, и в очень быстрые сроки. Для XX века подобный успех не уникален: в то же самое время с этой задачей не хуже справился тоталитарный режим

Италии (и Сталин многое у Муссолини позаимствовал).

Пятидесятилетний юбилей Вождя в декабре 1929 года отмечался как событие большого государственного значения. Юбилей стал и триумфальным завершением борьбы за власть, и началом эпохи массового поклонения. Вскоре будет разработан многокомпонентный, цветистый церемониал восхваления, своего рода новая религия, так что во время войны солдаты (во всяком случае по версии газет) будут идти в атаку и погибать с криком «За Сталина!». Главу государства будут именовать «Вождем и Учителем», «величайшим корифеем всех времен и народов», «гениальным стратегом» и прочими благоговейными титулованиями.

В советском гимне «Интернационал» пелось: «Никто не даст нам избавленья – ни бог, ни царь и ни герой», но Сталин в глазах народа стал и Богом, и Царем, и Героем.

Деаграризация

Из всех эпохальных, драматических, необратимых перемен, произошедших со страной, самой важной безусловно была деаграризация.

Обычно используемый термин «коллективизация» не передает всего масштаба произошедшей метаморфозы. Дело не только в насаждении колхозов, они в постсоветские времена исчезнут; дело в том, что Россия навсегда перестанет быть страной крестьян.

Для создания крупной индустрии требовалась дешевая рабочая сила, а кроме деревни взять ее было негде – вот главная причина, по которой Сталин повел наступление на крестьянство. К тому же основным богатством и основным источником валюты, необходимой для импорта промышленного оборудования, в ту эпоху было зерно. Государство намеревалось сосредоточить всё его производство в своих руках.

Гигантская операция была проведена в несколько этапов и удалась не с первой попытки.

Курс на колхозное строительство был объявлен в 1926 году на XV съезде партии – как средство «вовлечения крестьян в социализм». Однако добровольцев объединяться в коммуны нашлось немного, крестьяне предпочитали работать в собственных хозяйствах.

На следующем этапе, в 1928–1929 гг., государство взялось за «кулаков», крупных ферме-

ров, и стало экспроприировать у них имущество, а самих их отправлять в ссылку. Разрушение самого эффективного сектора сельского хозяйства привело к тому, что в стране начались перебои с продовольствием.

Тогда Сталин решил, что нужно вообще покончить с частным крестьянским хозяйством, поскольку оно малопродуктивно и трудно контролируется. Третий этап (1929–1930) ознаменовался массовым сгоном крестьян в колхозы. Газеты триумфально писали об успехах коллективизации. Но крестьяне стали забивать свой скот, чтобы не сдавать его в коммуну, и саботировать посевную кампанию.

Вождь изменил галс: в мае 1930 года он выступил с обращением к местной администрации, осудив насильственную запись граждан в колхозы. Крестьяне немедленно вернулись к работе, и весенний сев был спасен.

После этого наступил четвертый и последний этап. В 1931 году провели «сплошную коллективизацию», по твердо установленному плану. За год две трети крестьян были попросту записаны в колхозы. Это привело к тотальному развалу сельскохозяйственного производства. Осенью

1932 года собрали очень низкий урожай. Главный удар пришелся по самым хлебоборобным регионам, где у крестьян реквизируют всё зерно. Разразился страшный голод – особенно на Украине, где безжалостное выколачивание запланированных заготовок совпало с политической кампанией борьбы с «украинским национализмом».

Масштабы гуманитарной катастрофы, вызванной насильственной деаграризацией, были гигантскими. С учетом «отложенных смертей» вследствие истощения и болезней, в общей сложности умерло около 8,5 миллионов человек.

Зато коллективизация победила. Это означало, что львиной долей сельскохозяйственной продукции теперь владеет и распоряжается государство и что рынок труда наводнился очень дешевой рабочей силой. На заводы и стройки из деревни хлынул такой поток людей, готовых работать за мизерную плату, что, как уже говорилось, государству даже пришлось затормозить миграцию, дабы колхозы не остались без работников. За семь лет (1929–1936) «армия рабочих» увеличилась на 111,3%. Было 11,6 миллиона человек – стало 24,7 миллиона.

Индустриализация

При отсутствии капиталистической конкуренции и при тотально централизованном управлении промышленностью (в конце двадцатых НЭП был свернут и даже мелкое предпринимательство прекратилось) государство делало ставку на плановость. Согласно марксистско-ленинскому учению такой тип менеджмента был прогрессивнее и эффективнее капиталистического. Исходя из этого постулата первый пятилетний план был составлен с абсолютно фантастическими параметрами (например, с 1928 до 1933 года собирались увеличить выплавку чугуна в три раза, а производство электроэнергии в три с половиной). Несмотря на то, что советской экономике очень помогла Великая Депрессия, позволившая закупать оборудование за рубежом по кризисно низким ценам, уже через два года стало ясно, что заданные цифры невозможны. Во-первых, не хватало финансирования, а занимать деньги было негде. Во-вторых, катастрофически не хватало рабочих, особенно в дальних, необжитых районах, где находились главные стройки.

Деаграризация помогла разрешить обе трудности. Почти вся сельхозпродукция стала

государственной и увеличила приток валюты, а разоренные крестьяне обеспечили нужную рабочую силу.

Вторая пятилетка (1933–1937) по своим задачам была намного реалистичней и почти все их выполнила. Появилось 4500 новых крупных предприятий, массовое внедрение машин увеличило производительность почти вдвое (что и не удивительно, учитывая прежний низкий уровень технической оснащенности). В целом промышленность выросла на 120% и по своему общему объему вывела советскую экономику в 1937 году на второе место в мире после США – впечатляющий результат.

Третья пятилетка (1938–1942), незавершенная, проходила в ожидании большой войны, и главные капиталовложения предназначались военно-промышленному комплексу.

Массовый террор

Сталинские репрессии не были вызваны паранойей полоумного диктатора, как это было при Иване Грозном, который то зверствовал, то калялся. Не носили они и эмоционально-воспаленного характера, как «красный террор» после

покушения на Ленина. Это была целая система, выстроенная хладнокровно и расчетливо – как всё, что делал Сталин. И запущена она была для достижения конкретных, сугубо практических целей, которые со временем менялись или корректировались.

В тридцатые годы государственный террор должен был выполнить три задачи.

Во-первых, требовалось заменить и дисциплинировать элиты.

Еще с ленинских времен существовало нечто вроде табу на физическое истребление соратников-большевиков. Их можно было обличать, шельмовать, лишать постов, исключать из партии, но не убивать. Однако Сталину этого было недостаточно. В верхнем эшелоне власти, конечно, все знали, что план первой пятилетки провален, что коллективизация привела к продовольственному кризису и голоду, что правитель совершил несколько тяжелых ошибок. А впереди предстояло еще много испытаний и потрясений. Ленинскую доктрину о монолитности партии следовало довести до уровня абсолютной, нерассуждающей покорности, которую мог обеспечить только террор. Используя как повод случайный

инцидент – убийство ленинградского партийного секретаря Кирова в конце 1934 года, Сталин начал с капитальной чистки в партии. В 1935-1936 годах почти триста тысяч человек лишились партбилетов.

Новое повышение градуса репрессий произошло летом 1936 года. До сих пор преобладали тюремные приговоры, теперь волной пошли расстрельные. Терроризирование партийно-советской элиты дошло до высшей точки. Началась эпоха так называемых «больших московских процессов»: на глазах у всей страны судили и клеймили бывших ленинских соратников. (В частности, были расстреляны все бывшие коллеги Сталина по политбюро – за исключением высланного из страны Троцкого; его в 1940 году убил агент НКВД в далекой Мексике). Затем в 1937–1938 гг. последовала расправа над верхушкой Красной Армии – почти весь высший комсостав был репрессирован. Три маршала (из пяти) были казнены. Из 134 трех- и четырехзвездочных генералов уцелели только одиннадцать.

Дважды проводилась и жестокая, сверху до низу «зачистка» самих репрессивных органов:

Сталин запугивал палачей, чтобы те больше усердствовали.

Второй «рациональной» причиной государственного террора было стремление максимально контролировать жизнь всего общества. В бедной стране делать это можно было только через страх.

Сталинский террор сущностно отличался от современного ему гитлеровского террора. Тот тоже был чрезвычайно жесток, однако направлен главным образом против врагов Рейха и людей, которых Рейх считал для себя опасными или нежелательными. Если так можно выразиться, это был «террор по правилам» – в том смысле, что правила всем подданным были понятны. Цель сталинского террора была принципиально иной, в определенном смысле даже противоположной. Террор был нужен прежде всего для внушения страха всем советским гражданам без исключения, а самая сильная разновидность страха – иррациональная. Одна за другой следовали карательные акции – как безадресные, хаотические, так и направленные против отдельных групп населения, профессий, этносов или иных сообществ.

О количестве жертв сталинских репрессий историки спорят до сих пор. Если привести официальные данные, собранные к антисталинскому XX съезду партии в 1956 году, с 1935 по 1940 год было арестовано 1 980 635 человек и 681 692 из них расстреляны. Вероятно, реальные цифры были намного выше.

Третья причина массовых арестов (а не казней) была и вовсе деловой. Деаграризации, которая резко увеличила число рабочих рук и сильно их удешевила, оказалось недостаточно для выполнения поставленных перед промышленностью задач. На самых тяжелых стройках и производствах – особенно находившихся в отдаленных, не приспособленных для жизни районах – требовался принудительный, то есть рабский труд: вовсе бесплатный и не считающийся с большими человеческими потерями. Нужно было поставить на поток пополнение рядов подневольной армии труда. Эту работу выполняла арестная машина НКВД.

Возникла целая отрасль экономики, которой руководило Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ). Только в 1938–1940 гг. там прибавилось 800 тысяч бесплатных

работников. В общей же сложности через систему ГУЛАГа прошло не менее 15 миллионов человек, причем пополнение шло волнами: представители неугодных Сталину национальностей, «неблагонадежные элементы» завоеванных территорий, а во время и после войны – пленные.

Подготовка к большой войне

В конце двадцатых годов, перед началом индустриализации и военного «рывка», в Красной Армии имелось всего полторы сотни бронемашин, а ее численный состав был немногим больше полумиллиона солдат.

Но «военный бюджет» постоянно увеличивался. В 1940 году он достигнет 32,6% – больше тратили только в Германии и Италии, но в то время они уже воевали.

Срочно строились танковые, авиационные, оружейные, военно-морские заводы. Были созданы специальные профильные наркоматы: авиапромышленности, вооружения, боеприпасов, судостроения.

В 1940 году в стране было произведено военной продукции на 27 миллиардов рублей. Это

позволило выпустить за один-единственный год 13700 пушек, 10500 самолетов, 2790 танков.

К началу войны у Красной Армии на вооружении состояло 20 тысяч самолетов, 25 тысяч танков и 67 тысяч артиллерийских орудий. Под ружьем – в мирное время – находилось более 5 миллионов солдат.

Правда, этот колосс был не так силен, как выглядел со стороны. Вечная штурмовщина, страх сорвать план, желание отрапортовать об успехах сказывались на реальной готовности техники. Ее постоянно выводили из строя недоделки и частые поломки. Администраторов, инженеров, мастеров, простых рабочих арестовывали, расстреливали, и это только повышало градус нервозности, неразберихи.

Неважного качества был и личный состав армии. Во время репрессий она лишилась бóльшей части опытных военачальников, а кроме того из-за стремительного увеличения численности (в три с половиной раза за четыре предвоенных года) просто неоткуда было взять достаточное количество подготовленных командиров.

Эти дефекты сначала проявятся в «небольшой» войне с Финляндией, а затем и в гигант-

ской – той, к которой страна долго готовилась с немыслимыми затратами и жертвами.

Советско-германский пакт

Договор 23 августа 1939 года, вошедший в историю как «Пакт Риббентропа-Молотова» (по именам министров иностранных дел), иногда называют чуть ли не главной причиной, по которой началась Вторая мировая война. Причина, конечно, была не в договоре, но его заключение было непременным условием гитлеровской агрессии. Памятуя о печальном опыте кайзеровской Германии, фюрер не напал бы на Европу, пока существовала опасность войны на два фронта.

Верно и то, что в 1938–1939 гг., когда стало ясно, что Германия нацелена на войну, тайные переговоры велись по всем трем линиям: Запад – Германия, Германия – СССР и СССР – Запад. Удобнее всего эта ситуация была для Гитлера. Он решал, с кем ему выгоднее договориться, а с кем воевать. И пришел к заключению, что с диктатурой, пускай коммунистической, сговориться проще. «Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капиталистическим Западом. Поэтому

нам кажется довольно противоестественным, чтобы социалистическое государство вставало на сторону западных демократий», – было сказано советскому представителю. Стороны пришли к соглашению очень быстро, в течение августа. Мир был ошарашен внезапным известием о подписании германо-советского пакта о ненападении.

Уже через неделю Гитлер нанес удар на восток, по Польше. Он знал, что воевать на два фронта ему не придется – Красная Армия поможет немцам быстро ликвидировать польский очаг сопротивления.

С точки зрения Сталина это была блистательная дипломатическая победа: СССР получил дополнительное время для укрепления обороны и срастал между собой обоих врагов, «капиталистов» с «фашистами».

Финская война

Поскольку Финляндия, согласно секретным статьям Пакта, попадала в советскую «зону влияния», Сталин с этой небольшой страной не церемонился. Осенью 1939 года СССР стал навязывать всем четырем балтийским государствам –

Латвии, Эстонии, Литве и Финляндии – «договоры о взаимопомощи» и размещении советских баз и гарнизонов – якобы для обеспечения безопасности этих стран. Отказалась только Финляндия, которой кроме «договора о взаимопомощи» в ультимативном тоне было предложено поменять населенную и обустроенную территорию Карельского перешейка, примыкавшую к Ленинградской области, на пустынные земли советской восточной Карелии.

Сталин решил на примере Финляндии показать остальным балтийским странам, что бывает за строптивость. Однако война оказалась неожиданно тяжелой. Финны сражались за свою родину умело и стойко. Советское командование, рассчитывавшее на легкую победу и плохо подготовившееся к боевым действиям, совершило несколько серьезных тактических ошибок. Кровопролитная кампания продлилась три с половиной месяца. С огромными потерями (333 тысячи убитых, раненых, обмороженных) Красная Армия прорвала финскую оборону только в марте 1940 года. Победа при этом вышла неполной. СССР получил 40 тысяч квадратных километров террито-

рии и отодвинул границу от Ленинграда, но присоединить Финляндию не получилось.

План «Барбаросса»

Было несколько причин, по которым в Берлине приняли решение без промедления напасть на Советский Союз.

Во-первых, расширение на восток являлось частью гитлеровской доктрины «жизненного пространства», и после победы на европейском континенте можно было приступить к ее осуществлению. Во-вторых, нанести удар следовало, пока СССР не укрепил новую границу и не заменил устаревшую боевую технику. В-третьих, из-за финской войны у Гитлера сложилось мнение, что Красная Армия довольно слаба.

Была и еще одна причина, финансовая. Содержать огромный, дорогостоящий Вермахт без ведения военных действий не имело смысла. Сухопутные бои велись только в северной Африке, где немцы и их итальянские союзники успешно теснили англичан. Потенциальный противник на суше оставался только один – Советский Союз.

Всю вторую половину 1940 года Германия вела приготовления к «повороту на восток».

Согласно замыслу операции, получившей название план «Барбаросса», три армейские группировки «Север», «Центр» и «Юг» должны были вести наступление в направлении Ленинграда, Москвы и Киева. На первом этапе рассекалась и истреблялась сосредоточенная в приграничных регионах регулярная армия противника, затем танковые клинья при поддержке авиации устремлялись вперед и до наступления морозов выходили на линию Архангельск – Волга. Это был «блицкриг», расчет на быструю сокрушительную победу «в ходе кратковременной кампании».

К рубежу вторжения, от Балтики до Черного моря, стягивались основные силы германской армии – 183 дивизии и три воздушных флота. В нападении участвовали Финляндия, Венгрия, Румыния и Италия (последняя увязнет на Балканах и к началу операции прислать войска не успеет).

22 июня без объявления войны немцы и их союзники вторглись на советскую территорию. Поначалу блицкриг шел почти идеально. Уничтожили советскую авиацию прямо на аэродромах и захватили господство в воздухе. Глубокими танковыми клиньями взяли в окружение и принудили к сдаче огромные массы войск. Начальник

немецкого генштаба Ф. Гальдер записал в дневнике: «...Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней».

Но генерал ошибся.

Кампания 1941 года

По итогам первого месяца войны группы армий «Север» (фельдмаршал фон Лееб) и «Центр» (фельдмаршал фон Бок) продвинулись на 500–600 километров от границы. Менее сильная немецко-румынская группа «Юг» (фельдмаршал фон Рундштедт) – на 300-350 километров. Прибалтика, Белоруссия, Молдавия, половина Украины были потеряны. Главное же – основные силы регулярной Красной Армии были уничтожены.

Гитлер до такой степени не сомневался в победе, что решил скорректировать первоначальный план: не только взять Москву, но и поскорее захватить сельскохозяйственные, промышленные и угольные районы юга, а затем выйти к нефтеносному Кавказу. Фюрер даже считал, что вторая задача важнее первой, поскольку СССР и так уже разбит.

Любое европейское государство после такого разгрома действительно капитулировало бы. Но только не «ордынское». За три недели передышки, пока немцы перебрасывали войска на юг, Советский Союз сполна проявил свои мобилизационные способности. Не считаясь с жертвами, система бросала на фронт все новые и новые наскоро собранные дивизии (всего до конца года в армию будет призвано 14 миллионов человек, возрастом от 18 до 50 лет). Нередко в бой посылали совсем необученных новобранцев, которые гибли в огромных количествах, но все же задерживали немецкое наступление.

Когда Вермахт, одержав еще несколько побед на украинском направлении, 30 сентября наконец двинулся на Москву, взять ее немцы не смогли. Неевропейского качества дороги в условиях осенней распутицы затрудняли доставку топлива и боеприпасов. Красноармейцы упорно оборонялись, не сдаваясь даже в полном окружении. Исход хаотичной битвы под Москвой решило прибытие 17 сильных дивизий с Дальнего Востока. Советская разведка выяснила, что японцы готовятся напасть не на СССР, а на США,

и стало незачем держать на маньчжурской границе так много войск.

К началу декабря у Красной Армии накопилось достаточно сил, чтобы начать контрнаступление. И к северу, и к югу, и к западу от Москвы немцы сначала перешли к обороне, а потом были вынуждены отступить. В военном отношении победа Красной Армии выглядела довольно скромно. Германские части отходили организованно, нанося ответные удары. К началу января линия фронта стабилизировалась всего в 200–300 километрах от советской столицы.

Но сражение под Москвой означало, что «блицкриг» провалился. А поскольку Гитлер не рассчитывал на долгую войну, да и не имел для нее достаточно ресурсов, поражение Германии теперь стало вопросом времени.

Кампании 1942–1944 гг.

Ход военных действий в 1942 году был очень похож на предыдущую кампанию: сначала Вермахт одерживал победу за победой, а в конце года в решающем сражении победила Красная Армия.

Гитлер определил цель кампании с учетом сложившейся ситуации вполне логично. Если не получилось разгромить СССР с помощью одной только военной силы, если началась война на истощение – война экономик и ресурсов, то нужно максимально ослабить потенциал врага и максимально увеличить свой. Поэтому направлением главного удара теперь должна была стать не крепко защищенная Москва, а юг Советского Союза, и прежде всего нефтеносные районы.

Ошибка Сталина облегчила немцам задачу. «Чудо под Москвой» вскружило Вождю голову. Он счел, что в войне уже произошел перелом, и потребовал от своих полководцев наступления. Немцы ударили во фланги наступающим на Харьков войскам Юго-Западного и Южного фронтов. Отступать Сталин запретил, и около 300 тысяч красноармейцев попали в окружение. Отступление было таким же беспорядочным, как предыдущим летом. Советские войска докатились до Кавказа на юге и до Волги на севере. Там Шестая армия генерал-полковника Паулюса дала втянуть себя в кровопролитные уличные бои в разрушенном Сталинграде, где от преимущества в танках и авиации немцам было мало пользы. Теперь

совершил ошибку уже Гитлер. Он требовал от Паулюса любой ценой взять «город Сталина» – и в результате армия попала в окружение. Идти назад, на прорыв, фюрер ей не позволил. Паулюс держался сколько мог, но, истощив силы, в январе 1943 года капитулировал. Миф о непобедимости Вермахта был разрушен.

На другом театре войны, в Северной Африке, где англо-американская группировка вела бои с германо-итальянской, тоже произошел свой «Сталинград». В мае 1943 года в Тунисе сдались в плен четверть миллиона солдат Гитлера и Муссолини.

После этого союзники высадились на Сицилии, открыв в Европе второй фронт, в Италии произошел антифашистский переворот, и Германия лишилась своего главного партнера.

Летом Гитлер попытался изменить ситуацию на востоке, затеяв под Курском большое наступление. Упорные бои на «Курской дуге» длились с начала июля до конца августа. Советские войска не только выстояли, но и вынудили немцев отступить. К этому времени оборонная промышленность уже обеспечила Красной Армии преимущество в боевой технике.

После неудачи под Курском у Вермахта не осталось сил на большие наступления, способные изменить ход войны. Немцы медленно отступали, ведя тяжелые оборонительные бои.

Летом 1944 года положение Рейха стало окончательно безнадежным. Во Франции высадились основные силы союзной армии – их численность дойдет до пяти миллионов солдат. На востоке Красная Армия провела наступательную операцию «Багратион», перемолов немецкую группу армий «Центр». Фронт сдвинулся далеко на запад. Финляндия, Румыния, Болгария вышли из гитлеровской коалиции; Венгрию немцы еле удержали, введя туда свои войска.

Германия продолжала сражаться исключительно из-за упрямства своего правителя.

Последний этап войны

Самое большое количество жертв войны приходится именно на этот, последний период. Нацистские «лагеря смерти» поставили на конвейер уничтожение узников. Гражданское население немецких городов гибло сотнями тысяч под массированными бомбардировками.

Кровавые сражения шли и на востоке, и на западе Европы.

Количество жертв могло бы быть меньше, если бы союзники действовали осторожней, давя Германию военным и экономическим превосходством. Но интересы послевоенного раздела сфер влияния заставляли политических лидеров подгонять своих полководцев. Главным призом была германская столица.

В этой гонке у Советского Союза было преимущество. Во-первых, Красной Армии до Берлина было ближе. Во-вторых, она меньше берегла собственных солдат. В пользу западных союзников работало то, что немецкие войска предпочитали сдаваться в плен американцам и англичанам, боясь попасть в сибирские лагеря. Поэтому на Восточном фронте сопротивление было ожесточенным, на Западном – далеко не всегда. В середине апреля немецкая группа армий «В» сдалась в Руре, в конце апреля ее примеру последовала группа армий «С» в Италии – в то самое время, как на востоке немецкие войска стояли насмерть.

Тем не менее главный приз достался Красной Армии – правда, очень дорогой ценой. Более

полумиллиона солдат были убиты или ранены в ходе прорыва к Берлину и при штурме города. В Прагу и Вену русские тоже вошли первыми.

1 мая Гитлер застрелился. Неделю спустя Германия согласилась на безоговорочную капитуляцию.

Война на другом краю света, в восточной Азии, длилась еще четыре месяца и закончилась после того, как американцы устроили акцию устрашения, подвергнув ядерной бомбардировке Хиросиму и Нагасаки, а полтора миллиона советских солдат вторглись в Маньчжурию.

«Лендлиз»

Соединенные Штаты были ведущей экономикой мира, их ВВП втрое превосходил германский, и Америка вовсю использовала свое главное оружие – индустриальную мощь.

Программа помощи странам антигитлеровской коалиции (закон о лендлизе, «сдаче в аренду») была принята Конгрессом в марте 1941 года и первоначально предназначалась для Британии, в одиночку сражавшейся с фашизмом, а также для Китая, отражавшего японскую агрессию.

Но с ноября 1941 года основным получателем становится СССР. Поставки производились без предварительной оплаты, на основании долгосрочных беспроцентных кредитов. Считалось, что техника «сдается в аренду» до конца войны. При этом машины, уничтоженные в боях, оплате не подлежали. Всего в СССР было поставлено продукции по тогдашним ценам на 13 миллиардов долларов, включая сюда и британскую помощь (примерно 10% от общего объема).

Боевой техники ввозилось не так много – ею Красную Армию в основном снабжала отечественная индустрия, но было множество иных потребностей, которые полностью милитаризованная советская экономика обеспечить не могла. Из США поступили две трети армейских автомобилей и 60% горючего для авиации; три четверти паровозов и 90% вагонов; почти все станки; обмундирование, стратегическое сырье, полевые телефоны, радиостанции, медикаменты и многое, многое другое. Может быть, важнее всего была помощь продовольствием, которого катастрофически не хватало. 80% консервов для армии, две трети сахара, больше половины жиров прибывали из-за рубежа.

Из Соединенных Штатов помощь следовала морем, через Тихий океан, где охотились за добычей японские подводные лодки, и потом железной дорогой, по Транссибу. Маршрут из Англии, по Норвежскому и Баренцеву морю до незамерзающего Мурманска, а в летнее время до Архангельска был много короче, но еще опасней. Британские корабли шли большими «конвоями», под защитой боевых кораблей и часто погибали от немецких бомб и торпед. Больше ста судов не доплыли до порта назначения.

Встречи на высшем уровне

Во время войны у союзников выработалась традиция решать самые важные вопросы на личной встрече руководителей государства. Таких конференций было три: Тегеранская в ноябре-декабре 1943 года, Ялтинская в феврале 1945-го и Потсдамская в июле-августе того же года. Проходили эти совещания в разных условиях, поэтому и темы были очень разными.

В Тегеране американский президент Рузвельт, британский премьер Черчилль и председатель Совнаркома Сталин договорились о том, что западные союзники высадят десант во

Франции и проведут наступления на обоих фронтах одновременно (что следующим летом и произошло). Глава Советского Союза также пообещал помочь Америке в войне с Японией – как только будет покончено с Гитлером.

В Ялте, когда исход войны был уже ясен, «большая тройка» главным образом торговалась из-за последующего раздела сфер влияния. Польша к этому времени была занята Красной Армией, и это определило ее судьбу. Германию решили разделить на четыре зоны оккупации (союзники потребовали выделить часть Франции). В обмен на отказ от Греции Сталин получил приоритет в Югославии. Болгария, Венгрия и Румыния доставались Москве. Обошли стороной острую проблему Чехословакии, которая в это время еще находилась под немецкой оккупацией. Американцы и англичане для проформы потребовали провести во всех странах «советской сферы» свободные демократические выборы, и Сталин пообещал. Всем было понятно, что это будут за выборы. Обсудили и раздел зон влияния на Дальнем Востоке после победы над Японией. Сталин получил обещание, что Монголия, советский сателлит, будет признана международным

сообществом; что Южный Сахалин и Курилы отойдут к СССР; что Кореей союзники будут управлять совместно.

На Потсдамской конференции встречались уже победители, но теперь у Сталина были новые партнеры: вместо умершего Рузвельта приехал президент Трумэн, проигравшего выборы Черчилля в разгар переговоров сменил лейборист Эттли. Он и Трумэн уступали советскому вождю и в смысле опыта, и тем более по части славы, зато они действовали единым фронтом, поэтому обсуждение получилось трудным. В очень упрощенном виде его результат можно описать так: Восточную Европу отдали Сталину в обмен на Западную Европу, то есть в обмен на отказ от вмешательства во внутреннюю политику западноевропейских стран.

Достигнутый в результате компромисс не устраивал ни одну из сторон и впоследствии привел к череде конфликтов, а затем и к прямой враждебности.

Потсдамская система

Исторически это была третья попытка создать систему, которая обеспечит международ-

ную стабильность и позволит избежать больших войн в будущем. Первая была создана в 1815 году на Венском конгрессе и продержалась до революционной волны 1848 года. Вторая, Версальская, возникшая после Первой мировой войны, плохо работала и начала рассыпаться уже через 15 лет. Созданный ею ареопаг, Лига Наций, оказался беспомощной и неэффективной говорильней.

Теперь договорились создать новую высшую ассамблею – Организацию Объединенных Наций, которая учтет неудачный опыт своей предшественницы. При том что представительство в международном органе получали все страны земного шара, фактическое управление делегировалось Совету Безопасности, в котором статус постоянных членов получили только самые главные государства. Первоначально это были США, СССР, Великобритания и Китай. Позднее к ним присоединилась Франция, а Китай превратился в члена номинального, поскольку гоминьдановское правительство сохранило контроль только над Тайванем. В октябре 1945 года ООН приступила к работе, и очень скоро стало ясно, что

практической пользы от этого лебедя, рака и щуки будет ненамного больше, чем от Лиги Наций.

На самом деле в мире образовалась другая геополитическая конструкция, которая просуществует почти полвека. Возникли два главных центра: США и СССР. Большинство остальных стран должны были примкнуть или к одному, или к другому лагерю. Любое решение, определяющее судьбы планеты или какого-то стратегически важного региона, впредь будет приниматься по согласованию двух сверхдержав. Если компромисса достигнуть не удастся, будут возникать кризисные ситуации, иногда кровопролитные.

Глава девятая

ВТОРАЯ СВЕРХДЕРЖАВА

ОСНОВНОЕ

Между 1945 и 1990 годами в мире существовали два центра притяжения – две «сверхдержавы». Экономически и технологически Америка была сильнее, поэтому Советскому Союзу отводилась роль «второй сверхдержавы». «Второй сверхдержавой» Россия была и в историческом смысле. Один раз она уже оказывалась в схожей ситуации. После победы над Наполеоном и взятия Парижа империя соперничала с тогдашним лидером, Британией, за мировое первенство. История повторялась с другим оппонентом. Снова шла Большая Игра, теперь уже на всех континентах. Это основной сюжет, определявший жизнь планеты в течение сорока пяти лет.

Потсдамские договоренности привели к тому, что между СССР и США развернулась борьба за зоны влияния. Вскоре сформировались два противостоящих лагеря: просоветский и проамериканский. Однако стороны пользовались разными методами.

У США имелись огромные финансовые возможности. Разработанный администрацией президента Трумэна **«План Маршалла»** предлагал всем странам, пострадавшим от войны, щедрую помощь, но при этом национальная экономика неминуемо попадала в зависимость от Вашингтона.

Советский Союз, в годы войны **понесший огромный урон** и вынужденный восстанавливать разрушенное хозяйство, «покупать союзников» возможности не имел, однако в распоряжении Сталина имелись иные средства. Москва запретила зависящим от нее восточноевропейским правительствам принимать американскую помощь и в течение нескольких лет превратила Болгарию, Польшу, Румынию, Чехословакию, Венгрию в своих полностью контролируемых сателлитов. Повсюду был использован один и тот же сценарий. Лидер венгерских коммунистов Ракоши назвал этот ползучий захват власти «тактикой салями» – отрезанием по ломтику. Сначала создавалась некая гибридная, квазидемократическая модель государственного устройства при обязательном контроле коммунистов; затем следовал переход к прямой диктатуре. Успех

советизации гарантировало присутствие советских военных гарнизонов. Попытки стран-сателлитов выйти из-под советского контроля или отклониться от ортодоксального социализма будут подавляться силой оружия: в 1956 году в Венгрии, в 1968 году в Чехословакии. «Социалистический лагерь» станет именно что лагерем – с самоуправлением, но с колючей проволокой в виде «железного занавеса» и с конвоиром.

Так определились две стратегии американо-советского противостояния. Вашингтон будет в основном полагаться на «мягкую силу», Москва – на «жесткую», хотя, в зависимости от конкретной ситуации, стороны иногда станут использовать и второй модус операнди: американцы – устраивать военные перевороты и прибегать к силе оружия, русские – привлекать новых сторонников перспективами материальной помощи.

Восемнадцать государств, присоединившихся к программе Маршалла (фактически вся Западная Европа) не только получили серьезный толчок к развитию, но и резко «поправились» в политическом смысле. С засилием коммунистов в этих странах было покончено. Кроме того

западная экономика сделала важный шаг к созданию единого рынка. В ответ сформировалась интеграция социалистических государств – Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

Соревнование сверхдержав, начавшись в Европе, вскоре распространилось на весь мир. Грандиозным триумфом социалистического лагеря стала победа коммунистов в китайской гражданской войне. В 1949 году прозападное правительство Чан Кайши эвакуировалось на остров Тайвань. В Пекине Мао Цзэдун объявил, что красный Китай «присоединяется к антиимпериалистическому лагерю, возглавляемому Советским Союзом» и что советская коммунистическая партия является «нашим лучшим учителем».

Огромные возможности перед Москвой открыло и освободительное движение, развернувшееся после войны во многих азиатских и африканских странах. Колониальные империи разваливались, и Советский Союз повсюду предлагал новым независимым странам политическую, экономическую, а то и военную поддержку. Очень часто ее с благодарностью принимали. Борьба за «Третий мир» растянется на десятилетия. Победу будет одерживать то одна сторона, то другая,

причем в ряде случаев (например, в Индонезии или в Чили) прозападные и просоветские режимы сменялись неоднократно.

Конфронтация сверхдержав, вначале сугубо дипломатическая, скоро приобрела характер неприкрытой вражды. Аналогом «Большой Игры» во второй половине двадцатого века стала **«Холодная война»**. «Холодной» она была в том смысле, что противники официально не разрывали отношений и не обрушивали на врага мощь своих арсеналов, но по всему миру вредили друг другу как могли и неоднократно устраивали прокси-войны: сначала **в Корее**, потом **во Вьетнаме**, на последнем этапе – **в Афганистане**. По меньшей мере дважды – в 1948–1949 гг. в ходе **Берлинского кризиса** и в 1962 году из-за **Карибского кризиса** – чуть было не разразилась мировая война.

Если она не грянула, то лишь из-за обоюдного страха перед разрушительной силой ядерного оружия. (США обладало им с 1945 года, СССР – с 1949-го). Наращивание военной мощи, главным образом ракетного арсенала, в этот период истории становится главным аргументом в конкуренции Москвы и Вашингтона – еще и потому, что в

экономическом отношении СССР очень сильно отставал от своего соперника и компенсировал это неравенство за счет военного паритета. Появлялись бомбы всё большей мощности и ракеты всё большей дальности. С конца 1950-х годов началось военное соперничество и в космосе (что попутно простимулировало **космические исследования**).

Гонка вооружений была явлением отнюдь не новым. В канун первой и второй мировых войн военно-промышленные комплексы состязались точно так же, но теперь производимая ими продукция была способна уничтожить жизнь на всей планете. Время от времени противоборствующие стороны пытались ввести гонку вооружений в некие более или менее безопасные пределы, разрядить напряженность. В Америке этого требовало общественное мнение; в СССР подобного фактора не существовало, но имелся другой, еще более серьезный – нехватка денег. Однако происходило очередное обострение, и гонка вооружений выходила на новый виток. В середине 1980-х годов у Америки и Советского Союза на вооружении имелось примерно по 20 000

ядерных боеголовок – более чем достаточно, чтоб уничтожить на Земле всё живое.

Но поскольку война оставалась холодной, главным полем битвы являлась борьба экономик и культурно-идеологических систем. В этой сфере государство «ордынского типа» никогда не было сильно. На обоих направлениях Советский Союз в конце концов потерпел поражение. Повторилась та же фабула, что во времена Николая I: военная империя продемонстрировала свою неконкурентоспособность в мирных условиях. Она хорошо умела мобилизоваться в периоды тяжелых испытаний, когда требовались железная воля, дисциплинированность, готовность к жертвам и лишениям. Однако послевоенный мир существовал по иным правилам. Успех зависел от технического прогресса, предпринимательской активности, быстрой реакции на изменения рыночной конъюнктуры. Всеми этими инструментами советский государственный менеджмент владел плохо.

Деееспособность любой диктатуры очень зависит от личных способностей правителя. В царской России развитие ускорялось, когда престол доставался «работоспособному» монарху (вроде

Екатерины Великой), и замедлялось либо хаотизировалось, если корона доставалась монарху неудачному (вроде Павла I или Николая II).

У Советского Союза проблемы с верховной властью начались сразу после войны. Сталин был чудовищно жестокий, нередко ошибавшийся, но при этом весьма целеустремленный правитель, обладавший стратегическим видением и умевший достигать поставленных задач. Но в последний период жизни, опьяненный победой в войне, стремительно стареющий, он чересчур уверовал в свое величие. Вождь и прежде был нетерпим к любым возражениям, но раньше в его поступках, неизменно расчетливых, не ощущалось вздорности. Теперь же генеральный секретарь ВКП(б), председатель Совета министров и генералиссимус мог на что-то раздражившись или просто по капризу совершать очень странные демарши, моментально обретавшие статус государственной политики. Он рассердился на югославского лидера Тито – и **главным врагом Советского Союза вдруг стала Югославия**. Обиделся на новое государство Израиль – и СССР, победитель германского нацизма с его патологической юдофобией, внезапно превратился в агрес-

сивно **антисемитское государство**. Параноидальная подозрительность побуждала мнительного старика **расправляться с самыми верными соратниками**. А между тем, в условиях мирной жизни, никакой необходимости в жестком правлении уже не было. И как только **диктатор умер**, властная элита немедленно приступила к замене террористического режима на принципиально иной, более для нее комфортный.

Сначала, как водится, произошла борьба за лидерство. Повторилась ситуация 1924 года, когда после смерти Ленина вся верхушка объединилась против того, кто казался ей наиболее опасным. Тогда это был Троцкий, теперь – **Лаврентий Берия**, самый грозный и, пожалуй, самый способный из сталинских выдвиженцев. С ним расправились еще по старинке – объявили врагом народа и расстреляли, но в дальнейшем с проигравшими поступали уже по-новому, мягко: просто понижали в должности или отправляли на пенсию. Кровавые времена закончились. Сформировался новый режим, в котором неограниченная власть одного вождя сменилась подобием власти аристократической. В роли новой аристокра-

тии оказалось высшее советское чиновничество, так называемая **«номенклатура»**.

Переход к новой системе совершился не сразу и не гладко. Как часто бывает в истории, вначале на смену «большому Наполеону» пришел «маленький Наполеон»: в аппаратной схватке одержал победу **Никита Хрущев**, правивший до 1964 года. Он совмещал руководство партией и правительством, его пышно славословила вся официозная пресса, однако без использования инструментов запугивания единоличное правление оказалось непрочным. Когда Хрущев совершил несколько **серьезных ошибок в экономике и внешней политике**, верховная номенклатурная инстанция – Центральный комитет КПСС просто сняла его и выбрала (вернее, закулисно согласовала) другое руководство.

В отличие от Хрущева, который нередко принимал важные решения по собственному разумению, новый лидер, генеральный секретарь **Леонид Брежнев**, довольствовался ролью «первого среди равных». Все решения отныне выносило Политбюро, несколько высших государственных сановников. Эта система идеально устраивала номенклатуру, поскольку была предсказуема

и гарантировала стабильность – состояние, которое российская политическая элита всегда провозглашала высшей ценностью в периоды затишья между бурями. Так было и при Николае I, и при Александре III, и при Леониде Брежнев. Проблема, однако, в том, что при подобной государственной системе стабильность неминуемо превращается в застой, а власть постепенно деградирует. Члены всемогущего Политбюро старились, режим принял вид **геронтократии**. Брежнев в конце концов превратился в ходячую развалину, но продолжал занимать свое место, поскольку устраивал всех остальных участников правящей коалиции. Когда он в ноябре 1982 года умер, на смену ему пришли такие же дряхлые преемники: сначала Юрий Андропов, затем Константин Черненко, которые (суммарно) проправили, а вернее проболели еще 28 месяцев. К этому моменту, началу 1985 года, даже у номенклатуры сложилось ощущение, что так больше продолжаться не может.

Напомню, что одной из обязательных опор российской государственной конструкции является сакральность верховной власти. В постсталинскую эпоху отношение народа к «первым

лицам» становилось всё менее почтительным; в конце концов они стали **объектом анекдотов**, рассказываемых без опаски.

С экономикой было не лучше, чем с управлением.

Индустриальный рывок, совершенный в тридцатые годы, был достигнут благодаря переводу всей страны в состояние «чрезвычайной ситуации»; главным топливом ускоренного развития были человеческие жизни и судьбы. По тем же законам, пока был жив Сталин, проводилось и послевоенное восстановление. Пять миллионов бесплатных рабочих (население лагерей, пополнившееся пленными немцами и японцами) и массовая конфискация оборудования в оккупированных европейских странах – вот два фактора, которые позволили к началу пятидесятих годов вернуть экономику к довоенному уровню.

После смерти Сталина курс на финансирование исключительно тяжелой индустрии был смягчен. Начали развиваться другие отрасли – потребительский сектор и жилищное строительство. Это обеспечило довольно высокие темпы роста во второй половине пятидесятих. Опять, как двадцать лет назад, наверху заговорили

о том, что СССР скоро догонит и перегонит Соединенные Штаты. Поскольку американский ВВП был минимум вдвое выше советского, принятый при Хрущеве семилетний план на 1959–1965 гг. задал очень высокие показатели. Но эффект задержанного роста иссяк, и начали проявляться минусы социалистического менеджмента. В мире происходила научно-техническая революция, возникали новые отрасли промышленности и новые формы бизнес-активности, а советская экономика функционировала всё так же. Разрыв с Западом в производительности труда, в качестве продукции делался всё заметнее.

Попытки реформировать экономическую модель, сделать ее более гибкой предпринимались и при Хрущеве, и при Брежневле, но давали или малозначительный, или даже негативный результат. Командная экономика не могла соперничать с рыночной.

К тому же львиная доля бюджета проваливалась в две бездонные дыры – тратилась на гонку вооружений и на решение продовольственной проблемы. Сталинская деаграризация и коллективизация разрушила сельское хозяйство необратимым образом. В советских магазинах вечно

не хватало продуктов, в дефиците было даже зерно. С середины шестидесятых годов бывшая житница Европы начинает регулярно закупать пшеницу за рубежом.

Положение спасали новые финансовые возможности. В начале шестидесятых в Западной Сибири были обнаружены и разработаны **огромные запасы нефти и газа**. Экспорт нефтегазопродуктов превратился в постоянный источник валюты, причем после арабо-израильской войны 1973 года цены на сырье резко повысились. По сравнению с шестидесятыми эта статья дохода выросла почти в двадцать раз. Нефтедоллары позволяли второй сверхдержаве более или менее на равных конкурировать с военно-промышленным комплексом первой сверхдержавы.

Кризис наступил, когда в середине 1980-х совпали два фактора: трехкратное падение цен на энергоносители и очередное обострение «холодной войны». Оно началось из-за вторжения Советского Союза в Афганистан и нового скачка в гонке вооружений. Сокращение бюджетных доходов и увеличение военных расходов – вот две причины, решившие исход советско-американского противостояния. СССР потерпел не воен-

ное, а экономическое поражение – оказался на грани финансового банкротства.

В прежние времена систему могла бы спасти ее традиционная опора – идеологическая, внедрявшая в сознание народа идею о том, что государство является наивысшей ценностью, ради которой можно пойти на любые жертвы. Но к середине восьмидесятых эта несущая колонна тоже сильно обветшала. Запад и здесь одержал победу. Молодое поколение хотело слушать западную музыку, по-западному одеваться, смотреть голливудские фильмы; в коммунистические идеи почти никто не верил; культура разделилась на казенную и фрондирующую, причем первая вызывала у населения скуку, а вторая – живой интерес. Когда государство после Сталина отказалось от политики запугивания (а с тех пор миновало уже тридцать лет), немедленно **начало возрождаться Общество**, мнения и настроения которого всё больше расходились с официозом.

Перемены начались в 1986 году, через год после того, как к власти пришел генеральный секретарь **Михаил Горбачев**, самый молодой из членов Политбюро. Даже кремлевским старцам после эстафеты похорон Брежнева-Андропова-

Черненко стало ясно, что новое «первое лицо не может опять оказаться морщинистым».

Горбачев занялся исправлением аварийной ситуации, в которой оказалась страна. В его намерения первоначально не входили ни демонтаж империи, ни отказ от коммунистической идеологии, ни тем более отмена социалистического строя. Правитель просто пытался решить самую неотложную проблему: спасти государство от банкротства. Для этого требовалось а) сократить расходы; б) повысить доходы.

Первая задача была выполнена – только совсем не той ценой, на которую рассчитывал реформатор. Горбачев **прекратил афганскую войну и договорился с Западом о конце холодной войны**. Процесс этот был нелегким и небыстрым, но к концу десятилетия угроза ядерного апокалипсиса исчезла – тогда казалось, что навсегда. Однако попутно распался и международный социалистический лагерь. Как только Москва отказалась от строгого контроля над своими сателлитами, **страны Восточной Европы одна за другой перешли к демократической форме существования**, а страны «третьего мира», лишившись поддержки, на которую у Москвы не было денег, одна

за другой отошли от просоветской ориентации. Варшавский Договор и СЭВ прекратили свое существование. Две Германии объединились. К 1990 году СССР утрачивает все признаки сверхдержавы.

Однако потерей этого статуса и исчезновением соцлагеря дело не ограничилось. Параллельно внутри страны развивались процессы, которые привели к распаду и самого СССР.

Впоследствии Горбачев признавался: если бы в 1985 году ему сказали, что со страной случится, он не поверил бы. Как уже говорилось, он всего лишь хотел увеличить государственные доходы. Первые попытки нового правителя были традиционно советскими – аппаратными. Требовалось ускорить развитие экономики – Горбачев провозгласил «курс на ускорение». Требовалось повысить очень низкую производительность труда (генсек считал, что она вызвана российским пьянством) – он приказал сократить выпуск и продажу «вино-водочных изделий». Разумеется, от приказов экономика не ускорилась. От антиалкогольной же кампании бюджетная ситуация резко ухудшилась – почти так же, как от сокращения нефтеприбылей, ведь торговля алкого-

лем с незапамятных времен являлась самым надежным способом пополнения казны.

Тогда-то, поняв, что косметическим ремонтом дела не поправить, на XXVII съезде КПСС (февраль 1986) Горбачев объявил о намерении произвести капитальный ремонт. План получил название «Перестройка». Никакого долгосрочного плана, собственно, не было – лишь общая идея воссоздать нечто вроде НЭПа: немного децентрализовать управление экономикой и чуть-чуть оживить ее за счет частной инициативы, но при этом сохранить всю полноту власти.

Реформатор совершенно не понимал природу государства, которым руководил. Дальнейшие события представляли собой классический образец провалившейся «революции сверху». Эту сложнейшую государственную и общественную операцию почти никому в истории не удавалось провести удачно. Не получилось и у Горбачева.

Две «несущие опоры» российской государственной стабильности – сакральное отношение к высшей власти и вера в государство – к тому времени и так были уже сильно руинированы. Горбачев окончательно доломал их. Сознвая,

что аппарат будет противиться переменам, генеральный секретарь решил заручиться широкой общественной поддержкой: провозгласил **«эпоху гласности»**, то есть либерализации публичных высказываний – совсем как Александр II в канун крестьянской реформы. Последствия получились в точности такими же: осмелевшая пресса года за два разрушила обе вышеупомянутые «опоры» окончательно.

Самая главная из «ордынских» колонн, монархия, покосилась в конце 1988 года, когда Горбачев решил ослабить сопротивление номенклатуры с помощью народного представительства. Впервые с начала века произошли конкурентные выборы в высший законодательный орган страны, Верховный Совет СССР. Как и при Николае II, **выборы были неравными и непрямыми**, но они произвели в сознании народа настоящую ментальную революцию. Оказалось, что от воли каждого гражданина что-то зависит! Эта концепция совершенно несовместима с российской государственной традицией. Вновь, как во времена царской Думы, в стране появился альтернативный центр власти – пусть декоративной, но легитимной. В парламенте сразу же сформировалась

оппозиционная фракция **«Межрегиональная депутатская группа»**, очень популярная в больших городах и особенно в столицах – Москве и Ленинграде. Окончательно пробудившееся и возбудившееся Общество, как всегда бывает при больших реформах, оказалось радикальнее реформатора.

Однако еще опаснее для центральной власти стало другое неминуемое следствие либерализации – антиколониальное движение, зародившееся сразу в нескольких союзных республиках. Возникли и **очаги межэтнической вражды** – следствие волюнтаристской политики Сталина, который считал границы между республиками формальностью и перекраивал их по собственному произволу.

«Лоскутная империя» зашаталась. Государство отреагировало на сепаратистскую угрозу так, как единственно умело – **применением силы**. Это еще больше обострило ситуацию. Балтийские республики – Литва, Латвия, Эстония – первыми стали добиваться полной независимости.

Лишь теперь, в надежде спасти разваливающееся государство, Горбачев стал делать то, с чего следовало бы начать. Главной причиной,

по которой российская империя (как бы она себя в данный исторический момент ни называла), не может быть демократией, заключается в гиперцентрализации власти. Если бы части огромной страны могли существовать автономно и жить по-своему, возникла бы возможность сохранить если не административное, то экономическое и, может быть, внешнеполитическое единство. Такую модель сосуществования предусматривал проект «Союза Суверенных Государств», выдвинутый Горбачевым в первой половине 1991 года. Подписание договора, назначенное на 20 августа, означало бы полный демонтаж государственной системы, существовавшей с XV века.

Очень хорошо понимали это и ближайшие соратники Горбачева, не согласные с таким шагом. Накануне подписания, 19 августа 1991 года они **попытались устроить переворот**, но столкнулись с сопротивлением столичного населения и, не надеясь на верность собственных солдат, через два дня капитулировали.

И реставрация унитарного государства, и горбачевский план некоей управляемой из Москвы федерации к этому времени в любом случае были уже нереалистичны. Успех путча лишь

вызвал бы каскад антиколониальных восстаний. Не удовлетворились бы нацеленные на полную независимость республики и «горбачевским» форматом. Литва, Латвия, Эстония, Грузия, Армения и Молдавия заранее объявили, что не намерены участвовать в федерации.

После путча союзное правительство было полностью дискредитировано и парализовано. Горбачев лишился всех рычагов власти и фактически стал руководителем несуществующего государства. Юридическое оформление уже свершившегося факта произошло несколько месяцев спустя. Смертельный удар по СССР нанесли не национальные республики, а главная из составных частей умирающей империи – Российская Федерация. Там с лета 1990 года существовал альтернативный центр власти – Верховный Совет РСФСР и имелся собственный президент Борис Ельцин.

8 декабря 1991 года по инициативе Ельцина три союзные республики – Россия, Украина и Белоруссия – подписали Беловежское соглашение, по которому все они становились независимыми странами, а Союз Советских Социалистических Республик прекращал свое существование.

К этому моменту половина других республик уже вышли из Союза. Оставшиеся были поставлены перед фактом. Одно государство превратилось в пятнадцать. Каждое из них пойдет своим путем.

Собственно Россия вернулась примерно в те границы, в которых существовала до середины XVII века. Казалось, имперская эпоха навсегда завершена.

ПОДРОБНОСТИ

«План Маршалла»

Инициатива официально называлась «Программа восстановления Европы», но пресса окрестила ее именем госсекретаря Джорджа Маршалла. Америка предлагала странам, которые примут условия этого проекта, щедрую финансовую помощь для восстановления экономики, на 90% безвозвратную. На эти цели США намеревались потратить 13,3 миллиарда долларов (примерно четверть триллиона в современном эквиваленте).

В ответ СССР выдвинул симметричный «план Молотова», но он остался декларацией, поскольку средств на оказание сколько-нибудь существенной помощи другим странам у Советского Союза не имелось.

Потери СССР в войне

О самом главном уроне – количестве потерянных человеческих жизней – споры ведутся до сих пор. Неоспоримым фактом является то, что перед войной в СССР проживало почти 197 мил-

лионов человек и в 1945 году при нормальном приросте население должно было бы достичь 215–220 миллионов, а по факту численность составила 170 миллионов, то есть страна недосчиталась почти четверти людей.

За четыре года боев, бомбежек и обстрелов при движении фронта сначала на восток, а потом обратно на запад было разрушено 1700 городов и поселков городского типа, 70 тысяч сел и деревень. Государственная комиссия подсчитала, что в стране разрушено 4,7 миллиона домов. Бездомными стали 25 миллионов человек. На Нюрнбергском процессе было заявлено, что Советский Союз лишился 30% своего национального богатства, а на освобожденных территориях ущерб составил две трети. 32 тысячи заводов и фабрик были разрушены или сильно повреждены. Транспортные коммуникации в западной части страны находились в параличе: 65 тысяч километров железных дорог и 13 тысяч мостов были разрушены.

«Холодная война»

Обычно историю этой политической вражды возводят к речи Черчилля в Фултоне 5 марта

1946 года, где впервые публично было сказано о «железном занавесе», разделившем Европу, и о необходимости противостоять «нашим русским друзьям», ибо они «ничего не уважают меньше, чем слабость, особенно военную слабость». Но в это время уже была сформулирована «доктрина Трумэна», исходящая из того, что мирное сосуществование с советским режимом невозможно, ибо он настроен на экспансию и будет укреплять свои позиции повсюду, где не встретит сопротивления. Запад намеревался создать систему противодействия этому натиску, опираясь на экономические возможности и атомный арсенал США, а также на колониальную инфраструктуру Британской империи.

На основе этой концепции в 1949 году была создана Организация Северо-Атлантического Договора (НАТО), система коллективной безопасности на случай войны с Советским Союзом. Кроме США и Британии в этот военный блок вошли Франция, Канада, Италия, Испания, Норвегия, Португалия, страны Бенилюкс и Исландия.

В ответ шестью годами позднее появилась симметричная Организация Варшавского Дого-

вора (ОВД), объединившая вооруженные силы социалистического лагеря.

Периоды острой враждебности сменялись относительными затишьями.

До 1953 года, пока не умер Сталин, опасность глобального столкновения была очень высокой. Затем установилась своего рода «оттепель», продлившаяся почти десятилетие и прерванная Ка-рибским кризисом (1962).

Этот грозный инцидент произвел на обе стороны столь сильное впечатление, что после него долгое время, до 1979 года, стороны пытались снизить градус конфликта и вели переговоры о «разрядке напряженности», то есть о взаимном сокращении ядерно-ракетных арсеналов и даже заключили несколько соглашений миролюбивого характера.

Однако с конца 1979 года, в связи с советским вторжением в Афганистан, холодная война разгорелась с новой силой. Ее пиком стало принятие «доктрины Рейгана» (1985), по которой Соединенные Штаты должны были перейти к открытой поддержке антикоммунистических режимов и движений по всему миру.

Корейская война

Бывшая японская колония после 1945 года, подобно Германии, была разделена на две зоны оккупации: северную советскую и южную американскую. Коммунистический лидер Ким Ир Сен, в прошлом капитан Красной Армии, назначенный главой северокорейского правительства по распоряжению из Москвы, вынашивал планы объединения страны путем военного вторжения.

Обеспечив себе поддержку коммунистического Китая, в июне 1950 года Ким Ир Сен приказал войскам перейти границу. Без особенного труда его армия захватила почти весь полуостров кроме юго-восточного сектора. Здесь наступление застопорилось, поскольку США, заручившись мандатом ООН, вмешались в военные действия и перекинули из Японии свои войска. К американцам под флагом ООН присоединились контингенты 15 стран. Северокорейцев поддерживали китайские войска. К ним присоединились советские «специалисты», 30 тысяч военнослужащих.

С каждой стороны воевало примерно по миллиону человек, шли жестокие бои, но война перешла в позиционную стадию. Ситуация стала

патовой и оставалась таковой пока жил Сталин, никак не желавший признавать поражение. Сразу же после его смерти начались переговоры, и боевые действия закончились. Линия фронта превратилась в границу между двумя Кореями.

Вьетнамская война

Если Корейская война закончилась «вничью», то в следующей большой прокси-войне поражение потерпел Запад.

Начался конфликт примерно по тому же сценарию, что в Корее. Бывшая французская колония Вьетнам была разделена на две страны: социалистический север (Демократическая Республика Вьетнам) и капиталистический юг.

В 1959 году на юге началось коммунистическое восстание, повстанцам стали оказывать поддержку северяне. Обеспокоенные этой активностью Соединенные Штаты выступили на стороне южновьетнамского режима.

С 1965 года американская авиация начала бомбежки Северного Вьетнама, а американские сухопутные войска стали участвовать в боях с южными партизанами.

Тогда в борьбу вмешался и Советский Союз, поставляя социалистическому союзнику боевые самолеты и средства ПВО. Москва оказывала правительству ДРВ и другую помощь – экономическую и финансовую.

Но главный урон Соединенным Штатам нанесли не советские самолеты и ракеты, а антиамериканская пропаганда: большинство стран планеты, а также сторонники мира в самих Штатах осуждали «ястребов» за кровопролитие и вмешательство во внутренние дела Вьетнама.

В конце концов, осознав бесперспективность дальнейших боевых действий, а также под давлением общественного мнения правительство президента Никсона в 1973 году вывело войска. Южновьетнамский режим продержался еще два с половиной года и рухнул.

Весь Вьетнам стал социалистическим, а вслед за тем «покраснели» и еще две страны Индокитая: Лаос и Камбоджа.

Афганская война

На сей раз США и СССР поменялись ролями. Войска на территорию азиатской страны ввел Советский Союз, помощь резистантам оказала

Америка, а мишенью всемирного осуждения стали русские. Закончился конфликт аналогично: исчерпав военные возможности, оккупанты были вынуждены уйти, а поддерживаемое ими правительство после этого долго не продержалось.

Вмешательство Москвы было вызвано опасением, что военный переворот, произошедший в Афганистане в сентябре 1979 года, вырвет соседнюю страну из зоны советского влияния: имелись сведения, что новый режим налаживает контакты с Пакистаном, союзником США.

Операция советских спецслужб в декабре того же года без труда свергла неугодного Москве правителя и поставила вместо него другого, удобного. Однако пришлось вводить в страну «ограниченный контингент войск», состав которого постоянно увеличивался. Если бы Брежнев и его товарищи лучше знали историю, им было бы известно, что завоевать Афганистан силой оружия совершенно невозможно (впрочем, не будут понимать это и американцы, двадцать с лишним лет спустя повторившие ту же ошибку).

Широкое движение сопротивления, с удовольствием поддержанное Америкой и другими недружественными Москве странами, превратило афганский вопрос в одну из самых тяжелых проблем советского правительства. Оттуда на родину сплошным потоком шли «грузы 200» (гробы), а стоимость войны становилась для скудеющего бюджета всё более разорительным бременем. В менее затратные годы расходы составляли 4 миллиарда долларов, в самые трудные доходили до 9 миллиардов. Когда в 1985–1986 году из-за нефтяного кризиса СССР недосчитался 13 миллиардов долларов, афганскую войну решили сворачивать – ее цена сделалась неподъемной.

Берлинский кризис

После долгих и трудных потсдамских переговоров Германию поделили на четыре зоны оккупации: советскую, американскую, британскую и французскую. Москва согласилась уступить союзникам часть Берлина в обмен на Тюрингию и Саксонию. Это было плохое решение. Изолированный Западный Берлин оказался в положении заложника. В начале 1948 года отношения между бывшими союзниками обострились. Два с

половиной миллиона западноберлинцев остались без продовольствия и топлива, полностью отрезанные советскими кордонами от поставок по железным и автомобильным дорогам. В качестве ответной санкции западные страны наложили эмбарго на весь экспорт с той стороны «железного занавеса». В течение 11 месяцев бесперебойно работал «воздушный мост», доставлявший в блокированный Берлин всё необходимое.

Отношения накалились до предела. У СССР в восточной Европе было расквартировано полтора миллиона солдат, у американцев – менее ста тысяч. «Холодная» война не превратилась в «горячую» лишь потому, что Советский Союз еще не провел испытание собственной атомной бомбы. Она будет взорвана через три месяца после окончания блокады.

Карибский кризис

Инциденту предшествовало чувствительное для США политическое поражение в регионе, который Америка привыкла считать зоной своего контроля. В начале 1959 года на Кубе после вооруженного восстания власть захватили левые. Советский Союз в революции не участвовал, но,

конечно, не упустил возможности превратить остров, находившийся в непосредственной близости от американских границ, в плацдарм, откуда можно было расширять влияние на всю Латинскую Америку. После того как в 1961 году американцы предприняли неудачную попытку вторжения на Кубу, помощь Москвы обрела не только политико-экономический, но и военный характер.

У Хрущева возникла идея разместить на острове советские ракеты, которые будут нацелены на американскую территорию. Это стало бы сильным козырем в противостоянии сверхдержав. Американская разведка узнала о тайной отправке ракет, и президент Кеннеди, получив согласие Конгресса, привел вооруженные силы в боевую готовность. Аналогичным образом ответили страны Варшавского договора.

Последовал обмен воинственными посланиями между двумя столицами. 24 октября 1962 года Америка объявила о морской блокаде острова.

Мир замер в ожидании ракетно-ядерной войны.

Позиция Советского Союза заключалась в том, что размещение ракет одного государства на территории другого государства – их внутреннее дело, а кроме того США тоже устроили вблизи советских границ, например, в Турции, свои ракетные базы. Однако когда стало ясно, что Вашингтон готов идти до конца, Хрущев пошел на уступки. Он согласился убрать с острова ракеты – в обмен на обещание Кеннеди отказаться от попыток смены кубинского режима.

Космическое соперничество

Неожиданным вектором советско-американского состязания стала «космическая гонка» – кто добьется более впечатляющих успехов в исследовании внеземного пространства. На масс-медиальном уровне освоение космоса представлялось как сугубо научная программа и великое достижение человечества, но на самом деле в основе этой весьма затратной деятельности лежали всё те же военные интересы. Сначала, в середине пятидесятых, возникла идея собирать разведданные о противнике из космоса, при помощи спутников. Позднее появятся проекты космического мониторинга и перехвата баллисти-

ческих ракет, а затем и поражения из космоса наземных целей.

Однако пропагандистские машины обеих сторон долгое время концентрировали общественное внимание только на романтическом аспекте космонавтики. Весь мир с увлечением наблюдал, как развивается борьба за космическое первенство.

Особенное значение пиар-эффекту придавала Москва, рассматривавшая космические успехи как демонстрацию преимуществ социализма. Советский Союз не жалел усилий и средств, смелее шел на риск и до конца шестидесятых, в общем, лидировал. Первый спутник (1957) был советским; первый человек, поднявшийся на орбиту, был советским гражданином (1961); в открытый космос впервые вышел тоже советский астронавт (1965). Однако финансовые, да и научно-технические потенциалы стран были неравны, и главный приз – высадка человека на Луну – достался американцам (1969).

Всё больше СССР уступал Америке и в военно-космическом соперничестве, так что в восьмидесятые для советской прессы слово «космос» приобретает уже не романтический,

а угрожающий оттенок. Главным пугалом для Москвы становятся «звездные войны» – американская «Стратегическая Оборонная Инициатива», масштабный перенос ракетного базирования в космос.

Гонка вооружений

Основное военное соперничество, однако, разворачивалось на земле и имело вполне традиционный вид. Обе сверхдержавы и оба блока содержали большие армии, всё время наращивали и модернизировали свое вооружение.

Советская сторона в основном брала количеством. Это было особенно заметно в первый период холодной войны, когда у Москвы еще не появилось ядерного оружия. В середине пятидесятых СССР держал под ружьем почти шестимиллионную армию. Ее численность стали сокращать, только когда вместо «ружья» у Советского Союза появилось ядерное и термоядерное оружие, а также наладилась разработка баллистических ракет, но всё же преимущество в наземных силах осталось серьезным козырем СССР. Пользуясь тем, что содержание личного состава обходится советскому бюджету намного дешевле, чем

американцам и западноевропейцам, Москва все время обеспечивала себе значительное преимущество в живой силе и традиционной, прежде всего танковой боевой технике. Европейские страны-члены НАТО, даже с учетом американских контингентов, не могли соответствовать «наземной» мощи противника. В середине восьмидесятых в армиях Варшавского договора, нацеленных на Европу, насчитывалось четыре с половиной миллиона солдат и почти 70 тысяч танков – против 2,8 миллиона солдат и 28 тысяч танков.

Тем активнее вкладывалось НАТО в развитие ракетного оружия, используя высокие технологии. Здесь Советский Союз опять-таки брал количеством. «Стратегический паритет» (важный термин той эпохи) обеспечивался тем, что обе стороны целились друг в друга немыслимым количеством межконтинентальных, оперативных и тактических ракет. Американские были точнее, зато советских было больше. Как выразился знаменитый астрофизик и активист мирного движения Карл Сэйган, СССР и США были похожи на двух врагов, стоящих по грудь в бензине

и угрожающих друг другу зажженными спичками: у одного три спички, у другого – пять.

Расходы на гонку вооружений у сверхдержав в денежном выражении были примерно равными – в середине восьмидесятых около 300 миллиардов долларов ежегодно, однако в процентном отношении нагрузка получалась для СССР намного более обременительной (в 1987 году Москва будет расходовать на военные цели 57,8% бюджета, Вашингтон – 27,2%).

Главный враг – Югославия

Югославское коммунистическое правительство было настроено на сотрудничество с Москвой, рассматривало ее как старшего партнера – но не как инстанцию, чьи приказы подлежат безоговорочному выполнению. Сталин же исходил из ялтинско-потсдамских договоренностей, согласно которым самое большое балканское государство входило в его «зону».

Из-за того, что Белград и Москва по-разному понимали характер двухсторонних отношений, и произошел конфликт. Маршал Тито противился сталинскому диктату, доходившему до мелочей, и большой Вождь «обиделся» на вождя

поменьше, а вместе с ним и на всю Югославию. Ничем кроме личного раздражения генералиссимуса нельзя объяснить истеричную «югославофобию», охватившую советскую прессу. Вчерашняя братская страна вдруг стала врагом номер один, а ее правительство – «фашистской кликой». Дипломатические связи были разорваны. В странах советского блока начались репрессии против «югославских» агентов (по большей части вымышленных), в Югославии – репрессии против «агентов Москвы» (по большей части настоящих). Дело чуть не дошло до вооруженного конфликта – на границах Югославии с Венгрией, Болгарией и Румынией концентрировались войска. Если бы не смерть Сталина, произошло бы вторжение.

Новые правители СССР сразу же начали восстанавливать отношения с самой большой из балканских стран.

Государственный антисемитизм

Причиной для гонений на евреев стало недовольство Сталина новым государством Израиль. Это был крупный просчет сталинской внешней политики. Вождь, помнивший времена, когда

евреи составляли основной кадровый ресурс Коминтерна, активно поддержал проект создания в Палестине еврейского государства. Расчет был на то, что у Москвы появится на Ближнем Востоке плацдарм для экспансии в этом важнейшем регионе. Но когда в 1948 году Израиль – в значительной степени благодаря Сталину – появился на карте, сразу же оказалось, что ориентироваться на СССР эта страна не намерена. Особенное возмущение у Сталина вызвал энтузиазм, охвативший советских евреев при создании национального государства.

Осенью 1948 года начались репрессии против «Еврейского антифашистского комитета» – общественной организации, которая в годы войны собирала деньги на оборону в США, Канаде и Великобритании у представителей еврейского сообщества, и сумела привлечь более 30 миллионов долларов. Самого известного из руководителей комитета, знаменитого театрального режиссера Михоэлса, тайно убили, остальных арестовали и впоследствии почти всех расстреляли.

Вскоре после этого развернулась борьба с «безродными космополитами» (официальный

эвфемизм, использовавшийся вместо слова «евреи») во всех сферах культуры, где было много деятелей еврейского происхождения. Начали с театральных критиков, потом перекинулись на художников, литераторов, музыкантов, кинематографистов, архитекторов. Арестовали четыреста с лишним человек, во много раз больше было выгнанных с работы и вычищенных из профессии.

В последние месяцы жизни диктатора юдофобия вышла на еще более воспаленный уровень. Возникло «Дело врачей-вредителей», якобы планомерно убивавших своих пациентов, руководителей партии и правительства. Большинство арестованных медиков были евреями.

Имеются сведения, что Сталин собирался по своему обыкновению репрессировать всех советских евреев – выслать их на Дальний Восток.

Как и другие безумные проекты старого диктатора, этот был ликвидирован сразу после смерти «отца народов».

Расправа с «ближним кругом»

Болезненная подозрительность, которой Сталин был подвержен в поздние годы, обратилась

на самых близких ему людей. Произошла замена самого высшего эшелона власти. В опалу попали (и лишились ключевых постов) давние соратники Вячеслав Молотов, маршал Ворошилов, Лазарь Каганович и Анастас Микоян. Под арест угодили министр госбезопасности Абакумов и многолетний начальник охраны генерал Власик, лишился своего места вечный сталинский секретарь Поскребышев, угодил за решетку главный кремлевский врач академик Виноградов (медики вообще были у диктатора на особом подозрении – не отравят ли?).

Старинная русская пословица, относящаяся еще ко временам Ивана Грозного «близ царя – близ смерти», была актуальна как никогда.

Смерть Сталина

Параноидальная недоверчивость вождя и страх, в котором он держал свое непосредственное окружение, стали причиной его смерти. Когда у Сталина случился инсульт, правителю сверхдержавы не оказали своевременной помощи, которая могла бы его спасти. В резиденции не было врачей, охрана несколько часов не решалась без позволения войти в спальню, а когда экстренно

собрались высшие сановники, им, кажется, не очень хотелось, чтобы грозный диктатор очнулся. Возле еще живого тела они уже делили власть.

Инсульт произошел в ночь с 1 на 2 марта. 3 марта партийно-правительственные предводители рядились о дележе наследства. Народу о болезни великого человека сообщили только 4 марта. Сердце больного остановилось 5 марта.

Лаврентий Берия

Лаврентий Павлович Берия (1899–1953) был самой яркой фигурой в довольно тусклой плеяде сталинских выдвиженцев (Вождь не любил, чтобы кто-то из окружения его затмевал, да это было и небезопасно). Ловкий интриган, идеальный исполнитель, Берия отлично умел чувствовать момент и перекрашиваться в зависимости от обстоятельств. В жестокие времена Большого террора он был жесток: выдвинулся из местной номенклатуры (руководил Грузией) на ключевой пост наркома внутренних дел, потому что беспощадно искоренял «врагов народа». Когда Сталину перед войной потребовалось снизить накал репрессий, Берия выпустил некоторое (небольшое) количество заключенных. Во время войны

его перекидывали на самые трудные участки работы, и он всюду выполнял поставленные задачи. Звездный час Берии настал, когда в 1945 году ему поручили возглавить разработку ядерного оружия. Соединив опыт спецслужбиста с опытом организатора, Берия добыл через шпионов американские разработки и собрал коллектив советских ученых, способных извлечь из полученных сведений практический результат.

Став после смерти Сталина самым влиятельным членом правящей коалиции, Берия первым уловил общественный запрос на смягчение режима – и бывший палач превратился в либерала. По его инициативе были прекращены самые одиозные политические расследования, началась амнистия заключенных. Планировал Берия и сбавить градус холодной войны.

Эта активность вкупе с влиянием, которым Берия пользовался в органах госбезопасности, побудили остальных членов президиума ЦК составить заговор. Маршал Берия был арестован прямо на заседании в июне 1953 года, обвинен во всех смертных грехах и в декабре расстрелян вместе с шестью соратниками – так называемой «бандой Берии». Эта казнь завершила двадцати-

летнюю эпоху физической расправы с высшими функционерами, начавшуюся после убийства Кирова.

«Номенклатура»

Сталин, бывший подданный царской России, испытывал ностальгию по монументальному государству, в разрушении которого в свое время поучаствовал. Он восстанавливал империю не только в геополитическом, но и в социальном смысле. Вместо прежнего дворянства возникло новое привилегированное сословие, попасть в ряды которого можно было, только доказав свою полезность и лояльность.

Начало советскому «дворянству» было положено еще на старте сталинского восхождения к власти. Высший кадровый эшелон – пять с половиной тысяч ответственных должностей – утверждался на уровне ЦК партии. Ведал этими назначениями всемогущий «Орграспредотдел». Помимо «центральной номенклатуры» существовали и местные, для назначенцев провинциального уровня – ими ведали республиканские и губернские партийные секретариаты. В 1925–1927 гг. было проведено почти девять тысяч кадровых

перемещений – по сути дела сменилась вся партийно-государственная элита. Повсюду рассаживали начальников, пользовавшихся доверием или самого Сталина, или его помощников, или помощников его помощников.

Классическая «ордынская» система, в свое время нарушенная Екатериной Великой с ее указом о дворянской вольности и восстановленная Сталиным, не признает за подданными любого уровня никаких личных прав, но заменяет их привилегиями согласно занимаемому рангу. Точно так же существовала и советская «аристократия». Деньги в этих координатах значили гораздо меньше, чем набор положенных по статусу благ: жилищные условия, класс бытового и медицинского обслуживания, возможность бывать за границей и так далее. В сталинские времена все эти выгоды сильно омрачались опасностью: чем выше пост, тем больше риск угодить под репрессии. Но начиная с хрущевских времен для советской «номенклатуры» наступают времена безопасные и приятные.

В 1967 году, в золотой век номенклатурной безмятежности, была выпущена сводка «Единая номенклатура должностей служащих», впослед-

ствии корректировавшаяся. В этой геральдической книге (можно назвать ее и так) перечислялись 400 тысяч руководящих должностей. Вместе с членами семей привилегированное сословие насчитывало примерно 0,05% населения страны (вдвое меньше, чем дворян в царской России). «Потомственность» происходила естественным образом: детям начальников были открыты двери всех советских социальных лифтов.

Никита Хрущев

Третий по счету – после Ленина и Сталина – советский лидер Никита Сергеевич Хрущев (1894–1971) был личностью совсем иного масштаба и склада. Не революционный вождь и не мастер аппаратных интриг, а виртуоз по части выживания. Выходец из социальных низов, человек малообразованный, он отлично владел искусством мимики. Капризный и мнительный в старости Сталин отличал и приблизил Хрущева главным образом потому, что тот был весел и приятен, а главное не внушал ни малейших опасений. На вечеринках, которые Вождь устраивал для самого ближнего круга, жизнерадостный украинец мог и спеть, и сплясать, и побалагурить. Но при

этом Никита Сергеевич был очень непрост и свою внешнюю безобидность использовал как инструмент для заключения альянсов.

Сразу после смерти Сталина, во время конфронтации с Берией, Хрущев выдвинул на первую роль – главы правительства – недалекого Георгия Маленкова, оставив за собой партийное руководство. Оно в 1953 году выглядело менее импозантно, ибо пост председателя совета министров занимал сам Сталин. Однако основные номенклатурные рычаги по-прежнему находились у того, кто руководил партией. Это и позволило Хрущеву в довольно короткий срок занять ведущее положение.

Расправившись с самым грозным оппонентом Берией почти сразу же, несколько лет спустя Хрущев избавился (правда, уже бескровно) и от остальных участников постсталинской коалиции. С 1957 года он стал единоличным правителем Советского Союза, соединив обе высшие должности: и главы партии, и главы правительства.

В историческом смысле главным поступком Хрущева было разоблачение преступлений Сталина, начатое в 1956 году на XX съезде КПСС и

завершенное на XXII съезде окончательным осуждением «культа личности», после чего все памятники Сталину были снесены, а его тело вынесено из мавзолея. Во времена террора Хрущев, партийный секретарь на Украине и в Москве, усердствовал в «чистках» и казнях не меньше, чем другие руководители, и всё же оставил по себе добрую память: в ходе проведенной им антисталинской кампании сотни тысяч людей вышли на свободу, а некоторые (далеко не все) жертвы репрессий были посмертно реабилитированы.

Хрущевский «волюнтаризм» и его последствия

Этим термином заговорщики, придя к власти, заклеямили стиль хрущевского руководства, имея в виду резкость и недостаточную мотивированность решений свергнутого правителя. Хрущев действительно мало считался с другими членами Политбюро и действительно совершил несколько серьезных ошибок, имевших для Советского Союза тяжелые последствия. Впрочем его экономические эксперименты, все неудачные, скорее объяснялись неэффективностью социа-

листического метода хозяйствования – новации следующей эпохи будут ненамного успешней. Но Карибский кризис, сначала едва не приведший к мировой войне, а затем (что очень не понравилось советской верхушке) нанесший урон престижу СССР, возник из-за чрезмерной самоуверенности и авантюризма правителя. Однако главным его провалом (не только в глазах номенклатуры, но и объективно) было непоправимое ухудшение отношений с самым большим государством социалистического лагеря – Китайской Народной Республикой.

Мао Цзэдун очень чтил Сталина, управленческие методы которого он использовал в своей внутренней политике, и отнесся к хрущевским разоблачениям неодобрительно, а к самому Хрущеву с подозрением. Советский лидер, в свою очередь, весьма скептически оценивал попытки пекинского руководства поднять экономику штурмовыми методами. Москва заняла нейтральную, примиренческую позицию в территориальном конфликте между Китаем и Индией. С этим обстоятельством было связано невыполненное обещание поделиться с «китайскими товарищами» секретами ядерного оружия. У Мао

Цзэдуна возникло ощущение, что русские предали братскую социалистическую страну в очень тяжелый период ее истории – и Хрущев недооценивал последствия этой обиды.

В конце концов китайский вождь принял решение превратить свою страну в оплот истинного, «неревизионистского» социализма. «Центр мировой революции переместился в Китай», – объявил Мао.

Атомную бомбу китайцы стали разрабатывать сами, рекомендаций из Москвы больше не слушали, и к концу хрущевского правления разрыв стал уже неизбежным. В шестидесятые годы он будет усугубляться и приведет к еще одной «холодной войне» – между двумя самыми большими социалистическими странами. СССР и КНР будут держать на своей 7000-километровой границе крупные армейские группировки, а в 1969 году дело даже дойдет до вооруженных столкновений. Лишь в восьмидесятые годы, при Дэн Сяопине, враждебность в отношениях прекратится.

Леонид Брежнев

Период хрущевского «редуцированного вождизма» сменился своего рода коллегиальным руководством, вообще-то несвойственным и даже противопоказанным «ордынской» модели государства. Но эта перемена отвечала личным интересам высшей номенклатуры, более не желавшей зависеть от капризов очередного диктатора. Нетипичная для российского государства конструкция продержалась целых 18 лет только благодаря невластолюбию и компромиссности генсека Леонида Ильича Брежнева (1906–1982), несколько похожего на «кроткую Елисавет», добродушную императрицу Елизавету Петровну, при которой русской аристократии так хорошо и спокойно жилось после страшных времен Петра и нервных времен царицы Анны.

В последние хрущевские годы Брежнев занимал должность председателя Верховного Совета – абсолютно декоративную, ибо советский парламент не обладал никаким влиянием, но формально самую высокую в государственной иерархии. Этим обстоятельством, а также очевидной травоядностью Леонида Ильича и объяснялось его выдвижение.

Вскоре выяснилось, что подобный предводитель всех очень устраивает. Брежнева славословили, без конца награждали пышными титулами и званиями, но в Политбюро он был скорее модератором, нежели инициатором решений. Там имелось несколько активных, влиятельных членов, которые поделили между собой управление: экономический блок возглавлял председатель совета министров (до 1980 года – Алексей Косыгин), внешними делами ведал бессменный министр иностранных дел Андрей Громыко, идеологией – Михаил Суслов, абсолютная реинкарнация обер-прокурора Победоносцева с его «совиными крылами». Брежневская эпоха с ее фасадной стабильностью и болотной застойностью вообще очень напоминает царствование Александра III.

Характерная черта эпохи – строгий партийный контроль над КГБ и армией. Комитетом государственной безопасности с 1958 года руководили не кадровые «спецслужбисты», а партийные аппаратчики; с 1976 года и во главе министерства обороны был поставлен «штатский» член политбюро.

Геронтократия

Вначале советское государство было молодым и его правители тоже были молоды. 47-летнего Ленина, председателя Совнаркома, соратники называли «Старик». Когда советский проект утратил энергетику и заплесневел, соответственным образом изменилась и высшая прослойка. Государством правили очень старые люди – и правили по-старому, противясь всему новому.

В 1918 году средний возраст в высшем партийном органе составлял 38 лет; в 1940-м – пятьдесят один год; к 1980-му перевалил за семьдесят. При этом следует учитывать, что люди в те до-30Жные времена дряхлели намного быстрее – средняя продолжительность жизни советских мужчин (женщин в Политбюро не было) равнялась 62 годам.

В ходячую развалину превратился не только генеральный секретарь, нездоровы были и многие другие состарившиеся члены Политбюро. Распорядок работы органа, управлявшего сверхдержавой и значительной частью планеты, регулировался врачами. Время заседаний всё время укорачивалось. Под конец брежневской эпохи они редко длились более получаса.

Высшие функционеры почти никогда не уходили в отставку по состоянию здоровья и тем более по возрасту. Все они умирали на своем месте – как тогда шутили, «не приходя в сознание».

Власть как объект анекдотов

В сталинские времена никому не приходило в голову потешаться над Вождем – это плохо закончилось бы и для шутника, и для слушателей. Но когда страх исчез, несвобода публичных высказываний стала компенсироваться модой на политический анекдот. Этот жанр устного фольклора был очень популярен, и по нему интересно изучать эволюцию массового сознания – отношение общества к государству и государям. Отношение это стало до уничижительности насмешливым.

Приведу три характерных анекдота: из хрущевского, брежневского и постбрежневского периода.

«Едет Ленин на «ЗИЛе» [лимузин представительского класса], рядом Сталин на «запорожце» [микролитражка]. Ленин спрашивает: «А что это за треск сзади, товарищ Сталин?» «А это, Владимир Ильич, за нами Хрущев на трехколесном

велике гонится». (Реакция на попытки Никиты Хрущева превратиться в такого же вождя, какими были Ленин и Сталин).

«Стук в дверь. Брежнев достает из кармана очки, бумажку, с трудом читает: «Кто... там?» За дверью тоже шелест бумаги. Раздается голос: «Это я, товарищ... Суслов». (Реакция на неспособность руководителей произнести даже самую короткую речь без составленной спичрайтерами шпаргалки).

«На похоронах Черненко в самом первом ряду вдруг оказывается какой-то обтрепанный, шмыгающий носом еврей. Члены Политбюро на него изумленно смотрят. Один не выдерживает, спрашивает: «Как вы-то сюда попали?» «А я заранее абонемент купил». (Реакция на «гонку катафалков», когда один за другим умерли три генеральных секретаря).

Какая уж тут сакральность?

Нефтегазовый фактор

В 1955 году в СССР было добыто 70 млн тонн нефти, которая в основном расходовалась на внутренние нужды. На экспорт шло чуть больше десяти процентов. При этом мировые цены на

«черное золото» были совсем не золотые: 2 доллара за баррель.

Однако вслед за тем свершилась настоящая топливно-сырьевая революция. Сначала после открытия фантастически богатых сибирских месторождений взлетела добыча (в конце концов она увеличится почти в десять раз), а после ближневосточного кризиса 1973 года столь же невероятно подорожала и сама нефть (цена дойдет до 36 долларов за баррель). Очень выросла и выручка от продажи природного газа. На пике производства и цен, в 1984 году, СССР получит от вывоза нефти, нефтепродуктов и газа почти 120 миллиардов долларов (более 50% стоимости всего валютного экспорта). Ни одна страна мира не зарабатывала на своих природных богатствах столько денег. Их хватало и на военное соперничество с Америкой, и на закупку зерна, и на импорт товаров, которыми не могла обеспечить население слабая легкая промышленность Советского Союза.

Перелом наступил после того, как с 1985 года Саудовская Аравия увеличила квоту нефтедобычи сначала в два, а затем в три с половиной раза. Цены покатились вниз.

Возрождение Общества

Напомню: когда это слово пишется с большой буквы, в виду имеется не всё население страны, а та его часть, что имеет некое собственное мнение о политике, не определяемое официальными установками. Пробуждение и усиление Общества представляет собой угрозу для «ордынского» государства, поэтому в периоды мобилизации или ужесточения правительство пытается свести пропорцию таких людей к нулю. Сталину это вполне удалось, поскольку он использовал меры радикальные – террор. В Советском Союзе никакого Общества долгое время не существовало – лишь «новая историческая общность советский народ», она же «нерушимый блок коммунистов и беспартийных». Но таково уж устройство человеческой ментальности, что стоит страху чуть ослабнуть, и сразу находятся люди, не боящиеся мыслить, а затем и высказываться независимо, причем высказывание постепенно становится всё смелее.

Как и в девятнадцатом веке, Общество эволюционировало. Во времена хрущевской «оттепели», как называли постсталинскую либерализацию, очень умеренную, возникло идейное

движение, которое в шестидесятые годы чехословацкие социалисты-реформаторы назовут борьбой за «социализм с человеческим лицом». В СССР говорили «Назад к Ленину» – имелось в виду: подальше от Сталина, к нормам ленинской эпохи, которая при этом идеализировалась и романтизировалась.

Конфликт советских «социалистических либералов» с государственной идеологией начался после того, как брежневский режим решил прекратить критику сталинизма, «чернящую» государство. Возникло уже не просто свободомыслящее, а бескомпромиссно нонконформистское движение «диссидентов», большинство которых выступало вообще против советского строя. Количество диссидентов было невелико, органы безопасности на них охотились. История повторялась почти в точности: снова возник узкий круг «подпольщиков» и весьма обширная среда фрондирующей интеллигенции, причем первых общество (с маленькой буквы) почти не замечало и не слышало, зато моральное и идейное влияние вольнолюбивых писателей, режиссеров, журналистов, стихотворцев, «бардов» (поющих поэтов, чьи песни переписывались с магнитофона на

магнитофон) распространялось всё шире. К восьмидесятым годам советская контркультура соперничала в популярности с культурой официозной – и безусловно лидировала в среде городской интеллигенции, советского аналога западного «миддл-класса». Этому сословию вновь, как в начале столетия, предстояло выйти на арену и перехватить у слабеющего государства общественную инициативу.

Михаил Горбачев

Помимо экзотичной для члена Политбюро молодости (всего-то 54 года!) Михаил Сергеевич Горбачев обладал еще одним качеством, сделавшим его взлет возможным. Как в свое время Брежнев, он не вызывал у большинства кремлевских старцев опасений. Это был вполне стандартный партийный функционер, никогда не совершавший бунтарских поступков (да и вообще никаких поступков не совершавший); он всегда играл по установленным правилам и ориентировался на сильных покровителей. На самый верх советской властной пирамиды Горбачев попал по протекции Юрия Андропова, человека совсем

нелиберального толка, многолетнего руководителя КГБ.

Однако в отличие от предыдущих правителей Горбачев принадлежал к генерации уже постсталинской номенклатуры, сформировавшейся во времена, когда страх и догматизм ушли в прошлое. Главным достоинством нового главы государства было то, что он жил не вчерашним, а нынешним днем – видел его проблемы (пусть даже превратно понимая их истоки) и знал, что эти проблемы требуют решения (которого у него пока не было).

Самое интересное в Горбачеве то, что этот выдвиженец «застоя» вовсе не был «застойным», он всё время менялся, реагируя на изменение ситуации. Горбачев 1985 года, Горбачев 1986 года, Горбачев 1988 года (и так далее) – это очень разные Горбачевы, прошедшие путь от правоверного коммуниста и кулуарно назначенного генсека до демонтажера «руководящей роли КПСС» и избранного президента.

Конец афганской оккупации

В оккупации Афганистана участвовало в общей сложности более полумиллиона советских

солдат. Пятьдесят тысяч из них были убиты или ранены. Во много раз больше, до полутора миллионов, было жертв среди афганского населения. В середине восьмидесятых эта война обходилась Советскому Союзу в 300 миллионов рублей ежемесячно (средняя зарплата была 190 рублей). Главное же – к этому времени стало ясно, что победы ждать не следует. Бюджетные и людские потери будут только увеличиваться.

Первым смелым актом Горбачева было решение закончить бессмысленную эпопею. Осуществлено это решение было постепенно, в несколько этапов – по сценарию, похожему на уход американцев из Вьетнама (и из того же Афганистана тридцать лет спустя).

Осенью 1985 года Москва конфиденциально известила афганского лидера Кармаля, что войска будут выведены и что нужно искать компромисса с оппозицией.

В начале 1986 года Горбачев объявил об этом делегатам XXVII съезда КПСС, а летом того же года и всей стране.

Эвакуация «ограниченного контингента» имела вид постепенного сокращения его численности. Последние воинские части покинули

территорию Афганистана 15 февраля 1989 года – с не вполне понятной торжественностью, как будто это был парад победы, а не констатация поражения. Впрочем к этому времени в общественном сознании представления о том, что такое победа, сильно переменились, и советский народ отнесся к окончанию непопулярной и малопонятной войны с облегчением.

Конец Холодной войны

Военная и политическая конфронтация СССР и США, сорок лет державшая весь мир в напряжении, завершилась по инициативе Москвы, которой пришлось преодолеть настороженность и подозрительность Вашингтона.

Развернулась целая дипломатическая сага, начавшаяся с встречи на высшем уровне в Женеве, осенью 1985 года. Генеральный секретарь Горбачев и президент Рейган не сумели договориться о сокращении вооружений, выпустили ни к чему не обязывающую миролюбивую декларацию, а кулуарно обозвали друг друга нехорошими словами (Горбачев американца – «динозавром», Рейган русского – «твердолобым большевиком»).

Через год в Рейкьявике история повторилась: стороны опять не пришли к соглашению, но лед в отношениях между двумя лидерами начал таять. В конце 1987 года во время американского визита Горбачева был подписан договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Еще через год на сессии ООН советский руководитель объявил об одностороннем сокращении вооруженных сил.

Ответом стран НАТО стали две декларации, следовавшие одна за другой. В июне 1990 года министры иностранных дел североатлантического блока предложили создать в Европе «новый мирный порядок», а в ноябре в Париже правительства европейских стран при участии США, СССР и Турции выпустили «Хартию для новой Европы». Этот документ, провозгласивший начало эпохи «демократии, мира и единства», считается официальным завершением Холодной войны.

«Осень народов»

Этим термином, отсылающим к «Весне народов», европейской революционной волне 1848 года, обозначают череду антитоталитарных

революций, прокатившихся по Восточной Европе осенью 1989 года.

В декабре 1988 года Горбачев на своем историческом выступлении в ООН заявил, что СССР отказывается от практики вмешательства во внутренние дела социалистических стран – так называемой «доктрины Брежнева», ограничивавшей суверенитет «младших братьев» по Варшавскому договору. В 1968 году на фоне чехословацких событий тогдашний советский правитель предупредил: СССР не допустит ситуации, «когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков».

Отмена угрозы советского вмешательства привела к тому, что восточноевропейский соцлагерь рассыпался, словно карточный домик.

Началось с Польши, где еще с весны 1988 года оппозиционное профсоюзное движение «Солидарность» вело наступление на правительство. В июне 1989 года оппозицию допустили к выборам, и уже в декабре из конституции вычеркнули слово «социализм». В октябре 1989 года, тоже после выборов, от социалистического

строая отказалась Венгрия. В ноябре вместе с Берлинской стеной рухнул коммунистический режим в ГДР. В ноябре-декабре произошла «Бархатная революция» в Чехословакии – мирный переход власти к демократической оппозиции. В Болгарии процесс перехода власти от компартии к Союзу Демократических Сил растянулся на несколько месяцев и завершился летом следующего года – тоже мирно.

Немирно и небархатно революция осуществилась только в Румынии, где в декабре сотрудники госбезопасности открыли огонь по демонстрантам. Несколько десятков человек были убиты, но войска перешли на сторону восставших, и власть пала. Ожесточенные кровопролитием победители расстреляли диктатора Чаушеску и его жену. Это был единственный в Восточной Европе случай расправы со свергнутыми коммунистическими правителями.

«Гласность»

Российское общественное движение за реформы возникло не само по себе, а «по разрешению сверху». Когда произошла авария на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года, советская

пресса по привычке сообщила о катастрофе не сразу и очень приглушенно. Но две с лишним недели спустя генеральный секретарь сам выступил с обращением к народу, и это «открыло тему».

Либеральная среда – журналисты и деятели культуры – уловили исходящий от нового правителя сигнал, что рамки дозволенного расширяются, и принялись раздвигать их с энтузиазмом, который вскоре стал пугать инициатора послаблений. Так в истории случается всегда.

Естественное для Общества стремление к свободе совпало с общим ухудшением уровня жизни, вызванным тем, что из-за сокращения нефтяных доходов государство не могло обеспечивать торговлю даже минимальным набором продуктов (к 1990 году начнутся перебои уже и с хлебом). Поэтому широкие слои населения стали пополнять ряды Общества, то есть интересоваться политикой.

Настроение времени лучше всего передавали названия хитов перестроечной эпохи. Фильм режиссера Станислава Говорухина назывался «Так жить нельзя», песня рок-группы «Кино» – «Мы ждем перемен», песня рок-группы «Аквариум» – «Этот поезд в огне». Литературные журналы и

издательства массово выпускали художественные произведения немыслимой прежде смелости; пресса печатала статьи всё большей и большей остроты. Тиражи свободолюбивых газет и журналов невероятно поднялись. Даже на государственном телевидении появились передачи, критиковавшие сложившиеся порядки. Гласность постепенно перерастала в свободу слова.

Просоветские СМИ и защитники социализма, не имевшие привычки к открытой дискуссии, терпели в этой идеологической борьбе сокрушительное поражение. Первые робкие ласточки Гласности пустились в полет во второй половине 1986 года. Два года спустя, когда началась первая в советской истории предвыборная кампания, в общественном мнении идеи демократии и гражданских свобод по классическому выражению Ленина уже «овладели широкими народными массами» и сулили советской системе большие проблемы.

Возрождение парламентаризма

Выборы 1989 года были похожи на выборы в царскую Думу, то есть являлись и неравными, и непрямыми. Как в начале столетия имелись

привилегированные «курии» помещиков и домовладельцев, так теперь особую квоту получили компартия, профсоюзная верхушка и прочие «общественные организации», под каковыми имелись в виду различные квазигосударственные структуры. Они получали треть мандатов. Однако избранные «народные депутаты» должны были пройти еще одну фильтрацию – избрать из своего состава Верховный Совет. В прежние времена ВС созывался время от времени и исполнял сугубо церемониальную функцию, одобряя любое решение партии. Теперь он превращался в постоянно действующий парламент.

К этому времени недовольство партией стало уже массовым, все громче слышались голоса о том, что нужно вводить многопартийность, и у Горбачева возник план перехода из генеральных секретарей КПСС в президенты страны – об этом он впервые осторожно заговорил на партийной конференции летом 1988 года. Избранные народные депутаты приняли соответствующий закон в марте 1990 года и сразу же избрали Горбачева первым президентом СССР – не всенародным, а парламентским голосованием. Одновременно упразднялась статья конституции,

гарантировавшая партии власть в государстве. «Тихий государственный переворот», ради которого Горбачев, собственно, и затеял парламентскую реформу, завершился, однако ее последствия оказались намного масштабней, чем он предполагал.

Предвыборная кампания, проводившаяся в условиях гласности, очень политизировала население страны. На участки пришли 90 процентов избирателей. Многих партийных и советских руководителей (в том числе московского и ленинградского секретарей) «прокатили», а в тех союзных республиках, где ширилось антиколониальное движение, большого успеха добились представители «народных фронтов».

Транслировавшиеся по телевидению и радио заседания Первого съезда в мае 1989 года произвели настоящую революцию в массовом сознании. С самой высокой государственной трибуны звучали речи, за которые совсем недавно посадили бы в тюрьму. Рухнула последняя из традиционных «колонн» государства: оно лишилось монополии на власть.

Парламентская оппозиция

Предполагалось, что двухступенчатость и неравенство представительства обеспечат в новоизбранном Верховном Совете большинство лояльным депутатам, которые не будут создавать правительству проблем. Первое получилось, второе – нет. (Сказывалось плохое знание истории, которую Горбачев и его соратники изучали по марксистско-ленинским учебникам. Согласно им царская Дума была «пустой говорильней», а самодержавие свергли большевики). Верховный Совет СССР, разумеется, тоже был говорильней, поначалу принимавшей только нужные власти законы, но в условиях быстрой политизации народа, всё больший процент которого превращался в Общество, Слово обретало огромную силу и превращалось в Дело.

Демократическая фракция, возникшая на Первом съезде, «Межрегиональная депутатская группа», была невелика, чуть больше 10% народных депутатов. В состав Верховного Совета «радикалов» попало еще меньше, погоды они там не делали. Но главным оружием МДГ и, шире, демократического движения стала не законотворческая деятельность, а давление на власть через

организацию легальных митингов и демонстраций, особенно многолюдных в столице. Во время самой большой из них, 4 февраля 1990 года, требовавшей введения многопартийности, приняли участие 600 тысяч москвичей.

Из лидеров МГД только двое – опальный партийный секретарь Борис Ельцин и давний участник диссидентского сопротивления Андрей Сахаров (знаменитый физик, когда-то один из изобретателей водородной бомбы) – были хорошо известны публике, но наряду с ними возникла целая плеяда ярких ораторов и острых публицистов, так называемых «прорабов Перестройки», которые создавали у народа очень опасное для власти ощущение, что появилась сила, способная управлять страной лучше, чем нынешние правители.

На противоположном фланге сформировалась и другая оппозиция, просоветская – депутатская группа «Союз».

Популярность Горбачева резко шла на убыль, подтачиваемая слева и справа (само понятие «левых» и «правых» несколько запуталось, ибо традиционно левые коммунисты оказались в положении консерваторов, то есть «правых», а

сторонники «буржуазной демократии» – в положении «левых»).

Межэтнические конфликты

С ослаблением центральной власти, уже не способной, как в прежние времена, контролировать любые несанкционированные общественные движения, выяснилось, что «дружная семья народов» (как называла полиэтническое население СССР официальная пропаганда) совсем не дружная. Помимо национально-освободительных движений, направленных против центральной власти, возникли и очаги межэтнической напряженности – где-то вновь разгорелись угли старинной вражды, где-то образовались новые проблемы.

Армянско-азербайджанский антагонизм, который еще в начале XX века был искусственно создан царскими чиновниками, использовавшими принцип «разделяй и властвуй», в 1988 году возродился сначала в Карабахе, области со смешанным населением, а потом в бакинском регионе, где исстари жило много армян, и принял форму погромов.

В мае-июне 1989 года произошли кровавые столкновения в Ферганской долине между узбеками и месхетинцами.

Год спустя в Оше несколько сотен человек погибли в ходе киргизско-узбекского конфликта.

В Грузинской ССР с 1989 года образовалось две зоны напряжения: между грузинами и абхазцами, а также между грузинами и осетинами.

В Казахстане обострились отношения между местным населением и выходцами с Северного Кавказа, в Молдавии – между молдаванами и гагаузами.

Все «национальные вопросы», застарелая болезнь российской империи, воспалились до предела.

Бессилие силовых методов

У советского государства имелся богатый опыт силового подавления национальных волнений. Уже при Горбачеве, но еще перед началом широких реформ, в декабре 1986 года, когда в Алма-Ате возникли стихийные протесты казахской молодежи под национальными лозунгами, войска быстро и безжалостно разогнали манифестантов. Телевидение и газеты, тогда еще

абсолютно подконтрольные государству, изобразили случившееся как хулиганскую выходку, и общественного резонанса в масштабах всей страны не было. Но с развитием гласности карательные меры стали обращаться против самих властей. Демократическая пресса немедленно извещала об очередном «силовом» инциденте – как правило с сочувствием, а то и с прямой поддержкой жертв репрессии, и после этого национальное движение становилось еще активней.

Так было после показательного жесткого разгона демонстрации в Тбилиси в апреле 1989 года, после стрельбы по гражданскому населению в Баку в январе 1990 года, а в январе 1991-го после захвата военными телецентра в Вильнюсе и попыток рижской милиции особого назначения расправиться с борцами за независимость Латвии.

Каждая армейская или полицейская операция, использовавшая насилие, лишь подливала масла в огонь, повышала градус освободительного движения и наносила удар по репутации Горбачева. Зигзаги, которые генсеку, а затем президенту приходилось делать между сторонниками

«жесткой руки» и общественным мнением, постепенно настроили против него и правых, и левых.

Неудавшийся переворот

С аппаратной точки зрения снятие Горбачева было подготовлено идеально, всё должно было пройти без сучка, без задоринки.

Сам президент находился в отпуске. Все остальные высшие деятели объединились: и премьер-министр, и вице-президент, и председатель парламента, и министр обороны, и председатель КГБ, и министр внутренних дел. Рано утром 19 августа 1991 года они провозгласили себя «Государственным комитетом по чрезвычайному положению», объявили Горбачева заболевшим, учредили особый режим в Москве, вывели на улицы войска и боевую технику.

Но эти люди отстали от времени. Они не сознавали, что за минувшие несколько лет страна изменилась. То, что без проблем проглотило бы привыкшее к покорности советское население, не могло быть без сопротивления принято Обществом.

Множество москвичей вышли на улицы. Вероятно, войска в конце концов разогнали бы

их, но ГКЧП совершило большую ошибку. Свято веря в «силу силы», путчисты не озаботились тем, чтобы заранее арестовать руководство республики Российская Федерация – оно не имело вооруженных сил и воспринималось союзными министрами как неопасная декорация. Поэтому когда в июне РСФСР провела выборы республиканского президента (победил Борис Ельцин), это встревожило консерваторов гораздо меньше, чем планы Горбачева ослабить единство Советского Союза. В это время в коридорах власти уже зрел заговор. Его участники исходили из того, что, если заменить Горбачева, легко решатся и все остальные проблемы, включая проблему Ельцина.

В тот же день, 19 августа, Ельцин и остальные демократические лидеры собрались в «Белом Доме», резиденции российских властей, и призывали граждан не подчиняться ГКЧП. Вокруг Белого Дома собрались десятки тысяч людей, которые не расходились ни днем, ни ночью. Путчисты не ожидали этого и растерялись. У них не было уверенности, что солдаты согласятся стрелять, к тому же некоторое количество военных с боевой техникой перешли на сторону протестующих.

То же самое происходило во многих городах и национальных республиках. Чем больше проходило времени, тем смелее вели себя противники путча и тем неувереннее чувствовали себя заговорщики. 21 августа они повинились перед Горбачевым и капитулировали.

Советская власть пала еще легче, чем царская. В феврале 1917 года погибло несколько сотен человек, в августе 1991 года – трое.

Глава последняя НЕДОПИСАННАЯ

Поскольку сейчас, в середине 2025 года, когда я пишу эти строки, этап российской истории, начавшийся в 1991 году, еще не завершился, подводить его итоги рано. Многие политические и общественные процессы продолжаются, и пока не ясно, как некоторые из них оценивать. Поэтому последняя глава книги не разделена на «Основное» и «Подробности», а излагает лишь общую последовательность и логику событий.

Суть минувших трех с половиной десятилетий может быть выражена в одной фразе. Российское государство вновь не смогло существовать в условиях свободы и вернулось в привычный формат – имперский.

«Прорабы Перестройки», верившие в то, что упразднение тоталитарного режима и восстановление института частной собственности будут гарантией демократического устройства, ошиблись. Ясно и то, что очередной зигзаг от прогресса к регрессу – не случайность, а закономерность. Пресловутая цепь натянулась и потащила страну в обратном направлении.

Августовская революция 1991 года, как в свое время Февральская революция 1917-го, превратила Российскую Федерацию (так стало называться новое государство), в одну из самых свободных стран планеты.

В правительство вошли люди передовых взглядов, по складу весьма похожие на плеяду деятелей Февраля. Они были твердо нацелены на демократические реформы, признавали масштаб стоявших перед ними задач и не боялись неизбежных трудностей.

Им предстояло совершить подвиги Геракла: создать три ветви власти в стране, которая привыкла существовать лишь с одной – исполнительной; заменить социалистическую экономику капиталистической, а плановое хозяйство – свободным рынком; изменить социальную структуру общества, в котором появятся новые классы и группы, а какие-то из прежних исчезнут; модернизировать производство и наполнить пустые магазинные полки товарами, в первую очередь – продовольствием, потому что ситуация в сельском хозяйстве, где окончательно разваливались колхозы, сложилась катастрофическая.

У правительства «молодых реформаторов», как называли команду тридцати-с-чем-то-летних ельцинских министров по контрасту с позднесоветскими геронтократами, было только два инструмента: демократически настроенная пресса и поддержка населения, преисполнившегося надежд на лучшую жизнь. Но действовать следовало энергично, поскольку постреволюционная эйфория быстро иссякает под воздействием бытовых тягот и неизбежных хаотических процессов (в 1917 году ее хватило всего на полтора месяца).

На политическом уровне демократические преобразования выглядели впечатляюще. В извечно несвободной России появились сильный парламент и выборная местная власть, возник независимый суд, журналистика стала полноценной «четвертой властью». В высшей степени демократично Ельцин обошелся и с самой трудной проблемой все еще многонационального, разделенного на этнические регионы государства (расставшись с 14 союзными республиками, Россия сохранила в своем составе два с лишним десятка автономных образований). «Берите столько

суверенитета, сколько сможете проглотить», – объявил регионам глава Российской Федерации.

А затем все без исключения достижения демократии превратились для государства в проблемы.

Независимый от правительства суд не позволил сделать процесс над злодеяниями КПСС и даже над участниками путча 1991 года сведением политических счетов. Сторона защиты оказалась сильнее обвинения – и никакого «Нюрнберга» не получилось. Коммунисты остались важной и влиятельной силой, которая начала вновь увеличивать свое влияние, когда эйфория спала, земной рай не наступил и многие россияне стали ностальгировать по советскому социалистическому прошлому с его хоть как-то устроенной жизнью.

Парламент, который состоял из народных избранников, впитывавших эти настроения, вскоре перешел в открытую оппозицию к президенту и правительству. Осенью 1993 года дошло до вооруженных столкновений между двумя законными ветвями власти. Отряды сторонников парламента захватили здание столичной мэрии и попытались взять штурмом телецентр. Произошли

уличные бои. Лояльные президенту войска окружили, обстреляли и вынудили к сдаче мятежных депутатов (которых независимый суд потом оправдал).

Исполнительная власть, вынужденная применить силу, чтобы избежать гражданской войны, сделала первый шаг к восстановлению монархии, проведя в декабре 1993 года референдум, по которому Россия фактически стала президентской республикой. Три года спустя, во время президентских выборов 1996 года, ельцинской команде демократов-реформаторов пришлось прибегнуть к совершенно недемократическому использованию административного ресурса, чтобы сохранить свою власть. Если применить терминологию «Индекса мировой демократии», во времена второго срока Ельцина российская политическая система являлась уже не full democracy, а flawed democracy¹.

Форсированное строительство капитализма, проводившееся в первой половине девяностых, тоже решило одни проблемы, но породило другие. Частное предпринимательство постепенно заработало, к 1996 году товарное изобилие более

¹ Не «полной демократией», а «дефектной демократией».

или менее возникло, но оно только вызывало раздражение у населения, обладавшего очень низкой покупательной способностью и не получавшего помощи от государства, тоже нищего – цены на нефть продолжали держаться на мизерном уровне, скатившись ниже 10 долларов за баррель. Утопический эксперимент «молодых реформаторов» по приватизации госпредприятий через «ваучеризацию», то есть выдаче каждому гражданину ваучера, который можно было превратить в акции, провалился. Все предприятия, имевшие шансы на рентабельность, достались ловким людям, как правило сращенным с местной властью. Еще скандальней были распределены самые прибыльные сегменты промышленности. В 1995 году в результате очень странной операции, так называемых «залоговых аукционов», государственные пакеты акций 12 стратегических предприятий добывающего сектора, основное богатство страны, были фактически бесплатно переданы частным компаниям – в обмен на поддержку Ельцина на предстоящих президентских выборах. В результате образовалась политическая система, в которой несколько крупных капиталистов превратились в олигархов

и получили возможность не только продолжать дележ государственного имущества, но и активно влиять на решения высшей власти.

Поворот к «олигархической демократии» изменил и ситуацию со свободой слова. Ведущие СМИ, прежде всего телеканалы – самые мощные рычаги влияния на общественное мнение – тоже перешли в собственность или попали под управление олигархических групп и активно использовались ими в своих целях. Пресса сохраняла независимость от государства – но не от интересов ее владельцев.

Демократия в России снова не приживалась, причем не в условиях гражданской войны, а в мирное время, при никем не оспариваемой власти либерального правительства. Этот явно неслучайный процесс объяснялся как объективными, так и субъективными факторами.

К числу первых относился недостаточный «запрос на демократию», вызванный малочисленностью среднего класса. Все девяностые годы Россия оставалась страной очень бедных людей, сосредоточенных прежде всего на проблемах материального выживания. В конце концов ситуация бы выправилась, сработала бы

пресловутая «пирамида Маслоу». В 2000-е годы, когда цена на нефть и газ снова пошла вверх и в России стал быстро подниматься уровень жизни, укрепившийся средний класс оценил бы выгоды демократической системы. В 2011–2012 годах такое движение и возникло, приняв вид «борьбы за честные выборы», но к тому времени было уже поздно. Российский поезд давно уже ехал по другой линии.

Роковая стрелка была переведена еще в 1994 году, когда правительство Ельцина приняло решение, ставшее точкой невозврата. И тут уже сработал фактор субъективный.

Заявленный в 1991 году курс на «свободную суверенизацию» автономий привел к тому, к чему и должен был привести. В разных регионах федерации начали развиваться центробежные движения. Одна из северокавказских республик, Чеченская, перестала платить налоги в федеральный бюджет и провозгласила независимость. Центральное правительство оказалось перед выбором – как решать эту проблему.

Существовало два способа.

Можно было мирно отпустить Чечню, что неминуемо вызвало бы цепную реакцию новых

отделений. Многие регионы захотели бы последовать этому примеру – по почину местных властей, или от общего недовольства положением дел в стране. Россия начала бы усыхать и сокращаться. На огромной евразийской территории возникли бы новые страны, и каждая пошла бы своим путем. Где-то смогла бы сформироваться нормально работающая демократия, но где-то наверняка образовались бы диктаторские режимы, где-то произошли бы и внутренние конфликты, однако империя была бы демонтирована, «ордынская» основа государства разрушилась бы, и Россия вышла бы из заколдованного круга, «златая цепь» разорвалась бы.

Ельцин выбрал второй путь: удержать мятежный регион силой оружия. Причины, по которым либеральный президент совершил этот нелиберальный акт, оцениваются по-разному, однако все согласны с тем, что решение было принято лично президентом. Недавнее успешное подавление «парламентского мятежа» военными средствами создало у него иллюзию, что в чрезвычайных ситуациях «хирургический» способ разрешения конфликтов проще и эффективней, а конституция 1993 года давала главе государства

возможность провести армейскую операцию собственным указом.

В декабре 1994 года российские войска вошли на территорию Чечни и попытались взять всю ее территорию под контроль.

«Проще и эффективней» не вышло. Началась долгая кровопролитная война: со стороны Москвы колониальная, со стороны чеченцев освободительная.

Но самым важным последствием выбора, сделанного в конце 1994 года, стала трансформация российского государства: ему пришлось пройти всё по той же цепи, звено за звеном. Этого требовала неумолимая причинно-следственная логика.

Для того, чтобы вести тяжелую войну, в которой более слабая сторона активно использовала методы терроризма, российскому правительству пришлось наращивать вооруженные силы и восстанавливать систему спецслужб – последние вскоре вновь стали важнейшим элементом государственной конструкции. Воюющему государству очень мешали и вечно создающая проблемы парламентская оппозиция, и критически настроенная пресса, и могущественные олигар-

хи, каждый из которых вел свою собственную политику. Стареющий, нездоровый Ельцин стал подбирать себе преемника. Поколебавшись между несколькими кандидатами-либералами, он выбрал такого, какой, с его точки зрения, обладал достаточной силой характера, чтобы вывести страну из хаоса: главу Федеральной Службы Безопасности. То, что этот пост в 1999 году занимал человек по имени «Владимир Путин» – историческая случайность, но неслучаен был выбор «сило-вика» в качестве наследника. На исходе 1999 года, когда Борис Ельцин уходил в отставку, человек либеральных взглядов с ситуацией не справился бы – она зашла слишком далеко.

Политический инстинкт Ельцина не обманул. Новый правитель, проведенный через избирательную кампанию по методике, разработанной еще в 1996 году, то есть с использованием всей мощи административного ресурса, страну из хаоса вывел – но двигаясь не вперед, а назад, к традиционной государственной модели.

Четыре «ордынские» опоры были восстановлены одна за другой.

Всякая политическая «оттепель» в России начинается со свободы слова, а всякие

«заморозки» – с ее ограничений. Путин сразу же, в 2000-2001 гг., установил контроль над телеканалами, отобрав главный инструмент влияния на общественное мнение у олигархов, и затем стал активно пользоваться этим средством в собственных интересах.

Одновременно Путин повел наступление и на самих олигархов, лишая их всех рычагов политического влияния. Миллиардеров 90-х сменила новая генерация сверхбогатых людей, которые целиком зависели от власти и не пытались вмешиваться в политику.

В 2003-2004 году на инициированном властью судебном процессе над руководителями нефтяной компании ЮКОС, пытавшимися заниматься политическим лоббированием, новый режим не только продемонстрировал крупному бизнесу, что бывает за непослушание, но выполнил еще одну необходимую задачу: дискредитировал и разгромил институт независимой судебной власти, которая совершенно несовместима с монархической системой. Отныне во всех важных для власти юридических разбирательствах суд будет выносить только те решения, которые спускаются сверху.

Депутатская независимость была упразднена через приручение конформистских партий, превратившихся в «ручную оппозицию», и недопущение к выборам партий непослушных. Сами выборы вскоре превратились в декорацию. И выдвижение кандидатов, и избирательные кампании, и голосование, и подсчет результатов велись под полным контролем исполнительной власти. Вслед за судебной ветвью увяла и законодательная.

На местном уровне тотальный контроль центра был установлен в 2004 году, когда после очередного резонансного теракта, нападения чеченских боевиков на школу в Беслане, Москва отменила выборы губернаторов. Теперь их назначал президент. Логическая связь с терактом была непонятна, но к этому времени неприятные парламентские запросы уже ушли в прошлое, а независимость сохраняли лишь нишевые СМИ, неспособные создать правительству проблемы.

«Чеченский вопрос» власть решила способом, опробованном еще при самодержавии. В XIX веке несколько национальных регионов, управлять которыми напрямую было слишком сложно, имели статус протекторатов – автономных мо-

нархий (Бухарское и Хивинское ханства). В таком же режиме стала существовать и Чечня. Управление ею Москва доверила своему ставленнику, который в обмен на лояльность получил возможность властвовать в республике без какого-либо вмешательства со стороны центра.

Таким образом в 2000-е годы были восстановлены сверхцентрализация власти и ее главенство над юридической системой. Две остававшиеся «опорные колонны» – возвеличивание правителя и государственной идеи – тоже возводились заново, но, поскольку эти процессы происходят на уровне массового сознания, они заняли больше времени.

Контроль над прессой и депутатами ограждал правителя от критики за ошибки, а провластные СМИ приписывали ему заслугу за все достижения: стабильность и рост уровня жизни (последний объяснялся резким увеличением цен на энергоносители в первое десятилетие нового века). Это поддерживало рейтинг Путина на высоком уровне. То положение, которое в конце концов занял глава государства в российском официальном пантеоне, лучше всего передает высказывание спикера парламента, сделанное

с высокой трибуны в 2014 году: «Есть Путин — есть Россия, нет Путина — нет России». Такие лозунги не звучали и при императорах династии Романовых.

2014 год стал важной вехой в российской истории. К этому моменту все атрибуты имперского устройства были восстановлены, и произошел переход к этапу экспансии, обязательному для всякой империи.

Этому предшествовали события в Украине. В феврале народная революция свергла близкого к Путину президента Януковича. Новое украинское правительство заявило о курсе на интеграцию с Европой, что было воспринято в Москве как вызов. К этому времени там сложилась официально не провозглашенная, но последовательно проводимая в жизнь концепция России как «регионального лидера», в зоне влияния которого находится большинство бывших союзных республик. В 2008 году Россия даже применила вооруженную силу, когда Грузия стала вести политику, независимую от Москвы: в наказание у маленькой соседней страны отторгли часть территории. Запад отнесся к этому инциденту без особенной

тревоги, проблем на международном уровне у Путина не возникло.

Таким же образом он теперь решил наказать Украину, которую привык считать квазигосударством, российским сателлитом. Была у агрессии 2014 года и еще одна, не менее важная цель. Опасаясь, что российская оппозиция, вдохновившись украинским примером, попыбует устроить в Москве такую же революцию, диктатор решил ужесточить режим внутри страны.

Оба удара были нанесены одновременно.

24 февраля суд отправил в тюрьму первую группу политзаключенных, участников антиправительственной манифестации 6 мая 2012 года. Это стало первым шагом от авторитарного режима к тоталитарному. Градус репрессий против инакомыслящих с этого момента начал повышаться, а число политзаключенных увеличиваться.

Три дня спустя в украинском Крыму был высажен десант, и затем, в немыслимо короткий срок, в середине марта, под военным контролем был проведен «референдум» о присоединении полуострова к Российской Федерации.

Внешняя агрессия могла означать только одно: Путин решил стать пожизненным диктатором. Человек, который собирался бы в установленный конституцией срок уходить в отставку, не пошел бы на риск оказаться под судом за грубое нарушение международного права.

В апреле российские вооруженные подразделения вторглись в другой украинский регион – Донбасс, по преимуществу русскоязычный, инициировав там сепаратистский мятеж.

Когда-нибудь закулисная подоплека этих событий выяснится, но с небольшой исторической дистанции логика двухступенчатой операции Крым-Донбасс выглядит следующим образом. Путин создал очаг напряженности в Донбассе, чтобы потом «разменять» этот проблемный регион на признание Украиной утраты Крыма. Если так, план не сработал. В Донбассе развернулся долгий военный конфликт, то обострявшийся, то временно сдерживаемый непрочными перемириями. Противостояние тянулось год за годом.

В сентябре 2015 года Путин попытался точно таким же образом надавить уже не на Украину, а на поддерживающий ее Запад: отправил войска в помощь сирийскому диктатору Асаду, угрожая

«вернуться» на Ближний Восток. Как и с «донецким гамбитом» из этой затеи ничего не вышло. В конце концов, потратив много денег и погубив много людей, Россия была вынуждена из Сирии уйти, и промосковский режим пал.

Военные операции «на земле» дополнялись войной иного рода, диверсионно-идеологической. Российские спецслужбы стали вести активную деятельность по дестабилизации политической жизни в самых разных странах – примерно так, как это в свое время делал Советский Союз, поддерживая оппозиционные движения и выступления внутри «капиталистического лагеря». Только лозунги теперь стали совсем иными, нереволюционными.

В середине 2010-х годов наконец сформировалась идеология «путинизма» – последняя из обязательных «опор» восстановленной конструкции. В официальной терминологии для нее появилось особое обозначение, намеренно старообразное словосочетание «духовные скрепы». В «Большой российской энциклопедии» оно разъясняется как «нематериальные ценности, объединяющие народы России в единый державный общественный союз». А в пропагандистском

фильме, снятом к 25-летию путинского правления, «национальный лидер» (общепринятое титрование Путина) говорит: «Каждый россиянин осознал, что он и есть государство». Это просто классическая формулировка одного из четырех неперемненных законов «ордынскости».

Современная российская идеология складывается из двух компонентов. Во-первых, из всегдашнего постулата о том, что главной ценностью России является государство, которое должно быть великим и которому каждый гражданин должен служить верой и правдой. Во-вторых, из букета ультраконсервативных лозунгов. Вторая составляющая представляет собой попытку использовать «мягкую силу» в противостоянии с коллективным Западом, который вплоть до последнего времени активно продвигал либеральную повестку, делающую упор на защиту прав беженцев и меньшинств, гендерную революцию, всякого рода diversity. Эти тенденции настраивали консервативную часть общества, в том числе в западных странах, против «левацких трендов». Демонстративная пропаганда «традиционных ценностей» – авторитета церкви, двухполой любви и крепкой семьи, неприязни к

иммигрантам и возвеличивания «коренной нации» – по расчету кремлевских идеологов должна была превратить Москву в Мекку всемирного консерватизма. На международном уровне этот курс принял вид ориентации на самые недемократические режимы и на поддержку антилиберальных, ксенофобских партий, в которых Россия видела естественных союзников. Специальные структуры, созданные российскими спецслужбами, пытались оказать влияние на избирательные кампании в демократических странах, вели агитацию в соцсетях и так далее.

Собственно говоря, ничего нового в путинской идеологии нет. Используемые для внутреннего употребления «скрепы» (великий правитель, великая этика, великий русский народ) – это та же идейная триада «самодержавие-православие-народность», которую изобрели еще при Николае Первом. Неново и использование популистских идей в идейной борьбе с Западом, просто в пост-революционные времена это был набор ультра-левых лозунгов, а теперь – ультраправых.

Проблема классического российского государства, однако, в том, что «мягкой силой» оно владеет неважно. Поэтому и на внутреннем, и на

внешнем фронте успехи этой стратегии оказались скромны. Жители Российской Федерации, совсем как в позднесоветские времена, «терпят, но не верят». На мировом уровне из России оплота «традиционной морали» тоже не получилось – этому помешал переход украинского конфликта из формата «гибридной войны» в полномасштабное военное столкновение.

Если говорить о закономерных и субъективных факторах в исторических событиях, то нападение России на Украину в феврале 2022 года безусловно было «личным проектом» Владимира Путина. Стремление к экспансии для возрожденной империи было естественно и неизбежно, но форма открытой агрессии для Европы двадцать первого века выглядела явным анахронизмом.

Причины, подтолкнувшие диктатора к такому шагу, известны. Патовая ситуация в затянувшемся украинском конфликте и связанные с этим экономические трудности привели к тому, что рейтинг Путина стал ползти вниз и к началу 2022 года спустился до уровня восьмилетней давности. Тогда резко поднять уровень поддержки удалось за счет захвата Крыма – российское массовое сознание восприняло это как

победу. На такой же эффект рассчитывал правитель и отдавая приказ о «специальной военной операции», целью которой теперь было уже не отторжение территорий, а смена власти в Киеве.

Всякий долго правящий диктатор, окруженный раболепием и огражденный от малейшей критики, проникается мегаломанией и самоуверенностью. Примерно такая же метаморфоза произошла с весьма прагматичным и хладнокровным Сталиным, когда он провел у власти столько же времени, сколько Путин, и достиг того же возраста. Охваченный мегаломанией, уверовавший в свою гениальность, семидесятилетний Сталин стал ввязываться в плохо продуманные конфликты вроде «Берлинского кризиса» или корейской войны. Субъективная причина была та же: отрыв правителя от реальности, преувеличенное представление о собственной мощи и недооценка сил противника.

Опять – уже в который раз в российской истории – у «государя» возникло искушение «маленькой победоносной войны» – и опять она получилась большой и трудной.

Эта ошибка могла бы стоить диктатору власти, если бы не ошибки, которые совершила

и противоположная сторона. Западные лидеры, поддерживавшие Украину, плохо понимали конструкцию государства, с которым вступили в борьбу. Ударами извне победить его невозможно. Это не удалось ни в 1812 году Наполеону, ни в 1941 году Гитлеру. Ресурсы прочности «ордынской» системы при внешнем давлении безграничны. Она начинает разрушаться только при внутреннем расколе, при революционной ситуации, как это произошло в 1905-м, в 1917-м и в конце 1980-х. Вместо того, чтобы поддерживать недовольство войной внутри России и вести борьбу с диктатурой Путина, Украина и Запад взяли курс на борьбу со всей Россией, что включило в сознании населения психологические механизмы «осажденного лагеря» и консолидации. После первоначального смятения и растерянности, пик которых пришелся на лето 2023 года, когда против Путина взбунтовались созданные им же наемнические формирования, система начала оправляться, а общественная температура стабилизировалась на градусе «нам эта война не нравится, но деваться некуда – надо довести ее до конца».

В 2025 году стала меняться и общая геополитическая ситуация на планете. Мировой порядок, сложившийся после победы Запада в Холодной войне, строился на существовании одного главного центра решений – в Вашингтоне. Однако сочетание двух обстоятельств – объективного (появление новой «второй сверхдержавы», Китая) и субъективного (ставка новоизбранного президента Трампа на национальные американские интересы) – по-видимому, обозначают конец тридцатипятилетней эпохи и начало новой, контуры которой пока не вполне понятны.

Несомненно изменится и положение России, однако ее будущее предсказать легче, чем будущее мира в целом. «Златая цепь на дубе том» не оставляет свободы для маневра. Неясно, сколько времени продлится нынешний реакционный период, но ясно, чем он закончится – тем же, чем заканчивался всегда. Когда движение вправо зайдет слишком далеко, цепь натянется до предела, и Россия повернет в обратную сторону, к новой «оттепели».

Есть, правда, и вторая гипотетическая возможность: что пресловутая цепь от чрезмерного натяжения наконец лопнет и разлетится на

звенья. В северной Евразии появится какое-то иное, конфедеративное государство, либо возникнет несколько новых независимых стран.

Тогда и можно будет дописать эту главу. Пока же – «продолжение следует».

ТРИНАДЦАТЬ ПРАВИТЕЛЕЙ

Портретная галерея

**ИВАН III,
или РАЦИОНАЛИСТ У ВЛАСТИ**

*Фантазийный портрет
из «Царского титулярника» (1672 г.)*

О личности самого важного человека российской истории, отца-основателя государства, мы знаем очень мало, поскольку мемуаров в ту эпоху на Руси не писали, а иностранцы заезжали в далекую страну нечасто. Не было и обычая писать портреты, в летописях государей рисовали весьма условно и явно не с натуры, без индивидуальных черт, так что все московские великие князья похожи как близнецы: длиннобородые, благообразные и иконописные.

Единственное короткое описание Ивана есть в записи побывавшего в Москве венецианца Амброджо Контарини, который видел великого князя, когда тому было 36 лет. «Он высок, но худощав, — лаконично пишет итальянец. — Вообще он очень красивый человек». Вот и всё. В летописях еще мелькает прозвище «Горбатый», из чего можно предположить, что великий князь сильно сутулился — на настоящий горб Контарини наверняка обратил бы внимание.

Мы много знаем о деяниях Ивана и почти ничего об их мотивах, однако в долгом, почти полувековом правлении этого государя прослеживаются паттерны, которые позволяют реконстру-

ировать характер и склад ума, увидеть за поступками живого человека.

Первое, что бросается в глаза – чрезвычайная осторожность. Первый российский историк Николай Карамзин, почтительный к монархам, пишет, что Иван «не любил дерзкой отважности», но современники великого князя, случалось, обвиняли его в трусости. В 1480 году, когда на Русь напали татары, он покинул свое войско и ретировался в столицу, где архиепископ Вассиан обозвал его «бегуном», коря: «Вся кровь христианская падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с татарами не поставивши и не бившись с ними; зачем боишься смерти?»

Вряд ли Иван был трусом – малодушные люди за великие начинания не берутся. По видимости он на всю жизнь усвоил урок, полученный в раннем детстве. В 1445 году, когда мальчику было семь лет, его отец Василий II во время одной из бесконечных стычек с татарами угодил в плен. А затем, выкупленный за огромные деньги, Василий проявил неосторожность еще раз – дал своему кузену и сопернику, тверскому князю, захватить себя врасплох. Был свергнут

с престола и ослеплен (выколол глаза на Руси считалось менее тяжким грехом, чем рецид). Впоследствии Василий вернул себе власть, но в историю вошел с прозвищем «Темный», а его сын потом всегда очень пекся о своей безопасности. Вывод, извлеченный Иваном из этих ранних переживаний и из трагического опыта его беспечного родителя, заключался в том, что государь должен всячески избегать личного риска.

Времени освоить науку власти у Ивана было достаточно. Слепой отец сделал его соправителем еще в девятилетнем возрасте и по мере взросления княжича доверял ему всё больше дел. В двенадцать лет подросток уже повел войско в поход. (Кажется, этот опыт ему не понравился – в зрелом возрасте он будет поручать боевые задачи полководцам). Тогда же Иван женился, что по понятием эпохи было равнозначно совершеннолетию. В общем, когда в двадцать два года (1462) после смерти родителя он начал княжить единолично, это был уже довольно опытный правитель.

Природная или, скорее, обретенная осторожность определила и наиболее характерную особенность ивановского модуса операнди – даль-

ную, методичную расчетливость. Он строил планы надолго вперед и никогда не спешил с их осуществлением. Во-первых, старался не решать две большие задачи одновременно, а во-вторых, двигался со ступеньки на ступеньку. Его правление можно разделить на три стратегических этапа. Первый – «новгородский», когда нужно было победить и присоединить самое большое из русских государств, Новгородскую купеческую республику. Этой цели он достиг в 1478 году, который можно считать моментом объединения Руси. Затем наступил «татарский» период – борьба за окончательное избавление от ордынской зависимости. (Исполнено в 1480 году – дата официального появления на карте суверенного русского государства). Третий этап, «литовский», продлился до конца Иванова правления (1505) и знаменовал собой поворот Москвы с востока на запад – начало процесса по присоединению старинных русских земель, оказавшихся под властью Великого княжества Литовского.

Всякий раз Иван применял одну и ту же методику, которую, напомним, в сталинские времена живописно назовут «тактика салями»; другое ее образное название «тактика удава». Он отрезал

по кусочку и душил неторопливо. Как он постепенно додавил Новгород, рассказано в первой главе, но и «татарскую проблему» великий князь решил точно так же.

Когда он в 1462 году взошел на престол, Москва была уже намного богаче и сильнее своих номинальных ордынских повелителей, однако Иван не торопился скинуть «ордынское иго». Формально еще целых 18 лет он оставался вассалом хана – по причине сугубо прагматической. Московские великие князья были уполномочены собирать со всех русских земель дань для татар и исправно ее выколачивали. Делал это и Иван III, просто оставлял все сборы себе. Объяви Москва независимость – она лишилась бы важного источника дохода. Но объединив большинство русских областей, которые отныне стали его собственной страной, великий князь и так получил возможность собирать подати в свою казну. «Татарский предлог» ему стал не нужен. Но и после присоединения новгородской половины Руси государь не торопился. Он дождался, чтобы в татарском лагере начались междоусобицы, и только тогда, в 1480 году,

окончательно порвал с Ордой, предварительно обезопасив тыл и фланги.

С политической расчетливостью и всепроникающей рациональностью напрямую была связана еще одна полезная для правителя черта, в высшей степени свойственная Ивану: эмоциональная холодность. Государь не гневался и не оскорблялся, а только изображал гнев и оскорбленность, когда ему это было зачем-то нужно. К жестокости он прибегал тоже по исключительно практическим соображениям – если требовалось подать сигнал или показательно кого-то покарать.

Примером имитации августейшей ярости был знаменитый эпизод 1483 года с «Верейским саженьем» (осыпанным драгоценностями украшением). Когда Иван решил, что пора присоединить очередное автономное княжество, Верейское, он обвинил молодого князя Верейского в том, что тот якобы обманом заполучил из московской казны пресловутое «саженъе», а это дорогая память по незабвенной усопшей супруге Ивана, которой оно когда-то принадлежало. После того как уstraшенный (ни в чем не виноватый) Василий Верейский бежал,

бросив свои владения, государь забрал их себе, и обида сразу прошла. Беглеца он простил, только княжество ему не вернул. А что касается незабвенной супруги, то к ней Иван, кажется, особенных чувств не испытывал, да и вообще давно уже состоял во втором браке.

Иван никогда не был просто семьянином — мужем, братом, отцом, дедом; в любой ситуации он оставался государем. Все силы души и вся страстность (если она у него вообще была) расходовались на властолюбие и собирание земель. Нет никаких упоминаний о фаворитках или каких-то личных пристрастиях монарха; с родственниками, даже самыми близкими, если требовала государственная необходимость, он обходился безо всякой жалости.

Одного своего брата, Андрея Углицкого, он заморил в темнице. Другой брат, Борис Волоцкий, избежал той же участи лишь по заступничеству церкви и до конца жизни дрожал от страха. Но больше всего впечатляет железная непреклонность, с которой стареющий Иван выбрал себе преемника. Кандидатов было два. После рано умершего старшего сына остался внук

Дмитрий. От второй супруги у государя был сын Василий.

Ивану было понятно, что соперничество между ними неизбежно и что нужно эту проблему решить заранее. Кем-то одним – или сыном, или внуком – придется пожертвовать. Сначала государь сделал выбор в пользу Дмитрия, а Василия много месяцев держал под стражей. Потом, взвесив все за и против, передумал. Сына выпустил, внука посадил. Лишь на смертном одре, после инсульта, Иван напоследок разжалобился и хотел помиловать юношу, но не успел. Так злосчастный Дмитрий и зачах в темнице.

Величие замыслов каким-то удивительным образом уживалось у Ивана с патологической мелочностью, впрочем довольно обычной спутницей расчетливости. Объединитель Руси был очень похож на объединителя Франции и своего современника Людовика XI – такой же скупец и скряга.

Выдавая иностранным послам положенную по протоколу провизию, государь требовал шкуру от съеденных баранов отдавать обратно. В 1504 году, когда в Москву явился посол императора Максимилиана с просьбой

прислать для охоты белых кречетов, которыми славилась Русь, Иван Васильевич пожадничал, хотя был очень заинтересован в хороших отношениях с Веной — дал только одного белого кречета и подсунул четырех красных, менее ценных, а посланника одарил такой плохой шубой, что тот даже обиделся.

Очень показательный документ – завещание великого князя, в котором он увлеченно делит свои несметные богатства, в конце доходя до сущих пустяков: кому-то завещает «сорок рублей с аполтиною и полчетверты денги», кому-то два ковша «по две гривенки», и так далее до бесконечности. Такая обстоятельность перед лицом смерти, пожалуй, даже вызывает почтение: управляющий вотчиной под названием «Русь» сдает хозяйство и заботится, чтобы оно поддерживалось в порядке.

И это, пожалуй, самая впечатляющая особенность первого российского правителя: он действовал так, словно мыслил не масштабами своей земной жизни, а интересами династии, которая будет властвовать и после него.

Некоторые его планы строились на десятилетия вперед. Например, условия для присоединения Псковской республики или Рязанского княжества были подготовлены Иваном, а свершились эти события уже при его сыне. Но были и замыслы, рассчитанные на совсем долгий срок.

О повороте политики с «востока на запад» я уже говорил. Но речь шла не только об объединении под скипетром Москвы всех старинных русских земель, а много шире – о гегемонии в православном мире, то есть о наследовании недавно (в 1453 году) погибшей Византийской империи, Второго Рима. При Иване зародилась концепция Руси как «Третьего Рима» – на том основании, что после падения Константинополя огонь истинного благочестия и «правильной веры» теперь переместился в Москву. Эта идеология просуществует века и впоследствии определит имперский формат российского государства.

Первые шаги были сделаны именно тогда, в XV столетии. Овдовев, Иван выбрал для второго брака византийскую принцессу Софью Палеолог и провозгласил себя преемником базилевсов. Всего через 12 лет после того, как Московия перестала быть татарским владением, была

заявлена претензия на имперский статус: «И ныне же, в последние сия лета, якоже и в первые, прослави Бог сродника Его, иже в православии просиявшего, благоверного и христолюбивого великого князя Ивана Василевича, государя и самодержца всея Руси, нового царя Константина новому граду Константина – Москве».

Вся сумма знаний о государственном строительстве, которой располагал Иван III, при этом была почерпнута не из византийского, а из татаро-монгольского опыта, ибо Москва уже два с лишним века существовала в азиатской ойкумене, и, называя себя «вторым Царьградом», новая страна скорее являлась «второй Золотой Ордой», сконструированной по заветам великого Чингисхана. (В будущем Россия будет стремиться достичь географических границ не византийской, а чингисхановской «океанической» империи – от Тихого океана до Атлантического).

Фундамент, возведенный Иваном III, оказался столь логичной и рациональной постройки, что переложить его заново до сих пор ни у кого не получается, хоть та логика и рациональность по меньшей мере лет триста как устарели.

ИВАН ГРОЗНЫЙ, или ПСИХОТИК У ВЛАСТИ

*Фрагмент картины И.Репина:
царь Иван убивает своего сына*

Главной проблемой государства, которое создал Иван III, являлся сам государь, поскольку всё зависит от решений, принимаемых одним человеком, а при династической передаче власти на троне может оказаться (и часто оказывался) субъект весьма неважных качеств.

История Ивана IV по прозвищу «Грозный» (1530–1584), внука основателя государства, являет собой ярчайший пример этой истины, даже два примера, ибо соединяет в себе оба типа правления: весьма эффективного в первой половине и катастрофического во второй, причем разительная метаморфоза произошла по причине сугубой личностной – на тридцать первом году царствования Иван перенес нервный срыв, после чего еще два с лишним десятилетия правил совершенно разрушительным образом, выказывая признаки явной ненормальности.

По поводу причин этого срыва высказывались разные предположения (об этом ниже), но корни психической аномальности несомненно следует искать в аномальном детстве Ивана. В трехлетнем возрасте он лишился отца, в семилетнем – матери, по слухам отравленной. Поначалу окруженный заботой и лаской, мальчик

вдруг оказался заброшенным, полностью одиноким. Страной правили, сменяя друг друга, боярские клики. Временщики не церемонились с ребенком — эти ранние обиды Иван запомнит на всю жизнь. Моменты показной благоговейности по отношению к номинальному государю (во время официальных церемоний) сменялись бесприютностью и полным пренебрежением. В тринадцать лет Иван внезапно проявил задатки будущей грозности: приказал своим слугам убить очередного временщика князя Андрея Шуйского, после чего жизнь подростка резко переменилась. Страной по-прежнему управляли бояре, но теперь они заискивали перед подростком, поощряли в каких угодно безобразиях, и происходило это в возрасте, когда юный человек начинает усваивать правила и ограничения взрослой жизни. Подросток Иван узнал, что для него ни правил, ни ограничений нет. Всё, что он ни пожелает, должно быть исполнено. Всё, что бы он ни натворил, похвально.

Бунт переходного возраста у мальчика-самодержца происходил не так, как у обычных тинейджеров. Сначала он бросал с дворцовой крыши кошек и собак, потом начал на улицах топтать

конями прохожих – придворные лишь восхищались его удалью. Первые расправы юного великого князя над людьми вызывали не ропот, а раболепный страх. По-видимому Иван был начисто лишен эмпатии, то есть ему и в голову не приходило ассоциировать чьи-то страдания с собственными переживаниями. Внутренне он так и останется жестоким ребенком, с любопытством отрывающим крылышки мухе и жадно наблюдающим, как визжит мучаемая кошка.

Впрочем по меркам той эпохи «ранний» Иван Грозный был не грознее других тогдашних монархов. От природы он был наделен живым, острым умом и обладал разнообразными талантами. Например, как это бывает с нервными и впечатлительными натурами, отличался музыкальностью: пел в церковном хоре и даже сочинял стихи. Это был человек начитанный, хорошо знавший Библию и историю, любивший блеснуть своей эрудицией. Уже в раннем возрасте он проявил себя прекрасным оратором, что для русских монархов редкость — самодержцы почитали излишним тратить красноречие на подданных.

Кроме того юный государь обладал очень ценным для монарха талантом выделять и

приближать толковых людей. Вокруг него собралась команда деятельных и даровитых соратников, так называемая «Избранная рада», при помощи которой великий князь на семнадцатом году жизни начал самостоятельно управлять страной. Знамение великих планов Ивана стало возложение на себя более высокого титула: царя, то есть цесаря. За пятнадцать лет (1547–1562) первый русский царь провел важные реформы, одержал громкие победы, раздвинул границы своего государства на востоке, юге и западе, заставив Западную Европу впервые обратить внимание на некую обширную и видимо могущественную страну, возникшую на месте прежней «Тартарии».

Но с начала 1560-х годов поведение царя меняется. Современники и некоторые историки объясняли перемену тяжелым потрясением: смертью царицы Анастасии – кажется, единственного человека, которого любил жестокосердный Иван. Он подверг опале своих соратников, сделался мнителен и болезненно подозрителен, замкнут, а 3 декабря 1564 года внезапно покинул столицу и переехал в монастырь, объявив, что не хочет царствовать в условиях, когда все

желают ему смерти. Два месяца царь отсутствовал, что совершенно парализовало государственную деятельность, а когда вернулся, приближенные его еле узнали. Изменилась даже внешность – у царя выпали все волосы на голове. Медицине известны случаи, когда в результате очень сильного стресса происходит тотальная психогенная алопеция – полное выпадение волос (даже бровей и ресниц) вследствие так называемого синдрома «каска неврастеника», приводящей к спазму мышц черепа и нарушениям микроциркуляции крови.

Впоследствии психиатры, пользуясь отрывочными и скудными сведениями о поведении Ивана во второй половине жизни, попытались составить диагноз его заболевания. Очевидно, это была какая-то форма паранойи с признаками биполярного расстройства. Автор одного из таких исследований психиатр П. Ковалевский пишет: «Его душевная болезнь выражалась в форме однопредметного помешательства (мономания, или паранойя), позволявшего ему одновременно и управлять государством, и совершать деяния, которым могут быть найдены объяснения только в его болезненном душевном состоянии... В

период ослабления бредовых идей параноик по-
коен, тих, исполнитель, более или менее обще-
телен и легко подчиняется требованиям обще-
ственной жизни; в период ожесточения бредовых
идей параноик выходит из своей тихой жизни и
пытается проявить в жизни тяготеющее над ним
влияние своих бредовых идей». У царя случались
резкие перепады настроений и состояний, при-
падки иступления, когда на губах выступала
пена. Он то предавался разврату и кощунствовал,
то иссушал плоть и монашествовал; то упивался
чудовищными казнями, то горько оплакивал
своих жертв. Сохранилось покаянное письмо, в
котором Иван называет себя «псом смердящим»
и признается: «Сам всегда в пьянстве, в блуде, в
прелюбодействе, во скверне, во убийстве, в граб-
лении, в хищении, в ненависти, во всяком злодей-
стве».

*Посетивший Московию английский дипломат
Джером Горсей рассказывает характерную ис-
торию о том, как в 1575 году на Руси случился
великий голод, и множество нищих устреми-
лись в города, где можно было получить пода-
яние. В Москве, которую заволокли бродяги,
было объявлено, чтобы все они шли за*

милостыней в Александровскую слободу, где тогда находилась царская резиденция. На зов явились несколько тысяч обездоленных, но царь велел их не кормить, а убивать, бросая трупы в озеро. Так истребили семьсот человек. Затем настроение Ивана внезапно изменилось. Бойня прекратилась, и всех уцелевших отправили на прокорм и излечение по монастырям.

Царя постоянно посещала мысль об «уходе из мира», принятии монашества, однако мешали властолюбие и страх, поэтому Иван пытался совместить царствование с иночеством. Он устроил в Александровской слободе подобие рыцарско-монашеского ордена, членами которого сделал триста самых доверенных опричников. Себя он именовал «игуменом». Когда на царя нападал очередной приступ набожности — а это происходило часто, — все должны были обрядиться в черные рясы и ночь напролет молиться. Пишут, что царь набивал себе шишки на лбу усердными земными поклонами.

Набожность сочеталась в молещике и начетчике Иване с крайним суеверием. Он верил

в приметы, в колдовство, в сглаз, в дурные предзнаменования.

Живший при дворе в 1560-е годы Альберт Шлихтинг сообщает, что царь приказывал убивать всякого, кто случайно оказывался на его дороге в начале какого-нибудь важного пути, считая это зловещим предзнаменованием. Однажды слуга не удержал на поводу породистого скакуна, и тот, порвав уздечку, пронесся мимо вышедшего из дворца Ивана. Тот приказал и коня, и слугу рассечь надвое и кинуть в болото.

Была и вовсе поразительная история с репрессированным слоном. Это экзотическое животное государю прислали в дар откуда-то с Востока вместе с дрессировщиком-арабом. Вскоре в Москве случился мор, и царь решил, что виноват в этом невиданный зверь. Слона и араба сначала отправили в ссылку, но затем Ивану этого показалось мало и он повелел обоих казнить. На счастье дрессировщика, тот успел умереть собственной смертью. Слон горевал, лежа на могиле своего единственного друга. Там животное и убили, а клыки

доставили государю в доказательство исполнения приказа.

Теперь царь был окружен не соратниками, а запуганными и покорными рабами, не смевшими ему ни в чем перечить. Дела у государства пошли вкривь и вкось.

Иван испортил отношения с теми соседями, с кем еще не воевал. Истошил казну и разорил подданных, истребил лучших полководцев, и войска стали терпеть поражения на всех фронтах, а крымская конница дошла до самой столицы русского государства. Был момент, когда отчаявшийся царь подумывал забрать казну и уплыть в далекую Англию.

Еще хуже обстояли дела внутри страны. Диковинный эксперимент с разделением страны на «Земщину» и «Опричнину» сопровождался массовыми казнями и всяческими зверствами, которые шли этапами – очевидно в соответствии с обострениями царского психоза. Таких волн было пять: в 1565 году, 1568, 1569, 1570-1571 и 1575-м.

Когда Опричнина царю надоела, он упразднил ее и устроил нечто еще более экзотичное: снял с себя государево звание и передал его

своему татарскому вассалу хану Саин-Булату, которого окрестили и нарекли Симеоном. Грозный держался при потешном «государе» с шутовской приниженностью, скромно сидел среди бояр, «бил челом», кланялся, но год спустя эта комедия ему надоела, и он вернулся на престол.

Не приходится удивляться тому, что и в делах семейных (которые у монархов являются важной частью государственной политики) жизнь Ивана тоже делилась на две контрастные половины. В первой он был любящим и заботливым супругом, вторая состояла сплошь из скандалов и преступлений.

Грозного иногда называют «русским Генрихом VIII», но у английского короля было только шесть жен, а в количестве браков русского царя историки несколько путаются. Чаще всего звучит цифра «восемь». Путаница происходит, во-первых, из-за того что православная церковь не позволяла жениться больше трех раз и «поздние» супруги Ивана считались не вполне легитимными, а во-вторых, некоторые браки получились очень короткими и странными. Засчитывать их или нет – непонятно. Похоронив после восьми лет брака вторую жену, черкесскую княжну Марию,

царь устроил нечто вроде всерусского конкурса красоты, победительницу назначил своей невестой, но та через несколько дней после свадьбы умерла – может быть, от страха, а может быть случилось что-нибудь ужасное, истории это неизвестно. Следующую жену, пожив с ней полгода, Иван заточил в монастырь. Супругу № 5 княжну Марию Долгорукую по слухам приказал утопить вместе с каретой. Шестой повезло больше – ее, как и четвертую, постригли в монахини. С седьмой, Василисой Мелентьевой, вышло совсем скандально. Она была замужем, но эту-то проблему опричники быстро решили, сделали красавицу вдовой. Царь с ней «имал молитву», то есть сочетался каким-то редуцированным церковным обрядом. Вскоре и эта жена куда-то делась, но куда – неизвестно. (В сведениях о матримониальной жизни Грозного довольно трудно провести черту между фактом и сплетнями). Исторически достоверна последняя царица Мария Нагая, которой выпала удача пережить страшного мужа.

Наличие той или иной супруги совершенно не мешало женатому Ивану свататься к иностранкам. Получив согласие, он всегда мог

быстро овдоветь, за этим бы дело не стало. Но ухаживания царя тоже носили черты некоторого безумия. То он требовал в супруги жену шведского короля Юхана, обещая взамен выгодные условия мира. То засылал сватов к английской королеве Елизавете. Та очень хотела торговать с Москвией, поэтому отказала с предельной церемонностью. Тогда Иван велел узнать, не найдется ли для него какой-нибудь свободной английской принцессы. В жертвы была намечена очень дальняя родственница королевы Мария Гастингс, но на ее счастье жених умер, и русско-английский брак не состоялся.

Отцом Иван был примерно таким же, как мужем. Трое его сыновей благополучно пережили опасный по тем временам младенческий возраст (смерть тогда забирала в среднем половину детей). Казалось бы, для продолжения династии достаточно. Но со старшим сыном и наследником, тоже Иваном, царь обходился очень сурово: дважды заставил разводиться, поскольку был недоволен невестками. Когда же молодой человек однажды попробовал отцу перечить, тот в истерическом припадке проломил ему голову. Вторым сыном,

Федор, был психически нездоров, но не буен, а тих и робок (что при таком родителе неудивительно). Младший сын Дмитрий родился с тяжелой формой эпилепсии и во время одного из приступов, согласно официальной версии, нанес сам себе смертельную рану. (А может быть, погиб от руки убийцы, подосланного Борисом Годуновым. А может быть, спасся и потом захватил царский престол). Российская история примечательна тем, что ее часто переписывали заново в угоду действующей власти. В любом случае Дмитрий Иванович долго на свете не прожил и династии не спас.

Это и есть главный результат биполярного царствования Ивана Грозного: на нем пресекалась династия Ивана III. (Слабоумный царь Федор, наследовавший Грозному, не в счет – он был куклой на престоле). Государственное здание, возведенное по проекту основателя, обладало высокой сейсмостойкостью – но только не от удара по главному своему стержню.

**ПЕТР I,
или ГИПЕРДИНАМИСТ У ВЛАСТИ**

Гравюра с прижизненного портрета

Это самый активный, деятельный и беспокойный из всех российских правителей. Всё его долгое царствование представляло собой сплошную лихорадочную гонку. Судорожный, непоследовательный, подчас нелепый сценарий петровских преобразований в значительной степени определялся субъективным фактором: каков был реформатор, таковы были и реформы.

Петр не давал передышки ни себе, ни своей стране, ни соседям. Он был гипердинамичен, то есть не мог долгое время пребывать без движения и в самом обычном, физическом смысле: вечно куда-то спешил, наскоро и неряшливо ел, при ходьбе быстро перебирал своими журавлиными ногами, так что свита сзади была вынуждена нестись вприпрыжку. Так же быстро он и ездил — гнал лошадей во весь дух, часто без остановок, даже спал в санях или в коляске.

Царь не мог находиться в роли пассивного зрителя, ему обязательно требовалось участвовать в любом действии. В 1717 году в Париже регент герцог Орлеанский как-то решил побаловать высокого русского гостя оперой — Петр очень скоро сбежал из зала, оставив всех в недоумении. При неразборчивом и жадном заимство-

вании каких угодно европейских новинок русское общество начала восемнадцатого века не пристрастилось к театру, потому что монарх не признавал развлечений, за которыми достаточно было просто наблюдать. Иное дело — самому участвовать в театрализованных шествиях и маскарадах или запускать фейерверки.

Иногда нетерпеливая порывистость Петра мешала осуществлению его замыслов. Так, в 1698 году, во время Великого посольства, главной целью которого были переговоры с Венским двором, с немалым трудом добившись личной встречи с императором, молодой москвит произвел на него весьма несерьезное и невыгодное впечатление — нарушив протокол, которому при церемонном австрийском дворе придавали большое значение, он бросился навстречу Леопольду I гигантскими шагами, а потом, совсем уже ошелобив придворных, выбежал в парк, сел в лодку и начал бешено работать веслами. Такое поведение не помогло русско-австрийским переговорам, и без того трудным.

Подданным этот непомерно долговязый человек (рост – 201 сантиметр) с крошечной головкой, выпученными глазами, дергающимся лицом и приступами неконтролируемой ярости внушал ужас. Им казалось, что царь одержим бесами.

Эту поведенческую конвульсивность (в том числе и буквальную – у царя случались судорожные припадки, а его лицо постоянно дергалось в тике) обычно объясняют травматическим потрясением, которое Петр перенес в десятилетнем возрасте, когда во время мятежа 1682 года стрельцы ворвались в Кремль и на глазах у мальчика растерзали несколько человек, причем жертвами насилия стали двое его близких родственников, дяди по матери. Однако ряд авторов на основе сохранившихся свидетельств предполагают, что причины были медицинскими. Петр мог страдать синдромом Туретта, серьезным расстройством нервной системы, сопровождаемым моторными тиками. Приступы этой болезни нередко стимулируются сильным эмоциональным переживанием — как это происходило с царем. Люди с синдромом Туретта гиперактивны, подвержены атакам бешеного гнева и склонны к обсессивно-компульсивному поведению. Еще

есть предположение, что тяжелая болезнь, от которой Петр чуть не умер зимой 1693–1694 года, была клещевым энцефалитом, повлекшим за собой осложнение в виде так называемой «кожевниковской эпилепсии». Для этой хронической болезни свойственны и судорожный симптом, и гемипарез (ослабление мышц одной половины тела, случавшееся с царем), и эмоционально-психические нарушения. У людей, страдающих этим видом эпилепсии, бывают периоды неконтролируемого веселья, сменяемые депрессией и страхами.

Несколько раз в драматические моменты царь проявлял постыдную трусость — или вел себя так, что были основания его в этом обвинять.

Накануне Нарвского поражения в ноябре 1700 года Петр бросил свою обреченную армию, да и позднее в Белоруссии дважды, имея превосходящие силы, поспешно скрылся от небольшой армии Карла XII, которого он очень боялся.

Вместе с тем царю случалось проявлять нешуточную, даже излишнюю отвагу. По меньшей

мере дважды он без трепета подставлял себя под пули: во время захвата двух шведских кораблей в мае 1703 года на Неве (это была первая, пусть скромная победа русских на воде) и в Полтавском сражении, где вражеские пули продырявили царю шляпу и седло.

Храбро он себя вел не только на поле брани, где решалось многое, но и в совершенно необязательных ситуациях. Собственно, одной из причин преждевременной смерти царя стала жестокая простуда, полученная поздней осенью 1724 года, когда Петр во время бури бросился в ледяную воду спасти гибнущее судно (если это, конечно, не красивая легенда).

Мало-мальски правдоподобный ответ на эту загадку душевного устройства государя дает только невропатология.

Гиперактивность, какими бы физиологическими или психологическими причинами она ни объяснялась, для правителя качество ценное. Особенно если такой же подвижностью обладает ум, а у Петра тело вечно не поспевало за стремительностью мысли. У этого человека беспрес-

танно возникали новые идеи, он ими загорался и немедленно приступал к их осуществлению. Но при этом, увлекаясь новой целью, он не охладевал к прежней, так что с годами поставленные задачи всё множились. Царь был упорен и упрям – иногда до абсурдности, но без этой петровской «упертости» ни одно начинание не было бы завершено. Одна из самых сильных, позитивных черт Петра состоит в том, что он никогда не опускал руки и не смирялся с неудачей. Наоборот, поражение словно удваивало его энергию.

Не менее ценным порождением огня, всю жизнь опалявшего эту беспокойную душу, была жадная любознательность. Она с одинаковым пылом расходовалась на важные предметы и на чепуху, но сама всеядная широта петровских интересов не может не восхищать.

Подростком Петр занимался лишь тем, что тешило его любопытство, а это в основном были всякие технические вещи: механизмы, инструменты и прочее. Поскольку иностранцы разбирались в этих премудростях лучше, чем русские, около юного царя все время находились иноземные мастера. С иностранцами ему было проще и интересней, чем со скучными, раболепными

подданными. Подросший Петр часто ездил в Кукуй, маленький европейский сэттльмент на краю Москвы. Иноземная слобода с ее геометрическими улочками, аккуратными домами и уютностью станет для Петра образом земного рая. Он попытается превратить в такой же регулярный парадиз всю свою косматую державу. Задача окажется неподъемной, Петр натворит много несуразностей и зверств, и если чего-то все-таки добьется, то не по части парадизности, а лишь по части регулирования.

Одним из симптомов «кожевниковской эпилепсии», которой возможно, страдал Петр, является склонность к чрезмерной детализации.

Фантастической масштабностью замыслов и в то же время фиксированностью на мелочах Петр превосходил даже Ивана III. Это проявлялось буквально во всем. Петру всегда мало было указать магистральное направление, он должен был составить пошаговую инструкцию, разметить каждый дюйм на обозначенном пути. Повелитель огромной страны, а впоследствии один из вершителей судеб Европы тратил бóльшую часть своего драгоценного времени на детализацию собственных указов, часто на совершенную

ерунду. Скрупулезное расписывание должностных обязанностей самых мелких чиновников, подробные указания, как кому одеваться, как стричь волосы, как бриться, в каких жить домах, как проводить свадьбы и как хоронить покойников, как торговать, какими серпами жать — вот основное времяпрепровождение «самодержавного властелина».

Петр относился к числу правителей, строивших государство не по принципу стимулирования частной инициативы, а по принципу строжайшего регламентирования — не слишком эффективная технология в условиях огромных просторов и плохих коммуникаций. Извечная российская беда — неорганизованность, безалаберность, неисполнительность — исторически объясняется непривычкой проявлять инициативу и думать своим умом; вечное государственное принуждение отбивало эти качества. Петр же пытался справиться с этой хронической болезнью, закручивая гайки еще туже. По психологическому типу он безусловно был «маньяком контроля». Вероятно, жажда контроля — вообще код для понимания механизма петровских поступков и реакций. Царь, кажется, чувствовал себя

уверенно и безопасно, только когда он контролировал всё и всех. Если же видел, что контроль утрачен, — впадал в судорожную ярость.

Петр не любил теоретизировать и рассуждать на идеологические темы, но яркое представление о его взглядах на методы государственного управления дает эпизод, рассказанный царским денщиком Нартовым.

«Государь, возвратясь из сената и видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее, а при том говорил: “Когда б послушны были в добре так упрямыцы, как послушна мне Лизета, тогда не гладил бы я их дубиною”».

К досаде Петра, русские были мало похожи на Лизету, и «гладить их дубиною» приходилось часто. В 1722 году царь издал несколько комичный указ, строго-настрого постановивший, чтобы «никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать против регламентов». Государю казалось, что достаточно издать правильное распоряжение – и люди переменятся.

При своей нетерпеливости, при незыблемой вере в силу принуждения Петр желал перекроить народ на «правильный лад» немедленно, сию же минуту. Достичь этого, по убеждению государя, можно было, заставив людей строить всю свою жизнь по указке начальства, по установленным властью детальнейшим правилам.

Петровской страсти к тотальному порядку, на первый взгляд, противоречили шокировавшие современников безобразия, которым предавался царь. Он создал нечто вроде карнавального клуба – Всешутейший и Всепьянейший Собор, пародию на православную церковь. Пьянствуя и развратничая, члены Собора глумились над церковными таинствами: венчанием, крещением, отпеванием, рукоположением в священство. В формуле осенения благодатью «Святой Дух» заменяли «Бахусом», шутовски искажали «Символ Веры», непристойно переиначивали слова Писания и так далее. Любого другого человека, который позволил бы себе подобные вещи, в те времена сожгли бы на костре. При этом известно, что Петр был человеком искренней веры: он много и истово молился, любил церковное

пение, сам пел на клиросе — и в то же время, кажется, получал особое удовольствие от кощунств. Историки пытались объяснить это раздражением против чрезмерного влияния патриархата, однако возможно всё объяснялось проще.

Когда Петр уставал от государственных дел, отдыхом для него становился временный отказ от всех правил и регламентаций, которым он придавал столько значения в повседневной жизни. А поскольку самой главной регламентацией являлись церковные запреты, им больше всего и доставалось.

Петр нагромождал планы друг на друга, от каких-то из них потом отказывался, какие-то лихорадочно корректировал, росчерком пера менял жизнь целых сословий, бестрепетно губил мегаломанскими, подчас нелепыми прожеками десятки тысяч людей. Подданные часто не понимали, чего царь добивается и зачем их терзает, однако за всей этой многосторонней, хаотической деятельностью просматривается некая система взглядов, твердое представление о правильном и неправильном.

Стержень и главная цель всех петровских начинаний — максимальное укрепление государства, сильно расшатавшегося на протяжении семнадцатого века. В тогдашних условиях государство могло быть сильным, лишь обладая мощной армией и флотом, развитой промышленностью, работоспособной бюрократической машиной, эффективной финансовой системой. Решить все эти задачи более или менее быстро можно было лишь применяя «ордынские» мобилизационные механизмы. Так, шаг за шагом, и восстановилось прежнее, изначальное государство с поправкой на требования эпохи.

Личные черты царя Петра отразились и в особенностях созданной им империи: размахистой, мечущейся из стороны в сторону — от завоевания к завоеванию, от одной гигантомании к другой. Достоевский писал, что русская литература вся «вышла из гоголевской шинели». Про российское государство можно сказать, что оно до сих пор не износило петровские ботфорты.

**ЕКАТЕРИНА II,
или РЕАЛИСТКА У ВЛАСТИ**

*Екатерина: всегда с милостивой улыбкой
Портрет И.-Б. Лампи*

В российской истории два монарха наречены «великими»: Петр Первый и Екатерина Вторая. Их методы управления и внутренние установки были не просто различны, но в определенном смысле противоположны.

Петр, если так возможно выразиться, пытался приспособить страну к особенностям своей натуры; Екатерина, наоборот, меняла себя, если чувствовала, что этого требует природа страны. Царица всегда и во всем была реалисткой. Устанавливала границы достижимого методом проб и ошибок и всякий раз отступалась, если видела, что хочет невозможного. По действиям императрицы можно было бы составить руководство для самодержавных властителей, обучая их, в каких ситуациях допустимо проявлять свою личность, а в каких нельзя. Таким образом, ее величие было совсем иного рода, чем у Петра, вечно действовавшего напролом, за что стране порой приходилось платить огромную цену. Екатерина же умела, промахнувшись, скорректировать прицел, никогда не бралась за неподъемные задачи. Если цель была достижима – добивалась своего; если нет – перенастраива-

лась. Весь ее жизненный маршрут состоял из перемены галсов – начиная с раннего возраста.

Российская императрица Елизавета хотела женить своего юного наследника Петра Федоровича на сестре нового прусского короля Фридриха II. Но, по выражению историка С. Соловьева, «Фридриху жаль было расходовать свою сестру на русских варваров», и взамен он предложил прислать в Петербург дочь одного из своих генералов, фюрста Ангальт-Цербстского. Елизавета согласилась взглянуть на захудалую принцессу, и София-Августа-Фредерика в сопровождении матери отправилась за тридевять земель на смотрины. Вот и всё, что сделала для четырнадцатилетней немки Фортуна. Дальнейшее – заслуга самой девушки. Она совершенно очаровала Елизавету, продемонстрировав уникальную способность адаптироваться к ситуации – главный свой талант. Путь к сердцу императрицы девочка нашла, выказав истовое желание сделаться русской. Она старательно учила язык и молитвы, а когда тяжело заболела и ее хотели причастить, попросила позвать православного священника, чем окончательно завоевала расположение чувствительной государыни.

Точно так же Екатерина (новое имя она получила после принятия православия) попыталась приручить своего юного инфантильного мужа, играя с ним в солдатики и потакая его чудачествам, но, поняв, что пары из них не получится, отказалась от «проекта семейного счастья» и заменила его другим проектом, политическим: стала обзаводиться сторонниками. К участию в заговоре молодую женщину тоже подтолкнули обстоятельства: она узнала, что муж собирается с ней развестись и потом не то посадить в крепость, не то упечь в монастырь. И поступила так, как требовала сложившаяся реальность.

Самую привлекательную черту Екатерины я бы назвал старинным словом «благонамеренность». Эта государыня искренне намеревалась творить благо, как его трактовали философы Века Просвещения, ее кумиры. Всем этим чудесным планам не было суждено осуществиться, что дает повод многим авторам обвинять императрицу в лицемерии, но причина заключалась в ином. Екатерина II была прежде всего реалисткой и всякую благонамеренную идею испытывала этим мерилom: семь раз отмеряла, а потом, бывало, и не отрезала. Осторожность, всегда полез-

ная в управлении государством, была для императрицы почти что идеей фикс. Это и понятно. Захватив власть посредством переворота, она долгое время чувствовала себя очень неуверенно. «Я должна соблюдать тысячу приличий и тысячу предосторожностей», — признавалась царица в частном письме. В первые год-два она почти ничего не предпринимала, заботясь только о том, чтобы попрочнее утвердиться на троне. Все время помня, что она — иностранка в не слишком расположенной к чужеземцам стране, Екатерина долгое время окружала себя только природными русскими, от вельмож до личных служанок. Весьма патриотичен всегда был и выбор любовников — упаси боже, никаких немцев. Лишь убедившись, что власть крепка и что оппозиции нет, Екатерина начала осуществлять свои «благие намерения» — до того осторожно, что в результате от них почти ничего не осталось. В своих записках она горько сетовала: «Недостаточно быть просвещенну, иметь наилучшие намерения и даже власть исполнить их». И была совершенно права: недостаточно.

Иногда ей приходилось из осторожности поступаться государственными интересами. Так,

опасаясь рассориться с духовенством, она отменила совершенно разумный указ Петра III о секуляризации церковных земель; страшась народного недовольства, побоялась бумажных денег, хотя эта мера очень оживила бы финансовую жизнь страны.

Однако эти отступления были временными. Убедившись в необходимости той или иной меры, Екатерина воплощала ее в реальность, когда чувствовала, что почва созрела. Так произошло и с секуляризацией, осуществленной полтора года спустя — уже не волей перекрещенной немки-царицы, а по решению особой комиссии, сплошь состоявшей из русских, истинно православных людей. И все прошло тихо. Еще четыре года спустя были пущены в обращение и бумажные ассигнации.

Но из великих светлых замыслов молодой императрицы в жизнь не воплотился ни один. Очень уж несветлой была российская реальность.

О том, как царица поэкспериментировала с народным представительством, было рассказано в основном тексте книги. Приведу еще два примера.

Интересны подробности екатерининских ползновений упразднить крепостное рабство. Императрица писала, что «противно христианской вере и справедливости делать невольниками людей (они все рождаются свободными)». И начала с весьма необычного, даже новаторского шага.

В 1765 году Вольное экономическое общество, созданное Екатериной для развития сельского хозяйства, затеяло международный конкурс на тему прав крестьянства. (Характерно, что устроителем была заявлена не высшая власть). Объявили солидную премию за лучший трактат, и в конкурсе приняли участие более 160 авторов, почти сплошь иностранцы, в том числе самые именитые — Вольтер и очень модный тогда писатель Жан-Франсуа Мармонтель, но золотую медаль получило рассуждение малоизвестного французского юриста Беарда де ль'Аббея. Автор писал, что хотя человеческое достоинство и государственная польза безусловно требуют освобождения крестьян и наделения их собственной землей, но поспешать с этим так же опасно, как спускать с цепи неприрученного

медведя. Прежде нужно воспитать рабов, постепенно приучить их к восприятию свободы, а на это потребно время.

Такая логика была Екатерине хорошо понятна. По-видимому, она пришла к тем же выводам. И отступилась. В тогдашней России отмена крепостничества неминуемо привела бы в лучшем случае к очередному перевороту, в худшем – к тотальному коллапсу. Весь государственный механизм империи держался только на дворянстве, а оно на утрату главного своего источника существования, крепостного труда, никогда не согласилось бы. Екатерина твердо для себя решила, что при ее жизни рабство отменено быть не может – и закрыла для себя эту тему.

Другим прогрессивным начинанием, которое императрица с большим сожалением отменила, был эксперимент с журналистикой – чем-то в прежней России совершенно невообразимым.

Следуя европейской моде, Екатерина пожелала завести и у себя в стране периодическую печать. Пример подала сама, начав выпускать журнал «Всякая всячина» – вроде бы анонимно, но особенным секретом ее участие не

являлось. Журнал называл себя сатирическим и обличал общественные пороки, впрочем, в основном сетуя на недостатки человеческой натуры, нежели на злоупотребления должностных лиц. Пример оказался заразительным. Немедленно возникло множество других изданий, уже самопроизвольно. Включился всегдашний алгоритм либеральной «оттепели». Вскоре некоторые журналы стали по-настоящему острыми, осмеливаясь критиковать российские суды и даже крепостное право. Екатерина не сразу поняла опасность этого явления и поначалу охотно включилась в новую игру – принялась под псевдонимом полемизировать с критиками. Те, делая вид, что не знают, с кем спорят, начали позволять себе дерзости. Лишь теперь Екатерина сообразила, что независимая пресса разрушает сакральность высшей власти, а это чревато потрясениями, и непочтительные журналы были закрыты.

В 1787 году, умудренная опытом, царица раздраженно пишет: «В одно и то же время хотят образовать третье сословие, развить иностранную торговлю, открыть всевозможные фабрики,

расширить земледелие, выпустить новые ассигнации, поднять цену бумаге, основать города, заселить пустыни, покрыть Черное море новым флотом, завоевать соседнюю страну, поработить другую и распространить свое влияние по всей Европе. Без сомнения, это значит предпринимать слишком многое». Правительнице приходилось определять приоритеты, руководствуясь прежде всего практичностью и осторожностью. За 34 года правления она совершила много великого, но не много «благого».

Впрочем ей принадлежит одна благая, хоть и совсем не демократическая новация, сильно изменившая стиль российского самодержавия. Начиная с Екатерины оно меняет свой «имидж» и инструменты стимулирования – применительно не ко всему населению, а к высшей его прослойке, дворянству, что было напрямую связано с переводом государства в «корпоративный» монархически-дворянский формат. И само это преобразование, и смена стиля тоже были продиктованы обстоятельствами, исходили из реалистичного представления о состоянии страны.

До Екатерины царская власть прежде всего внушала трепет и добивалась повиновения, пугая

непокорных и нерадивых карами. При Екатерине особа монарха стала восприниматься прежде всего как некое солнце, изливающее золотые лучи на всякого, кто удостоится августейшего внимания. Государыня была великодушна, милостива и щедра. Она награждала, возвышала и возносила — а карали при необходимости другие. Екатерина говорила, что мечтает вывести из употребления старинную русскую поговорку «Близ царя — близ смерти» и заменить ее другой: «Близ царицы — близ счастья». И это ей вполне удалось.

Поистине революционным для российской высшей власти стало открытие, что при управлении пряник много эффективнее кнута. Человек лучше работает не когда его запугивают, тем самым подавляя инициативность, а когда его поощряют. «Мое правило хвалить громко вслух и бранить тихо, на ушко», — говорила Екатерина, которая была незаурядным психологом.

Но были в биографии Екатерины совсем не благостные, черные страницы. Всё из той же приерженности реалиям политической необходимости императрица, если требовалось, не останавливалась и перед преступлениями. Ее

низложенный супруг Петр был убит если не по прямому приказу жены, то по ее молчаливому указанию: она назначила ему в тюремщики людей, которые твердо знали, чего от них ждет Екатерина, и выполнили ее желание. Другим кровавым преступлением стало убийство заточенного в крепость Ивана V, который успел процарствовать в пленках один год, прежде чем свергли его мать-регентшу. У тюремщиков, выбранных на свою должность за исполнительность, имелась высочайшая инструкция умертвить узника, если возникнет риск его освобождения. И они приказ выполнили, когда заговорщики попытались спасти юношу. Неблагостно выглядела и проведенная в 1774 году операция по похищению из Италии княжны Таракановой – самозванки, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы и заявлявшей права на российский престол. Девушку обманом заманили на корабль, увезли в Россию, и там она с подозрительной быстротой скончалась в темнице.

Разительная трансформация Екатерины в 1790-е годы, когда она из ученицы Вольтера и Дидро превратилась в архиреакционерку, тоже имела совершенно рациональные причины.

Изменилась реальность – изменилась и Екатерина. Ее привела в ужас и панику французская революция.

Путь, пройденный Екатериной, можно проиллюстрировать двумя цитатами.

Первая относится к 1760-м годам: «Свобода, душа всего, без тебя все мертво. Я хочу, чтобы повиновались законам, но не рабов. Я хочу общей цели делать счастливыми, но вовсе не своенравия, не чудачества и не тирании, которые с нею несовместимы».

Вторая — к 1790-м: «Столь великая империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней установлен был иной образ правления, чем деспотический, потому что только он один может с необходимой скоростью пособить в нуждах отдаленных губерний, всякая же иная форма парализует своей волокитой деятельность, дающую всему жизнь». Это классическое обоснование «ордынской» государственной модели. Великая просветительница превратилась в великую ханшу.

**АЛЕКСАНДР I,
или ИДЕАЛИСТ У ВЛАСТИ**

*Александр в романтическом возрасте.
Литография 1804 г.*

Сюжетно правление Александра I похоже на правление Екатерины: такое же либеральное начало и такой же реакционный финал, да и причины этой эволюции или скорее деградации остались прежними – сознание, что российское государство не готово к введению свобод. (Под конец царствования Александр станет думать, что оно с ними вообще несовместимо – и будет прав). Однако внутренний склад у Екатерины и ее внука был совершенно разный, что сказалось и на жизни России. Александр был не реалист, а идеалист, то есть не примерял идеи к реальности, а наоборот испытывал реальность идеями. И когда идея экзамена не выдерживала, у царя не просто менялись политические планы, а рушилось всё мировоззрение, после чего держава начинала двигаться в совсем другую, а то и в противоположную сторону.

Из-за резких смен курса современники считали Александра лицемером и лицедеем, но ошибались. Это был человек рефлексирующий и страдающий – в отличие от гедонистки Екатерины, сетовавшей на несовершенства мира, но не портившей себе ими настроение.

В семнадцать лет он страдал из-за того, что бабушка-императрица хочет сделать его своим наследником, и составлял прожекты бегства в Америку, где он и его юная жена будут «свободны и счастливы, и про нас больше не услышат». В девятнадцать лет писал: «Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого трудного поприща (я не могу еще положительно назначить срок сего отречения) поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и в изучении природы».

Но трон унаследовал отец, и вскоре, увидев, как скверно правит Павел, как он губит страну, Александр ощутил ответственность своего положения и захотел получить власть, чтобы (его собственное выражение) «сделать всё правильно».

Он поддерживал заговорщиков, но взял с них обещание, что царя они не тронут. Когда же узнал, что Павел убит, потерял сознание и потом некоторое время пребывал в ступоре. Страстность, с которой молодой царь кинулся в реформаторскую деятельность, видимо объяснялась еще и потрясением, чувством вины: Александр словно

пытался искупить свой страшный грех общественным служением.

Две последующие жизненные метаморфозы тоже были вызваны глубокими потрясениями, менявшими сначала самого царя, а затем и всю его политику.

Поражение при Аустерлице стало для 28-летнего императора личной катастрофой. Был нанесен чудовищный удар по его самолюбию. Александр считал себя выше и лучше предшественников, но никто из них на протяжении целого столетия не подвергался такому унижительному разгрому, не бежал с позором от неприятеля. Над русским царем потешались в Европе, на родине роптали. И во взглядах императора произошел кардинальный переворот, полная переоценка ценностей. Оказалось, что иметь сильную армию и сильное государство важнее, чем поощрять свободы и просвещенность! Александр разочаровывается в соратниках-мечтателях и начинает опираться на «практиков». Он и сам становится таким же: человеком дела.

Но в 1812 году он переживает еще одно потрясение, «нашествие двенадцати языков». Видит, что долгая подготовка к войне не спасла страну,

что армия пятится под натиском сильного врага, вот пала древняя священная столица, и Бонапарт разгуливает по Успенскому собору, в котором коронуют русских царей. Земные труды тщетны, уповать можно только на Бога, лишь Вера дает силу – таков вывод, к которому приводит Александра новая катастрофа. И он, воспитанный в духе «вольтерьянства», далекий от религии, начинает истово молить Бога о спасении России. «Пожар Москвы просветил мою душу, а суд Господень на снеговых полях наполнил мое сердце такой жаркой верой, какой я до сих пор никогда не испытывал... Теперь я познал Бога... Я понял и понимаю Его волю и Его законы. Во мне созрело и окрепло решение посвятить себя и свое царствование прославлению Его. С тех пор я стал другим человеком», – скажет Александр впоследствии.

Разгром Великой Армии царь воспринял, как ответ Господа на молитвы, как Божье Чудо, и всю оставшуюся жизнь провел в экзальтированно-мистическом состоянии.

Он не расставался с конвертом, где лежали листки с заветными молитвами, выискивал тайные послания в «Апокалипсисе» встречался с

«божьими людьми» разных конфессий. В Силезии государь умилялся благости братьев-гернгутеров, в Бадене благоговейно внимал теософу Иоганну Штиллингу, во время посещения Англии сблизился с квакерами. Повсюду он искал озарения, ждал неких мистических сигналов.

И однажды такой знак явился. Летом 1815 года на немецком постоялом дворе царь по своей привычке перед сном читал «Откровение Иоанна Богослова», дошел до места, где говорится «И знамение велие явися на небеси: жена, облеченна в солнце, и луна под ногами ея, и на главе ея венец» — в этот миг ему доложили, что явилась и просит аудиенции баронесса Криденер, известная европейская прорицательница. Потрясенный Александр принял ее как посланницу Господа.

Экзальтированная баронесса толковала Евангелие на собственный манер, излучала святость, изрекала вдохновенные пророчества — одним словом, произвела на царя огромное впечатление. Эта пятидесятилетняя дама по видимому обладала незаурядным обаянием и даром внушения. На некоторое время импера-

тор стал с ней неразлучен. Находясь в Париже, он поселил ее по соседству и доверял ей свои сокровенные мысли.

Это увлечение Александра сыграло важную роль в европейской истории. Идея Священного Союза зародилась у царя под влиянием возвышенных бесед с баронессой, убеждавшей императора, что он избран Богом для спасения Европы от тлетворной революционной заразы.

Собственной державе за мистические увлечения самодержца пришлось расплачиваться еще горше, чем Европе. Не только «эпохой Затемнения», от которой пострадала лишь образованная часть общества: педагоги с учащимися, издатели с читателями; не только сгущением атмосферы всепроникающего начетничества и ханжества – но и народными страданиями.

История человечества вся вымощена благими намерениями, заводившими в ад, а иные носители высоких идей погубили больше народу, чем отъявленные злодеи – в российской истории такое случалось неоднократно. Даже Иван Грозный, зверствуя, был уверен, что губит лишь смертную плоть подданных, зато спасает их души.

В последний период царствования Александр увлекся новой идеей: устройством военных поселений. В мирное время жители должны были возделывать поля, живя все вместе, по-полковому, но при этом имея собственные семьи и ведя свое хозяйство, а в случае войны пополнить ряды обычной армии.

В поселенцы целыми полками записывали солдат, но из этих людей, в юности оторванных от крестьянского труда, получались неважные работники. Тогда стали делать наоборот: превращать жителей определенной местности в солдат. Детей, как и отцов, одели в форму, стали готовить и к военной службе, и к крестьянским занятиям.

На практическом уровне цель была – сократить расходы на армию и занять большое количество здоровых и праздных мужчин (солдат) полезным трудом. На уровне идеологическом – явить стране все выгоды дисциплинированной жизни под управлением мудрого начальства. Если в России лучше всего устроена и содержится армия, так не распространить ли принципы военной дисциплины и всеобъемлющей организованности шире?

Предполагалось, что в результате реформы возникнет обширное военно-крестьянское сословие – вроде казачьего, только гораздо более послушное. Оно-то и станет костью новой России. Ну а кроме того армия будет сама себя кормить, перестанет отягощать государственный бюджет.

С 1817 года началось массовое строительство военных поселений, и к концу александровского царствования в них обитало уже более полумиллиона человек (треть из них – солдаты действительной службы). Впоследствии население военных колоний возрастет до 800 тысяч.

На бумаге это выглядело очень убедительно, да и на вид неплохо. Все деревни строились по утвержденному плану: геометрические кварталы, стандартные дома, плацы, хозяйственные постройки, шоссейные дороги, правильно размежеванные поля, обязательно церковь, больница, школа, гауптвахта. Потрачено на всё это было не менее 100 миллионов рублей.

Изнутри, однако, всё было необразцово.

На бедных поселенцев легла двойная нагрузка: надо было и тянуть солдатскую лямку, и производить тяжелые работы – не только крестьянские, а любые, какие прикажет начальство.

Людей изводили мелочной опекой, у них не было совсем никакой частной жизни.

В военных поселениях были часты самоубийства. Множество раз колонисты писали жалобы царю о невыносимости своей жизни. Ропот и недовольство не прекращались, временами перерастая в бунт. Счет подобных инцидентов шел на тысячи. А поскольку люди это были военные, имевшие доступ к оружию, подавлять такие восстания было непросто. Иногда даже приходилось использовать артиллерию. В 1819 году произошло большое восстание на Харьковщине. Понадобилось две дивизии, чтобы с ним справиться. 29 бунтовщиков были засечены насмерть, многих искалечили шпицрутенами и отправили на каторгу.

По сути дела Александр попытался осуществить утопию: задумал построить нечто вроде земного рая – но не либерального, а государственнического. Разочаровавшись в благе свободы, он уверовал в спасительность Идеального Порядка. Как всегда бывает с тоталитарными утопиями, вместо земного рая получился земной ад. Впоследствии это уродливое (да к тому же

еще и нерентабельное) порождение царской фантазии ко всеобщему облегчению упразднят.

Временами у разочаровавшегося в идеалах юности императора случалось нечто вроде фантомных болей.

В 1818 году он тайно поручил нескольким доверенным лицам составить план отмены крепостного права. Результаты этой работы не были преданы гласности, а приступ царской ностальгии по свободе, равенству и братству скоро прошел.

Другим «рецидивным спазмом» было внезапное поручение составить не более и не менее как проект конституции. Задание было дано одному из бывших членов Негласного Комитета – Николаю Новосильцеву. Тот охотно взялся за работу, и появился удивительный документ «Государственная уставная грамота», рисовавший план какой-то совсем другой России. Она делилась на десять «наместничеств» (сейчас сказали бы «субъектов федерации») с автономным управлением в виде собственных парламентов-сеймов. Высшим законодательным органом должен был стать Государственный Сейм с двумя палатами.

Исполнительная власть отделялась от представительной и судебной. Гарантировались свобода печати и неприкосновенность личности. Одним словом, это была Россия, о которой и двести лет спустя остается только мечтать.

Должно быть, государь прочитал этот чудесный документ с ностальгическим вздохом, а Новосильцев с удовольствием вспомнил молодость, но всерьез никто осуществлять эту программу, конечно, не пытался. Она начисто разрушила бы основу «ордынского» государства. Вместо этого Александр усугубил строгости, а Новосильцев, отправленный искоренять крамолу в Царстве Польском, проявил себя там отъявленным врагом всяких вольностей.

На самом последнем отрезке жизни императором овладело странное беспокойство. Он всё метался из конца в конец своего обширного царства, будто наконец решил изучить его получше. В 1824 году добрался до Северного Кавказа, оренбургских степей и Урала. В 1825 году проследовал через Украину и Крым до Таганрога, где жестоко простудился и 19 ноября скончался. Незадолго до смерти в частном разговоре создатель

Священного Союза и военных поселений сказал: «А все-таки, что бы ни говорили обо мне, я жил и умру республиканцем». Идеалиста могила исправит.

Впрочем, существует маловероятная, но не полностью разоблаченная версия, что в Таганроге сорокавосемилетний император не умер, а скрылся, и в гроб положили похожего на него солдата. Колоритную версию подпитывало и то, что вскоре после царя точно так же, вдали от свидетелей, скончалась его жена Елизавета. Кто знает, не исполнили ли они свое юношеское намерение «поселиться на берегах Рейна» или уплыть в Америку. Вряд ли конечно. Но вдруг?

НИКОЛАЙ I, или ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ У ВЛАСТИ

Николай I: знаменитый «взгляд василиска»

Николай Павлович родился в 1796 году, то есть был почти на двадцать лет младше своего брата и предшественника Александра I. Воспитывали его совершенно иначе – не на французский лад, а на немецкий. У его матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны представления о педагогике были старомодными. Сначала ребенка доверили попечению ласковых, заботливых женщин, а потом передали в руки сурового воспитателя-мужчины. Этот перепад, несомненно травматический для четырехлетнего мальчика, вероятно, сформировал у Николая убеждение, что «женский» и «мужской» миры должны существовать по разным правилам. В частной жизни Николай будет мягок и сердечен, в государственной – жёсток и холоден. Главное влияние на формирование личности великого князя оказал его наставник генерал Ламсдорф, состоявший при юноше целых 17 лет. Это был человек грубый и жестокий, превыше всего ставивший порядок. Николая учили не столько наукам, сколько дисциплине, повиновению, фрунту. Сам царь потом вспоминал: «Меня часто, и я думаю не без причины, обвиняли в лени и рассеянности, и нередко граф Ламсдорф

меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков». Мальчика ставили в угол на колени. За тяжкие провинности могли и отлупить железным шомполом. Конечно, нельзя всё в человеке объяснять его ранним опытом, но факт остается фактом: Александра Павловича в детстве не пороли — и, взойдя на престол, он отменил телесные наказания (по крайней мере для дворянства); Николая Павловича нещадно били — и он превратился в Николая Палкина.

С детства он обожал мундир и военные упражнения, это доходило до obsessions. В конце концов мать даже обеспокоилась односторонностью в образовании юноши и попыталась приобщить его к гражданским наукам, но было уже поздно. Николай так навсегда и останется солдафоном. Один из современников вспоминает: «Необыкновенные знания великого князя по фрунтовой части нас изумили: иногда, стоя на поле, он брал в руки ружье и совершал ружейные приемы так хорошо, что вряд ли лучший ефрейтор мог с ним равняться; к тому же показывал барабанщикам, как им надлежит бить».

К гуманитарным знаниям великий князь относился пренебрежительно, а из наук точных

охотно занимался лишь математикой, ибо увлекался военно-инженерным делом. Впоследствии, познакомившись с великим самодержцем, английская королева Виктория с разочарованием напишет: «Очень умным я его не нахожу, а мысль его не просвещенна; образованием его пренебрегали» («Very clever I do not find him, and his mind is uncivilised; his education has been neglected»).

Когда юного Николая отправили в ознакомительное путешествие по Европе, в России очень волновались, не заразится ли он духом английских свобод. Его предостерегала мать: Англия – «страна, достойнейшая внимания», но увлекаться ею не следует. Министр иностранных дел граф Нессельроде составил специальное разъяснение, в котором говорилось, что всякая попытка пересадить «английское своеобразие» на другую почву опасна. Беспокоились зря. В Англии молодой человек интересовался чем угодно, но не конституционным устройством, а непочтительность тамошнего народа к монархии вызвала у Николая живейшее осуждение.

В 1825 году на плечи этого «фрунтовика» (так называли энтузиастов шагистики) внезапно свалилось огромное бремя самодержавной власти,

и управлять страной он стал так же, как командовал строем солдат. Направление, в котором замарширует Россия, определилось шоком, испытанным Николаем в момент вступления на престол.

Если зигзаги политики Александра I были определены тремя потрясениями: убийством отца, аустерлицким позором и победой над Наполеоном, то у Николая I подобное переживание случилось только однажды, во время декабристского путча, и пережитый в тот день ужас определил стиль всего царствования. Из собственноручных записок императора известно, как он растерялся 14 декабря. Смертельная опасность, которой Николай подвергся в тот день, испытанные им страх и унижение уверили молодого самодержца в мысли, что самое страшное для государства — выпустить ситуацию из-под контроля. Рецепт царю виделся только один: сдерживать разрушительный Хаос при помощи неукоснительного Порядка. Любые изменения, не придуманные и не санкционированные высшей властью, вредны, а то и губительны. Николай будет отличать только людей военных, а к «статским» относиться к презрением — даже запретит

дворянам-неофицерам отращивать усы. Все министры, в том числе руководящие сугубо гражданскими ведомствами, у императора будут генералами – вплоть до главы Святейшего Синода. Мемуаристка фрейлина Анна Тютчева, близко наблюдавшая Николая, пишет: «Повсюду вокруг него в Европе под веянием новых идей зарождался новый мир, но этот мир индивидуальной свободы и свободного индивидуализма представлялся ему во всех своих проявлениях лишь преступной и чудовищной ересью, которую он был призван побороть, подавить, искоренить во что бы то ни стало, и он преследовал её не только без угрызения совести, но со спокойным и пламенным сознанием исполнения долга... Николай I был дон Кихотом самодержавия, дон Кихотом грозным и своенравным, потому что обладал всемогуществом, позволявшим ему подчинять всё своей фантастической и устарелой теории и попирая ногами самые законные стремления и права своего века».

По своим убеждениям Николай был классическим, беспримесным «государственником», то есть приверженцем концепции, по которой смыслом существования России является госу-

дарство — как сверхидея и наивысшая ценность. Все обязаны дисциплинированно и беззаветно служить государству, никто не смеет покушаться на его авторитет и «раскачивать лодку».

Любовь к порядку сама по себе весьма похвальна, но до тех пор, пока она не начинает препятствовать естественному развитию жизни, очень часто совсем не упорядоченному. Мания тотальной организованности в фатально неорганизованной стране — камень, о который споткнулся еще Петр Великий, такой же фанатик контроля, как и Николай. Заставить всех шагать строем, единообразно действовать и мыслить не удалось ни тому, ни другому. Но Петр был открыт новизне и эксперименту, Николай же в любой нестандартности усматривал угрозу.

Другой современник, романист Николай Лесков, человек весьма нелиберальных взглядов, пишет: «...Всё сколько-нибудь и в каком-нибудь отношении „особенное“ тогда не нравилось и казалось подозрительным, или во всяком случае особенность не располагала к доверию и даже внушала беспокойство. Желательны были люди „стереотипного издания“, которые походили бы один на другого, „как одноформенные пуговицы“».

В военизированной иерархии есть только одна фигура, принимающая решения и отдающая приказы – командующий. Поэтому ключевая особенность николаевской системы – *личное управление*. Но в девятнадцатом веке эффективно править огромной страной в «армейском режиме» было уже совершенно невозможно. Этот классический «ордынский» принцип мешал нормальному функционированию государственной машины. Если так можно выразиться, система была плохо систематизирована. В ней преобладал не любимый Николаем порядок, а волюнтаризм, от него же самого и исходивший. Если Российская империя и была армией, то очень странной – командующий руководил ею помимо штаба и часто вмешивался в действия мелких подразделений поверх голов непосредственных начальников.

Коррупция, неременный побочный эффект контроля только «сверху», да еще контроля столь бессистемного, приняла в николаевской империи всепроникающий характер. Царь считал это неизбежным злом и однажды сказал цесаревичу: «Во всей России не ворует только мы двое».

Николай пытался (довольно комично) даже ввести «порядок в беспорядок», учредив подобие иерархии и в коррупции. Уголовное уложение 1845 года установило нечто вроде шкалы простительных и непростительных злоупотреблений.

Получение подарков и всякого рода «борзых щенков» классифицировалось как мздоимство, которое, конечно, осуждалось, но строго не каралось. Виновный платил штраф и обычно оставался на своем месте.

Но если ради мзды чиновник злоупотреблял своими должностными обязанностями, это было уже лихоимство, и тут дело пахло арестом.

Еще строже котиrowалось вымогательство, за что могли лишить чинов с дворянством и посадить в тюрьму на срок до 6 лет.

Вымогательство с отягчающими обстоятельствами (например, в особо крупных размерах или с тяжелыми последствиями) при обвинительном приговоре заканчивалось каторгой.

Снисходительное отношение к «мздоимству» превращало низовую коррупцию в полуразрешенный промысел.

Самым вредоносным недостатком императора было то, что любую проблему он должен был непременно решать сам. В 1826 году, едва взойдя на престол, Николай объявил в одной из своих резолюций: во всех делах империи должно руководствоваться «моей весьма точной волей» и запретил кому-либо действовать «не в указанном мною направлении». То же царь изрекает и двадцать с лишним лет спустя: «Не ясно ли то, что там, где более не повелевают, а позволяют рассуждать вместо повиновения, там дисциплины более не существует... Отсюда происходит беспорядок во мнениях, противоречие с прошедшим, нерешительность насчет настоящего и совершенное незнание и недоумение насчет неизвестного, непонятного и, скажем правду, невозможного будущего». Поскольку в армейской службе главным достоинством считается исполнительность, точное выполнение полученного приказа, Николай превыше всего ценил это качество во всех своих помощниках. Ему принадлежит знаменитая фраза: «Я не имею ни малейшей

нужды в гениях, лишь в исполнителях». Гениев вокруг него и не было.

Запрещая подданным «рассуждать», Николай оставлял это право только за самим собой, то есть взваливал на себя ношу, с которой никак не мог справиться. Он все время, каждую осень, совершал поездки по стране, чтобы давать личные указания; обо всем составлял поверхностное, часто неверное представление, за чем обычно следовало безапелляционное изъяснение «очень точной воли», которой никто не смел противиться.

Конечно же, находиться на подобных позициях в разгар промышленной революции, научных открытий и социальных сдвигов мог только человек глубоко верующий. Царь никогда не пропускал воскресную службу, пел в церковном хоре, и это было не данью традициям, не демонстрацией. В основе всех действий Николая, по видимому, лежало мистическое чувство — уверенность в неких особенных отношениях с Господом. Живое воплощение российской государственности — помазанник Божий, самодержец. Он подотчетен лишь Богу, Ему единому и ответит, если в чем-то неправ.

Эта психологическая аномалия, своего рода профессиональное заболевание диктаторов, давала стержень всему характеру Николая, от природы не такому уж сильному. Император усердно и небезуспешно изображал из себя сверхчеловека, ходячую бронзовую статую, испепелял подчиненных грозным «взглядом василиска», но внутренне был еще ранимее и неувереннее, чем вечно рефлексирующий Александр. В раннем детстве Николай был застенчив, впечатлителен, до трусости робок. Пугался грозы, фейерверков, пальбы. Военные учения избавили его от страха перед шумом, но нервность никуда не делась. Грозный самодержец страдал клаустрофобией и высотобоязнью, был чрезвычайно мнителен, подвержен ипохондрии. В 1836 году после дорожного происшествия (выпал из коляски) несколько недель находился во взвинченном состоянии; год спустя, после пожара в Зимнем дворце, стал пугаться дыма и огня.

Нервное расстройство и депрессия вследствие военных поражений Крымской войны стали одной из причин смерти государя. Уныние, упадок душевных сил, ощущение, что Бог отвернулся от Своего избранника, свели Николая

в преждевременную могилу. Он слег от обычной простуды и не поднялся. В последние месяцы жизни император был так удручен, что после его кончины поползли слухи о самоубийстве, и многие верили.

Умирая, Николай, до последнего мига солдат фон, виновато сказал своему наследнику: «Сдаю тебе мою команду, к сожалению, не в том порядке, как желал».

**АЛЕКСАНДР II,
или ФЛЕГМАТИК У ВЛАСТИ**

Первый правитель фотоэпохи.

Обычно реформаторы – люди активные, полные идей. Но самый главный реформатор Российской империи представлял собой нечто абсолютно противоположное. По своим личным качествам Александр II вообще мало интересен, однако в историческом смысле это довольно необычный тип правителя-флегматика, который не имел никакой идейной повестки, не придерживался какой-либо системы взглядов, государственными делами занимался без большой охоты, исключительно из чувства долга, – и всё же совершил много выдающихся деяний.

Это был человек, прежде всего увлеченный заботами частными: семейными и любовными; царские обязанности его тяготили. Однако он искренне пытался понять, в чем именно нуждается его страна, и соответствовать запросам времени. А кроме того, Александр был гуманен. Воспитанием цесаревича руководил благонамеренный поэт Василий Жуковский, считавший главной задачей педагогики настраивание «нравственного компаса».

Оказалось, что двух этих факторов достаточно, чтобы произвести в стране если не социально-политическую, то ментальную револю-

цию – а при Александре II произошло именно это: духовная и идейная энергия перетекла от самодержавного государства к Обществу.

Перипетии интимной жизни императора сами по себе тривиальны и не заслуживали бы места в кратком обзоре российской истории, но они дают ключ к характеру Александра Николаевича. Он рано охладел к жене, Марии Гессен-Дармштадтской, на которой женился очень молодым. Со своим «нравственным компасом» на интрижки не разменивался. Долгие годы у него была постоянная связь с Екатериной Долгорукой, родившей ему троих детей. Когда императрица умерла, Александр узаконил отношения с любимой женщиной, вступив с ней в морганатический брак. Для русского царя это был акт, потребовавший изрядного мужества. Почти все августейшее семейство, включая наследника, восприняли этот поступок как афронт, и последние годы жизни Александра были сильно омрачены враждебностью со стороны родственников. Больше всего их возмутило, что царь даже не выдержал положенный срок траура и вдовел всего один месяц. Но в это время (1880 год) на Александра вели охоту террористы, и он хотел обеспечить

матери своих детей прочное будущее. Как показали дальнейшие события, царь поступил правильно. Времени у него оставалось немного.

В главнейших государственных решениях Александр проявлял точно такую же твердость: когда речь шла о делах по-настоящему важных, он не отступался и шел до конца. Это его качество проявилось в вопросе неизмеримо более важном, чем устройство личного счастья, – в осуществлении великой реформы 1861 года, провести которую в помещичьей стране было невероятно трудно и, если бы не упорство самодержца, «эмансипации» бы не произошло.

Описывая личность самого выдающегося реформатора российской дореволюционной истории, испытываешь некоторое разочарование. Личности как таковой почти не просматривается.

В 1837 году, совершая ознакомительную поездку по стране, Александр повидался с сосланным в Вятку молодым Александром Герценом, острым и наблюдательным мемуаристом. Герцен вспоминает: «Вид наследника не выражал той узкой строгости, той холодной, беспощадной жестокости, как вид его отца; черты его скорее

показывали добродушие и вялость. Ему было около двадцати лет, но он уже начинал толстеть. Несколько слов, которые он сказал мне, были ласковы, без хриплого, отрывистого тона Константина Павловича [дяди], без отцовской привычки испугать слушающего до обморока». Таким этот человек, по-видимому, и был: превосходно воспитанным, мягким — и только. Правовед Б. Чичерин (один из учителей юного Александра) описывает его так: «Добрый по природе, он был мягок в личных отношениях; он, не доверяя себе, не доверял и другим; он скрытничал, лукавил, старался уравнивать различные направления, держа между ними весы, но делал это так, что каждое парализовалось в своих действиях и не чувствовало под собой твердой почвы». Никто из современников не поминает глубокий ум, дальновидность, энергию, какие-либо таланты императора.

Пока властный Николай был жив, сын совершенно находился в тени отца, подавленный его волей, мощью характера и силой личности. В 1855 году, после неожиданной смерти родителя, в разгар тяжелой войны, Александр вдруг оказался правителем расшатавшейся империи,

совершенно не зная, как выходить из кризиса. «Не одаренный от природы ни сильным умом, ни крепкой волей, не получив даже воспитания, способного дать ему руководящие нити среди тех шатких условий, в которые он был поставлен, он призван был исполнить одну из труднейших задач, какие могут представиться самодержавному правителю», – пишет Б. Чичерин.

Всю четверть века царствования Александр будет придерживаться одной и той же флегматичной стратегии, которую можно было бы назвать «реактивной»: он не создавал ситуации, а реагировал на них, причем как правило замедленно.

Уже проигранную (это было ясно) войну царь продолжает еще целый год, будто оттягивая неизбежное. Потом так же неспешно проникается идеей, что без коренных реформ никак не обойтись. Ему говорят и пишут об этом со всех сторон: и государственные мужи, и либералы, и члены царской семьи. Министр внутренних дел С. Ланской представляет царю доклад о тяжелом положении страны. Государь делает сдержанную приписку: «Читал с большим любопытством и благодарю в особенности за откровенное изложение

всех недостатков, которые, с Божиею помощью и при общем усердии, надеюсь, с каждым годом будут исправляться».

Одним словом, этот правитель всегда запрягал медленно, да и ехал потом небыстро. При осуществлении «революции сверху» это очень опасно – прежде всего для ее инициатора. Когда нетерпение радикалов вылилось в «охоту на царя» и начались покушения, государственная политика приняла странный вид медленных либеральных подъемов и резких реакционных спадов, что в точности соответствовало внутреннему устройству самодержца. Он то постепенно поддавался уговорам либеральных министров и начинал двигаться влево, то получал встряску в виде очередного покушения, пугался и шараялся вправо. Такое повторялось по меньшей мере трижды. Либералы взывали к разуму и «нравственному компасу», государственники – к инстинкту самосохранения (не только личного, но и державного). Царь постоянно находился под влиянием то тех, то других. Наконец нашелся ловкий стратег Лорис-Меликов, получивший прозвище «бархатный диктатор»: он виртуозно соединил либеральную политику по отношению

к Обществу с курсом «твердой руки» по отношению к революционерам, а кроме того еще и завоевал благодарность императора, поддержав его морганатический брак.

Если бы Александр не размышлял так долго над «конституционным проектом» Лорис-Меликова, общественное напряжение спало бы и Россия пошла бы по другому, менее драматичному пути. Граф предлагал создать нечто вроде предпарламента, который оставил бы все властные рычаги в руках царя, но выпустил бы весь накопившийся пар «в свисток» – и волки были бы сыты, и овцы целы. Но царь поставил свою подпись под указом лишь 1 марта 1881 года, когда террористы уже вышли на боевые позиции.

Смерть Александра II выглядит символично. Взорвали царя на глазах у толпы, но умереть «на миру» он не захотел. Прежде чем потерять сознание, он выразил последнее желание: «Несите меня во дворец... Там... умереть». И скончался за закрытыми дверями, в кругу самых близких людей, приватно.

В холерические времена судьба правителя-флегматика обычно бывает трагичной.

**НИКОЛАЙ II,
или ФАТАЛИСТ У ВЛАСТИ**

Последний император

Очень многие пытались дать характеристику этому исторически важному персонажу. Советские авторы обычно рисовали его злодеем, «Николаем Кровавым», авторы-эмигранты – страстотерпцем и мучеником. Православная церковь путинской эпохи, ностальгирующей по царским временам, и вовсе причислила последнего императора к лику святых. Но Николай Александрович не был ни кровавым, ни святым. От этого исторического деятеля остается странное ощущение, что *он вообще никаким не был*. Подобно воде, он был лишен цвета, вкуса и запаха. Он принимал форму сосуда, в который его «наливал» исторический момент. Можно сказать и так: он просто плыл по волнам, куда подует ветер, и надеялся, что как-нибудь оно обойдется.

Лучше всего эту личность, на мой взгляд, разъяснил не ученый муж, а один из придворных, князь Николай Оболенский: «Государь по натуре индифферент-оптимист. Такие лица ощущают чувство страха, только когда гроза перед глазами, и, как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит». Именно это качество — фаталистская вера в то, что всё как-нибудь устроится, что Господь придет на помощь

Своему помазаннику и спасет его, – дает ключ к пониманию многих поступков правителя. Министров подобный ни на чем не основанный оптимизм бесил, историков приводил в недоумение, на самом же деле это была совершенно естественная и, пожалуй, психологически единственно возможная защитная реакция абсолютно ординарного человека на ту исключительную ситуацию, в которую поставила его судьба. Когда ум не в состоянии справиться с объемом и сложностью обрушенных на него задач, приходится уповать только на Бога. Протопресвитер Г. Шавельский пишет, что Николай как-то признался: «Я стараюсь ни над чем серьёзно не задумываться — иначе я давно был бы в гробу».

Дело не только в том, что царь обладал очень средними интеллектуальными способностями и вообще был натурой неяркой. К концу XIX века государство превратилось в такой сложный агрегат, что никакой гений в одиночку не смог бы им управлять. Нагрузка самодержца была совершенно невозможной. Времена, когда претенденты брали престол с боем и затевали перевороты, остались в далеком прошлом. Последним царем, рвавшимся к власти, был Павел. Уже его

сын Александр I мечтал о том, чтобы отказаться от престола и жить частной жизнью. Все последующие государи, даже динамичный Николай I, считали корону тяжким бременем и, если б существовал выбор, с радостью от нее отказались бы.

Отец последнего императора Александр III не блистал ни умом, ни способностями, но по крайней мере обладал сильным характером и взошел на престол в зрелом возрасте, имея некоторый опыт государственной деятельности. Николай Александрович стал царем, совершенно не готовый к роли властителя империи. «Когда мой отец умер, я был просто командир лейб-эскадрона гусар», — скажет Николай впоследствии. Он действительно ничем крупнее эскадрона прежде не командовал. К тому же власть свалилась на него неожиданно. Лишь за две недели до кончины Александра III стало ясно, что болезнь этого 49-летнего богатыря опасна. Когда царь умер, его наследник оцепенел не только от горя, но и от ужаса. Он пишет в дневнике о «страшной перемене», которая с ним произошла: «Для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь!»

Всё время своего правления этот заурядный, не уверенный в себе человек честно пытался соответствовать своему положению — не более.

Нельзя сказать, что цесаревича плохо готовили к высокой миссии. Романовы еще со времен Екатерины считали воспитание наследников важнейшим государственным делом. В детстве и юности у Николая были превосходные педагоги. Его учили по индивидуальной программе финансист Н. Бунге, правовед К. Победоносцев, химик Н. Бекетов и лучшие преподаватели Академии Генштаба. Молодой человек в совершенстве владел тремя иностранными языками — английским, французским и немецким. Но использовать полученные знания на практике в бытность наследником он не успел. По статусу обязанный присутствовать на заседаниях Государственного совета и комитета министров, Николай никак там себя не проявлял. В 26 лет по кругу интересов это был обыкновенный гвардейский офицер, по-настоящему увлекавшийся только охотой, спортом и музыкой.

Все, кто читал личный дневник Николая, исправно ведшийся на протяжении всей его жизни, вероятно, испытали горестное недоумение по

поводу того, от какой тусклой личности зависела жизнь огромной страны — не только ста семидесяти миллионов ее тогдашних обитателей, но и последующих поколений. Это весьма депрессивное чтение. Возникающий портрет саморазоблачителен.

Ноль мыслей, минимум эмоций, а те, что встречаются, как правило, мелки — чаще всего они вызваны погодой: «Утром погода привела меня в отчаяние», «Обиделся на мороз и не пошел гулять утром». Бесконечные перечисления подстреленной дичи, причем больше всего почему-то достается несчастным воронам: «Удалось наконец убить ворону из монтекристо!» «Во время прогулки убил отлично — ворону». «Гулял два часа; сегодня удалось дойти до 50 убитых в парке ворон». Просто какой-то вороний ма-ньяк.

Про государственные дела записей немного, а если и встречаются, то сделаны они явно без интереса, часто с досадой. «В 2 часа у меня происходило заседание соединенного присутствия Сибирского Комитета и департамента экономии. Оно окончилось в 3 3/4, и затем мы поспешили в Аничков на каток». «Полоскался с наслаждени-

ем в моей ванне и после кофе засел за несносные телеграммы».

Интровертность, замкнутость, сдержанность в проявлении эмоций для венценосца вполне естественны, но в Николае ощущается еще и природная скудость чувств. Трудно без содрогания читать записи, сделанные в самые драматические дни истории. Скупое упоминание об ужасной трагедии на Ходынском поле (1896), когда во время коронации возникла давка и погибло больше тысячи человек, заканчивается так: «Обедали у Мама в 8 ч. Поехали на бал к Montebello [французский посол]. Было очень красиво устроено, но жара стояла невыносимая. После ужина уехали в 2 ч». В 1905 году, когда пришло известие о Мукденской катастрофе (людские потери — сто тысяч человек), царь вздыхает: «Господи, что за неудачи». Следующая фраза: «Имел большой прием. Вечером упаковывали подарки офицерам и солдатам санитарного поезда Аликс на Пасху».

Трудно представить более неудачный тип правителя, которому выпала судьба вести страну через череду тяжелых испытаний.

Николай был не просто фаталист — он верил, что только так и должно управлять Россией, что

«наитие свыше» неизмеримо надежней всяких «умствований». В самые важные моменты царь принимал решения, руководствуясь неким мистическим ощущением «прямого канала» между помазанником и Богом. Барон Р. Розен, дипломат и гофмейстер, в своих мемуарах пишет, как поражало его невероятное хладнокровие государя во время потрясений 1905 года. Однажды Николай сказал барону: «...Я столь мало встревожен, ибо твердо и непоколебимо верю в то, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей семьи в руках Всемогущего Господа, который сделал меня тем, что я есть».

Другой мемуарист, генерал А. Мосолов, начальник царской канцелярии, свидетельствует: «Он [царь] воспринял от отца, которого почитал и которому старался подражать даже в житейских мелочах, незыблемую веру в судьбоносность своей власти. Его призвание исходило от Бога. Он отвечал за свои действия только пред совестью и Всевышним... Царь отвечал пред совестью и руководился интуицией, инстинктом, тем непонятным, которое ныне зовут подсознанием... Он склонялся лишь пред стихийным, иррациональным, а иногда и противным разуму, пред

неведомым, пред своим всё возрастающим мистицизмом».

Николай ощущал ответственность за свои решения и поступки не перед народом, а исключительно перед Господом. Сергей Ольденбург, автор чрезвычайно почтительной биографии царя, утверждает: «Он считал, что ответственность за судьбы России лежит на нем, что он отвечает за них перед престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нем. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти — которое он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к отдельным министрам, претендовавшим, по его мнению, на слишком большое влияние в государстве. “Они напорят — а отвечать мне” — таково было в упрощенной форме рассуждение государя».

Ситуация усугублялась тем, что по-фаталистски хладнокровно царь относился только к государственным делам. Он был любящим отцом и нежным мужем — до такой степени, что семейные заботы заслоняли всё остальное. В этом последний российский самодержец являлся контрастом первого — великого князя Ивана

Васильевича. Монархия началась с правителя, жертвовавшего своими близкими ради державы, и закончилась правителем, жертвовавшим государственными интересами ради своих близких.

Преданная любовь к супруге побудила Николая совершить несколько тяжелых ошибок, которые дорого обошлись стране и ускорили гибель империи. Неумная, упрямая царица пользовалась огромным влиянием на супруга. И разрушительная для царского престижа распутинская эпопея, и вмешательство Александры Федоровны в назначения министров, и ее враждебность к Думе, и всяческое поощрение мистической веры мужа в Промысел Божий – все эти факторы сыграли свою роковую роль.

В последние годы (и какие годы!) жена была единственным человеком, чьему давлению поддавался Николай. Прежде он, случалось, попадал в зависимость от напористых, деятельных министров, среди которых попадались и люди недюжинные, вроде Столыпина, но дееспособные администраторы, сделавшие карьеру за счет своей энергии и способностей, часто бывают чересчур настойчивы — потому что твердо знают, чего хотят, и умеют этого добиваться. Чем дольше

Николай находился у власти, тем хуже он выносил людей подобного типа.

Император очень старался входить сам во все дела, но, во-первых, не обладал для этого нужными талантами, а во-вторых, при объеме и запутанности возникающих вопросов это было в принципе невозможно. Никому не доверяя, подозревая каждого в каких-то задних мыслях и тайных намерениях, Николай обходился без собственной канцелярии и даже не держал личного секретаря. Он и в этом уповал на свои особые отношения с Судьбой и Богом.

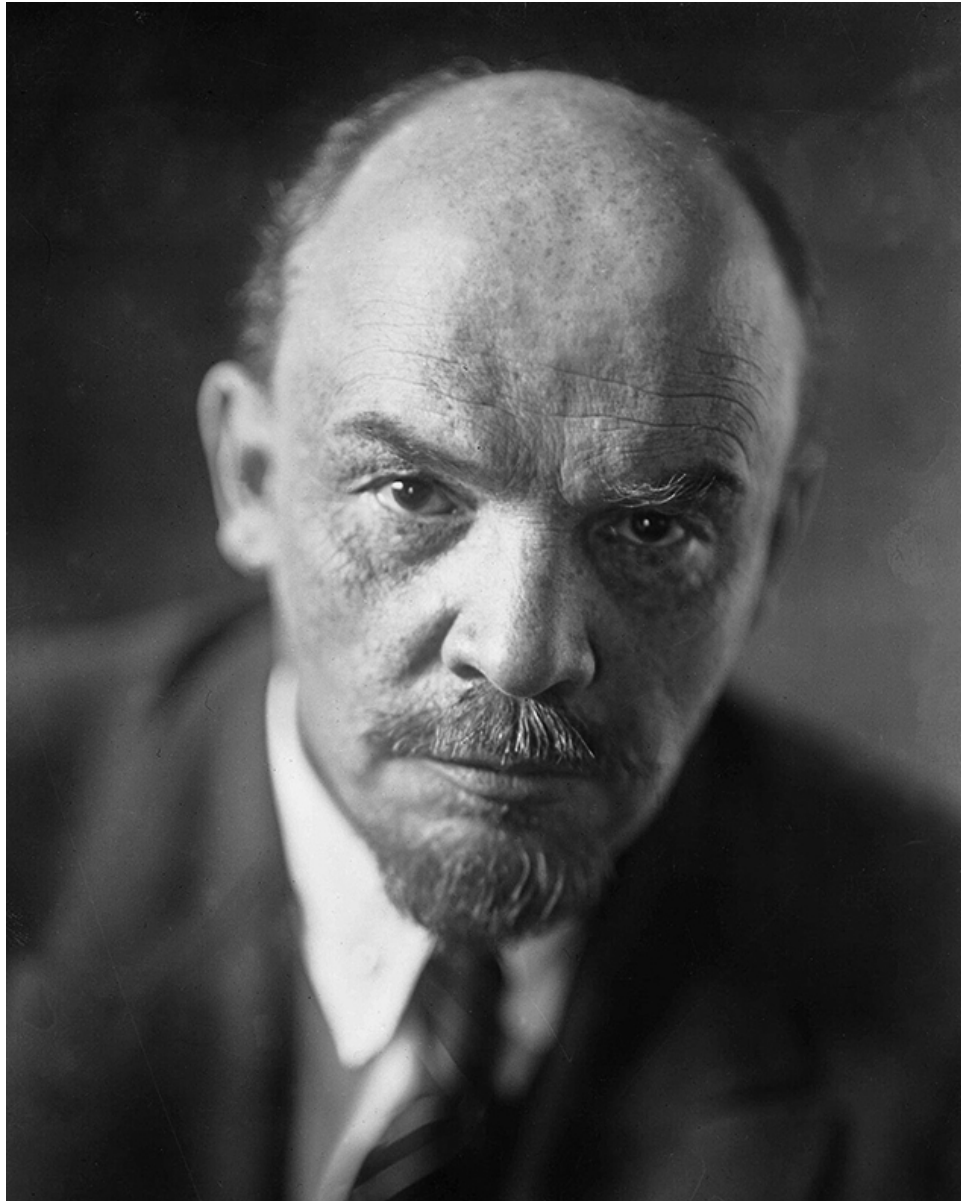
В 1914 году в царскую канцелярию поступила докладная записка бывшего министра внутренних дел П.Н. Дурново, одного из опытейших государственных деятелей. Он был смертельно болен и написал императору безо всякого верноподданничества письмо-предостережение. Старый сановник заклинал царя не вступать в конфликт с Германией и с поразительной точностью предсказывал, что произойдет, если война все-таки разразится: какие сложатся коалиции, сколько тягот принесут России военные испытания и чем всё закончится. «...Все неудачи будут приписываться

правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него... В стране начнутся революционные выступления... Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению».

Поражает не то, что все эти пророчества в точности сбылись, а то, что письмо осталось непрочитанным. Очевидно, Николай взглянул, да и отложил эти умствования в сторону. Впрочем, если бы даже и прочитал, то лишь пожал бы плечами: человек предполагает, а Бог располагает.

Судьба обошлась с тем, кто в нее верил, со звериной жестокостью. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года Николая, Александру и пятерых их детей убьют в подвале большевики. Но не менее жестоко Рок обойдется и со страной, которой правил августейший фаталист. Доля его исторической ответственности велика. Когда капитан корабля смотрит только в небо, происходит кораблекрушение.

**ЛЕНИН,
или ТЕОРЕТИК У ВЛАСТИ**

*Ленин в 50 лет.
Иконическая фотография Павла Жукова.*

При всём колоссальном объеме литературы о Ленине, из чтения очень трудно составить представление о живом человеке. Беспристрастных свидетельств почти нет – рассказчики или смотрят на объект снизу вверх, с благоговением, либо люто его ненавидят. Создается впечатление, что «живого и человеческого» в этом историческом деятеле было не так много. Всё его существование, все поступки подчинялись Идее, Теории. Если изъять ее из ленинской жизни, от Владимира Ильича Ульянова ничего не останется.

Демократический литератор XIX века Дмитрий Писарев, которого Ленин высоко ценил и чью фотографию держал на письменном столе, очень точно описал такой тип личности: «Сам мечтатель видит в своей мечте святую и великую истину; и он работает, сильно и добросовестно работает, чтобы мечта его перестала быть мечтою. Вся жизнь расположена по одной руководящей идее и наполнена самою напряженной деятельностью... Он счастлив, потому что величайшее счастье, доступное человеку, состоит в том, чтобы влюбиться в такую идею, которой можно

посвятить безраздельно все свои силы и всю свою жизнь».

Когда юный Володя Ульянов «влюбился в идею», мы не знаем. В зрелые годы он очень скупое делился воспоминаниями о ранней поре своей жизни, но однажды упомянул, что отказался от идеи Бога в 16 лет – выкинул нательный крестик в мусор. Подростковый бунт – явление вполне заурядное, но мало на кого в переходном возрасте обрушивается такое потрясение, как казнь любимого старшего брата. К этому следует прибавить стену отчуждения, которая моментально возникла в симбирской чиновничьей среде вокруг семьи «цареубийцы». По-видимому именно тогда определилась вся последующая судьба юноши. Царизм стал его заклятым врагом.

Впрочем ничего уникального в ульяновской увлеченности идеей революции не было. Российская молодежь интеллигентского сословия в ту эпоху была чуть не поголовно охвачена подобного рода идеализмом. Да и не только молодежь. В конце девятнадцатого века многим казалось, что строительство «земного рая» в той или иной форме вполне достижимо.

Цель, к которой стремился Владимир Ульянов, была грандиозной и утопической: перестроить весь мир согласно идеалу другого утописта, Карла Маркса.

Герберт Уэллс, разговаривавший с вождем революции в 1920 году, очень много – да почти ничего – в большевизме не понял, но своим писательским чутьем угадал в собеседнике самое главное, когда назвал его «кремлевским мечтателем» и ощутил с ним родство душ. Один фантаст распознал другого.

Да, Ленин был самый настоящий утопист и мечтатель. Государство, образовавшееся в результате его деятельности, Союз Советских Социалистических Республик, вовсе не являлось реализацией этой мечты. Оно получилось «теоретически неправильным» – и это очень важное дополнение к портрету Ленина: когда прекрасная теория, жившая в его мозгу, сталкивалась с безобразной реальностью, он с горечью, но твердо делал коррекцию в теории. И начинал руководствоваться исправленной версией. Это называлось «марксистско-ленинской диалектикой». «Наша теория не догма, а руководство к действию, – говорили Маркс и Энгельс», – написал

Ленин в 1920 году, когда большевики забрели совсем уже далеко от классического марксизма. И сразу опубликовал целый каскад статей, сформировавших новую доктрину. А год спустя проделает это еще раз. Лестница, по которой поднимался Владимир Ильич, вела в облака, но каждый шаг и каждая ступенька на этом пути были тщательно продуманы, рассчитаны и теоретически обоснованы.

Вообще-то в идеале Ленин планировал создать Всемирную Коммунистическую Республику, и победа на российской территории рассматривалась всего лишь как промежуточный период. Владимир Ильич не являлся российским патриотом. Ему, в общем, не было дела до России. «Дело не в России. На нее, господа хорошие, мне наплевать – это только этап, через который мы приходим к мировой революции!» – сказал однажды Ленин в частном разговоре.

Подобно своему кумиру Карлу Марксу, Ленин относился к типу «кабинетных революционеров». Все свои сражения он вел за письменным столом и на заседаниях. В выстраивании стратегий и тактик, в полемике и рассуждениях на теоретические темы ему не было равных.

Ульянов обладал блестящими интеллектуальными способностями – это признают все. В гимназии он, не будучи зубрилой, шел первым учеником и, являясь братом «цареубийцы», получил золотую медаль; сдавая экстерном в Санкт-Петербургском университете экзамены на юриста, заработал высшие оценки по всем дисциплинам; первая же опубликованная работа 24-летнего автора («Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?») стала важным событием в революционной среде, одним из первых манифестов российского марксизма.

Но столкновения с грубой и нелогичной действительностью всякий раз выбивали Владимира Ульянова из колеи. Во времена его юности российские враги режима придерживались народнической идеологии, то есть делали ставку на крестьянство, что было естественно в аграрной стране. Рабочий класс был малочисленен, и марксизм воспринимался как явление чуждое, сугубо европейское. Не интересовался им поначалу и юный бунтарь.

Поворот «от крестьянина к рабочему» произошёл при довольно занятных обстоятельствах. Поступив в университет, Владимир сразу же

принял участие в студенческих беспорядках, был отчислен и по несовершеннолетию отправлен под присмотр матери, в деревню, где у Ульяновых имелось поместье.

Там восемнадцатилетнему помещику пришлось иметь дело с живыми, а не идеализированными крестьянами, по народнической теории носителями революционного духа. И они очень не понравились юноше своей хитростью, прижимистостью, необязательностью. Он навсегда разочаровался в сословии «мелких хозяйчиков».

Рабочему классу повезло больше. Владимир влюбился в него дистанционно, по книжкам, и стал марксистом прежде, чем познакомился с живыми пролетариями. Реальное знакомство с ними у него произошло в 1895 году, в Петербурге, когда Ульянов стал членом марксистского кружка с громким названием «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Молодые интеллигенты занимались агитацией в фабрично-заводской среде. Но они были переловлены полицией прежде, чем Ульянов успел разочароваться и в рабочих.

В дальнейшем он с пролетариатом вживую общаться не будет и сохранит об этом «революционном классе» довольно идеализированное представление.

Другим примером неудачного столкновения со стихией жизни было странное поведение Ленина в июле 1917 года, когда в Петрограде солдаты взбунтовались против Временного правительства, на несколько дней захватили улицы и колобродили по всему городу. Протестующие были вооружены и агрессивно настроены. Произошла перестрелка, были раненые и убитые.

Толпа нуждалась в лидере. Не найдя поддержки в меньшевистско-эсеровском Петросовете, она направилась к большевистскому штабу. Ленин вышел на балкон, произнес короткую, неопределенно-ободряющую речь и удалился. Вскоре он скрылся и из города, предвидя, что добром для большевиков события не закончатся.

Теоретик пролетарской революции растерялся. Это происходило с Лениным всякий раз, когда случалось нечто, не совпадающее с его планами. Схематический, стремящийся всё контролировать Владимир Ильич с недоверием относился к самопроизвольно возникающим

«низовым» движениям. Стихия народного бунта его пугала.

При всей сухости ума Ленин вовсе не был человеком холодным – совсем напротив, это был настоящий пассионарий. (Как впрочем и Карл Маркс, прозванный за темпераментность «Мавром»). Люди, близко знавшие Ленина, пишут о его одержимости (жена Надежда Крупская называет это «ражем»). Он был человеком увлекающимся и в своих увлечениях страстным. Это касалось даже мелочей: езды на велосипеде, походов за грибами, охоты – чего угодно. «Он мог сидеть за шахматами с утра до поздней ночи, и игра до такой степени заполняла его мозг, что он бредил во сне. Крупская слышала, что во сне он вскрикивал: если он конем сюда, я отвечу турой», – рассказывает ленинский приятель Николай Валентинов. При этом, отмечают несколько мемуаристов, Ульянову очень нравились всякого рода состязательные досуги, и он должен был непременно побеждать, а проигрыш сильно портил ему настроение.

Примечательно, что, проигрывая не за шахматной доской, а в больших и важных политических делах (это случалось нередко), Ленин,

наоборот, не падал духом, а немедленно начинал выискивать, какую пользу можно извлечь из неудачи – весьма сильное качество для лидера.

Страстность натуры и неумение проигрывать делали Владимира Ильича человеком конфликтным. Он был резок и безапелляционен в спорах, без конца с кем-то пикировался и ссорился. Хорошие отношения у него складывались только «сверху вниз» – с теми, кто безоговорочно признавал его правоту. «Для терпимости существуют отдельные дома», – презрительно говорил Ульянов, и терпимостью он действительно не отличался.

Эта проблемная черта компенсировалась большой харизмой, которую отмечают очень многие. Ленин умел ценить толковых людей, отдавая должное их достижениям. Так называемая «ленинская гвардия» состояла из очень ярких соратников (в отличие от будущей «сталинской гвардии»).

Во всяком человеке и уж особенно в правителе важны моральные качества. Этика Ульянова-Ленина заслуживает отдельного разговора – она в значительной степени определила и облик партии, и облик нового государства.

С точки зрения нормальных человеческих представлений о добре и зле, Владимир Ильич был существом совершенно immoralным – и эта жизненная позиция тоже была теоретически обоснована. У Ленина имелись твердые нравственные принципы, но весьма специфические, легшие в основу концепции «партийной морали». Она гласила, что нравственно всё полезное для партии и безнравственно всё для партии вредное. Вообще-то ничего новаторского в этой идее нет, она известна испокон веков: цель оправдывает средства.

Основы большевистской этики еще в 1870-е годы сформулировал нигилист Сергей Нечаев, к которому Ленин относился с большим пиететом. В поразительном по сочетанию идеализма и цинизма «Катехизисе революционера», своего рода библии всех последующих террористов, готовых ради Цели идти на любой collateral damage, Нечаев хладнокровно поучает, что революционер – это человек, который «разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого

мира... Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение».

«Партия не пансион для благородных девиц, — однажды сказал Ленин. — Нельзя к оценке партийных работников подходить с узенькой меркой морали. Иной мерзавец может быть для нас именно тем полезен, что он мерзавец».

Давний знакомый Ленина социал-демократ Потресов пишет про него: «человек, способный идти к своей — пусть высокой, священной цели — через какие угодно низкие преступления».

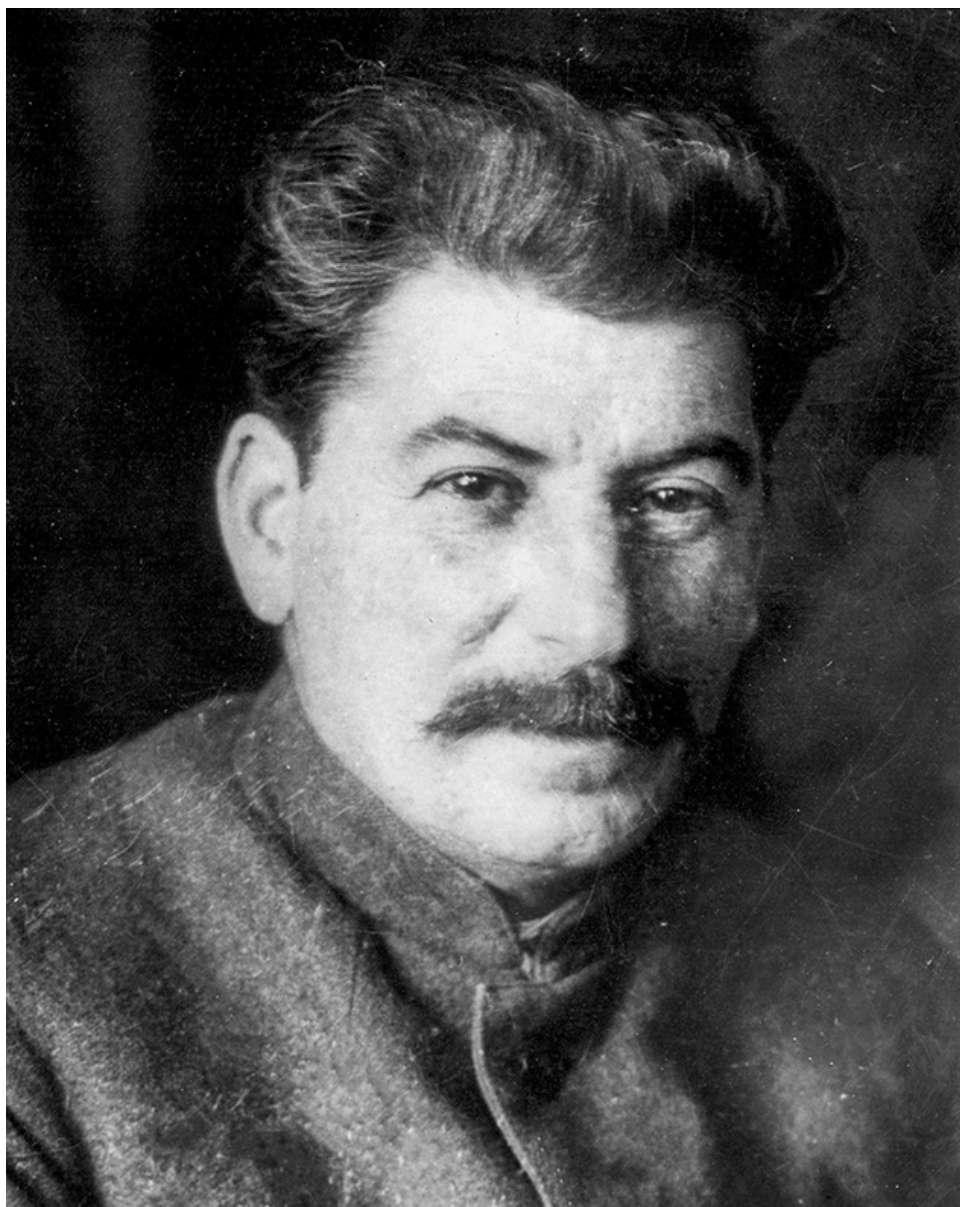
Ленин лично никого не убил и вряд ли вообще в своей жизни видел, как кого-то убивают, но его телеграммы и распоряжения времен «военного коммунизма», приведшие к массовым казням, поражают своей теоретизированной бесчеловечностью. «Если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд

жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок...», – писал Ленин. Эта безжалостность отдает схоластикой. Большевистский вождь существовал в мире, где наличествовали классы и властвовали большие числа, а отдельные живые люди особенной важности не имели. Таковы более или менее все идеалисты-визионеры, стремящиеся облагодетельствовать не конкретных людей, а некое абстрактное человечество, или нацию, или класс. Они мыслят массами и миллионами, не боятся, когда при рубке леса летят щепки, видят только «народ», но не различают отдельных лиц. По-видимому, Владимир Ильич существовал в мире, населенном какими-то масками: вот Капиталист, вот Рабочий, вот Крестьянин-Бедняк и Крестьянин-Кулак, вот Профессиональный Революционер, и так далее. Кто-то вреден, кто-то полезен, и всеми можно пожертвовать ради Великой Цели.

Цель и была достигнута, пусть с корректировками. Это стало возможно, потому что в истории сыграла свою роль личность по имени «Владимир Ульянов-Ленин» – кабинетный теоретик,

обладавший большой харизмой и незаурядными организаторскими способностями.

**СТАЛИН,
или ПРАГМАТИК У ВЛАСТИ**

*Пятидесятилетний Сталин.
Уже не один из вождей, а Вождь.*

Второй советский правитель являлся своего рода антиподом первого. Роднит обоих только абсолютная бесчеловечность, просто у Ленина она диктовалась резонами теории, а у Сталина – соображениями «практической пользы». Если Владимир Ильич всегда отталкивался от теории, пытаясь осуществить ее на практике, то Иосифа Виссарионовича теории, кажется, вообще не занимали. Он был твердокаменным марксистом лишь на словах и часто расправлялся с политическими врагами, обвиняя их в отступлении от догмы, но при этом извратил идею всемирной революции и пролетарского Интернационала до полной противоположности: построил националистическую империю. При этом Сталин был всегда готов к маневру, всегда готов повернуть туда, куда требовали сложившиеся обстоятельства – и умел ловко воспользоваться ими. В политическом смысле он был изобретательным «шахматистом», успешно разыгрывавшим комбинацию за комбинацией, и люди для него всегда оставались просто пешками.

В 1943 году в Тегеране произошел весьма характерный эпизод. Советский, американский и британский лидеры обсуждали, как поступить

после победы с Германией, чтобы эта страна в будущем вновь, уже в третий раз, не стала причиной новой мировой войны.

Сталин, должно быть уверенный, что имеет дело с такими же шахматистами, предложил самое простое и эффективное решение: взять и расстрелять пятьдесят или сто тысяч немецких офицеров. Опыт у него имелся. В 1940 году он «решил» так проблему с Польшей, приказав расстрелять 15 тысяч «классово чуждых» пленных поляков.

Рузвельт подумал, что это шутка, и засмеялся: «Может, хватит сорока девяти тысяч?» Черчилль лучше знал, с кем имеет дело, и возмутился. Тогда Сталин заявил, что конечно он пошутил. (И видимо стал после этого относиться к собеседникам с меньшим уважением).

Подобно тому, как другой кровавый диктатор, Гитлер, в юности был художником, Сталин до 17 лет писал стихи на родном грузинском языке, и, кажется, даже неплохие. Однако в отличие от фюрера, который до конца жизни заявлял, что «на самом деле он художник, а не политик», российский правитель о своем романтическом

увлечении вспоминать не любил и попытки льстецов вытащить из прошлого «поэтического Сталина» пресекал. Такое ощущение, что вождь стыдился своего юношеского увлечения. Если что-то столь бесполезное как поэзия в этом человеке изначально и было, то впоследствии полностью вытравилось. Остался только беспримесный прагматизм. Поскольку качество это незамысловатое, реконструировать ментальное устройство Сталина-правителя представляется несложным. Подобно тому как сталь, в честь которой Иосиф Джугашвили выбрал свой псевдоним, в основном состоит из железа и углерода, личность создателя империи складывалась из двух основных компонентов.

Во-первых, из стопроцентной оппортунистичности. Этот человек всегда был готов поступиться принципами в угоду целесообразности (или того, что ему представлялось целесообразным). Для диктатора такая змеиная гибкость – качество чрезвычайно полезное. Оно привело Сталина к власти, позволило сохранить и укрепить ее, а затем и стать самым могущественным политиком планеты.

Во-вторых, Сталин обладал по-человечески отвратительным, но ценным для правителя свойством *никого не любить*. Он подбирал ближайших соратников в первую очередь по принципу полезности, а не по личной симпатии. И, если ошибался в помощнике, немедленно избавлялся от него. Друзей у такого человека не было и быть не могло. Имелись близкие соратники, полезные люди, но ни к кому из них он, кажется, не испытывал личной привязанности. А если и испытывал, то ради практических целей ею неизменно жертвовал.

Сталину, кажется, был симпатичен маршал А. Егоров, вместе с которым они были на фронте в 1920 году и который всегда твердо поддерживал своего бывшего сослуживца. Но в тридцатые годы началось переписывание официальной истории Гражданской войны с целью возвеличивания роли Вождя. Поскольку должности он занимал не особенно высокие, поступили просто: одного за другим убирали всех, кто тогда находился на более важных постах – и люди исчезали из книг.

Егоров стал нехорош тем, что был командующим, а Сталин при нем всего лишь политическим комиссаром. Маршала арестовали, приговорили к расстрелу. В Сталине шевельнулось что-то живое, и с первого раза он старого друга из списка вычеркнул. Но потом перестал сентиментальничать, и Егорова казнили.

Точно так же – без сантиментов – Сталин обходился и с членами своей семьи. Любил он, по видимому, только первую жену, умершую очень рано. Вторую жену он довел до самоубийства. Старшего сына Якова, офицера-артиллериста, попавшего в немецкий плен, отказался выменивать, и тот погиб. Сталинисты прославляют сталинскую реплику «Я лейтенантов на фельдмаршалов не меняю» (немцы хотели получить взамен пленного фельдмаршала Паулюса) как пример высокого самопожертвования, но на самом деле Сталин, похоже, просто не испытывал обычных отцовских чувств. Он был Отец Народов. К своему младшему сыну вождь относился с презрением. Разрушил счастье дочери, заставив ее развестись с мужем-евреем, когда политика СССР приняла антиизраильское направление

и брак стал «политически неправильным». («Сионисты подбросили тебе муженька», – заявил он).

Повторю еще раз: отсутствие личных привязанностей или полное подчинение их соображениям государственной пользы для правителя – качество даже похвальное. Однако иногда всепроникающий сталинский прагматизм оборачивался проблемами. Если так можно выразиться, Сталин был *слишком прагматичным*. Когда он видел перед собой некую цель, которая «сама шла в руки», он мог ради близкой выгоды совершать тяжелые ошибки.

Такова, например, вся история недолговечного альянса с Германией. Прямая и близкая практическая польза: сравнить между собой «немецких фашистов» с «европейскими капиталистами» привела к тому, что Гитлер сначала развязал себе руки на Западе, усилился за счет оккупированных территорий, а потом обрушился всей мощью на СССР. «Трофеи», на которые польстился Сталин – доставшиеся ему по договору «Риббентроп-Молотов» территории – тоже оказались весьма бесполезным приобретением.

Если сравнить карту СССР начала 1939 года с картой начала 1941 года, этот период выглядит

настоящим триумфом Сталина. В официозной брошюре «Территория и население СССР» (1940) провозглашалось: «Мудрая сталинская мирная политика, неуклонно проводимая Советским Союзом, обеспечила нашей стране новые громадные победы. В 1939–1940 гг. страна социализма значительно расширила свою территорию... Капиталистическому миру пришлось потесниться. 23 миллиона рабочих, крестьян, интеллигенции, вырванных из-под ига капитализма, встали под знамя Советов». В общей сложности государство аннексировало 460 тысяч квадратных километров чужой территории.

Однако дальнейшие события показали, что эти приобретения лишь ухудшили положение Советского Союза в канун большой войны, к которой он так долго и напряженно готовился.

Сталинская экспансия 1939-1940 годов имела для обороноспособности Советского Союза самые негативные последствия.

Перенос границы означал, что инженерно-защитная линия, проходившая по прежней границе, утратила значение. Пришлось возводить новую, и к июню 1941 года работы еще далеко не завер-

шились. Поэтому танковые клинья Вермахта без труда пронзят советскую оборону.

Население новых областей, познакомившись с реалиями советской жизни и практикой массовых репрессий, в значительной степени прониклось враждебностью к социалистическому строю. Это приведет к широкому коллаборационизму на первом этапе немецкой оккупации и существенно обезопасит тыл Вермахта.

Кроме того расширился лагерь союзников Рейха. Румыния и Финляндия, жертвы сталинской экспансии, будут участвовать в войне на стороне Гитлера.

Разгром Красной Армии летом 1941 года тоже стал прямым результатом чрезмерной веры Сталина в политический прагматизм. Сам будучи шахматистом, он почитал таковым и Гитлера. Был уверен, что имеет дело с родственной душой. Однако фюрер принадлежал к иной породе диктаторов. Он играл не в шахматы, а в покер. Действительно, был своего рода «художником» – из тех, что пишут полотна кровью. И в своих поступках руководствовался не столько математикой, сколько мистикой и верой в удачу. Шок, полученный Сталиным 22 июня 1941 года, был столь

велик, что на несколько дней стальной человек совершенно оцепенел, и его помощникам пришлось в условиях тяжелейшего кризиса принимать решения самим. Боясь вызвать гнев Вождя нарушением его воли, они заставили командование Красной Армии следовать довоенным указаниям Сталина «бить врага на его территории», то есть не отступать, а атаковать. Из-за этого в самые первые дни армия понесла чудовищные потери.

Подбор помощников – еще один серьезный изъян «чрезмерно прагматичного прагматизма». Относясь к людям сугубо функционально, как к винтикам, Сталин, подобно Николаю Первому, предпочитал не «гениев, а исполнителей». Он уничтожил всю генерацию ярких лидеров, выдвинутых революцией и Гражданской войной, и заменил ее удобными и угодливыми, но робкими приближенными. Эта отрицательная селекция очень дорого обошлась стране. И самый тяжкий ущерб – накануне тяжелой войны – понесла армия, во главе которой оказались исполнительные, но малоинициативные полководцы. Всех их потом пришлось заменять на людей, чьи способности выявила война. Когда она закончилась,

Сталин снова уберет наиболее ярких людей – вроде маршала Жукова или блестящего руководителя военной экономики Н. Вознесенского. И окружит себя либо тусклыми и серыми функционерами, либо хамелеонами, которые умели мимикрировать под серость.

Сталь, из которой был выкован Сталин, к тому же не была нержавеющей. Под конец она заметно корродировалась. Во-первых, диктатор старел и начинал утрачивать адекватность – уверовал в собственное величие, к которому раньше тоже относился вполне трезво. Во-вторых, всемирный масштаб, которого достигла его держава после победы 1945 года, очевидно выходил за рамки сталинской логики «подъема по лестнице со ступеньки на ступеньку». У «величайшего гения всех времен и народов», как называли его газеты, закружилась голова, и он стал совершать плохо просчитанные поступки. Конфликт с Югославией, «Берлинский кризис», Корейская война, абсурдные гонения на генетику и лингвистику, наконец нелепый для больного старика отказ от медицинского ухода ничего прагматического в себе не содержали.

**ГОРБАЧЕВ,
или МИОПИК У ВЛАСТИ**

*Михаил Горбачев в последний год власти.
Фот. С. Биддл*

Очень хотелось бы назвать этот очерк «Приличный человек у власти», ибо Михаил Сергеевич Горбачев по своему складу, в особенности на фоне других советских лидеров, выглядит до отрадного приличным. Он был человечен, воспитан, демократичен. Но к сожалению «приличность» не является дефинирующей и вообще важной чертой для правителя государства, в котором человечность, воспитанность и тем более демократичность никогда не имели важности. Николай II в личном отношении тоже был очень неплох и если бы не правил империей, а вел частный образ жизни, наверняка считался бы прекрасным членом общества.

В отличие от злосчастного (для себя и своей страны) последнего императора последний генсек не оставил после себя тотальный коллапс и кровавую кашу, но всё же без развала и крови не обошлось. Главное же – правитель привел свою страну совсем не туда, куда собирался. Весь его путь состоял из провалов: Горбачев всегда хотел одного, а добивался чего-то нежданного. Он был умен и даже хитер, тактически изобретателен, однако страдал политической миопией. По словарю, это «неспособность оптической системы

глаза к отчетливой фокусировке на удаленных объектах».

Вблизи-то Михаил Сергеевич видел очень хорошо. У него была отменная реакция, четкое целеполагание, настойчивость в достижении поставленной задачи.

Его маршрут делится на две части. Пока Горбачев существовал в ситуации, не требовавшей заглядывать далеко вперед, ехать по проложенным рельсам советской номенклатурной карьеры, дела шли очень успешно. Когда же Горбачев съехал с советских рельсов, управляемое им транспортное средство под названием СССР, вдруг превратившись из трамвая в автобус, начало прыгать по бездорожью, сотрясаться на ухабах и в конце концов развалилось. Справедливости ради следует сказать, что будущее, даже близкое, было окутано туманом, никто из пассажиров его тоже не угадывал, однако ответственность ведь всегда лежит на водителе.

Миша Горбачев родился в обычной крестьянской семье, которая как раз в год его рождения (1931) стала семьей колхозной и хлебнула всех бед коллективизации. Хлебородное Ставрополье очень пострадало в 1933 году от искусственно

созданного голодомора (напомню, что Сталину нужно было выгнать крестьян с земли на заводы и стройки); тетя и два дяди мальчика умерли от истощения. Потом была война и полгода жизни при немецкой оккупации. Это сильно испортило бы ему анкету и затруднило карьеру (в формуляре имелся специальный пункт о пребывании на оккупированной территории), но парню помог его дед, председатель колхоза. Юноша получил за ударный труд на полях орден (большая редкость в таком возрасте), в 19 лет стал кандидатом в члены партии, и с такой стартовой поддержкой смог не только вырваться из деревни, что было непросто, но и поступить в московский университет, а потом подняться на обычном советском карьерном лифте: комсомольский работник, партийный функционер. В 39 лет Горбачев возглавил Ставропольский край, в 40 сделался членом ЦК. Для брежневских геронтократических времен это была просто-таки неприличная молодость.

Горбачев скользил по номенклатурным рельсам с такой стремительностью, потому что всегда прицеплялся к мощному паровозу. Сначала его аппаратно «вел» член Политбюро Ф. Кулаков,

а когда тот умер, обаятельного и работающего ставропольца взял под свою опеку влиятельнейший Юрий Андропов, благодаря которому Горбачев попал на высшую ступень партийной лестницы – в Политбюро, будучи лет на двадцать младше тамошнего среднего возраста.

Горбачев отлично ладил со всеми кремлевскими старцами, он обладал драгоценным даром нравиться нужным людям. Это качество, наряду с молодостью, и привело его после смерти старого, больного Константина Черненко на должность генсека. На заседании Политбюро, где выбирали преемника, восьмидесятилетний премьер Н. Тихонов, голосуя за Горбачева, сказал: «Это контактный человек, с ним можно обсуждать вопросы», что в переводе с аппаратного языка означало «с которым всегда можно договориться». Никаких ярких поступков покладистый Горбачев никогда раньше не совершал, всегда «колебался с линией партии» (как тогда шутили). Не имелось ни малейшего повода подозревать его в «ревизионизме» или, упаси Ленин, в отходе от социализма.

При этом даже кремлевским старцам, знавшим о критической финансовой ситуации, было

очевидно, что какие-то решительные шаги, то есть реформы необходимы – но члены Политбюро признавали: провести их может лишь человек другого поколения. На том же историческом заседании бессменный министр иностранных дел А. Громыко, вступивший в партию еще в год рождения Горбачева, произнес такие слова: «Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Когда заглядываем в будущее, а я не скрою, что многим из нас уже трудно туда заглядывать, мы должны ясно ощущать перспективу».

На первом этапе – когда нужно было превратиться из «контактного человека» в настоящего правителя – новый генсек действовал продуманно и успешно, поскольку аппаратным маневрированием владел очень хорошо, это была территория знакомая. «Стариков» он аккуратно отодвинул, потенциальных оппозиционеров одного за другим убрал, расставил на ключевые посты своих людей – одним словом, сначала обеспечил себе место у руля и лишь затем двинулся в дорогу. Начал он, как мы помним, с наезженной колеи (с указов об «ускорении» и «борьбе с

пьянством»), а когда увидел, что старые методы не работают, свернул с проложенной трассы, и всё покатило под гору, с ускорением. Водитель выворачивал руль то резко влево, то резко вправо, в 1990–91 гг. (карательные акции в Азербайджане и балтийских республиках) даже попытался повернуть обратно, но это было уже невозможно. Под конец Горбачев совершенно потерял управление, а после августовского путча 1991 года победители-ельцинисты уже и не подпускали его к рулю.

Не буду повторять описанные в основном тексте этапы лихорадочного горбачевского маршрута, приведу лишь два примера того, как поступки, призванные решить одну проблему, порождали новые проблемы, явно не предвиденные правителем.

В декабре 1986 года генеральный секретарь произвел всемирную сенсацию, внезапно освободив из ссылки самого известного диссидента Андрея Сахарова. Буквально за неделю до этого от последствий долгой протестной голодовки скончался за решеткой другой заслуженный борец за гражданские права Анатолий Марченко, о чем с негодованием

писала мировая пресса. Для горбачевских попыток договориться с Америкой о прекращении гонки вооружений главной помехой было сомнение Рейгана и, шире, Запада, в искренности намерений нового советского лидера. Дважды – в Женеве и в Рейкьявике – из-за этого договориться не получилось. Одним телефонным звонком ссыльному академику Михаил Сергеевич эту помеху устранил. Именно с этого момента отношение Запада к Горбачеву меняется с настороженного на всё более одобрительное, а затем и восторженное. Задвигается дело и с переговорами.

Но кроме Запада существовала еще и собственная страна. Она восприняла освобождение Сахарова примерно так же, как в 1856 году общество восприняло освобождение декабристов. Начались внутренние процессы, которые сначала помогали Горбачеву в борьбе с консервативной номенклатурой, а потом обратились против него самого.

Другим примером тактического успеха, ставшего для правителя стратегической катастрофой, стало использование чрезвычайно

рискованного инструмента столичных демонстраций. К началу 1990 года Горбачев устал сражаться с глухим сопротивлением партийных функционеров и решил реформировать свою власть из «генсековской» в президентскую. Для того, чтобы это стало возможным, требовалось убрать из конституции 6-ю статью, закреплявшую за КПСС руководящую роль в государстве. Требовалось наглядно, то есть телевизионно продемонстрировать и партийным консерваторам, и всей стране, что эту идею поддерживает народ. И в феврале 1990 года в Москве впервые после февраля 1917-го состоялись массовые уличные манифестации. Они были легальными и даже поощряемыми сверху. Милиция шествие не разгоняла, а охраняла. Сотни тысяч людей прошли по центру города с демократическими лозунгами и транспарантами, требующими отмены 6-й статьи. Она вскоре была упразднена, и Горбачев стал президентом – в этом смысле у него всё получилось.

Но, ощутив свою силу, столичное население стало демонстрировать ее и впоследствии, без всякой санкции. И через несколько месяцев

огромные манифестации начнут выходить в поддержку уже не умеренного Горбачева, а радикального Ельцина. Процесс станет неконтролируемым. Если бы Горбачев хорошо знал историю, он наверняка прочитал бы про то, как в семнадцатом веке московская «площадь» превратилась в важную политическую силу, а в семнадцатом году петербургская «площадь» скинула самодержавие. Но Михаила Сергеевича учили по партийным учебникам, а по их версии царя свергла партия большевиков под руководством Ильича.

Незнание реальной истории и проистекающее из этого непонимание природы собственного государства, пожалуй, было главной причиной горбачевской близорукости. Оно впрочем не удивительно – в советском ВУЗе этому знанию взяться было неоткуда, но удивительно то, что Горбачев, с конца семидесятых входивший в высшее политическое руководство страны, просмотрел два разворачивавшихся на глазах у всего мира примера «революции сверху», в Иране и Испании. Первый, «белая революция» Реза-шаха Пехлеви, привел к катастрофе. Второй, «королевская революция» Хуана-Карлоса, оказался удачным. При этом испанские условия во многом

напоминали советскую ситуацию: закостенелая ультраконсервативная верхушка, непривыкшее к демократии население, руководящая роль партии, тотальная идеологическая индоктринация, национальные конфликты. Рецепт, примененный испанскими реформаторами, подошла бы и для СССР, во всяком случае из нее можно было бы извлечь полезные уроки: как превращать харизматичность лидера в мощный инструмент «мягкой силы»; как всё время быть в авангарде событий; как определять новостную повестку; как балансировать между правыми (которых сдерживал король) и левыми (которых сдерживал премьер Суарес); как гибко диверсифицировать политический курс в различных национальных регионах – и в результате за короткий срок превратить диктаторское государство в работающую демократию.

Правда, у человека, возглавившего СССР в 1985 году, и не было намерения превращать коммунистическое государство в демократическое. Это произошло само собой, в ходе движения от одной близкой цели к другой, через туман.

Всегдашняя беда «реформаторов сверху» в том, что через некоторое время они перестают

«вести за собой события», а начинают сами за ними гнаться, всё больше отставая. То же произошло и с Горбачевым. К 1991 году его продолжал любить только Запад – за то, что прекратил «холодную войну» и выпустил на волю восточноевропейские страны. Но у себя дома президент стал объектом всеобщей неприязни – и для левых, и для правых.

В этот последний период миопия Горбачева распространилась на сферу, в которой прежде он обладал вполне ясным зрением: на способность видеть ближайших помощников. Он подобрал в свою команду людей, которых считал единомышленниками, которым доверял. И проглядел момент, когда они перестали быть его единомышленниками и заслуживать доверие. И вице-президент, и премьер-министр, и глава парламента, и трое ключевых министров-силовиков (обороны, внутренних дел, безопасности), все горбачевские назначенцы, объединились против президента и попытались его свергнуть, причем силовым методом.

Чего хотел добиться Горбачев, когда затевал свои реформы?

Сократить военные расходы, увеличить доходы бюджета, мирно сосуществовать с Соединенными Штатами, сохраняя статус великой державы.

К чему он пришел шесть лет спустя?

Страна стала еще бедней и не только растеряла все свое геополитическое величие, но еще и лишилась половины территории и вошла в полосу общественных, экономических и ментальных потрясений.

Если оценивать историческую роль Михаила Горбачева с точки зрения традиционной российской государственности, он – разрушитель великого проекта, который строился веками, перечеркнувший и разваливший все колоссальные завоевания тяжелого, но в то же время и триумфального советского периода.

Однако есть и другая логика, по которой Михаил Горбачев заслуживает совсем иной оценки.

Для истории не столь важно, какие цели ставил перед собой правитель и достиг он их или нет. Важно, что он после себя оставил. Сделал он жизнь своей страны лучше или хуже.

С точки зрения не государственнической, а общечеловеческой, которая считает величием

не размеры и грозность страны, а достойную жизнь народа, Горбачев, несмотря на всю свою непоследовательность, несмотря на множество созданных им проблем, был для России несомненным благом. Да, империя ослабела, потеряла половину владений, перестала претендовать на мировое лидерство, но впервые в ее истории у людей появилась возможность устраивать свою жизнь по собственному выбору, а не под давлением всепроникающего государства. За годы, прошедшие прежде чем империя взяла реванш и восстановила свои позиции, успело вырасти поколение, которое знает и помнит, что такое свобода. Все надежды на то, что Россия когда-нибудь снова станет свободной, а то и вовсе разорвет роковую цепь, связаны с этой «постгорбачевской» генерацией. И если подобное произойдет, отношение к фигуре М. Горбачева переменится.

**ЕЛЬЦИН,
или ИМПУЛЬСИВ У ВЛАСТИ**

*Ельцин позднего периода.
Duma.gov.ru.*

Борис Николаевич Ельцин, ровесник и преемник Михаила Горбачева, относится к совсем другому типу правителя. Безусловно, выделяя только одну доминантную черту личности, я использую прием намеренного упрощения, но в случае Ельцина сильно упрощать не приходится. Прежде всего он был человеком порыва, импульса – таким же получилось и всё ельцинское дерганое десятилетие, по принятой впоследствии полуофициальной терминологии – «лихие девяностые». Конечно, их турбулентность объяснялась не только характером президента – любые социально-политические переломы без судорог не обходятся, но Ельцин безусловно усугубил и дополнительно обострил фоновую нервозность периода.

Натурой взрывной он был с детства. Его биография, собственно, и началась с взрыва – буквального. Мальчик Боря раздобыл гранату (оружия и боеприпасов в сороковые годы вокруг было много), попробовал ее разобрать, а когда не получилось, от нетерпения начал лупить по ней молотком. Остался на всю жизнь с покалеченной рукой. Этот эпизод можно считать прологом или эпиграфом ко всей его дальнейшей судьбе.

Создавать взрывоопасные ситуации, часто без необходимости, Ельцин будет и в зрелые годы. Череда мелких и крупных скандалов, как личного, так и политического свойства делают его весьма колоритной фигурой.

*В качестве примера инцидента, в котором оба фактора, личный и политический, соединились, можно привести загадочный случай, произошедший 28 сентября 1989 года, когда Ельцина, уже признанного лидера демократов, какие-то неведомые злоумышленники скинули с моста в реку. Судя по невнятным и сконфуженным объяснениям жертвы, это было не попыткой политического убийства, а чем-то личным. (Наиболее распространенная версия, пересказывать которую неинтересно, сводится к *cherchez la femme*). Провластные СМИ, естественно, с удовольствием использовали эту историю, чтобы нанести Ельцину максимальный репутационный ущерб.*

Скандал, уже не интимный, а политический, с которого началась оппозиционная карьера Ельцина, тоже был явно не запланированной акцией, а поступком импульсивным.

21 октября 1987 года на пленуме ЦК московский партийный секретарь Ельцин шокировал чинное номенклатурное собрание внезапным эмоциональным выступлением, длившимся всего пять минут. Он обрушился с критикой и на руководство КПСС, и лично на Горбачева, заявил о том, что уходит в отставку. Сразу же после этого стал извиняться и каяться, просить оставить его на должности и чуть ли не совершил попытку самоубийства.

В бытность президентом России он тоже устроил немало экспромтов, шокировавших публику. То неграциозно пустится в пляс на сцене во время предвыборной компании, то подирижирует оркестром во время официального дипломатического визита в Германию, то произнесет какую-нибудь бессвязную нетрезвую речь. (Пьянство Ельцина, кажется, тоже было импульсивным – реакцией на стрессы).

Удивительно, что человек подобного склада сумел в чопорном, насквозь ритуализированном брежневском истеблишменте так высоко подняться по партийной лестнице. Правда, на уровень областного руководителя и члена ЦК Ельцин попал не так рано, как Горбачев, в 45 лет, но всё

же это была впечатляющая карьера для выходца из социальных низов, сына плотника и портнихи, внука раскулаченных крестьян.

Объяснение следует искать в сильных качествах ельцинской натуры. Импульсивность – обратная сторона напористости, увлеченности, неколебимости. Борис Ельцин был прирожденным лидером, умел увлечь и привлечь людей, ему непременно нужно было блистать, первенствовать, вызывать восхищение. Лучше всего он проявлял себя в трудной, конфликтной, критической ситуации. В родном Свердловске его запомнили как руководителя деятельного и способного своротить горы (но при этом грубого и идущего напролом).

В самом начале Перестройки он попал в горбачевскую команду на важную должность московского партсекретаря, сменив на этом посту типичного номенклатурного бюрократа, и сразу начал привлекать к себе внимание нестандартным поведением: устраивал импровизированные поездки на общественном транспорте, заглядывал в магазины, в поликлинику. Эти обычные для западного политика промо-трюки производили сильное впечатление на непривычных к

подобному поведению москвичей и быстро сделали нового главу столицы популярным – чего Ельцин и добивался.

Его кулуарный и краткосрочный бунт на пленуме вызвал у широкой публики не более чем любопытство – «звездный час» генсека Горбачева осенью 1987 года еще не закончился. Но репутация бесстрашного и принципиального правдоискателя вскоре поможет Ельцину сделать другую карьеру – в оппозиции.

Менее чем через год, на XIX партконференции, в уже иной общественной атмосфере, он снова атаковал партийную верхушку и на сей раз это был не эмоциональный порыв, а политическая декларация.

Не будучи сильным оратором, в наступившую вскоре митинговую эпоху Ельцин с его резкой, эмоциональной манерой говорить, выгодно отличавшейся от мягкого горбачевского многословия, очень совпал с приподнятым, экзальтированным духом протестного движения. На выборах народных депутатов, несмотря на массивное противодействие всей официальной машины (а возможно и благодаря этому противо-

действию), Ельцин получил в своем столичном округе почти 90% голосов.

Очень хорош он был и во время драматичных событий августовского путча 1991 года: картинно выступал с бронетранспортера, олицетворял бесстрашие и уверенность в победе, воодушевлял собравшуюся у Белого Дома толпу. Это была истинная ельцинская стихия. Он принадлежал к типу лидеров, которые ярко проявляют себя в периоды общественных потрясений революционного характера. Когда же революция победила (а события 1991 года являлись именно революцией, то есть народным свержением существующего режима) и от президента понадобились совсем другие качества: расчетливость, выдержка, правильное дозирование быстрой реакции и терпения, Ельцин оказался мало на что годен. По образованию и первой профессии Борис Николаевич был строителем, но строить у него получалось намного хуже, чем ломать, поэтому прежнюю систему он успешно сломал, вернее доломал, однако новую так и не построил.

Ему предстояло решить несколько очень непростых задач – экономических, социальных, политических, главной из которых являлось

строительство демократического государства, способного существовать вне извечной «ордынской» модели. Однако у Ельцина, кажется, вообще не было никакой «длинной» стратегии – политические деятели данного типа так не мыслят. Единственная задача, с которой он успешно справился – довольно быстро установил режим единоличной власти, но пользовался ею спорадически: то активно вмешивался в дела, иногда деструктивным образом, то надолго выпадал из политического процесса, болея или пьянствуя (кремлевская пресс-служба называла это «Борис Николаевич работает с документами»). В такие периоды государством управляло ельцинское ближнее окружение. Как все правители эмоционального типа, Ельцин во всем полагался на людей, которые ему были лично симпатичны. Многие из них пытались психологически манипулировать этим властным, но легко предсказуемым человеком. Естественно, между инфлюэнсерами шла ожесточенная аппаратная борьба за влияние на президента. Эти интриги приводили к резким поворотам во внутренней и внешней политике.

Во время нервной предвыборной кампании 1996 года два клана, тянувшие Ельцина в разные стороны (придворные силовики – к введению диктатуры, придворные либералы – к использованию «мягкой силы»), устроили непристойное шоу на глазах у всей страны и всего мира. Президентская личная охрана задержала сотрудников ельцинского избирательного штаба, которые переносили в коробках из-под ксерокса часть наличного «теневого» фонда, расходовавшегося на оплату агитационных мероприятий. Телекамеры зафиксировали инцидент, разразился чудовищный скандал. Больше всего пострадала репутация самого Ельцина. Он был похож на собаку, которой виляют сразу два хвоста.

Однако роковое решение о подавлении чеченского сепаратизма военной силой – Рубикон, после которого возвращение к имперской модели стало неизбежным – судя по воспоминаниям свидетелей, Ельцин принял самостоятельно, хотя некоторые члены его команды предостерегали от этого шага и даже подали в отставку.

Два срока Ельцина изобиловали импульсивными поступками. Некоторые были просто пиар-антрепризами – вроде внезапной поездки в мятежную Чечню в мае 1996 года. Обеспечить должные меры безопасности было невозможно. Президент прилетел на несколько часов, выступил перед телекамерами и улетел обратно, кажется, очень собой довольный, но поспешность и сумбурность визита подорвали весь смысл акции. Ельцин хотел продемонстрировать народу, что Чечня – обычный регион, куда глава государства наведывается, когда пожелает, но вместо этого произвел впечатление несолидной суетливости.

Более серьезные последствия имел другой, уже международный экспромт, которым Ельцин тоже очень гордился как своим личным достижением.

В июне 1999 года, пытаясь урегулировать сербско-косовский конфликт, войска НАТО решили взять под свой контроль аэропорт в Приштине. Это было поручено британскому контингенту. Однако внезапно вмешалась Москва. По личному приказу Ельцина колонна бронетранспортеров, расквартированная на сербской территории для миротворческих целей,

совершила бросок и оккупировала стратегический пункт без согласования с союзниками. Эти события были восприняты в мире как нечто вроде фантомных болей усопшей советской империи, но на самом деле это были предродовые схватки новой российской империи.

Вскоре, в августе, она вновь заявила о себе уже всерьез, когда российские войска начали вторую чеченскую войну, подготовленную гораздо основательней, чем первая, однако это решение уже не было проявлением ельцинского волюнтаризма. Оно стало естественным и даже неизбежным следствием курса на реставрацию «державы».

В это время Ельцин готовился уйти, не доработав президентского срока. Он был нездоров, вял, всё меньше участвовал в повседневном управлении. К достоинствам Бориса Николаевича следует отнести то, что он не принадлежал к числу правителей, настроенных на пожизненную диктатуру. Однако своего преемника он собирался выбрать сам, по собственному вкусу. В течение последних полутора лет президентства Ельцин сменил несколько фаворитов, в собственной ему манере то внезапно приближая, то

столь же резко отталкивая кандидатов, которых счел негодными.

Когда одновременно с началом новой чеченской войны главой правительства ко всеобщему изумлению был назначен глава ФСБ Владимир Путин, за пределами аппарата мало кому известный, наконец стало ясно, какого рода преемник нужен Ельцину – способный проводить политику «твердой руки», положить конец шатаниям и разболтанности. Это тоже было совершенно естественной, логичной ступенькой на лестнице, спускающейся от свободы к несвободе. Форма, которую приняла передача власти преемнику, выглядела по-ельцински импульсивно. 31 декабря 1999 года Борис Николаевич в последний раз поразил публику своей эксцентричностью. В традиционном новогоднем телеобращении к стране вместо обычных поздравлений он объявил, что уходит в отставку, передавая полномочия премьер-министру, и недвусмысленно дал понять, что видит своим наследником только Путина: «Полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть президентом, и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на

будущее?! Почему я должен ему мешать? Зачем ждать еще полгода? Нет, это не по мне! Не по моему характеру!»

Пожимая перед камерами руку Путину, Ельцин сказал: «Берегите Россию!» (А надо было бы сказать: берегите демократию, она России так трудно досталась).

Последние годы жизни Ельцина были печальны. Он умер в 2007 году, успев увидеть, как демократия превращается в автократию. Рассказывают, что особенно тяжелым ударом для бывшего президента демократической России стало возрождение советского государственного гимна, под звуки которого правил еще Сталин. Но отставник вел себя смирно, протестовать не пытался. Ельцинская импульсивность ушла в прошлое.

**ПУТИН,
или СПЕЦСЛУЖБИСТ У ВЛАСТИ**

Фотография с президентского сайта Kremlin.ru

Разумеется, преждевременно давать оценку правителю, эпоха которого не закончена. И сам Путин, и созданный им режим прошли через ряд метаморфоз. Вероятно, будут и новые повороты, а главное – неизвестно, к чему они приведут (не исключено, что к новой мировой войне). Однако у Путина, как у его предшественников, есть некие характерные черты, постоянные приемы, типические реакции, которые в таком возрасте вряд ли уже переменятся.

Если свести этот тип правителя к максимально лаконичной формуле, точнее всего передающей самую его суть, именно такая дефиниция и получится: человек из тайной полиции, постоянно применяющий обретенные на этой службе навыки в управлении государством.

В России роль спецслужб, как бы они в разные периоды ни назывались, всегда была очень велика, однако никогда еще не случилось, чтобы воспитанник этой весьма специфической системы получил в свои руки высшую власть. Юрий Андропов, прежде чем стать генеральным секретарем КПСС, долгое время возглавлял КГБ, но это другая история: кадровый партийный функционер в 53-летнем возрасте был назначен

контролировать органы госбезопасности. Владимир Путин же являлся сотрудником Комитета с ранней юности и как личность был сформирован этой системой.

В декабре 1999 года, за несколько дней до назначения и.о. президента, уже будучи премьер-министром, Путин выступал перед сотрудниками ФСБ. Он сказал про себя и свою команду: «Хочу доложить, что группа сотрудников ФСБ, направленная в командировку для работы под прикрытием в правительство, на первом этапе со своими задачами справляется». Это была лишь наполовину шутка. Именно так, пожизненным сотрудником спецслужб Путин себя, по-видимому, и ощущает.

Из его воспоминаний известно, что 16-летним подростком он пришел в Большой Дом (так называлось управление госбезопасности в его родном Ленинграде) и заявил дежурному: хочу стать чекистом. Ему посоветовали получить юридическое образование – и мальчик выполнил это «задание», поступил на юридический факультет университета. На последнем курсе мечта осуществилась: юношу пригласили работать в «органы», отправили учиться в специальное учебное

заведение, и следующие 16 лет он существовал внутри замкнутой корпорации, которая выковывала людей совершенно определенного психологического, этического и поведенческого склада.

У Путина этот кодекс наложился на другой, впитанный с детства, довольно обычный для подростков из социальных низов, выросших во дворах и подворотнях большого, неблагополучного города, каким являлся Ленинград. Ничего специально советского в «дворовой психологии» не было, она придерживалась таких же представлений о добре и зле, как все подростковые сообщества: мир за пределами своего двора (или улицы) враждебен; законы и правила придуманы чужаками и уважать их незачем; доверять можно только своим; худший порок – слабость; лучшая оборона – нападение, и так далее. Нет сведений, что мальчик Володя входил в какую-то уличную шайку, но, по собственному признанию, он рос хулиганом, из-за чего его очень долго не принимали в пионеры. На «дворовом» уровне он, однако, сумел себя неплохо поставить и на всю жизнь приобрел качество, которое называют *street wisdom* – нередко будет руководствоваться этими принципами и в политике.

Правилом «верь только пацанам со своего двора» Путин руководствуется и поныне. Ближний круг людей, которым он доверяет, кого ставит на самые ответственные посты, кого «назначает» миллиардерами, составлен из друзей детства, бывших коллег по работе в КГБ и петербургской мэрии, соседей по даче. Правитель может ценить более поздних знакомцев за профессиональные качества, однако по-настоящему доверяет он, кажется, только тем, с кем сошелся в бытность «обычным человеком».

Выучка, приобретенная на гебешной службе, не разрушила, а лишь дополнила первоначальную картину мира. Известно ведь, что этос «улицы», то есть протокриминальной среды, во многом похож на этос «тайнополицейского» сообщества, хотя второй, конечно, намного сложнее.

Из каких компонентов он складывается?

Главная черта «спецслужбистского» сознания – не просто неразборчивость в средствах, а предпочтение, отдаваемое теневым, «нечистым» методам достижения цели как более эффективным. На подобной практике основана вся работа секретной полиции, этому учат рекрутов, каким был юный выпускник юридического

факультета. Человек привыкает считать, что нет ничего скверного в поведении, которое общепринятая мораль может счесть коварным, низким или даже подлым.

В воспоминаниях бывшей жены Путина есть любопытный эпизод, совершенно не злодейский, по-своему даже трогательный – и всё же выпадающий за рамки обычной порядочности. Готовясь сделать предложение, молодой офицер госбезопасности подослал к любимой женщине соблазнителя – проверить, насколько она верна, и лишь когда Людмила отвергла ухаживания, счел ее достойной. Вероятно, так лейтенанта Путина научили в его спецшколе испытывать надежность потенциального агента для вербовки.

Другая особенность такой психологии – весьма низкое мнение о человеческой природе. Объясняется это тем, что «спецслужбиста» обучают выискивать в полезных людях прежде всего слабые и порочные стороны – чтобы использовать эти рычаги для контроля и манипулирования. Круг общения Владимира Путина в ранние годы складывался из людей весьма

сомнительных нравственных качеств, а в поздние – из всякого рода льстецов и карьеристов. Этот человек, собственно, никогда не вращался в среде, где большинство составляли бы люди высокого или хотя бы нормального морального уровня. Кадровая политика диктатора наводит на мысль, что он предпочитает ставить на важные посты людей вообще без этики – лучше их понимает и знает, как ими управлять. Обычный для путинской системы способ контроля над чиновничеством – через «компромат» – тоже абсолютно «спецслужбистский». Отношения «куратора» с агентом строятся на том, что первый не только платит второму, но и держит его в страхе. Точно так же типичный путинский функционер обогащается за счет коррупции, но знает: наверху прекрасно осведомлены об этом и в случае недовольства призовут к ответу. Коррупция – постоянный и важный элемент системы, на нем держится вся пресловутая «вертикаль». Под следствие чиновники попадают только в трех случаях: если начинают наглеть и «брать не по чину»; если угодили у высокого начальства в опалу; или же в ходе внутривидовой борьбы, когда один коррупционер подсел другого.

Всякой диктатуре свойственно охранять свою власть посредством увеличения роли тайной полиции, однако путинский алгоритм идет дальше. Его особенность состоит в том, что спецслужбы размножены и «параллелизованы». У Путина их невиданное количество – не менее десяти. Они конкурируют и враждуют между собой, борются за финансовые потоки и влияние. Арбитром и дирижером является диктатор, то поощряющий, то укрощающий эту «подковерную грызню».

Тактическое мастерство, самая сильная черта Владимира Путина, – тоже следствие профессиональной выучки. Однако обратной, слабой стороной этой школы является стратегическая несостоятельность. В этом смысле Путин – антипод Сталина. Тот зорко видел дальние цели, но часто ошибался в тактике, что стоило стране огромных жертв. Этот ловок на коротких дистанциях и умеет достигать ближних целей, однако горизонт планирования обычно невысок, а иногда и чреват неожиданными для самого правителя последствиями. Здесь просматривается особенность «спецслужбистского» сознания. Офицеру КГБ не полагалось вырабатывать стратегии и

вообще формировать политику – лишь находить способы для выполнения задания. И когда Путин оказался в положении главы государства, которому необходимо мыслить стратегически, он продолжал действовать так же: идти от одной конкретной, близко видимой цели, к другой. Политические взгляды этого человека очень резко менялись в зависимости от конъюнктуры – всегда определялись ею. Вначале это был твердый сторонник советской идеи. Развалился СССР – стал столь же твердым демократом, единомышленником либерального петербургского мэра А. Собчака. Попад в окружение Ельцина, стал «мягким ястребом». Получив в руки всю полноту власти, принялся демонтировать демократические институты. Неудивительно, что даже в зрелую пору путинизм как идеология до такой степени аморфен. Хорошие тактики не бывают идеологами.

Если всё же попытаться вычислить систему убеждений Путина (за вычетом намерения пожизненно властвовать), похоже, что ее определили два потрясения, два жизненных краха. Первым стал распад империи, перечеркнувший и обесценивший всю первую, гебешную карьеру Путина. Вторым – поражение его шефа Собчака

на губернаторских выборах 1996 года. В обоих случаях честолюбивый и мотивированный карьерист остался у разбитого корыта, лишившись всего, чего с таким трудом добился. Восстановление империи и упразднение «электоральной лотереи» – вот два пусть не идеологических, но явно доминирующих мотива путинизма как политического движения.

В этом смысле примечателен подбор российских правителей, которым Путин симпатизирует и с которыми, очевидно, себя соотносит. Ощутив свое величие, Путин проникся интересом к истории, что само по себе полезно и похвально, однако извлекает из нее лишь уроки, подтверждающие его правоту. Интересно, что ни Петр Великий, ни парижский триумфатор Александр I к числу путинских фаворитов, похоже, не относятся. Первый, вероятно, чересчур увлекался «Западом», а второй был слишком либерален. Не заметно в официальной историографии, очень чутко реагирующей на пристрастия диктатора, и умиления перед Николаем I, хотя его методы управления были очень похожи на путинские. Должно быть, мешает бесславный конец николаевского царствования – поражение в Крымской войне. Эта

историческая параллель вредна и неприятна. Зато Путину мил Александр III с его консервативной «стабильностью» и державностью. Когда после начала украинской агрессии внутренняя политика ужесточилась и перешла на этап «закручивания гаек», вдруг вошел в моду Иван Грозный. Оказывается, он вовсе не был таким уж зверем, это всё либеральные западнические наветы. Полоумному царю-садисту в России стали возводить памятники. А совсем недавно, в парадном фильме, посвященном 25-летию путинского правления, диктатор произнес интересные слова: «Как только Иван IV, Иван Грозный, сказал: «Нет, мы остаемся православными», сразу возникла легенда о том, что он жестокий тиран, что он вообще сумасшедший». Это очень похоже на то, как ассоциировал себя с Грозным товарищ Сталин – только тому не было дело до православия. Напомню также, что царю Ивану принадлежит зловещая заслуга создания первой российской спецслужбы – Опричного корпуса. К той же линии следует отнести и реабилитацию самого Сталина, жестокость которого теперь трактуют как государственную необходимость.

Если продолжить тему дефектов, еще одной приметой путинского стиля правления является очень слабая пиар-составляющая, неумение «вызывать любовь народных масс». Этот род навыков не относится к числу «спецслужбистских» forte. Владимир Путин любит устраивать очень длинные пресс-конференции и демонстративные общения с «простым народом», но получается у него довольно неуклюже. В настоящей электоральной борьбе он выглядел бы бледно. Это одна из причин, по которым все его предвыборные кампании проходили без реальной конкуренции, а также причина того, что он не удержался в облике «спин-диктатора», строящего власть на харизматике и популизме, а был вынужден перейти к формату классической жесткой диктатуры и полицейского государства. Первоначальные попытки завоевать симпатии среднего класса, который в 2000-е годы считался главным благополучателем тучного нефтяного десятилетия, были наивны и беспомощны.

Путин нырял в акваланге на морское дно, обнаруживая там греческие амфоры – это должно было понравиться «культурной публике», но она, неблагодарная, обращала

внимание на то, что сосуды за все века почему-то не обросли водорослями.

Демонстрируя спортивность и любовь к животным, президент играл перед камерами в бадминтон, а вокруг бегала собака. (В интернете появилось множество сатирических картинок и стихков).

Главным подвигом стал полет на дельтаплане со стаей редкой породы журавлей-стерхов (их надо было от чего-то спасти) – очень современно и экологично. Наградой был всеобщий смех.

После того как в 2011-2012 гг. городской средний класс выступил против своего «благодетеля», Путин передумал заигрывать с этой ненадежной стратой общества и стал делать ставку на популизм самого низкого пошиба – и опять-таки не сказать, чтобы успешно. Всенародно любимым лидером он безусловно не является. Впрочем пиар-составляющая в основном делегирована цеху пропагандистов, которые с этой работой тоже справляются неважно, ибо выполняют ее не столько для «широких народных масс», сколько для Главного Зрителя. Телерейтинги

самых продвигаемых звезд пропаганды очень невысоки – примерно так же было в Советском Союзе в его закатные годы, когда телезрители просто переключались с официоза на другие каналы.

Пожалуй, в Путине есть только одна черта, выпадающая из паттерна. Выходцы из тайной полиции обычно приземлены и равнодушны ко всяческой метафизике, российский же президент обнаруживает явные признаки мистического сознания. Он демонстративно религиозен: отстаивает молебны, крестится на камеру, посещает святые обители. Перед въездом в Кремль по его приказу в 2016 году установлен огромный памятник тезке – Святому Владимиру, крестителю Руси.

Путин благоговейно рассказывает, как в 1996 году, когда после петербургской выборной катастрофы он всего лишился, еще одним ударом стал пожар в загородном доме, где жила семья. Сгорело всё дотла – что выглядело символичным завершением карьерного краха. И столь же символичным стало то, что погорелец на пепелище нашел свой нательный крестик, чудесным образом не расплавив-

шийся. Вскоре после этого знака свыше у Путина начался новый взлет.

Мистический поворот сознания, вероятно, произошел после череды случайных событий, которые в конце девяностых, за очень короткий срок, вознесли Путина от обломков петербургского кораблекрушения к президентскому креслу. Так совпало: наверху один за другим освобождались всё более высокие посты, а потом взгляд Ельцина, искавшего себе преемника, упал на недавно назначенного директора ФСБ – именно такого человека, каким рисовался больному, уставшему президенту наследник. Ощущение того, что некая Сила сама отметила тебя перстом судьбы, обычно свойственно потомственным монархам, попавшим на трон по прихоти рождения. Иное дело – правители постмонархического периода, оказавшиеся наверху собственными стараниями – как Ленин, Сталин, Горбачев, Ельцин. Они сами себя сделали. Путин к власти не рвался, еще за несколько месяцев до «воцарения» наверняка об этом даже и не помышлял. Неудивительно, что после случившегося чуда он уверовал в свою звезду и богоизбранность.

Впрочем, эта мистичность, кажется, не вполне христианской природы. По просачивающимся в прессу слухам стареющий диктатор субсидирует исследования в области продления жизни. Вполне возможно, что Путин собирается жить и править вечно.